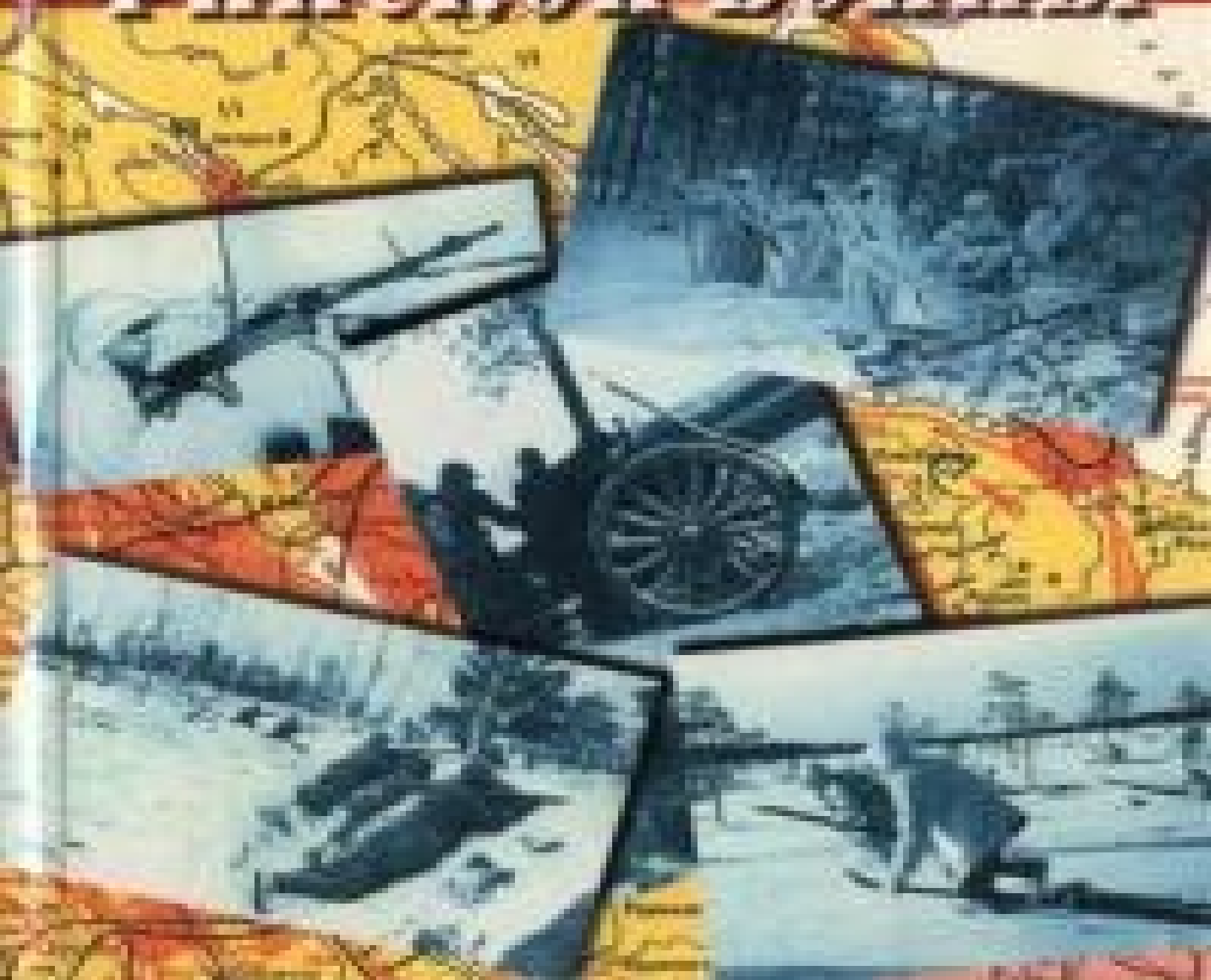

ВОЕННЫЕ
ТАЙНЫ
XX
ВЕКА

Борис
СОКОЛОВ

ТАЙНЫ ФИНСКОЙ ВОЙНЫ

- - [Борис Соколов](#)
 - [Тайны финской войны](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Прелюдия](#)
 - [Начало](#)
 - [Трагедия окружённых](#)
 - [Решающий штурм](#)
 - [Путь к миру](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Борис Соколов

Тайны финской войны

Предисловие

Война, что началась между Советским Союзом и Финляндией в самом конце осени 1939–го, длилась три с половиной месяца и формально окончилась победой Красной Армии. Но в нашей стране о «той войне незначительной» вспоминать не любят. Ибо советская победа в ней оказалась пострашней многих поражений. На поверку сталинский Голиаф так и не смог одолеть финского Давида. Большие потери, понесенные советскими войсками в Финляндии, укрепили веру Гитлера в слабость Красной Армии и побудили фюрера не медлить с нападением на Советский Союз. Уроки из этой войны советская сторона извлечь не смогла и не успела, и 22 июня 1941 года стало для нашей страны началом катастрофы.

В Финляндии и других государствах Запада советско — финскую войну называют «зимней войной». Ведь 105 дней схватки точно пришлось на зиму 1939/40 года. Война продолжалась с 30 ноября 1939–го по 13 марта 1940 года. День заключения Московского мира стал черным днем в истории финского народа. Но и для нашего народа этот день никогда не был праздником, подобным, например, 9 Мая. Тяжелые жертвы мучили, а сомнительные приобретения не радовали ни всемогущего диктатора, ни уцелевших красноармейцев и командиров. Была великая радость жен и детей, дождавшихся возвращения мужей и отцов из карельских лесов и болот, но сотни тысяч вдов и сирот ничто утешить уже не могло. К тому же наступивший мир оказался лишь короткой передышкой перед другой, гораздо более страшной войной, действительно уже не на жизнь, а на смерть, — против нацистской Германии.

«Зимняя война» хранила и хранит до сих пор немало тайн. Советские люди полвека не знали, отчего возникла война с Финляндией, кто на кого первым напал, откуда в одночасье появилось и куда столь же быстро исчезло «Народное правительство Финляндской Демократической Республики», как так получилось, что огромный СССР три с половиной месяца возился с крошечной Финляндией да так и не смог сделать ее своей советской республикой. Во всем мире ломали голову: почему, коли, как в песне поется, «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее», она так и не смогла одолеть финской армии, отнюдь не причисленной к первым армиям Европы и попросту не имевшей никакого боевого опыта? И отчего Сталин вдруг прекратил эту войну, согласившись

на компромиссный мир тогда, когда линия Маннергейма была прорвана и, казалось, до победы остался всего шаг? И одна из самых больших тайн до недавнего времени: сколькими жизнями заплатила наша страна за... «безопасность Ленинграда»? А что думали и чувствовали в ту суровую пору рядовые советские граждане? Считали ли они эту войну справедливой или несправедливой со стороны своего государства?

Что привело к советско — финской войне, кто в ней был прав, а кто виноват — споры об этом не утихают по сей день. Как сражались и за что умирали советские и финские солдаты — в России и сегодня знают очень мало. Почему великая держава с 200-миллионным населением напала на 4-миллионную Финляндию, была ли эта война ошибкой, можно ли было избежать вооруженного столкновения, могла ли война закончиться с другими результатами — на эти и другие вопросы я постараюсь дать ответ. Да, история финской войны хранит еще немало тайн. Некоторые из них, читатель, мы постараемся вместе с тобой разгадать.

Хочу принести мою искреннюю благодарность Павлу Александровичу Аптекарю, любезно предоставившему в мое распоряжение свою рукопись «Советско- финская война 1939–1940 годов». Им же составлены приложения к данной книге, основанные на материалах Российского государственного военного архива.

Прелюдия

Советский Союз и Финляндия в 20–е и 30–е годы особо теплых чувств друг к другу не испытывали — в Хельсинки помнили попытку установить советскую власть в начале 1918 года, предпринятую местными сторонниками коммунизма при поддержке большевистски настроенного русского гарнизона, — но и до открытой враждебности до поры до времени дело не доходило. В тихой демократической Финляндии с тревогой поглядывали на могучего восточного соседа, вожди которого говорили о «мировой революции» и грядущем торжестве Марксова социализма на всей планете. Финны понимали, что «освобождение Европы от ига капитализма» вполне может начаться с земли Суоми, равно как и с других стран — лимитрофов — тех, что составляли «санитарный кордон против большевизма». Однако пока СССР был слаб и в Европе царил мир, Сталин предпочитал строить отношения с Финляндией на основе договора о ненападении 1932 года, срок действия которого истек в 1945–м. Но когда стало ясно, что новая мировая война не за горами, Советский Союз начал проявлять к Финляндии повышенный интерес. В апреле 1938 года, через месяц после аншлюса Австрии, советское правительство захотело обсудить с финнами проблемы безопасности. СССР предлагал Финляндии допустить на свою территорию Красную Армию «для отражения германской агрессии». В противном случае, пугали сталинские дипломаты (а переговоры вел резидент НКВД в Хельсинки Борис Александрович Рыбкин, выступавший под маской второго секретаря посольства Бориса Николаевича Ярцева, — финны насчет его истинной профессии не заблуждались), Советский Союз не станет ждать высадки вермахта на финской территории, а двинет свои войска навстречу агрессору, превратив Финляндию в поле боя. Финское правительство, еще в 1935 году провозгласившее политику нейтралитета, ответило отказом. Тогда требования были смягчены: военное соглашение с СССР вступало бы в силу только в случае угрозы германской агрессии против Финляндии. Потом советские представители соглашались уже на одно только обязательство финнов оказывать сопротивление немецкому вторжению и принять помощь Москвы поставками вооружения. Правда, при этом советская сторона требовала себе военно — морскую и военно — воздушную базу на острове Гогланд (Суурсаари) в Финском заливе. В

Хельсинки твердо стояли на своем: все эти предложения не совместимы с нейтральным статусом Финляндии. Финское руководство опасалось отдать в советские руки контроль над подступами к столице страны и, главное, не хотело ссориться с Германией: ведь военные соглашения с СССР могли спровоцировать Гитлера на агрессию против Финляндии.

Переговоры Рыбкина — Ярцева с финскими представителями, министром иностранных дел Р. Холсти и министром финансов В. Таннером тем не менее продолжались. В начале октября 1938-го, вскоре после Мюнхенского соглашения и перехода к Германии Су-детской области, СССР «великодушно» предложил Финляндии самой оборудовать базы на Гогланде. Оборону островов в Финском заливе советские войска возьмут на себя только в том случае, если с этой задачей не справятся вооруженные силы Финляндии. В Хельсинки назойливую советскую заботу опять отвергли. После этого обе стороны стали активно готовиться к военным действиям. Финны, в частности, форсировали строительство новых укреплений на пересекавшей Карельский перешеек линии Маннергейма.

И тут надо сказать, что в документах штаба Ленинградского военного округа хранится план войны против Финляндии и Эстонии, поддержанных Германией, и составлен он еще в марте 1939 года. А ведь тогда шли мирные, дипломатические переговоры с Финляндией. Но пока дипломаты мирно беседовали, военные подробно расписывали действия каждого корпуса и дивизии, каждого авиационного полка. Уже на 10-й день этой войны Красная Армия должна была взять Выборг и открыть дорогу на финскую столицу.

В конце марта 1939 года командующий Ленинградским военным округом К. А. Мерецков совершил поездку в приграничную полосу с целью проверить боевую готовность частей в случае войны. Ознакомившись с данными разведки, Кирилл Афанасьевич сделал неожиданный вывод: финская армия имеет в целом наступательную задачу. Финны якобы собираются сначала измотать советские войска в оборонительных боях, а затем нанести удар с целью захвата Ленинграда.

Думаю, мало кто из читателей усомнится, что подобных планов у финского генштаба в ту пору не могло быть даже в самой что ни на есть гипотетической форме. Начать с того, что все население Финляндии (3 680 тысяч человек) было немногим больше, чем общая численность ленинградцев (2 920 тысяч на 1 января 1940 года). Интересно, как бы финны могли оккупировать такой большой город? Разве что разместили там всю свою армию и полицию. Но Мерецков прекрасно знал, чего хотят от него нарком обороны К. Е. Ворошилов и сам Сталин, и доклад сделал

такой, какой требовался: с указанием на агрессивные намерения «белофиннов».

В марте 1939-го на Карельском перешейке Мерецков и его штаб проверили боеготовность укреплений передового рубежа Карельского укрепленного района (КаУР), и она оказалась не на должной высоте. Выяснилось, что на огневых точках немало поломок и недоделок, которые потом, однако, так и не были устранены. Да их, честно говоря, никто и не торопился устранять: и Мерецков, и Ворошилов прекрасно понимали, что финны не будут штурмовать КаУР. Тогда же было проведено несколько командно — штабных учений, а также тактические учения 19-го корпуса с использованием танков Т-28. На учениях отрабатывался прорыв укрепленной полосы противника.

В начале марта 1939 года Советский Союз запросил у Финляндии согласия на аренду четырех островов в Финском заливе, включая Гогланд, для создания там военных баз. 8 марта финский посланник в Москве А. С. Ирие — Коскинен сообщил народному комиссару иностранных дел М. М. Литвинову, что финское правительство не может удовлетворить этот запрос. В ответ Литвинов заявил: «Мне лично кажется, что можно было бы даже перевести переговоры в плоскость обмена территорий. Для Финляндии, например, могла бы представить больший интерес уступка ей соответственной части нашей территории вдоль Карельской границы, чем бесплодные острова». Нарком предложил за четыре острова уступить Финляндии вдвое большую по площади территорию Советской Карелии. Рассматривался и вариант отодвинуть границу от Ленинграда на Карельском перешейке в обмен на более значительную территориальную компенсацию в районе к северу от Ладожского озера. Главнокомандующий финской армией барон Карл Густав Эмиль фон Маннергейм предлагал своему правительству принять это предложение. Он резонно считал: лучше уступить в малом, но избежать военного столкновения, в котором у Финляндии не было шансов на победу. Однако большинство членов кабинета сочло, что карельские болота — слишком неравноценная компенсация за стратегически важные острова и хорошо освоенную территорию Карельского перешейка.

В апреле 1939 года советско — финские переговоры закончились безрезультатно. Подчеркну, что в том же месяце Финляндия отвергла и предложение Германии заключить пакт о ненападении. В Хельсинки все еще надеялись удержаться на позиции нейтралитета.

Что же было дальше? Тут пора дать слово тогдашнему командующему Ленинградским военным округом К. А. Мерецкову:

«В конце июня 1939 года меня вызвал И. В. Сталин. У него в кабинете я застал видного работника Коминтерна, известного деятеля ВКП(б) и мирового коммунистического движения О. В. Куусинена... Меня детально ввели в курс общей политической обстановки и рассказали об опасениях, которые возникали у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правительства. Сталин сказал, что в дальнейшем при необходимости я могу обращаться к Куусинену за консультацией по вопросам, связанным с Финляндией. Позднее, в период финской кампании, когда Отто Вильгельмовин находился в Петрозаводске, я не раз советовался с ним...

После ухода Куусинена Сталин еще раз вернулся к вопросу о Ленинграде. Положение на финляндской границе тревожное. Ленинград находится под угрозой обстрела. Переговоры о заключении военного союза с Англией и Францией пока не приносят успеха. Германия готова ринуться на своих соседей в любую сторону, в том числе на Польшу и СССР. Финляндия легко может стать плацдармом антисоветских действий для каждой из двух главных буржуазно — империалистических группировок — немецкой и англо — франко — амери- канской. Не исключено, что они вообще начнут сговариваться о совместном выступлении против СССР. А Финляндия может оказаться здесь разменной монетой в чужой игре, превратившись в науськиваемого на нас застрельщика большой войны.

Разведка сообщает, что ускоренное строительство укреплений и дорог на финляндской стороне границы продолжается. Имеются различные варианты наших ответных действий в случае удара Финляндии по Мурманску и Ленинграду. В этой связи на меня возлагается обязанность подготовить... план прикрытия границы от агрессии и контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны.

Сталин подчеркнул, что еще этим летом можно ждать серьезных акций со стороны Германии. Какими бы они ни были, это неизбежно затронет либо прямо, либо косвенно и нас и Финляндию. Поэтому следует торопиться. Через две — три недели я должен был доложить свой план в Москве. Независимо от этого попутно на всякий случай форсировать подготовку войск в условиях, приближенных к боевым. Ускорить и развернувшееся в ЛВО военное строительство. Все приготовления держать в тайне, чтобы не сеять паники среди населения. Жданова держать в курсе дела. Мероприятия маскировать, осуществлять по частям и проводить как обычные учения, никак не подчеркивая, что мы вот — вот можем быть втянуты в большую войну».

Что ж, прав был русский писатель Марк Алданов: «Наступательных войн в истории никогда не было и не будет: все войны делятся на оборонительные и «превентивные»». Всегда найдется угроза для безопасности государства. Как ни изменяй границу, какой-нибудь важный пункт непременно окажется недопустимо близко от территории недружественного государства. А предлог для переноса границы дальше на запад (север, юг, восток) можно отыскать в два счета. И соседнее государство может когда-нибудь, через месяц, через год или через десять лет, напасть, одно или в союзе с более мощной державой. Чтобы упредить такое потенциальное нападение, надо просто взять и ударить первым. Вот логика и тактика всех агрессоров в истории, от египетских фараонов и Чингисхана до Саддама Хусейна. Гитлер и Сталин тут отнюдь не оригинальны.

Мерецков фактически признал, что уже в июне 1939-го началась подготовка к вторжению Красной Армии в Финляндию. А угрозы никакой не было. Можно быть абсолютно уверенным: в ту пору ни один финский политик или военный даже в горячечном бреду не помышлял об ударах по Ленинграду и Мурманску. Финны совсем не горели желанием стать «застрельщиками большой войны». Наоборот, они надеялись, что в случае такой войны Финляндии удастся остаться в стороне.

Характерно, что Сталин поручает Мерецкову подготовить «контрудар» на случай «провокации» с финской стороны. А ведь провокация совсем не равнозначна нападению с целью захвата важных промышленных и портовых центров. Гитлер, например, организовал провокацию в Глейвице, чтобы получить предлог для удара по Польше. Как мы вскоре убедимся, по тому же пути пошел и Сталин в случае с Финляндией.

Любопытно и то, что, по Мерецкову, о военных приготовлениях финнов сообщает ему Сталин. Если бы такие приготовления действительно имели место, все должно было бы быть иначе: прежде их непременно заметила бы подчиненная Мерецкову разведка Ленинградского военного округа. Мы-то знаем, что в действительности Сталин к тому времени уже располагал докладом именно командующего ЛВО, где говорилось о якобы агрессивных намерениях финнов. Но в мемуарах Кирилл Афанасьевич постыдился об этом написать, понимая, что читатели в некую угрозу Советскому Союзу со стороны Финляндии не поверят. Поэтому лучше свалить все на Сталина: Иосиф Виссарионович, мол, из-за всегдашней своей подозрительности вбил себе в голову, что финны могут напасть, а военным ничего не оставалось, как подчиниться приказу и готовить «контрудар».

К войне готовился и советский Военно — Морской Флот. 23 июня 1939 года на флотах и флотилиях директивой Народного Комиссара Военно — Морского Флота флагмана 2-го ранга Н. Г. Кузнецова была введена трехступенчатая система оперативных готовностей: № 3 (повседневная), № 2 (повышенная) и № 1 (полная). А 1 июля на базе Кронштадтского крепостного полка была сформирована Отдельная специальная стрелковая бригада в составе 3 батальонов. Она предназначалась для оккупации островов в Финском заливе.

31 августа на Балтийском флоте создали соединение охраны водного района в составе дивизиона сторожевых кораблей, 3 дивизионов тральщиков, дивизиона сторожевых катеров, дивизиона малых охотников (цель — подводные лодки противника), двух плавучих баз, а также сухопутных подразделений. Ему также подчинялись дивизион торпедных катеров, артиллерийский дивизион и авиационная эскадрилья.

Затем, 25 октября, после двадцатилетнего перерыва, была вновь сформирована Ладожская военная флотилия со штабом в Шлиссельбурге. Она подчинялась Военному совету Балтийского флота и включала в свой состав дивизион из 12 сторожевых катеров и 3 батареи береговой артиллерии.

В августе 1939-го, когда еще продолжались переговоры в Москве английской, французской и советской военных миссий, финны отвергли очередное предложение СССР о предоставлении им военной помощи в случае германской агрессии. Приготовления войск Ленинградского военного округа не могли сокрыться от финских наблюдателей. В Хельсинки теперь всерьез опасались нападения, но — с востока, а не с запада. В конце августа в Финляндии была введена всеобщая трудовая повинность и усилена боевая готовность армии. Это было связано с одним весьма важным событием.

23 августа последовала наконец давно ожидавшаяся Сталиным «серьезная акция со стороны Германии». Риббентроп и Молотов подписали печально знаменитый пакт о ненападении. В секретном дополнительном протоколе к нему Советский Союз и рейх разделили между собой Восточную Европу. В нем говорилось: «В случае территориально — политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР». После того как две империи «по — братски» разделили Польшу, 28 сентября 1939 года был заключен советско — германский договор о границе и дружбе. Секретный дополнительный протокол к нему

передавал Литву Советскому Союзу в обмен на уступку Германии земель с преимущественно польским населением. Хотя секретные протоколы были опубликованы только после Второй мировой войны, уже осенью 39-го в мире догадывались, что СССР и Германия достигли тайной

договоренности о разделе сфер влияния. Сведения об этом уже в конце августа поступили в Хельсинки из США. Американцам же о существовании секретных протоколов стало известно от агента, действовавшего в германском посольстве в Москве.

Сталин тотчас начал прибирать к рукам выторгованную у Гитлера часть добычи. В период с 28 сентября по 10 октября 1939 года с правительствами Латвии, Литвы и Эстонии были заключены договоры о взаимопомощи, предусматривавшие размещение там советских военных баз. 5 октября такое же предложение было сделано Финляндии. В Хельсинки идею договора отвергли. Министр иностранных дел Финляндии Э. Эркко заявил: «Финляндия никогда не примет условия, подобные тем, которые приняли Прибалтийские государства. Если это и произойдет, то только в самом худшем случае». Но в новой политической ситуации финское правительство согласилось возобновить переговоры о возможности сдачи в аренду нескольких островов. 11 октября в Москву прибыл финский посланник в Швеции Ю. К. Паасикиви. Позднее к нему присоединился лидер социал — демократов В. Таннер, занимавший тогда пост министра финансов.

В частях и соединениях Ленинградского военного округа постоянно шли тактические занятия и боевые стрельбы, ярко показывавшие недостатки в частях и соединениях Округа, особенно в тех, которые были сформированы в рамках так называемых «Больших учебных сборов» (скрытой мобилизации для вторжения в Польшу и войны с Финляндией). На окружных стрелково — тактических соревнованиях в середине сентября выяснилось, что батареи медленно изготавливаются к стрельбе после марша, а вычислители делают большие ошибки в определении расстояний. Особенно «отличились» в этом полковые батареи. Еще в июле и августе командованием округа были отданы приказы о приведении в порядок лыжного имущества и совершенствовании лыжной подготовки, однако зимой 1939-го большинство бойцов лыжных частей Л ВО финны наголову превосходили в этом отношении, а многие из красноармейцев, на свою беду, так и не научились толком ходить на лыжах. Расплачиваться за расхлябанность в этом серьезнейшем деле пришлось в буквальном смысле кровью.

От финской стороны не укрылись новые военные приготовления

Красной Армии. В ответ в сентябре правительство Финляндии вновь призвало только что уволенных со службы резервистов. А 23 сентября состоялся призыв резервистов частей финской армии, расположенных у советской границы. Однако объявить всеобщую мобилизацию в Хельсинки пока не решались, боясь тем самым спровоцировать войну. Ведь скорой и эффективной помощи Финляндии ждать было не от кого.

Еще 7 октября МИД Германии направил финскому правительству меморандум, где подчеркивалось, что рейх никоим образом не будет вмешиваться в отношения Финляндии с СССР. 9 октября статс — секретарь германского Министерства иностранных дел Эрих фон Вайцзеккер ясно намекнул финскому посланнику в Берлине, что Финляндия вошла в сферу советских интересов. Позднее Таннер, получив информацию от имевших встречи с германским послом в Москве Ф. фон Шулленбургом финских и скандинавских дипломатов, пришел к еще более неутешительному выводу: германский нейтралитет будет предпочтительнее более строгим по отношению к СССР, чем к Финляндии. Действительно, уже после начала войны немцы первое время рассматривали возможность признать марионеточное просоветское «правительство Финской Демократической Республики» (о нем ниже), а также не пропускали через территорию рейха в Финляндию добровольцев и вооружение.

Англия и Франция оказывали Хельсинки дипломатическую поддержку. Однако из-за удаленности от Финляндии и прежде всего в ожидании мощного германского наступления на Западе Лондон и Париж не могли обещать ей своего непосредственного вмешательства в советско — финский конфликт.

14 октября Финляндии было предложено сдать СССР в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко — ключ к Хельсинки, а также передать острова в Финском заливе, часть полуостровов Рыбачий и Средний и Карельского перешейка до реки Вуоксы и полуострова Койвисто — всего 2761 квадратный километр — в обмен на территорию Советской Карелии в районе Реболы и Порос — озера общей площадью в 5528 квадратных километров. Финны отказались. Ведь им пришлось бы отдать не только густонаселенные места с развитой инфраструктурой, но и основные укрепления линии Маннергейма. Пример Чехословакии, которую вынудили уступить укрепленные районы в Судетах и оставили беззащитной перед последовавшей затем немецкой оккупацией всей страны, взывал к осторожности.

На переговорах Сталин говорил Таннеру и Пааскиви:

«Это не чья-либо злая воля, что география такая, какая она есть. Мы

должны быть в состоянии блокировать вход в Финский залив. Если бы путь к Ленинграду не лежал вдоль вашего побережья, не было бы вообще нужды рассматривать вопрос об островах. Морская оборона основывается на недопущении доступа неприятельских сил в Финский залив. Это достигается посредством установления у входа в залив на обоих берегах береговых батарей. Если неприятельский флот проникнет сюда, оборона Финского залива станет невозможной. Вы спрашиваете, какая держава может напасть на нас. Англия или Германия. С Германией у нас хорошие отношения, но все может измениться в этом мире... Я подозреваю, что вы не сможете отстояться в стороне от конфликта. Англия уже оказывает давление на Швецию, чтобы получить там базы.

Аналогичным образом действует и Германия. Когда война между двумя этими державами окончится, флот победителя пойдет к Финскому заливу... Мы не можем передвинуть Ленинград, поэтому должна быть передвинута граница...»

Этот монолог воспроизвел в своих мемуарах Таннер. Иосиф Виссарионович играл со своими финскими партнерами в «откровенность», старался убедить их в абсолютной искренности советских предложений. И с этой целью говорил вещи, казалось, совсем не для посторонних ушей, тем более для дипломатов страны, которой сам же угрожал. Возможно, в пассаже о Германии был использован прием, хорошо известный опытным разведчикам: говори правду, но так, чтобы собеседнику она казалась ложью.

Пааскиви прокомментировал сталинские требования следующим образом: «Во время этого обсуждения в конкретной и жесткой форме проявились великодержавный менталитет и позиция, при которой не принимали во внимание интересы малых государств и делали что хотели».

Финны решили, что Германии Сталин в действительности не боится, а поэтому сыграть на советско-германских противоречиях ему не удастся. Однако они поняли и то, что от своих требований советский вождь не отступит.

19 октября самолеты советских ВВС пять раз нарушили границу Финляндии. Возможно, тем самым Сталин рассчитывал оказать на финнов и такого рода давление.

Новая встреча состоялась 23 октября. Финская делегация представила свой компромиссный вариант соглашения:

1). Финляндия готова заключить соглашение с СССР об обмене 5 островов в Финском заливе (Лавансаари, Тютерсы, Сескар и Гогланд).

2). Финляндия готова перенести границу на Карельском перешейке на

10 км к северо — западу.

3). Финляндия готова усилить существующий пакт о ненападении параграфом о невступлении во враждебные группировки.

Однако было заявлено и то, что Финляндия настаивает на неприкосновенности Ханко и бухты Лаппвик, ибо передача этих территорий нарушает нейтралитет страны.

В ответ на это Паасикиви и Таннеру сказали, что советские предложения от 14 октября были минимальными и поэтому должны быть приняты финской стороной без всяких условий. Когда Сталину ответили, что вопрос о передаче территорий решается в Финляндии двумя третями голосов членов Сейма, Сталин пригрозил: «Вы получите больше, чем две трети, плюс к этому еще наши голоса учтите». Финны учли, что далее может последовать советское вторжение в Финляндию.

Тем временем 11 октября назначенный накануне командующим оборонительными силами Финляндии Маннергейм предложил провести скрытую мобилизацию, под видом учебных сборов, поскольку советские войска уже отобилизованы и движутся к финской границе. Началась добровольная эвакуация населения из Хельсинки, а также из приграничных районов на Карельском перешейке. Во второй половине октября финские войска были частично отобилизованы и развернуты в 9 дивизий и несколько отдельных батальонов и бригад.

В начале ноября Молотов разъяснял советскому послу в Стокгольме А. М. Коллонтай: «Нам ничего другого не остается, как заставить их понять свою ошибку и заставить принять наши предложения, которые они упрямо, безрассудно отвергают при мирных переговорах (мирные переговоры, как известно, ведутся после войны, а ведь Советский Союз еще не объявил войну Финляндии, — выходит, Молотов и здесь не — вольно проговорился о подлинных намерениях своего правительства. — Б. С.). Наши войска через три дня будут в Хельсинки, и там упрямые финны вынуждены будут подписать договор, который они отвергают в Москве».

Переговоры затягивались. Напрасно Молотов внушал финнам: «Мы не боимся нападения со стороны Финляндии. Но приходится опасаться провокаций со стороны третьей державы». В начале ноября финская сторона отклонила предложение о том, чтобы Финляндия и СССР взаимно разоружили свои укрепленные районы на Карельском перешейке и оставили там лишь обычную пограничную охрану. О нападении финнов на Советский Союз мог думать тогда разве что сумасшедший, а разоружение укреплений линии Маннергейма оставило бы Финляндию беззащитной перед вполне реальной угрозой советского вторжения. Молотов, уже

угрожая, заявил: «Мы, гражданские люди, не достигли никакого прогресса. Теперь слово за солдатами».

Тем временем 29 октября Военный совет Ленинградского военного округа представил наркому обороны Ворошилову «План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии». 3 ноября нарком ВМФ отдал директиву Балтийскому флоту. На него возлагались следующие задачи: прикрытие сухопутных сил от возможного нападения шведского флота, поиск и уничтожение финских броненосцев береговой обороны, блокирование финского побережья, захват островов в восточной части Финского залива, высадка оперативного и тактического десантов, оказание огневой поддержки с моря. Аналогичную директиву получили и войска Ленинградского округа.

В тот же день, 3 ноября 1939 года, «Правда» писала: «Мы отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдём своей дорогой, несмотря ни на что; мы обеспечим безопасность СССР, не глядя ни на что, ломая все и всяческие препятствия на пути к цели».

13 ноября финская делегация отбыла из Москвы, так и не достигнув соглашения. В связи с этим Сталин заявил на Главном военном совете: «Нам придется воевать с Финляндией». 15 ноября Ворошилов приказал завершить к 17 ноября сосредоточение войск. Целью операции был «разгром в короткое время противостоящих сухопутных и морских сил противника». И уже 21 ноября войска Ленинградского округа и подчиненного ему Балтийского флота получили директиву Военного совета ЛВО. Ее подписали командующий К. А. Мерецков, члены Военного совета А. А. Жданов и Н. Н. Ва- шугин и начальник штаба Н. Е. Чибисов (между прочим, прототип главного героя нашумевшего романа Георгия Владимова «Генерал и его армия»). В директиве отмечалось: «Финская армия закончила сосредоточение и развертывание у границы СССР». Советским войскам предписывалось начать наступление, план которого требовалось представить 22 ноября (тогда же был отдан приказ начать выдвижение к границе). Продолжительность операции планировалась в три недели. При этом специально оговаривалось: «О времени перехода в наступление будет дана особая директива» — и предписывалось: «Подготовку к операции и занятие исходного положения вести скрытно, соблюдая все меры маскировки». Но слухи о скором советском нападении ходили теперь даже среди гражданского населения приграничных районов.

23 ноября политуправление ЛВО направило в войска следующие указания: «Мы идем не как завоеватели, а как друзья финского народа... Красная Армия поддерживает финский народ, который выступает за

дружбу с Советским Союзом... Победа над противником должна быть достигнута малой кровью». Однако новоявленным «друзьям финского народа» не удалось победить малой кровью. Незваные гости встретили неожиданно жестокий отпор.

В тот же день, 23 ноября, Военный совет Балтийского флота отдал приказ о переходе к оперативной готовности № 1 и возможном выходе в море по сигналу «Факел». Тогда же оперативная готовность № 1 была введена и на Ладожской военной флотилии. Первой операцией Балтийского флота должен был стать захват островов Большой и Малый Тютерс, Лавенсаари, Суур — саари (Гогланд), Сескар. Ладожской флотилии предписывалось содействовать правофланговым соединениям 7-й армии в овладении крепостью Тайпале.

Настроение в советских войсках, готовившихся к вторжению в Финляндию, не было особо бодрым. Так, 21 ноября один из ротных командиров записал в дневнике: «Политико — моральное состояние падает. Слышу такие разговоры, что якобы советская держава всегда говорила, что мы своей земли не отдадим никому, но и пяди чужой не хотим, а теперь начали войну с Финляндией (до начала войны тогда оставалось еще девять дней, но что она будет — красноармейцы уже не сомневались! — Б. С.), как же это понимать? Если разъяснить, что надо укреплять границы, возразят, что ведь никто на нас не нападал... Я и сам считаю, что противоречий с Финляндией можно было избежать». В возможность нападения финнов на Ленинград никто, конечно, не верил.

В апреле 1940 года на совещании начальствующего состава Красной Армии, посвященном итогам финской войны, командующий 13-й армией командарм 2-го ранга Владимир Давыдович Грендаль признавал: «... Политическое воспитание нашего бойца заставляло желать много лучшего. Приходилось читать сводки особых органов, и выявлялась масса сволочи, отдельные моменты контрреволюционного характера. Это наблюдалось особенно среди приписного состава. Мы не должны закрывать глаза, так как такие моменты были. Над нашим бойцом нужно еще как следует поработать. 22 года существования Советской власти еще не вправили некоторым мозги». С такими настроениями наших бойцов трудно было рассчитывать на успех. Неизбежность войны осознавали и в Хельсинки. В день возвращения делегации из Москвы в Финляндии была объявлена всеобщая мобилизация, и началась теперь уже обязательная эвакуация населения столицы и пограничных районов.

Параллельно с чисто военными приготовлениями Москва предпринимала усилия для формирования просоветского правительства

Финляндии, которое должно было прийти к власти на штыках Красной Армии. Между 13 и 21 ноября тогдашнего генерального секретаря Финской коммунистической партии А. Туо-минена, проживавшего в эмиграции в Стокгольме, посетили два, один за другим, курьера Коминтерна. Они передали ему два послания: одно от Куусинена и главы Коминтерна Георгия Димитрова, другое — от Политбюро ЦК ВКП(б). Туо-минену предписывалось немедленно специальным самолетом отправиться в Москву. Второй курьер объяснил конфиденциально генсеку, что скоро начнется советско — финская война и будет сформировано народное правительство Финляндии — в нем Туо-минен должен занять пост премьер — министра, а Куусинен — президента. Но генеральный секретарь Финской компартии дважды ответил категорическим отказом, не желая превращаться в советскую марионетку.

Тем временем у финнов росла надежда, что в преддверии зимы Красная Армия не решится на вторжение. 20 ноября парламентская комиссия по иностранным делам рекомендовала демобилизовать 150 из 265 тысяч призванных в вооруженные силы. Причина этому была в том, что промышленность испытывала острую нехватку рабочих рук: ведь все население Финляндии, напомним, составляло 3 650 тысяч человек. Однако военное руководство не разделяло оптимизма политиков. Маннергейм потребовал держать войска в повышенной боевой готовности. Того же мнения придерживался командующий армией «Карельский перешеек» генерал — лейтенант Хуго Эстерман. Они оказались правы. Однако финские военные считали, что Красная Армия не сможет сразу после открытия боевых действий начать генеральное наступление на Карельском перешейке и в течение нескольких недель будут происходить лишь действия разведывательных подразделений и авангардов, под прикрытием которых будет завершаться сосредоточение ударной группировки противника. 19 ноября командующий располагавшимся на перешейке 2-м армейским корпусом генерал — лейтенант Харальд Эквист докладывал: «Концентрация 45 советских дивизий у границы на укрепленных позициях и наличие в резерве 2 дивизий не превышают принятых в Красной Армии нормативов на оборону. Генеральное наступление до того, как будет сосредоточена главная группировка против отобилизованных и готовых к бою наших сил, не кажется вероятным».

26 ноября у поселка Майнила произошел инцидент. Вот его советская версия, появившаяся в «Известиях» 27 ноября:

«По сообщению Генерального штаба Красной Армии, сегодня, 26 ноября, в 15 часов 45 минут наши войска; расположенные на Карельском

перешейке у границы Финляндии, около села Майнила, были неожиданно обстреляны с финской территории артиллерийским огнем. Всего было произведено семь орудийных выстрелов, в результате чего убито трое рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых и двое из командного состава. Советские войска, имея строгое приказание, воздержались от ответного обстрела».

Правительство СССР заявило протест и потребовало от финнов «незамедлительно отвести войска подальше от границы на Карельском перешейке — на 20–25 км и тем предотвратить возможность повторных провокаций».

В ответ финская сторона выступила со своей версией событий:

«В связи с якобы имевшим место нарушением границы Финляндское правительство в срочном порядке произвело надлежащее расследование. Этим расследованием было установлено, что пушечные выстрелы были произведены не с финляндской стороны. Напротив, из данных, расследований вытекает, что упомянутые выстрелы были произведены 26 ноября между 15 часами 45 минутами и 16 часами 5 минутами по советскому времени с советской пограничной полосы близ... селения Майнила. С финляндской стороны можно было видеть даже место, где разрывались снаряды, так как селение Майнила расположено на расстоянии 800 метров от границы, за открытым полем. На основании расчета скорости распространения звука от семи выстрелов можно было заключить, что орудия, из которых произведены были эти выстрелы, находились на расстоянии около 1,5–2 км на юго — восток от места разрывов снарядов. Наблюдения, относящиеся к упомянутым выстрелам, занесены были в журнал пограничной стражи в самый момент происшествия. При таких обстоятельствах представляется возможным, что дело идет о несчастном случае, происшедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне, и повлекшем за собою... человеческие жертвы».

Какие там «учебные упражнения»! О том, как Сталину сообщили о выстрелах в Майниле, оставил свидетельство в своих мемуарах Никита Сергеевич Хрущев:

«Уже договорились с Куусиненом, что он возглавит правительство создающейся Карело — Финской ССР. Было такое мнение, что Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера, которые она уже отвергла на переговорах, и если она не согласится, /но начать военные действия. Такое мнение было у Сталина. Я, конечно, /яог- да не возражал Сталину. Я тоже считал, что это

правильно. Достаточно громко сказать, а если не услышат, то выстрелить из пушки, и финны поднимут руки, согласятся с нашими требованиями... Видимо, какие-то условия были выдвинуты, чтобы Финляндия стала дружественной страной. Эта цель преследовалась, но в чем это выразалось, как формулировалось, я не знаю. Я эти документы не читал и не видел. Тогда Сталин говорил: «Ну вот, сегодня будет начато дело».

Мы (Сталин, Хрущев, Молотов и Куусинен. — Ъ. С.) сидели довольно долго, потому что был уже назначен час. Ожидали. Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не будет войны, что финны примут наши предложения и тем самым мы достигнем своей цели без войны. Цель — это обезопасить нас с севера.

Вдруг позвонили, что мы произвели выстрел. Финны ответили артиллерийским огнем (в действительности финская сторона огня не открывала. — Ъ. С.). Фактически началась война. Я говорю это потому, что существует другая трактовка: финны первыми выстрелили, и поэтому мы вынуждены были ответить.

Имели ли мы юридическое и моральное право на такие действия? Юридического права, конечно, мы не имели. С моральной точки зрения желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах».

И Сталин, и Молотов, и Хрущев, и Куусинен вполне усвоили мораль всех агрессоров: нравственно все, что улучшает, с их точки зрения, положение их государства, а если это противоречит международному праву — тем хуже для права. Никита Сергеевич признавал, что провокация в Майниле преследовала двойную цель: получить предлог для начала военных действий, а в лучшем случае — в последний раз попугав Финляндию, вынудить ее без борьбы согласиться на все советские требования. Однако финны руки не подняли.

Думаю, у читателей не осталось сомнения в том, что выстрелы в Майниле произвели советские артиллеристы по приказу самого Сталина. Отставной генерал КГБ Окуневич в 1985 году рассказал писателю Игорю Буничу, как 26 ноября 1939 года у поселка Майнила он, будучи еще майором НКВД, вместе с 15 солдатами производил «испытательные стрельбы» из нового секретного оружия. Их сопровождали два «эксперта по баллистике» из Москвы, в которых угадывались высокие чины из ведомства Берии.

Окуневич и его подчиненные проявили, можно сказать, гуманизм. Ведь на самом деле в результате инцидента жертв среди красноармейцев не

было. Это установил уже в 1990–е годы российский военный историк П. А. Аптекарь. Он нашел в архиве журнал боевых действий 68–го стрелкового полка, дислоцировавшегося в районе Майнилы. Там на первой странице записано: «26 ноября полк подвергся обстрелу белофиннов. Взорвалось 7 снарядов. Погибло 3 человека и ранено 6». Между тем в официальных советских заявлениях, как мы уже знаем, говорилось о 4 убитых и 8 раненых. Подозрение историка вызвало удивительное обстоятельство: все записи в журнале, с ноября 1939–го по март 1940–го, сделаны одной и той же рукой, хотя за это время в полку сменилось четыре начальника штаба и четыре его помощника, а последние и должны были вести журнал, каждый в свой срок. И еще: в оперативных сводках и донесениях 70–й стрелковой дивизии, в состав которой входил 68–й полк, в ноябре фиксируется целый ряд разнообразных происшествий, включая случайные выстрелы, но вот о семи артиллерийских выстрелах с финской стороны 26–го числа, равно как о наличии там их артиллерии, не говорится в них ни слова. Не отмечены в них и гибель и ранения бойцов и командиров. И сведения о численности 68–го полка за 25, 26, 27 и 28 ноября не претерпели никаких изменений. Никаких потерь полк не понес. Очевидно, журнал боевых действий 68–го полка был заполнен задним числом, чтобы документально подтвердить советскую версию майнильского инцидента.

Финское правительство, отклонив советский протест по поводу инцидента в Майниле, указало, что «в непосредственной близости к границе с финляндской стороны расположены главным образом пограничные войска; орудий такой дальности, чтобы их снаряды ложились по ту сторону границы, в этой зоне не было вовсе». Финны выразили готовность начать переговоры «по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы». Однако правительство СССР в резкой форме отвергло финские объяснения и предложения и 28 ноября расторгло советско — финляндский пакт о ненападении. На следующий день из Финляндии были отозваны советские дипломатические представители.

В последний момент в Хельсинки попытались предотвратить войну. 29 ноября, в ответе на советскую ноту о денонсации пакта о ненападении, финское правительство выразило готовность договориться об отводе своих войск на такое расстояние от Ленинграда, при котором не могло быть и речи, что они угрожают безопасности этого города. Но Ирие — Коскинен, получивший текст финской ноты и не успевший передать ее Молотову, вечером 29–го был приглашен в НКВД и уведомлен о разрыве дипломатических отношений. Финский посланник все же вручил

заместителю наркома В. П. Потемкину ноту своего правительства, но было уже поздно.

Столь малая и неопределенная уступка, никак не похожая на капитуляцию, Сталина устроить не могла. В ночь на 30 ноября войска Ленинградского военного округа, получив приказ о переходе в этот же день, в 8.30 утра, государственной границы, атаковали противника по всему фронту. Началось советское вторжение в Финляндию.

После войны много было написано — перенаписано о неготовности Красной Армии к столкновению с финнами, о низком уровне подготовки бойцов и командиров. Но вот что особенно интересно: в самый канун нападения на Финляндию некоторые советские руководители вполне сознавали эту неготовность войск к эффективному ведению войны. 29 ноября 1939 года нарком внутренних дел Берия направил весьма тревожное письмо наркому обороны маршалу Ворошилову. Пока опубликован лишь фрагмент этого письма, посвященный Краснознаменному Балтийскому флоту, который стоит процитировать полностью:

«В деле боевой подготовки КБФ имеется ряд недочетов. В работе штаба наблюдается неорганизованность и излишняя суета, нет должного оперативного взаимодействия между отделами штаба флота. Оперативным отделом штаба флота при разработке десантной операции было выработано большое количество вариантов, и ни один из них глубоко продуман не был. Поставленная перед стрелковой бригадой особого назначения задача по десантной операции менялась три раза. Первый отдел штаба (оперативный. — Б. С.) самостоятельно с разработкой необходимых операций не справился, поэтому в помощь для выполнения этой работы было привлечено большое количество командного состава флота, преподаватели академии и даже коменданты транспортов. Вокруг операции ведется много телефонных и устных переговоров. Комнату, где сконцентрированы все оперативные документы и разработки, посещают много посторонних лиц.

Командование Кронштадтского укрепленного района посвятило уже командиров и комиссаров дивизионов в планы их дислокации на островах в Финском заливе.

Все это привело к тому, что о предстоящей операции знает не только почти весь командный состав флота, но слухи о них (операциях. — Б. С.) проникли даже в среду гражданского населения. Разведывательный отдел штаба флота работает плохо.

Подготовка транспортов для десантной операции проходит без достаточного руководства со стороны штаба флота и без наблюдения

опытных специалистов. Транспорты оборудуются крайне медленно и к тому же с большими переделками. Изготовленные трапы для спуска транспортируемой тяжеловесной материальной части оказались негодными, и их пришлось переделывать.

Неорганизованность в работе наблюдается и в некоторых штабах соединений флота. Начальник штаба эскадры, капитан 1-го ранга Челпанов, докладывая командующему флотом о готовности артиллерии, не знал даже точных данных о количестве и марках снарядов, необходимых для новых миноносцев.

Артиллерийская подготовка флота находится не на должной высоте. Крейсер «Киров» ни одну из зачетных стрельб из главного калибра не выполнил. Новые миноносцы и лидеры зачетных стрельб не выполнили, а старые эсминцы, которые в предстоящей операции будут осуществлять десантные задачи, — огневой подготовки в течение всей летней кампании не проходили и использовались только лишь как обеспечивающие корабли.

Новую материальную часть артиллерии личный состав, в том числе командиры боевых частей, знают плохо. Установленные на новых кораблях пушки К-34 76 мм и крупнокалиберные пулеметы ДК еще не опробованы.

На «Якобинце» при проверке знаний материальной части оказалось, что личный состав не может даже самостоятельно зарядить пушку К-21. На некоторых кораблях и береговых частях нет таблиц стрельб. Форт Краснофлотский, на который возложены весьма ответственные задачи, таблицы сверхдальних стрельб для 12-дюймового калибра получил только лишь 16 ноября.

Не все корабли имеют пристрелянные пулеметы. Сторожевой корабль «Вйхрь», получив ответственное задание, вышел с непристрелянными пулеметами и всего лишь на 30 % обеспеченный спасательными поясами. На сторожевом корабле «Пурга» вышел из строя компрессор, а в связи с этим вышли из строя и торпедные аппараты, что на 50 % снизило боеспособность корабля».

Положение в войсках Ленинградского военного округа было ничуть не лучше, чем на Балтийском флоте. Например, умение летчиков округа, равно как и авиаторов Балтфлота, поражать цель при бомбометании оценивалось как находящееся «в зачаточном состоянии».

На совещании высшего комсостава по итогам финской войны, состоявшемся в ЦК партии в апреле 1940 года, командующий 8-й армией Г. М. Штерн заявил: «...Нужно сказать прямо, товарищ Мерецков, тебя наградили крепко, по заслугам, все мы тебя целуем и поздравляем, но, товарищ Мерецков, подготовил ты (правда, не один ты виноват, многие

были виноваты) эту войну плохо».

Сталин тогда Штерна поддержал: «Он хочет сказать, округ то ваш, Ленинградский, а подготовили войну плохо».

Берия же еще в ноябре 39-го понимал, что войска к вторжению в Финляндию не готовы. Лаврентий Павлович, однако, не нес никакой ответственности за подготовку армии и флота к войне. Поэтому он мог позволить себе очень откровенную критику. Вместе с тем он прекрасно понимал, что эти и другие многочисленные недостатки за сутки до начала боевых действий никак не исправишь. Если штабы не умеют толком спланировать операцию, а артиллеристы — зарядить орудия, если отсутствуют таблицы для стрельбы и не пристреляны пулеметы, если разведка работает плохо, а приготовления к наступлению не удастся сохранить в тайне, — значит, войска, которым предстоит завтра перейти финскую границу, потерпят серьезные неудачи и не смогут добиться быстрой победы.

Похоже, глава НКВД писал письмо Ворошилову с прицелом на будущее, чтобы потом, когда будут искать виновных за неизбежные военные неудачи, продемонстрировать Сталину свою прозорливость: смотрите, я же предупреждал, что мы к войне не готовы. Но многомудрый Лаврентий Павлович также отлично понимал, что Сталин не будет пересматривать уже принятое решение о нападении на Финляндию. И заканчивает письмо Ворошилову на фальшивой оптимистической ноте: «Настроение личного состава Балтийского флота в связи с предстоящей операцией боевое. Краснофлотцы и начсостав выражают свою готовность в любую минуту выполнить приказ правительства и встать на защиту Советского Союза».

Клим Ефремович, может, и понял, куда Берия клонит: страшется на случай поражения. Но понадеялся на русские «авось» и «шапками закидаем». И ходатайствовать перед Сталиным об отсрочке нападения на Финляндию не стал.

А Иосиф Виссарионович уже после отнюдь не блестящего завершения «незнаменитой войны», 17 апреля 1940 года, на совещании высшего состава РККА, так оправдывал задним числом необходимость советского нападения на маленькую, но непокорную Финляндию:

«Правильно ли поступило правительство и партия, что объявили войну Финляндии? (В действительности Москва не объявила Хельсинки войну, напав по правилу агрессоров безо всякого там «иду на вы»; провозглашать состояние войны с Финляндией советское руководство сочло излишним: надеялись управиться за пару недель и сделать страну

Суоми во главе с «народным правительством» неотъемлемой частью СССР. — Б. С.) Мне кажется, что нельзя было. Невозможно было обойтись без войны. Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить, безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества. Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30–35 оборонной промышленности нашей страны и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны. Прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское, — это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против Советской власти».

Здесь Сталин наделяет воображаемых врагов теми самыми замыслами, какие лелеял сам, формируя марионеточное «Народное правительство Финляндской Демократической Республики».

Иосиф Виссарионович старается обосновать как неизбежный и срок начала войны по железному правилу: «Сегодня — рано, а послезавтра — поздно»:

«Второй вопрос, а не поторопилось ли наше правительство, наша партия, что объявили войну именно в конце ноября, в начале декабря, нельзя ли было отложить этот вопрос, подождать месяца два — три — четыре, подготовиться, а потом ударить? Нет. Партия и правительство поступили совершенно правильно, не откладывая этого дела, и, зная, что мы не вполне еще готовы к войне в финских условиях (через год выяснилось, что в степях Украины и белорусских болотах Красная Армия воюет ничуть не лучше, чем в карельских лесах и снегах. — Б. С.), начали активные военные действия именно в конце ноября, в начале декабря. Все это зависело не только от нас, а, скорее всего, от международной обстановки. Там, на западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло — когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить».

Было бы большой глупостью, политической близорукостью упустить момент и не попытаться поскорее, пока идет там война на западе, поставить и решить вопрос о безопасности Ленинграда. Отсрочить это дело месяца на два означало бы отсрочить это дело лет на двадцать, потому что ведь всего не предусмотреть в политике. Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. Вдруг они

возьмут и помирятся, что не исключено. Стало быть, благоприятная обстановка для того, чтобы поставить вопрос об обороне Ленинграда и об обеспечении государства, была бы упущена. Это было бы большой ошибкой. Вот почему наше правительство и партия поступили правильно, не отклонив это дело и открыв военные действия непосредственно после переговоров с Финляндией».

На этот раз Сталин говорил правду своим будущим генералам и маршалам (три недели спустя вышел указ о введении генеральских званий, а Тимошенко, Шапошников и Кулик были произведены в маршалы вместо уничтоженных Тухачевского, Блюхера и Егорова). Но не всю правду. Он не стал объяснять, что раньше, в благоприятное летнее время, нападать на Финляндию было нельзя, потому что выторговать ее у Гитлера удалось только 23 августа. Весь сентябрь ушел на подготовку и проведение так называемого «освободительного похода» в Западную Украину и Западную Белоруссию, поэтому только в октябре можно было приступить к переброске дополнительных войск к финской границе. К тому же Иосиф Виссарионович рассчитывал, что Финляндию удастся принудить к капитуляции без войны, и часть времени потратил на переговоры, оказавшиеся бесплодными. Ко всему, надо было переждать время осенней распутицы, когда воевать в Финляндии все равно нельзя. Да и не очень боялся будущий генералиссимус воевать зимой. Конечно, зимние условия более суровые, но есть и свои преимущества. На замерзших озерах можно оборудовать полевые аэродромы, а по зимникам можно пройти по таким болотам, что летом совсем непроходимы. А вот насчет того, почему на Финляндию надо было нападать не позднее декабря 39-го, Иосиф Виссарионович немного слукавил. Ведь на самом деле он опасался не совместных действий против СССР вдруг примирившихся Англии, Франции и Германии, а хотел успеть занять наилучшие стратегические позиции перед началом ожидавшегося германского генерального наступления на Западе. И случайно, увлекшись, проговорился о своих подлинных планах, о которых говорить не собирался: «Три самых больших державы вцепились друг другу в горло... в таких условиях, когда руки заняты, и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить».

Финляндия не принадлежала ни к англо — французскому, ни к германскому блоку, хотя помощь во время «зимней войны» поступала в Хельсинки из Англии и Франции. Нанося удар по Финляндии, Сталин никакой угрозы для Лондона или Парижа создать при всем желании не мог. В качестве плацдарма для десанта на Британские острова или в Нормандию

финская территория не годилась. И в силу законов географии Красная Армия могла нанести удар только по Германии. Оккупация же Финляндии позволила бы непосредственно угрожать шведским железным рудникам. Именно оттуда рейх получал основную часть руды для своей металлургии. Из Финляндии в случае начала советско — германской войны Сталин рассчитывал добраться до этой ахиллесовой пяты Гитлера: прекращение поставок из Швеции грозило парализовать всю германскую военную промышленность. Ударить в спину «другу Адольфу» «друг Иосиф» собирался в тот момент, когда в весенне — летнюю кампанию 1940 года вермахт начнет, как ожидалось, генеральное наступление на Западе и ввяжется в затяжные бои на линии Мажино. До этого времени надо было непременно захватить Финляндию, чтобы затем оттуда нанести важный, хотя и вспомогательный удар. Ждать до окончания весенней распутицы Сталин не мог. Тогда все силы понадобятся против Германии. Поэтому в последний день осени 1939 года Красная Армия обрушилась на Финляндию. Сталин и Ворошилов надеялись, что предприятие не будет трудным. И жестоко просчитались.

А что произошло бы, если бы Финляндия приняла в ходе переговоров советские условия, уступила часть Карельского перешейка с основными укреплениями линии Маннергейма, согласилась на создание советских военных баз и заключила с СССР договор о взаимопомощи? Наверняка в этом случае страну Суоми постигла бы судьба Прибалтийских государств, пошедших навстречу советским требованиям. В июне 1940-го, после капитуляции Франции, Хельсинки был бы предъявлен ультиматум о вводе дополнительных контингентов Красной Армии, затем при поддержке советских войск было бы сформировано «народное правительство» во главе с Куусиненом, и вскоре Финляндия стала бы еще одной советской республикой. Спротивляться бы финны не стали. После утраты укрепленных позиций на перешейке и поражения англофранцузских войск на Западе борьба представлялась бы им совершенно безнадежной. Так что тот путь, который избрало финское правительство, — сражаться, оказался на поверку единственным, обеспечившим сохранение национальной независимости Финляндии.

Начало

30 ноября 1939 года в 8 часов утра залпы артиллерийской подготовки возвестили о начале войны «за обеспечение безопасности Ленинграда и северо — западных границ нашей Родины». Через час войска 7-й армии пересекли границу на Карельском перешейке, а войска 8-й армии — на участке между Ладожским и Онежским озерами. 9-я армия наступала в северной Карелии, а 14-я — в Заполярье.

Что представляла собой к началу войны финская сухопутная армия? В мирное время она насчитывала 3 пехотные дивизии общей численностью в 28 тысяч человек. После мобилизации 9 пехотных полков этих дивизий развертывались в 9 дивизий. Кадровые войска в мирное время включали в себя также несколько отдельных батальонов и кавалерийскую бригаду. С началом войны планировалось создать из резервистов еще 3 дивизии. Большую роль при мобилизации играла добровольческая организация *шюцкор*, созданная в 1917 году. В ее задачи входила подготовка населения к обороне страны, поставка кадров для формирования резервных частей и допризывная подготовка юношей 17–20 лет. Постоянные кадры шюцкора насчитывали 20 тысяч человек, а переменные — 80 тысяч. Прослужив год, члены шюцкора зачислялись в резерв, где еще 4 года должны были обучаться на периодических военных сборах по уставам, принятым в регулярной армии. Половину членов шюцкора составляли крестьяне, пятую часть — рабочие, 15 процентов — мелкие служащие и 7 процентов — интеллигенция (люди с высшим образованием). Вопреки распространявшимся советской пропагандой утверждениям это была вовсе не «фашистская организация финской буржуазии». Скорее, это была территориальная армия мирного времени, с началом войны призванная подкрепить кадровые войска. Существовал и женский аналог шюцкора — добровольческая организация «Лотта Свэрд», насчитывавшая 90 тысяч членов. Женщины и девушки должны были во время войны ухаживать за ранеными, работать связистками, телефонистками, собирать теплые вещи для солдат на фронте и т. п.

После мобилизации общая численность вооруженных сил Финляндии возросла до 265 тысяч человек (в том числе 180 тысяч — в боевых частях). Кроме того, имелось еще около 150 тысяч в той или иной степени обученных резервистов. Военно — воздушные силы страны, включая

авиацию флота, к 30 ноября 1939 года располагали 145 боевыми и учебно — тренировочными самолетами, из которых боеготовыми были 115 машин. Большинство самолетов устарели и уступали советским по основным тактико — техническим данным. Численность личного состава была около 2 тысяч человек. В противовоздушной обороне страны незадолго до войны было лишь около 120 зенитных орудий. В состав военно — морского флота Финляндии входило 2 тихоходных броненосца береговой обороны (скорость — 15,5 узла, вооружение — четыре 254-мм орудия главного калибра и восемь 105-мм орудий), 5 подводных лодок, 6 канонерских лодок, 2 минных заградителя, 8 тральщиков, 5 катерных минных заградителей, 22 катерных тральщика, 7 торпедных катеров, 7 ледоколов, 16 сторожевых катеров и ряд более мелких судов. В финском флоте служило 1640 человек. Сухопутная армия Финляндии имела 25 танков, 112 противотанковых пушек, 360 минометов калибра 81 мм и 418 орудий полевой артиллерии, в том числе 32 калибра 152 мм. Позднее из законсервированных на складах 238 устаревших полевых орудий 85, включая 12 6-дюймовых, удалось отремонтировать и отправить на фронт. Кроме того, еще со времен Российской империи в Финском заливе осталось 35 батарей береговой обороны со 115 орудиями калибром от 120 до 305 мм. Из них в восточной части Финского залива (от Котки до Хумалийоки) находились 12 береговых батарей, на которых имелось 2 305-мм, 9 254-мм, 2 203-мм и 25 152-мм орудий. Они сохранились от береговой обороны русского Балтийского флота, созданной до 1917 года.

Накануне войны в Финляндию прибыло 40 20-мм зенитных орудий из Германии. Еще 20 таких орудий поступило сразу после начала боевых действий. Потом Германия прекратила поставки, и 74 зенитки, закупленные финнами у немцев, в Финляндию так и не прибыли. Германские власти препятствовали и поставкам в Финляндию через территорию рейха итальянских самолетов.

В целом Гитлер и его генералы считали, по крайней мере, в начале советско — финской войны, что она будет на пользу Германии. Начальник Генерального штаба германских сухопутных сил генерал — полковник Франц Гальдер 14 декабря 1939 года с удовлетворением записал в дневнике: «Конфликт с Финляндией толкает Россию в антианглийский лагерь». А через два дня, имея в виду планы оккупации вермахтом Скандинавских стран, отметил сходство этих планов с действиями Сталина на земле северного соседа: «Отношение к Дании и Норвегии такое же, как и отношение России к Финляндии». Но когда стало ясно, что советско — финская война приняла затяжной характер, некоторые немецкие

руководители, включая «второго человека в рейхе» Германа Геринга, обдумывали возможность скрытых поставок оружия Финляндии, чтобы тем самым поддержать ее сопротивление. Продолжение «зимней войны» связывало силы Красной Армии и уменьшало возможность того, что она ударит в спину вермахту во время кампании на Западе. В конце декабря фюрер в принципе согласился с тем, что германское оружие может поставляться Швеции для последующей перепродажи Финляндии. Однако эта схема так и не была использована до окончания войны: из опасения, что появление новых немецких вооружений у финнов не останется тайной для русских и значительно обострит германо — советские отношения.

Характеристику финской артиллерии дал главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, наблюдавший за боями на Карельском перешейке: «Финская артиллерия была гораздо слабее нашей. На ее вооружении были 37–миллиметровые противотанковые пушки «Бофорс» (шведского производства. — Б. С.), 76–миллиметровые пушки старого русского образца, 122- и 152–миллиметровые гаубицы системы Шнейдера и устаревшая 107–миллиметровая пушка. Финны пользовались старыми снарядами, изготовленными до 1917 года, — некоторые трубки и взрыватели даже покраснели от ржавчины. Подчас более трети снарядов не разрывались». К тому же финны располагали лишь очень небольшим запасом снарядов и мин. Финляндия вступила в войну, имея патронов на два месяца боев, 81–мм мин — на 22 дня, 76–мм снарядов — на 21 день, снарядов для 122–мм гаубиц — на 24 дня, снарядов тяжелой артиллерии (от 152 мм и выше) — на 19 дней, горючего и смазочных масел — на 2 месяца и авиационного бензина — на месяц.

Главнокомандующим финской армией был маршал барон Карл Густав Эмиль Маннергейм. До 1917 года он служил в русской армии, где последовательно командовал Владимирским уланским, Лейб — гвардии уланским полком, кавалерийской бригадой, дивизией и корпусом и был произведен в генерал — лейтенанты. Его сослуживец по гвардии генерал князь Г. Н. Эрис- тов в дни «зимней войны» так характеризовал Маннергейма:

«Он любил полк, которым командовал, любил русскую военную среду. В фельдмаршале Маннергейме всегда были чрезвычайно сильны полковые традиции. И вот ныне, когда столь отличной оказалась судьба его от судьбы его бывших товарищей, — он в зените славы, а мы — в изгнании, Маннергейм продолжает проявлять к нам те же чувства, что прежде, сносит с нами, думает о нас, кому может — оказывает поддержку.

Он был замечательным полковым командиром. Всегда заботился о

том, чтобы полк был готов к войне. И выполнил свою задачу.

Он был ровен со всеми. Всегда был товарищем для своих офицеров, но всегда был и командиром. Как никто, он умел сочетать товарищеские отношения с командованием.

Его всегда отличали спокойствие и выдержка. Выслушает каждое мнение, затем уже примет решение.

Война — его настоящая стихия. Он любит брать препятствия, и точно так же, как уже генералом легко брал он препятствия, подавая пример уланам, так и на войне умел он с блеском преодолевать препятствия уже другого рода.

В бою он горит. Помню его под Красником, когда в линии огня принимал он от меня донесение. Он командовал бригадой, а я был послан к нему командиром полка. Красивые глаза его блестели радостью... Он испытывал большую, глубокую радость от того, что Лейб — гвардии уланский Его Величества полк, которым он прежде командовал, удачно выполнил свое задание.

Барон Маннергейм — подлинный военачальник. Это человек большого мужества, большой отваги, исключительной внутренней честности и глубокого внутреннего аристократизма, такой человек, которому более чем кому бы то ни было подобает командовать другими людьми и вести их, когда надо, на смерть».

Финляндский швед барон Маннергейм, вопреки распространявшемуся советской пропагандой мнению, не питал никакой ненависти к русскому народу. Несмотря на германское происхождение (его далекие предки были выходцами из Померании), в своих политических симпатиях он был на стороне Англии и Франции, а отнюдь не рейха, против которого храбро воевал в Первую мировую войну. Как раз поэтому осенью 1918 года, после поражения Германии, он сменил на посту регента Финляндии прогермански настроенного П. Свинхувуда. В какой-то мере для Маннергейма война с Советским Союзом стала продолжением той гражданской войны, что он вел в 18-м против «красных финнов». И недаром бессменный редактор издававшегося врангелевским Русским общевойсковым союзом журнала «Часовой» капитан В. В. Орехов писал о финском маршале, когда-то бывшем генералом царской свиты:

«В 1918 году Финляндия сыграла роль барьера против продвижения коммунизма на запад. Теперь во главе финляндской армии стоит тот же вождь, безупречный начальник, рыцарь духа, фельдмаршал барон Маннергейм. Да ниспошет ему Всевышний отстоять свою страну от ужасов большевистского нашествия. А в будущем — мы верим, что, когда

падет презренная власть III Интернационала, Двуглавый Орел и Финляндский Лев найдут в добром согласии общие пути и формы совместной жизни».

Большинство финнов воспринимали военный конфликт с СССР как войну за свободу и независимость родной страны. Они сражались под лозунгом «За дом, религию и родину». А вот в Советском Союзе война с Финляндией могла восприниматься только как «интернациональная помощь братьям по классу». А в том, что крошечная Финляндия собиралась напасть на «первое в мире государство победившего социализма», советская пропаганда даже не пробовала убедить народ: слишком нелепо. Оставалось кивать на Германию, Англию и Францию, которые могут использовать Финляндию как плацдарм для нападения. Однако официальная «дружба» с Гитлером сильно ограничивала пропагандистскую свободу по отношению к Германии. Ну а Англия и Франция были гораздо дальше от Финляндии, чем рейх, и к тому же связаны войной на Западном фронте. Очень трудно было бы убедить даже доверчивого советского человека, что англичане и французы захотят вдруг напасть на СССР и умножить тем число своих противников. Поэтому ограничивались ссылками на вечные «козни империалистов», могущих теперь использовать в своих целях финскую территорию. Но от неясности в пропаганде мало толку. Вот почему марионеточное правительство Куусинена нужно было и для последующей советизации Финляндии, и для втирания теперь очков мировой общественности, а заодно красноармейцам, что они сражаются против финской буржуазии и помогают «красной Финляндии». Однако интернациональные лозунги не очень вдохновляли бойцов и командиров, не совсем понимавших, за что, собственно, им приходится погибать в карельских снегах.

Маннергейм был опытным военачальником. Он прекрасно знал, что Красная Армия обладает подавляющим численным и техническим превосходством над армией Финляндии, поэтому финнам остается одно: придерживаться тактики жесткой обороны на заранее подготовленных позициях. Тем самым можно выиграть время в расчете на то, что изменится международная обстановка и, следовательно, положение страны. Либо на помощь Финляндии придут войска Англии, Франции и (или) Швеции, либо СССР поссорится с Германией и вынужден будет прекратить вторжение в Финляндию, бросив все силы против вермахта. Старый маршал понимал, что долго держаться против советской военной мощи финская армия без действенной поддержки извне не сможет. Значит, речь могла идти всего лишь о нескольких месяцах, в течение которых дипломаты обязательно

должны были либо найти для Финляндии сильных союзников, либо добиться прекращения войны на приемлемых условиях.

Финские военные рассчитывали, что им удастся продержаться полгода. 27 ноября, на следующий день после инцидента в Майниле, в специальной записке из оперативного отдела финского Генштаба утверждалось: «Захват Финляндии будет очень тяжелой задачей даже для такой державы, как СССР. С помощью энергичных работ по усилению обороны можно сделать решение этой задачи непосильным». А до этого, еще 28 октября, статистическое бюро Генштаба сделало успокоительный вывод: «Красная Армия в настоящее время не является и в ближайшее время не станет эффективным средством ведения войны».

Что ж, этот вывод оказался абсолютно правильным, и ход советско — финской войны его полностью подтвердил. Однако отсюда финские генштабисты вывели еще одно следствие, совершенно не соответствовавшее действительности: «Советское правительство не начнет войну, хотя бы и против численно слабейшей армии. Самая незначительная осечка, неудача может потрясти существующую политическую систему в СССР, и руководство страны это осознает». Здесь сказалось непонимание финнами особых советских реалий. Во — первых, тотальная пропаганда, изображавшая Красную Армию сильнейшей в мире, влияла не только на подданных, но и на самих вождей. Те недостатки в боевой подготовке, о которых им было известно, считались не столь существенными и, во всяком случае, в не меньшей мере присущими и армиям потенциальных противников. Во — вторых, Сталин и его соратники были убеждены в стабильности внутреннего положения и не боялись, что военное столкновение, тем более с таким слабым врагом, как Финляндия, может дестабилизировать ситуацию в стране.

Маннергейм и командующий армией «Карельский перешеек» генерал — лейтенант Хуго Эстерман не разделяли оптимизма некоторых своих подчиненных и держали войска в полной боевой готовности, ожидая советского нападения.

Правительство Финляндии с самого начала войны надеялось на новый «крестовый поход» против большевизма. Эта идея имела в мире живой отклик. Еще в начале декабря 1939 года бывший президент США Герберт Гувер заявил: «Когда же наконец Париж, Лондон и Берлин поймут, что, продолжая эту войну, они готовят торжество третьему радующемуся — большевизму. Пора дать отпор коммунистическому Чингисхану». Экс — президенту не откажешь в прозорливости. Вскоре после окончания Второй мировой войны испанский философ Сальвадор де Мадариага почти

буквально повторил предупреждение Гувера, когда начал свою книгу «Портрет Европы» словами: «Моторизованный Чингисхан угрожает Европе...»

О том же говорил журналистам оказавшийся в январе 1940 года в Париже финский офицер Салонэн:

«Мы спрашиваем себя, неужели народы Европы все еще дрожат перед советским государством? Вот уже месяц, как мы доказываем им, что это колосс на глиняных ногах, между тем он все еще наводит страх на Европу и считается непобедимым... Должно быть ясно как день, что это государство бандитов и пиратов, что слабости его неисчислимы, но что эта организация обладает, однако, возможностями, позволяющими ей употребить всю присущую ей ложь, всю хитрость для разрушения культуры и установления коммунизма и беспорядка. Разве не настал еще час для Европы, чтобы свергнуть, уничтожить коммунизм, отрубить самую его голову? Разве какие-то политические комбинации «высшего порядка» могут затемнить смысл коммунизма и нейтрализовать глубокий инстинкт самосохранения, присущий цивилизованным государствам? Нужен общий крестовый поход, нельзя терять ни минуты. Если мы будем ждать, то все будем ввергнуты в ту же грязь, ибо коммунизм — это грязь».

Однако финские призывы не могли быть услышаны. В период «зимней войны» ни о каком объединении в антисоветский фронт Англии, Франции и Германии не могло быть и речи. Даже возможную посылку экспедиционных войск на помощь Финляндии, как мы увидим дальше, британское и французское правительства рассматривали прежде всего как средство достичь собственных стратегических целей в войне против Германии, а отнюдь не как начало антибольшевистского «крестового похода». Напротив, с Красной Армией, как с вероятной будущей союзницей против Гитлера, полагалось по возможности избегать столкновений.

Советские войска, вторгшиеся 30 ноября 1939 года в Финляндию, насчитывали- 450 тысяч человек (340 тысяч — в боевых частях) в 23 стрелковых дивизиях. Они имели около 2 тысяч танков и 1915 орудий. Авиация Ленинградского военного округа насчитывала 2446 самолетов, авиация Балтийского флота — 437 боевых машин. Красная Армия превосходила противостоявшие ей финские войска в людях — в 1,7 раза, в артиллерии — в 3 раза и в танках — в 80 раз. В авиации советские ВВС имели не только 10-кратное количественное, но и некоторое качественное превосходство. С истребителем И-16 (скорость — 450 км/час, вооружение — две 20-мм пушки) не мог соперничать находившийся на вооружении

финских ВВС голландский «Фоккер Д-21» (скорость — 440 км/час, вооружение — четыре 7,7-мм пулемета).

Подавляющее советское превосходство на суше, на море и в воздухе в какой-то мере компенсировалось высокой боевой подготовкой финских солдат и офицеров, их умением вести бой в труднопроходимой лесисто — болотистой местности, в суровых зимних условиях. Финны были прирожденными лыжниками, что очень помогло им в боях с красноармейцами, у которых лыжная подготовка оказалась никуда не годной. Кроме того, финское командование большие надежды возлагало на укрепления линии Маннергейма, возводившиеся на Карельском перешейке с конца 1920-х годов. Здесь на 140 км фронта (почти половина которого проходила по рекам и озерам) имелось 75 железобетонных фортов, способных выдержать прямое попадание 152-мм снаряда. 44 железобетонным бункерам, возведенным в 1930-е годы, не страшны были и 203-мм гаубицы. Всего же финские укрепления на главной полосе линии Маннергейма состояли из 210 долговременных огневых точек (дотов) и 546 деревянно-земляных огневых точек (дзотов). Еще 26 дотов и 61 дзот были расположены на острове Койвисто (Бьорке) и на тыловой оборонительной позиции в районе Випури (Выборга). Подступы к дотам прикрывались проволочными заграждениями, противотанковыми надолбами и рвами, а также минными полями. В среднем проволочные заграждения имели глубину в 30 рядов, а надолбы — в 12 рядов. Мерецков свидетельствует:

«Любой населенный пункт представлял собой укрепленный узел, обеспеченный радио- и телефонной связью, госпиталем, кухней, складами боеприпасов и горючего. Боевые узлы сопротивления имели преимущественно по 5 опорных пунктов, чаще всего по 4 пулеметно — артиллерийских дота в каждом. Особенно выделялись доты постройки 1938–1939 гг., с 1–2 орудийными и 3–4 пулеметными амбразурами. Их обслуживали гарнизоны от взвода до роты, жившие в подземных казармах. Над поверхностью земли поднималась только боевая часть сооружения с круговым обзором, артиллерийскими и пулеметными амбразурами. Под землей были укрыты казематы, склады, кухня, туалет, коридоры, общая комната, офицерская комната, машинное помещение, лазы в купола и запасной вход».

На наиболее угрожаемых участках на один километр линии фронта приходилось три дота. Однако пересеченный рельеф местности не всегда позволял перекрывать все пространство между дотами и дзотами перекрестным артиллерийско — пулеметным огнем. К тому же пулеметы были устаревших моделей и ощущалась острая нехватка противотанковых

орудий. Предполье между границей и главной оборонительной полосой было прикрыто лишь лесными завалами, проволочными заграждениями и минными полями. Здесь действовали лишь небольшие финские разведывательные отряды. Глубина этой полосы прикрытия, от границы до главного оборонительного рубежа, составляла в восточной части Карельского перешейка 12 км, в центральной части — 45–50 км, а в западной — 60–65 км.

На совещании по итогам финской войны в апреле 1940 года Мерецков пытался убедить Сталина и коллег — командиров, что по своей мощи линия Маннергейма не уступала знаменитой линии Мажино:

«Если сравним линию Мажино с линией Маннергейма, то мы встретим небольшую разницу. Там в основном крупные сооружения прикрыты мелкими железобетонными точками; в Финляндии в связи с недостатком бюджета и не особенно большим желанием хозяев давать деньги на их оборонительную работу бетонные сооружения прикрываются каменно — деревоземляными сооружениями, но почти той же прочности».

— Там линия непрерывная, а у финнов узлы имеются, — возразил Сталин, словно раззадоривая бравого командарма.

— Линия Маннергейма не хуже, а может быть, и лучше, так как местность Финляндии позволяет создавать сильную оборону с системой узлов, — не растерялся Кирилл Афанасьевич.

— У Мажино развиты подземные сооружения, — не унимался Сталин.

— И больше подземных казарм, — согласился на этот раз Мерецков.

В действительности плотность дотов на линии Мажино, где было возведено 5800 бетонных укреплений, была в 10 раз выше, чем на линии Маннергейма. И мощность французских дотов была больше.

Севернее Ладожского озера труднопроходимая лесисто — болотистая местность вынуждала вести основные боевые действия вдоль дорог. Здесь финны не имели укреплений и рассчитывали вести маневренную войну, полагаясь на хорошее знание местности, а в зимнее время — на превосходную лыжную подготовку своих войск. Предполагалось наносить внезапные контрудары по советским частям, двигавшимся вдоль дорог, а затем окружать их и уничтожать.

Финский план ведения войны предусматривал и жесткую позиционную оборону на Карельском перешейке, и маневренную оборону в районе к северу от Ладоги. При этом был расчет на нанесение местных контрударов по прорвавшимся советским войскам. Силы прикрытия, состоявшие из пограничников, нескольких батальонов егерей и

кавалерийских отрядов, а также частей местной самообороны (шюцкора), должны были с боями отступить к главной полосе обороны линии Маннергейма. В их задачу входило выявить группировку неприятеля и склонить наступавшие советские войска уже на этом этапе развернуть свои основные силы.

Насчет советских военных планов полной ясности нет до сих пор. Н. Н. Воронов вспоминал:

«Незадолго до начала военных действий я побывал у КА. Мерецкова. У него в это время были заместители народного комиссара обороны Г. И. Кулик и Л. З. Мехлис.

— Вовремя приехали! — воскликнул кто-то из них, завидя меня. — Вы знаете о тревожной обстановке? Подумали, сколько снарядов нужно для возможного проведения операций на Карельском перешейке и севернее Ладожского озера? Какая нужна артиллерия усиления? На что можно рассчитывать?

— По — моему, все зависит от обстановки, — ответил я. — Собираетесь обороняться или наступать? Какими силами и на каких направлениях? Между прочим, сколько времени отводится на операцию?

— Десять — двенадцать суток.

— Буду рад если удастся все решить за два — три месяца.

Мои слова были встречены язвительными насмешками. Г. И. Кулик приказал мне вести все расчеты с учетом продолжительности операции 12 суток».

Мерецков вспоминает о разработке плана финской кампании несколько иначе:

«Во второй половине июля я был снова вызван в Москву. Мой доклад слушали И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов. Предложенный план прикрытия границы и контрудара по Финляндии в случае ее нападения на СССР одобрили, посоветовав контрудар осуществить в максимально сжатые сроки. Когда я стал говорить, что нескольких недель на операцию такого масштаба не хватит, мне заметили, что я исхожу из возможностей ЛВО, а надо учитывать силы Советского Союза в целом. Я попытался сделать еще одно возражение, связав его с возможностью участия в антисоветской провокации вместе с Финляндией и других стран. Мне ответили, что об этом думаю не я один, и предупредили, что в начале осени я опять буду докладывать о том, как осуществляется план оборонных мероприятий...»

Имелись как будто бы и другие варианты контрудара. Каждый из них Сталин не выносил на общее обсуждение в Главном военном совете, а

рассматривал отдельно, с определенной группой лиц, почти всякий раз иных. Я могу судить достаточно ясно только об одной из этих разработок, позднее упоминавшейся в нашей литературе под названием «план Шапошникова». Борис Михайлович считал контрудар по Финляндии далеко не простым делом и полагал, что он потребует не менее нескольких месяцев напряженной и трудной войны даже в случае, если крупные империалистические державы не ввяжутся прямо в столкновение. Эта точка зрения еще раз свидетельствует о трезвом уме и военной дальновидности Б. М. Шапошникова».

То, что говорит Мерецков о плане Шапошникова, в значительной мере опровергается свидетельством близкого к Борису Михайловичу маршала А. М. Василевского:

«По долгу службы я тоже имел прямое отношение к разработке плана контрудара. Его основные идеи и главное содержание были определены Б. М. Шапошниковым. Докладывая план Главному военному совету, Б. М. Шапошников подчеркнул, что сложившаяся международная обстановка требует, чтобы ответные военные действия были проведены и закончены в предельно сжатые сроки, ибо в противном случае Финляндия получит извне серьезную помощь, конфликт затянется. Однако Главный военный совет не принял этого плана и дал командующему Ленинградским военным округом командарму 2-го ранга К. А. Мерецкову указание разработать новый вариант плана прикрытия границы при возникновении конфликта».

То же самое Александр Михайлович говорил в беседе с писателем Константином Симоновым:

«Когда переговоры с Финляндией... окончательно не увенчались успехом, Сталин, созвав Военный совет, поставил вопрос о том, что раз так, то нам придется воевать с Финляндией. Шапошников, как начальник Генерального штаба, был вызван для обсуждения плана войны. Оперативный план войны с Финляндией, разумеется, существовал, и Шапошников доложил его. Этот план исходил из реальной оценки финской армии и реальной оценки построенных финнами укрепленных районов. И в соответствии с этим он предполагал сосредоточение больших сил и средств, необходимых для решительного успеха этой операции... Сталин поднял его на смех. Было сказано что-то вроде того, что, дескать, вы для того, чтобы управиться с этой самой... Финляндией, требуете таких огромных сил и средств. В таких масштабах в них нет никакой необходимости. После этого Сталин обратился к Мерецкову... и спросил его: «Что, вам в самом деле нужна такая огромная помощь для того, чтобы справиться с Финляндией? В таких размерах вам все это нужно?»

Мерецков ответил: «Товарищ Сталин, надо подсчитать, подумать. Помощь нужна, но, возможно, что и не в таких размерах, какие были названы».

После этого Сталин принял решение: «Поручить всю операцию против Финляндии целиком Ленинградскому округу. Генеральному штабу этим не заниматься, заниматься другими делами».

Выходит, что Шапошников, как и Мерецков, в действительности рассчитывали на двух — трехнедельный блицкриг, а не на войну в несколько месяцев. В мемуарах Василевский так описывает суть плана, разработанного Генштабом под руководством Шапошникова:

«...Генеральный штаб исходил из имевшихся в его распоряжении данных о составе и боевой готовности финляндской армии, о природных особенностях советско — финского театра военных действий, о системе инженерных укреплений на нем, о мобилизационных возможностях Финляндии и о той помощи, которую она могла бы получить от империалистических держав. Правда, как обнаружилось в дальнейшем, некоторые из этих данных особой точностью не отличались. Но эти неточности не имели существенного значения. Более серьезным оказалось то, что в наших войсках недостаточно знали особенности организации, вооружение и тактические приемы борьбы финляндской армии».

Но о финской армии и линии Маннергейма и у многих высокопоставленных войсковых командиров и работников Генштаба было очень поверхностное представление, хотя достоверные разведданные, в общем-то, имелись. Мы в этом скоро убедимся. И Шапошников вряд ли мог спланировать кампанию с учетом реальной боеспособности противника. Другое дело, что Борис Михайлович, очевидно, рассчитывал использовать больше войск, чем командующий Ленинградским военным округом. Утвержденный же Сталиным план, разработанный штабом ЛВО, Александр Михайлович охарактеризовал следующим образом:

«По этому варианту основные войска округа объединялись в 7-ю армию двухкорпусного состава (19-й и 50-й корпуса), на которую и возлагалась задача прорвать в случае агрессии на Карельском перешейке линию Маннергейма и разгромить здесь главные силы финляндской армии. Командование войсками 7-й армии было возложено на командарма 2-го ранга В. Ф. Яковлева, с 7 декабря 1939 года — на К. А. Мерецкова. А севернее, на огромном фронте протяженностью около 1500 км, предусматривались действия крайне слабых 8-й армии комдива И. Н. Хабарова, 9-й армии комкора В. И. Чуйкова и 14-й армии комдива В. А.

Фролова».

Раз Василевский особо подчеркивал слабость советских сил к северу от Ладожского озера, можно предположить, что Шапошников, в отличие от Мерецкова, предлагал создать более мощную группировку в этом районе. Однако главный удар Генштаб все равно планировал наносить на Карельском перешейке. Не исключено, что план Шапошникова имел в виду использование большего числа соединений, чем план Мерецкова. Однако бросить одновременно против линии Маннергейма больше дивизий, чем предлагал Мерецков, все равно не было возможности из-за малой протяженности фронта. Использование же дополнительных дивизий севернее Ладоги не могло бы радикально повлиять на ход войны. Ведь, как мы увидим в дальнейшем, здесь советские войска ждали тяжелые неудачи отнюдь не из-за нехватки сил, а из-за неумения наладить снабжение и вести маневренные боевые действия в условиях бездорожья. Если бы был принят план Шапошникова, а не Мерецкова, это, вопреки распространенному мнению, вряд ли оказало бы существенное влияние на ход и исход войны.

Сам Шапошников в апреле 1940 года на выступлении высшего начальствующего состава по итогам финской войны о предвоенном плане действий против Финляндии сказал следующее:

«Основными направлениями развертывания наших сил считались два направления — Карельский перешеек и, затем, от Петрозаводска в обход укрепленной линии финнов на Карельском перешейке. Эти силы должны были взаимно действовать и стратегически и оперативно решать основную задачу — разгром бело- финской армии. Дальше наши силы были развернуты к северу, вплоть до самого Петсамо. Такое развертывание наших сил к северу заставило финнов растянуть свои силы и не позволило им сосредоточить на Карельском перешейке достаточно сил для того, чтобы перейти в контратаку, или отразить наше наступление и на петрозаводском направлении. Хотя надо сказать прямо, что на петрозаводском направлении финны взяли в середине декабря инициативу в свои руки и держали ее почти до конца войны».

Сталин на том же совещании остановился на первоначальной дислокации советских войск, двинутых против Финляндии:

«Правильно ли разместили наши военные руководящие органы наши войска на фронте? Как известно, войска были размещены на фронте в виде пяти основных колонн. Одна наиболее серьезная колонна наших войск — на Карельском перешейке. Другая колонна наших войск и направление этой колонны было северное побережье Ладожского озера с основным направлением на Сердоболь. Третья колонна — меньшая — направлением

на Улеборг. Четвертая колонна — с направлением на Торнио и пятая колонна — с севера на юг, на Петсамо».

Думаю, Иосиф Виссарионович не случайно назвал армии и оперативные группы колоннами. В начале войны он и руководители Красной Армии думали, что войска будут маршировать в колоннах победным маршем до Хельсинки и Ботнического залива, не встречая серьезного сопротивления.

«Правильно ли было такое размещение войск на фронте? — самому себе задавал вопрос Сталин. И отвечал на него с лукавством: — Я думаю, что правильно. Чего хотели добиться этим размещением наших войск на фронте? Если взять Карельский перешеек, то первая задача такая. Ведь на войне надо рассчитывать не только на хорошее, но и на плохое, а еще лучше предусмотреть худшее. Наибольшая колонна наших войск была на Карельском перешейке для того, чтобы исключить возможность для возникновения всяких случайностей против Ленинграда со стороны финнов».

О каких же «случайностях» думал всесильный диктатор? Неужто хотел убедить комбригов и комкоров, что финская армия в один прекрасный день могла двинуться на «колыбель Октябрьской революции»? В это они уж точно бы не поверили. И Иосиф Виссарионович намекнул, что вместе с Финляндией может оказаться кто-то из великих держав:

«Мы знали, что финнов поддерживают Франция, Англия, исподтишка поддерживают немцы, шведы, норвежцы, поддерживает Америка, поддерживает Канада. Знаем хорошо. Надо в войне предусмотреть всякие возможности, особенно не упускать из виду наиболее худших возможностей. Вот исходя из этого, надо было здесь создать большую колонну — на Карельском перешейке, — что могло прежде всего обеспечить Ленинград от всяких возможных случайностей».

Еще одну задачу «большой колонны» Сталин определил так: постараться «разведать штыком состояние

Финляндии на Карельском перешейке, ее положение, ее оборону». Тут он опять лукавил. Чтобы провести такую разведку боем, совсем не надо было привлекать основные силы Ленинградского военного округа и создавать марионеточное финское правительство. Правда, Иосиф Виссарионович, как стратег, не мог не отметить, что войска на Карельском перешейке должны еще были «создать плацдарм для того, чтобы, когда подвезем побольше войск... они имели плацдарм для прыжка вперед и продвижения дальше» и «взять Выборг, если удастся».

Задачи второй колонны — группировки войск к северу от Ладожского

озера — Сталин тоже определил как «штыковую разведку» и создание плацдарма для того, чтобы с подвозом войск «выйти в тыл линии Маннергейма». Точно так же, не балуя командиров разнообразием, задачи остальных колонн он охарактеризовал словами «разведка» и «создание плацдарма». Общий же замысел сводился к тому, чтобы «заставить финнов разбить свои силы. Резерв у нас больше, чем у них; ослабить направление на Карельском перешейке, в конце прорвать Карельский перешеек и пройти севернее — к Финскому заливу». Сталин, чтобы оправдать неудачу, пытался представить декабрьское наступление всего лишь как разведку боем. Таковым оно фактически и стало для советских войск, но размах подготовки и упорство действий показывает, что цели с самого начала преследовались гораздо более решительные.

Кроме того, из сталинской речи видно, что его преследовала идея двустороннего обхода и окружения противника. Войска на Карельском перешейке и севернее Ладоги должны были замкнуть кольцо вокруг главной финской группировки, оборонявшейся на линии Маннергейма. Правофланговым соединениям 9-й армии, двигавшимся на Торнио, ставилась задача соединиться с 14-й армией, наступавшей на Петсамо. Левофланговые же соединения 9-й армии должны были достичь города Оулу на берегу Ботнического залива и отрезать север Финляндии от юга.

Дислокация советских войск на 1800-километровом фронте от Баренцева моря до Финского залива была следующей. На крайнем левом фланге в направлении на Петсамо действовали 52-я и 104-я стрелковые дивизии 14-й армии. Еще одна дивизия этой армии, 14-я стрелковая, в боях так и не участвовала. Она охраняла берега Кольского залива от возможной высадки англофранцузского десанта, который мог бы прийти на помощь финнам. В северной Карелии на фронте в несколько сотен километров пытались перерезать Финляндию в самом узком месте три дивизии 9-й армии: 122-я, 163-я стрелковые и 54-я горнострелковая. На подкрепление им с Украины перебрасывалась 44-я стрелковая дивизия. Кроме того, в тылу, в районе Архангельска и на побережье Белого моря, находились части 88-й стрелковой дивизии, также имевшей задачу противостоять неприятельским десантам. Эта предосторожность была совершенно излишней. Трудно представить, что Англия и Франция рискнут отправить свой экспедиционный корпус так далеко от баз снабжения в скованный льдами беломорский порт.

Южнее 9-й действовали соединения 8-й армии. 155-я и 139-я стрелковые дивизии были объединены в 1-й стрелковый корпус, наступавший по направлению к железнодорожной станции Йоэнсуу.

Важным железнодорожным узлом Лоймола должны были овладеть части 56-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся далее к югу. Наконец, по северному побережью Ладожского озера двигались 18-я и 168-я стрелковые дивизии вместе с 34-й танковой бригадой. Вскоре после начала войны они вместе с 56-й дивизией были объединены в 56-й стрелковый корпус. К линии фронта в полосе 1-го корпуса дополнительно выдвигалась 75-я стрелковая дивизия.

На главном направлении, против линии Маннергейма, наступала 7-я армия, которой до 7 декабря 1939 года командовал комкор В. Ф. Яковлев, а потом — К. А. Мерецков, ранее координировавший действия всех войск, вторгшихся на территорию Финляндии. В ее состав входили 49, 142 и 90-я стрелковые дивизии 19-го стрелкового корпуса и 43, 24 и 70-я стрелковые дивизии 50-го стрелкового корпуса, подкрепленные 1, 13, 20 и 35-й танковыми и 15-й и 35-й мотострелковыми бригадами и отрядом Карельского укрепленного района. Вскоре в бой вступили также 123, 138 и 150-я стрелковые дивизии и 40-я танковая бригада.

План операции 7-й армии предусматривал удары в двух расходящихся направлениях: на Выборг и на Кекс-гольм. Эти города рассчитывали «освободить» на 8—10 день войны. Потом, по замыслу руководства Ленинградского военного округа, левофланговые соединения продолжили бы поход на Хельсинки, а правофланговые — на северо-запад, навстречу дивизиям 8-й армии.

1 декабря 1939 года, в 21 час 50 минут, ТАСС передало сообщение об образовании нового правительства Финляндии. На следующий день в советских газетах появилось сообщение о том, что согласно радиоперехвату «сегодня в городе Териоки (на Карельском перешейке. — Б. С.) по соглашению представителей ряда левых партий и восставших финских солдат образовалось новое правительство Финляндии — Народное правительство Финляндской Демократической Республики во главе с Отто Куусиненом. В тот же день «Правда» опубликовала обращение ЦК Компартии Финляндии, где, в частности, говорилось:

«Весь рабочий класс, крестьянство, ремесленники, мелкие торговцы и трудовая интеллигенция, т. е. огромное большинство нашего народа, нужно объединить в единый народный фронт для защиты своих интересов, а к власти необходимо выдвинуть опирающееся на этот фронт правительство трудового народа, т. е. Народное правительство».

В его состав вошли видный деятель ВКП(б) и Коминтерна Отто Куусинен (председатель «народного правительства» и министр иностранных дел), Маури Розенберг (министр финансов), Тууре Лехен,

Армас Эйкия (министр земледелия), Инкери Лехтинен (министр просвещения), Пааво Прокконен (министр по делам Карелии). В первый же день своего существования «народное правительство» обратилось в Президиум Верховного Совета СССР с предложением об установлении дипломатических отношений между двумя странами. В тот же день в Кремле объявили о признании «правительства Куусинена» — собственной марионетки — в качестве полноправного субъекта международного права и установили с ним дипломатические отношения.

В годы перестройки советские историки выдвигали версию, что «правительство» в Териоках было образовано по инициативе финских коммунистов, а не по приказу Сталина. Но на самом деле тексты «радиоперехвата» и обращения составлялись не в Териоках, а в Москве, и редактировали их партийный идеолог Андрей Александрович Жданов и глава советского правительства Вячеслав Михайлович Молотов. На бумагах сохранились пометки, сделанные их рукой. Молотов, в частности, потребовал, чтобы упор в обращении делался не на поддержку Советского Союза, а на «восстание» против правительства в Хельсинки и на то, что «независимая и самостоятельная Финляндия возможна только в дружбе с СССР». В день начала войны он предупредил германского посла Шуленбурга: «Не исключено, что в Финляндии будет создано другое правительство — дружественное Советскому Союзу, а также Германии. Это правительство будет не советским, а типа демократической республики. Советы там никто не будет создавать, но мы надеемся, что это будет правительство, с которым мы сможем договориться и обеспечить безопасность Ленинграда».

Уже 2 декабря с «финляндской демократической республикой» был заключен в Москве договор о дружбе и взаимопомощи. Любопытно, что его проект был подготовлен НКВД еще 22 ноября. Согласно этому договору ФДР, ввиду близкого родства карельского и финского народов, передавалась вся территория Карельской Автономной Советской Социалистической Республики (70 тысяч кв. км), а СССР взамен получал 3970 кв. км территории на Карельском перешейке.

Ясно, что никакого восстания финских солдат и объединения вокруг «народного правительства» левых партий не было и в помине. «Финляндская демократическая республика» оказалась не более как пропагандистской декорацией. Согласно советской легенде Аксель Анттила стал командующим армией из солдат, восставших против «кровавой клики Маннергейма — Таннера», а между тем Финская Народная армия начала формироваться задолго до выстрелов у Майнилы и советского вторжения.

В роли «восставших солдат» выступали бойцы 1-го особого корпуса Народной армии Финляндии, который начал формироваться в Ленинградском военном округе еще 25 октября 1939 года, ровно за месяц до провокации в Майниле. В этот день согласно приказу наркома обороны СССР была сформирована 106-я стрелковая дивизия, которая незадолго до начала войны была переформирована в особый корпус с той же нумерацией. Обратим внимание читателя на то, что к тому времени в Красной Армии стрелковые корпуса носили нумерацию до 56-го. Его командиром и был назначен Анттила.

Почему корпус был назван особым? Потому что был сформирован из финского и карельского населения СССР. 23 ноября корпус переименовали в 1-й горнострелковый, а после вторжения Красной Армии в Финляндию назвали 1-м стрелковым корпусом Финской Народной армии, номинально подчинив его «правительству» Куусинена.

Первоначально корпус, вернее, его штаб находился в пригороде Ленинграда, где началось его комплектование финнами и карелами, жившими в Карелии. 27 ноября 1939 года — как раз в день сообщения советского правительства о «белофинской провокации» в районе Майнил — пришла директива штаба ЛВО о переброске корпуса в район города Пушкина. К этому моменту корпус имел в своем составе 4 стрелковых, а также артиллерийский и танковый полки. 10–12 декабря части корпуса совершили передислокацию в район Териоки, где находилось в тот момент «правительство ФДР». Чуть раньше, 8 декабря, 1-й горнострелковый полк убыл на север «для выполнения особого задания правительства». Он был направлен в район Петсамо (ныне — Печенга Мурманской области), который части 14-й армии заняли в начале декабря. К началу войны корпус состоял из 2 дивизий и насчитывал около 13 500 человек, а к 18 декабря — уже 18 000, причем пока подавляющее большинство бойцов и командиров составляли карелы и финны.

В феврале 40-го численность 1-го корпуса ФНА возросла до 25 тысяч человек в 4 дивизиях. Для пополнения его мобилизовали финское население Карелии и Ленинградской области. Однако финнов и даже людей с финскими фамилиями для укомплектования дивизий не хватало. Лиц с финским родным языком набралось, включая политических эмигрантов, не более тысячи человек. В результате в корпусе преобладали русские ингры — совершенно ассимилировавшиеся жители Ленинградской области финского происхождения, но по — фински уже не говорившие. Были и представители других советских национальностей, никакого отношения к Финляндии не имевшие и финским языком, разумеется, ни в какой мере не

владевшие.

Мой покойный отчим, Олег Григорьевич Лемтюжников, вспоминал, как по улицам Ленинграда маршировали солдаты 1-го стрелкового корпуса Финской Народной армии. Выражались они исключительно «по матушке» и без всякого акцента. Ну а боеспособность корпуса, собранного с бора по сосенке, оказалась крайне низкой. Пара столкновений с «белофиннами» показала, что бойцы Народной Армии предпочитали сразу же «брать ноги в руки» и уходить в тыл. На фронт их поэтому старались не направлять. Берегли для так и не состоявшегося парада в Хельсинки. Ведь в декларации «народного правительства» провозглашалось: «Первому финскому корпусу предоставляется честь принести в столицу знамя Финляндской Демократической Республики и водрузить его на крыше президентского дворца, на радость трудящимся и страх врагам народа». Однако Финской Народной армии выполнить эту почетную миссию так и не довелось.

В связи с нехваткой «настоящих финнов» Куусинен, Анттила и бывший тогда членом Военного совета Северо — Западного фронта Жданов отправили в Москву телеграмму:

«Сталину, Ворошилову. Для пополнения Финской Народной армии просим разрешить провести досрочный призыв граждан карел и финнов в Карелии, Ин- германландии и Калининской области, подлежащих призыву осенью 1940 года. Кроме того, разрешить произвести в Карелии и Ингерманландии призыв карелов и финнов 1899 года и частичный призыв граждан, находящихся на спецучете (как потенциальные финские шпионы! — Б. С.).

Кроме уже утвержденного наркомом первого стрелкового корпуса в составе двух дивизий на Карельском перешейке просим утвердить с учетом дополнительного призыва:

а) формирование на участке 8-й армии в районе Суоярви одной стрелковой дивизии;

б) на участке 9-й армии в районе Ухта отдельного стрелкового полка;

в) на участке Петсамо — Торнио пограничной дивизии».

В январе 1940 года подразделения 5-го и 6-го полков ФНА впервые участвовали в частных операциях на участке 8-й армии. Командир 3-й дивизии, в которую они входили, отмечал, что противник в этих столкновениях понес большие потери, а подразделения народоармейских полков продемонстрировали высокую боееспособность. Однако в действительности в боях 28–29 января, когда на остров Лункулан — саари был брошен батальон 6-го полка, бойцы ФНА бежали с поля боя при первой же контратаке своих соплеменников. Нечто подобное произошло и с

отдельным батальоном ФНА, действовавшим на фронте 9-й армии.

«2 февраля, — доносил комбат, — батальон занимал перекресток дорог у деревни Лендеры; в столкновении с белофиннами батальон потерял 11 чел. убитыми, 14 ранеными и 32 обмороженными. Противник оставил на поле боя 3 убитых. 13 февраля разведывательный дозор, высланный в направлении на Кухмо-ниemi, был уничтожен засадой противника, который потерь не имел».

После этого Анттила, заручившись поддержкой Ворошилова, отдал приказ: «По имеющимся у меня сведениям, со стороны командования соединений Красной Армии были попытки использовать части ФНА для решения частных боевых задач. Напоминаю, что части ФНА могут быть использованы **«ТОЛЬКО ПО ЛИЧНЫМ УКАЗАНИЯМ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ»**».

С 1 февраля 1940 года командование частей и соединений ФНА получило разрешение: «Если в вашем распоряжении не окажется националов (лиц карельской и финской национальности. — Б. С), можно комплектовать и русскими». Фактически так и поступали уже с начала января, особенно в танковых и артиллерийских — рийских подразделениях. Зачисляли не только русских, но и представителей других советских национальностей. Так, в списках стрелковых подразделений ФНА встречаются такие далекие от исконно финских фамилии, как Тажибаев, Полянский и Устименко. Поэтому 4 января 1940 года был отдан уникальный приказ:

«В части корпуса поступает пополнение самых разных национальностей. Этим могут воспользоваться в целях антисоветской пропаганды враги Советского Союза и Финляндской Демократической Республики. В целях конспирации приказываю: в частях, имеющих наибольшую прослойку бойцов и командиров нефинской национальности, присвоить бойцам и командирам финские фамилии».

Первым выполнили этот приказ начальник штаба корпуса комбриг Романов, ставший до середины апреля Райкасом, и начальник политотдела Терешкин — Тервонен.

Ускоренный рост численности личного состава корпуса привел к тому, что в 1-м стрелковом полку 1-й стрелковой дивизии из 2500 человек карелов и финнов стало примерно 75 %, во 2-м стрелковом — около 60 %, а в артиллерийском полку — чуть более половины. Заметим, что эта дивизия по планам советского политического руководства должна была первой войти в «освобожденные» Красной Армией Выборг и Хельсинки, чтобы продемонстрировать: Финляндию от ига клики Маннергейма —

Рюти — Таннера освободили финские трудящиеся.

Трудности возникали и со знанием финского языка. Большинство бойцов и командиров ФНА знали его плохо или не знали вовсе. Так, командир 1-го полка, незадолго до этого вернувшийся из заключения майор Аланнэ, отдал 20 декабря приказ:

«Всем командирам подразделений выделить преподавателей финского языка, хорошо знающих русский и финский языки; организовать в подразделениях в вечернее время двухчасовые занятия по изучению финского языка, обратив внимание на команды, опросную и разговорную речь. С 21 декабря все команды подавать только на финском языке».

Естественно, за сутки языку не научился никто, и через день появился новый приказ:

«Несмотря на мой приказ о переходе подач команд и разговорной речи на финском языке во всех подразделениях полка, проверкой установлено, что командный состав этот приказ не выполняет. Категорически требую выполнения моего приказа и напоминаю, что за невыполнение приказов виновные будут подвергаться дисциплинарным взысканиям. Командный состав, не знающий финского языка, обязан иметь на руках выписки строевых команд и ими руководствоваться».

Ненамного лучше обстояло дело с обучением языку «родной страны» и в других частях корпуса. В связи с этим начальник штаба корпуса комбриг Райкас — Романов отдал приказание:

«Из доклада учителя финского языка явствует, что посещаемость занятий по изучению финского языка командным составом управления корпуса весьма низкая. Из 25 человек, изучающих язык, на занятиях зачастую присутствуют 3–4. Напоминаю, что изучение финского языка — не добровольное дело, а служба и посещение занятий является обязательным для тех лиц, кои не знают языка. Строго предупреждаю всех, что в дальнейшем на лиц, отсутствующих на занятиях без уважительных причин, буду накладывать дисциплинарные взыскания, вплоть до ареста. Занятия вести ежедневно по 2 часа для группы».

Только 21 февраля 1940 года, через 10 дней после начала Красной Армией решающего штурма линии Маннергейма, две дивизии ФНА, расположенные на Карельском перешейке, двинулись на фронт. 26 февраля один из полков получил важную боевую задачу: «Произвести очистку полуострова Койвисто от возможных белофинских банд». Однако выполнить ее народоармейцам так и не пришлось.

В начале марта соединения 7-й армии вышли на подступы к Выборгу. Штаб Северо — Западного фронта считал, что главный город Карельского

перешейка можно занять в течение суток. Поэтому командующий Северо — Западным фронтом С. К. Тимошенко отдал приказ, запрещающий участие полков и батальонов особого корпуса в активных боевых действиях. Финскую Народную армию берегли для торжественного вступления в Выборг. 2 марта Анттила отдал распоряжение о подготовке для этого парада одного из ее стрелковых полков. Однако днем раньше подразделениям 2-й дивизии пришлось принять участие в бою: следуя по дороге, танкисты 1-й танковой бригады приняли бойцов ФНА за противника и открыли огонь. Правда, последние быстро ретировались, поэтому потери ограничились тремя ранеными.

Взять Выборг не удалось., 4 марта командующий Северо — Западным фронтом отдал приказ о совместных действиях лыжного батальона 1-й дивизии с 43-й дивизией 7-й армии, которая вела бои за остров Сунион — саари. Однако уже на следующий день этот приказ был отменен. Видно, посчитали задачу слишком сложной и опасной для народоармейцев.

Зато 9 марта особому корпусу было поручено вполне посильное задание: «Сбор трофейного имущества, оставленного белофиннами при отступлении, а также организация охраны народнохозяйственных объектов». Фактически в февральско — мартовских боях на Карельском перешейке от ФНА приняли участие только дивизион 1-го артиллерийского полка и полковая батарея 2-го стрелкового полка, оказывавшие с 6 по 13 марта огневую поддержку частям 43-й дивизии. За это время подразделения ФНА, если верить их донесениям, уничтожили несколько огневых точек и 2 танка противника, потеряв при этом 2 человек убитыми и 9 ранеными. Действия «финских» 5-го и 6-го стрелковых полков, входивших в состав 8-й армии, ограничились несколькими разведывательными поисками.

Несмотря на все попытки Кремля представить ФДР вполне дееспособным государственным образованием, в Европе сразу поняли, что к чему. Уже 3 декабря газета «Тайме» писала: «Целью его («правительства» Куусинена. — Б. С.) является превращение Финляндии в страну наподобие внешней Монголии». Тщетными были все усилия советской дипломатии: ни одна страна в мире, кроме упомянутой Монголии и в ту пору еще формально независимой Туву, не признала «финляндскую демократическую республику». И в Финляндии, и в остальном мире отношение к «правительству» Куусинена было одинаковым: надо иметь дело с законным правительством, а не с марионеткой.

Непризнанное ни одной страной мира, кроме СССР, «правительство» Куусинена было фантомом. Фикцией было и его пребывание в Териоках —

первом относительно крупном финском населенном пункте, занятом Красной Армией. Там прошло только единственное заседание — 1 декабря. А затем Отто Вильгельмович почти всю войну благополучно пребывал в советском Петрозаводске, глубоко в тылу. В Финляндии ему действительно делать было нечего.

Финский народ не признал сталинских марионеток. Даже сражавшиеся в 1918 году с Маннергеймом финны, бывшие бойцы Красной гвардии, теперь добровольно переходили в армию хельсинкского правительства. По всей стране происходил патриотический подъем. Война с СССР воспринималась народом как борьба за свободу и независимость Финляндии. Сообщение же о создании «правительства» Куусинена было с возмущением воспринято как стремление СССР аннексировать всю Финляндию, превратив ее в одну из советских республик. Маннергейм в связи с этим заявил, что «единственной возможностью спасения является продолжение борьбы, в которой должны принять участие все жители страны».

Советским руководством в начале второй декады декабря были разработаны «Практические меры по созданию Народного Фронта на территории Финляндии», согласно которым в «освобожденных» от власти «белых» местностях следовало:

«1. Распространять декларацию Народного правительства, договор, заключенный между Финляндией («правительством» Куусинена. — Б. С.) и СССР, газету «Кансан валта» («Народная власть»), обращение ЦК Компартии Финляндии и другие коммунистические издания.

2. Выяснить настроения и острейшие нужды местного населения. В первую очередь рабочих и крестьян. Если белым удалось внушить части трудового народа такое предубеждение, что виновниками его страданий являются коммунисты или Советский Союз и Красная Армия, то надо немедленно принять особые энергичные меры (развернуть работу пропагандистов, распространять особые листовки, составленные с учетом условий данной местности, и т. д.) для того, чтобы как устными, так и печатными средствами пропаганды убедительно показать лживость демагогии белых.

В теснейшей связи с мероприятиями Народного правительства, уполномоченных по снабжению и других административных органов необходимо развернуть практическую работу по оказанию на первых порах помощи трудовому населению, находящемуся в наиболее тяжелом положении, поскольку нельзя забывать, что широкие массы трудового населения будут созда — вать свое мнение о новой правительственной

власти прежде всего на основе того, как ее представители и вообще коммунисты с самого начала на деле заботятся об интересах трудового народа».

Далее предписывались мероприятия по организации на финляндской территории «народного фронта» с целью:

«1. Положить начало организованному массовому движению разных слоев трудового народа на основе программы Народного правительства.

2. Выявить и выдвинуть активистов, пользующихся массовым влиянием и способных содействовать дальнейшему развитию движения Народного Фронта.

3. Добиться образования влиятельного и работоспособного комитета единого фронта, поддерживающего Народное правительство из представителей разных групп, организаций и слоев трудового народа».

При этом собрание «народного фронта» должно было определить свою позицию по следующим вопросам:

«а). Осуждение бывшего режима и затеянной им войны;

б). Одобрение образования Народного правительства и его программы;

в). Целесообразность создания совместного фронта всех слоев трудового народа;

г). Какие наиболее неотложные меры необходимо в данной местности предпринять со стороны комитета Народного Фронта, местных органов управления и самого населения».

Любопытны функции, которыми собирались наделить комитеты:

«Комитеты Народного Фронта содействуют местным властям и органам коммунального самоуправления или же заменяют их, если в данной местности нет таких органов или же их надо устраивать, так как они находятся в руках врагов народа (без «врагов», ясное дело, никак нельзя. — Б. С.). При этом комитеты Народного Фронта должны сосредоточить свою деятельность прежде всего на оказании помощи нуждающемуся населению, организацию добровольной деятельности граждан для такой помощи (это словесное построение можно заменить одним понятным словом «раскулачивание». — Б. С.Л на первые необходимые работы по устранению вызванных войной разрушений и на содействии выдачи властям опасных для общества врагов народа».

Впоследствии они должны были выполнять роль «передаточных ремней между Народным правительством и широкими массами трудового народа».

Последним документом «народного правительства», опубликованном в

советской печати, стало послание Куусинена наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову в связи с 22-й годовщиной РККА. Отто Вильгельмович выражал уверенность в том, что «Великий Советский Союз обеспечит независимость нашей родины от всех империалистических акул и тем самым обеспечит и свободную мирную жизнь нашего народа. С помощью славной Красной Армии и Военно — Морского Флота СССР наш народ скоро добьется своего полного освобождения от варварского ига плутократической шайки Маннергейма — Рюти — Таннера, преступных провокаторов войны, подкупленных иностранными империалистами».

В январе — феврале была сформирована 4-я (пограничная) дивизия ФНА, охранявшая границу с Норвегией. Началось также формирование 5-й дивизии, но в связи с окончанием войны это соединение так и не было создано.

Вскоре после заключения договора о перемирии «правительство Финляндской Демократической Республики» было преобразовано в правительство Карело — Финской ССР, созданной из Карельской автономной республики и тех территорий, что были отторгнуты от Финляндии. Была расформирована и Финская Народная армия, так и не стяжавшая славы на поле брани. После окончания боевых действий ее бойцам была доверена почетная миссия. На Карельском перешейке и в Карелии они занимались сбором и захоронением трупов погибших советских и финских солдат. В начале июня 1940 года 1-й корпус ФНА был преобразован в 71-ю особую стрелковую дивизию, сформированную из финнов и карелов призывного возраста. Ее командиром был назначен все тот же Аксель Ант-тила, получивший звание генерал — майора.

После нападения на Финляндию Советский Союз был исключен из Лиги Наций. Еще 3 декабря постоянный представитель Финляндии в Лиге Р. Холсти направил генеральному секретарю Ю. Авенолу обращение финского правительства, в котором сообщалось, что Советский Союз разорвал договор о ненападении и неожиданно вторгся на финскую территорию. Финны просили созвать Совет и Ассамблею Лиги, чтобы осудить эту агрессию. Авеноль передал текст обращения Молотову и заявил, что будут проведены заседания Совета и Ассамблеи. 4 декабря Молотов ответил, что СССР не будет участвовать в заседаниях, поскольку не находится с Финляндией в состоянии войны, а, напротив, заключил договор о дружбе и взаимопомощи с «правительством Финляндской Демократической Республики». Эта пропагандистская уловка никого не могла обмануть. 13–14 декабря Ассамблея и Совет Лиги Наций одобрили резолюцию, где осуждалась советская агрессия против Финляндии и

признавалось, что «Советский Союз своими действиями поставил себя вне Лиги Наций». За эту резолюцию проголосовало 7 из 15 членов Совета и 29 из 52 членов Ассамблеи.

Практических последствий — введения против СССР предусмотренных уставом Лиги санкций — это решение не имело. Москва не признала его законность. Однако резолюция Лиги Наций стала для Финляндии сильной моральной поддержкой. Общественное мнение западных государств было целиком на стороне финнов. Так, в США в ответ на вопрос, «на чьей стороне ваши симпатии в советско — финском конфликте», 88 % опрошенных поддержали Финляндию и только 1 % — Советский Союз.

Между тем боевые действия проходили совсем не так, как рассчитывал Сталин. Только на Крайнем Севере Красная Армия не встречала сильного сопротивления. Здесь одна усиленная финская рота никак не могла противостоять двум советским дивизиям. Финны в первые же дни эвакуировали порт Петсамо (Печенга). В дальнейшем они с боями отступили на 130 км южнее. Теперь от Красной Армии финские войска, численность которых увеличилась до усиленного батальона, отделяла тундра, где невозможно было вести крупномасштабное наступление. Да и в условиях полярной ночи, когда светлого времени всего полтора- два часа, много не повоюешь.

Вот как развивались события на этом театре. Действовавшая тут советская 14-я армия по своему составу фактически представляла собой всего лишь усиленный стрелковый корпус: 3 стрелковые дивизии, 2 танковых батальона, авиационная бригада. 25 ноября, когда еще не была закончена переброска морем 52-й стрелковой дивизии, 14-я армия насчитывала 38 822 человека, 217 орудий и 38 танков. Строго говоря, для тех небольших подразделений, что были у финнов в районе Петсамо, такое количество советских войск явно избыточно. Тем более что никакого влияния на исход войны бои на этом сугубо второстепенном направлении оказать не могли, а природные условия (тундра) не позволяли вообще использовать большие силы.

Даже тот факт, что командование Красной Армии весьма опасалось высадки англо — французского десанта на Кольский полуостров, не оправдывает неразумной концентрации войск на Крайнем Севере. Ведь для охраны собственно побережья были выделены лишь основные силы 14-й стрелковой дивизии. Из ее состава только один полк участвовал в боях с финнами.

К исходу 30 ноября войска 14-й армии овладели западной частью

полуостровов Рыбачий и Средний и начали продвигаться к Петсамо и Линнахамари. 104-й горнострелковой дивизии 14-й армии была поставлена задача с рубежа реки Титовка овладеть районом Луостари во взаимодействии с 95-м стрелковым полком 14-й дивизии и 58-м стрелковым полком 52-й дивизии, наступавшими с полуострова Рыбачий. В дальнейшем соединения 14-й армии должны были продвигаться на юг, чтобы содействовать наступлению 9-й армии и попытаться взять с него противника в клещи.

Против 104-й дивизии первое время неприятеля вообще не было, и она совместно с пограничниками двигалась на запад, не встречая сопротивления. Основные силы финской армии в районе Петсамо (Печенги) в составе одного усиленного батальона до 2 декабря удерживали два наших полка на перешейке, отделявшем полуостров Средний от материка. К вечеру 2 декабря 58-й и 95-й стрелковые полки заняли Петсамо, после чего началась переброска в этот порт из Мурманска остальных частей 52-й стрелковой дивизии.

3 декабря советские войска взяли Луостари. Финны начали отход, опасаясь окружения. 95-й стрелковый полк возвратился на полуостров Рыбачий, а 58-й, чьи станковые пулеметы и артиллерия еще находились в пути на Петсамо, занял оборону. В этой ситуации командование 104-й горнострелковой дивизии отдало приказ о подготовке налета на позиции противника в ночь на 5 декабря. Распоряжение не было отменено и после того, как пограничники, хорошо владевшие лыжами и знавшие местность, известили штаб дивизии о том, что они не смогут участвовать в операции.

Сначала операция развивалась успешно. Роте 273-го полка удалось захватить 5 автомашин и 3 орудия, но часовой, убитый мгновением позже, успел подать сигнал тревоги. В ночном бою командир потерял управление ротой, которая при контратаке противника отошла, ведя беспорядочный огонь. Финны не только вернули потерянные было орудия, но и добавили к ним трофеи: 4 станковых и 4 ручных пулемета. Потери в личном составе злополучной роты составили почти половину штатной численности: 33 убитых и 32 раненых. Лейтенанта, который так неудачно командовал ротой, отдали под суд и расстреляли.

12 декабря после подхода всех подразделений 52-й стрелковой дивизии наступление возобновилось. Финны начали отходить по шоссе на Рованиеми, минировав его и устраивая завалы. 15 декабря они оставили без боя поселок Сальмиярви. Вечером 16 декабря подразделения 58-го стрелкового полка встретили упорное сопротивление противника, оборонявшегося на 95-м километре шоссе. Финны вели бой до вечера 17

декабря и отошли, увидев, что против них разворачивается весь полк, поддерживаемый ротой танков и дивизионной артиллерией. На следующий день полк занял поселок Питкяярви.

Начальник штаба 104-й дивизии, думается, был одним из немногих советских командиров, кто по — на- стоящему ценил жизнь своих подчиненных. В журнале боевых действий дивизии он оставил запись о бое 17 декабря: «Излишняя смелость командного и политического состава привела к большим жертвам». А по донесениям, за весь период боев с 1 по 18 декабря 1939 года дивизия потеряла всего лишь 7 человек убитыми и 54 ранеными.

19 декабря командование 104-й дивизии получило приказ штаба 14-й армии о переходе к обороне. К этому времени 58-й стрелковый полк, являвшийся головным, находился на 110-м километре дороги, продвинувшись несколько юго — западнее Питкяярви. Потери всех частей и соединений 14-й армии за месяц, с 30 ноября по 30 декабря 1939 года, составили 64 человека убитыми, 111 ранеными, 2 пропавшими без вести и 19 погибшими от разного рода несчастных случаев, в основном от пожаров.

Потом на Крайнем Севере установилось долгое затишье. Несколько небольших боев произошло там лишь в последние две недели войны. 26 и 27 февраля 52-я стрелковая дивизия вела бой с целью вывести из окружения разведывательный отряд штаба 14-й армии. 205-й стрелковый полк атаковал противника на 106-м километре шоссе Петсамо — Рованиemi — причем часть финнов, численностью около роты, вынуждена была уйти на территорию Норвегии. 7 марта этот же полк при поддержке 411-го танкового батальона овладел поселком Наутси, потеряв при этом всего 2 человек убитыми и 6 ранеными. Именно 52-я стрелковая дивизия, выполнявшая сугубо тактическую задачу, глубже всех проникла на территорию Финляндии: с занятием Наутси она достигла 150-го километра Рованиемского шоссе. Ее потери были незначительны: за всю войну в дивизии погибли 63 человека (из них 6 — при пожарах в землянках), 134 были ранены (из них 22 обожжены при пожарах), 6 — контужены и 133 — обморожены. 14-я же армия в целом за период с 30 ноября 1939 года по 13 марта 1940 года потеряла 181 убитого, 2 пропавших без вести, 301 раненого и 101 обмороженного. Однако тут небольшие потери были следствием не какого-то особого умения командующего армией комкора Валериана Александровича Фролова, а слабым сопротивлением финнов.

Совсем иной была ситуация на линии Маннергейма и в районах к северу от Ладожского озера. Важнейшим в стратегическом отношении участком фронта был Карельский перешеек, с овладением которым

открывалась прямая дорога на Хельсинки.

Здесь в начале войны 6 финских пехотных дивизий вместе с приданными им частями усиления насчитывали 133 тысячи человек, 360 орудий и минометов и 25 танков. Они были объединены в армию «Карельский перешеек», которую по имени командовавшего ею до 20 февраля 1940 года генерала называли еще «армией Эстермана».

Наступавшие на линию Маннергейма войска советской 7-й армии имели 400 тысяч бойцов и командиров, 1,5 тысячи орудий и минометов и более 1 тысячи танков. Их поддерживали около 700 самолетов, а также артиллерия и авиация Балтийского флота.

Первоначально 7-й армии противостояли лишь слабые финские части прикрытия численностью около 22 тысяч человек. Они смогли с боями отойти к главной полосе обороны. Гражданское население с оставляемой территории эвакуировалось, а дома и постройки сжигались, чтобы в них не могли разместиться советские войска. Таким образом, финны первыми во Второй мировой войне применили тактику «выжженной земли». При этом им удалось практически полностью эвакуировать свое мирное население — в отличие от советской тактики «выжженной земли» в 1941 году и от немецкой тактики «выжженной земли» в последующие годы, когда дома уничтожались специальными командами «факельщиков», а большинство жителей эвакуировать так и не успевали.

Вечером 2 декабря 1939 года, на третий день боев, преодолев предполье, к линии Маннергейма у устья реки Тайпален — йоки подошла первая из советских дивизий — 49-я стрелковая, входившая в состав 19-го стрелкового корпуса. К 12 декабря финских укреплений достигли и основные силы советской 7-й армии. Наступление проходило трудно.

Первоначально штаб армии планировал высадить в тыл укрепленного района в устье Тайпален — йоки противника десант с боевых и вспомогательных кораблей Ладожской военной флотилии, но как раз 2 декабря

пришел приказ об отмене высадки «ввиду отсутствия транспортных судов». Поэтому возникла необходимость форсировать реку, представлявшую собой серьезную водную преграду. Тайпален — йоки у устья в ширину достигала 180, а в глубину 8 метров. Вода в реке еще не замерзла. Западный скалистый берег был хорошо укреплен противником, а восточный, пологий, занятый нашими полками и батальонами, отлично просматривался финнами с наблюдательных пунктов. Для переправы через Тайпален — йоки 49-я дивизия получила в оперативное подчинение 19-й стрелковый полк 142-й стрелковой дивизии, 116-й артиллерийский полк

резерва Главного Командования (РГК) и 2 моторизованных понтонных батальона. Для обеспечения внезапности форсирования реки командир дивизии комбриг П. И. Воробьев отдал приказ использовать дымовую завесу, однако командующий 7-й армией комкор В. Ф. Яковлев почему-то запретил применение дымов.

Артиллерийская подготовка началась в 8 часов утра 5 декабря и продолжалась 4 часа. Она не дала ожидаемого результата, поскольку командиры полков и батарей не имели сведений о расположении огневых точек и укреплений противника. Стреляли по площадям и в белый свет как в копеечку.

Форсирование реки происходило на трех участках. На первом переправлялись 2 роты 15-го стрелкового полка, на втором 2 батальона 222-го стрелкового полка 49-й дивизии, на третьем — 19-й полк 142-й стрелковой дивизии. На первом участке две роты, высадившись с резиновых лодок, смогли захватить открытый маленький пятачок на западном берегу, но вскоре были прижаты к земле ураганным огнем из пулеметов и минометов. Несколько лучше обстояло дело на других участках, но и там положение переправившихся было крайне сложным. Большое количество огневых средств противника во время артиллерийской подготовки не было подавлено. И когда на восточном берегу Тайпален — Йоки безо всякого соблюдения мер маскировки сосредоточились автомобили с переправочной техникой 7-го понтонного батальона, финская артиллерия открыла прицельный огонь. В считанные минуты понтоны были уничтожены, и подразделения на западном берегу стали испытывать большие трудности в снабжении боеприпасами. В полосе 19-го стрелкового полка саперам удалось, однако, навести наплавной мост. Благодаря этому с наступлением темноты подразделения получили все необходимое и удержали равнинный пятачок в 2 км по фронту и 3,5 — в глубину. Но дальше перед наступающими поднимались скалы, и продвижение застопорилось.

На следующий день к 11 часам утра 6-й понтонный батальон навел в полосе 19-го полка понтонную переправу, но на остальных участках этого сделать не удалось. Мощность советской артиллерии оказалась недостаточной, чтобы с закрытых позиций подавить финские огневые точки, прикрытые мощными гранитами. Попытки же артиллеристов вывести орудия на прямую наводку приводили только к новым потерям. Не удалось разрушить укрепления противника и огнем нескольких танковых батальонов: 45-мм танковые пушки оказались слишком слабы, чтобы выполнить эту задачу даже с дистанции прямого выстрела. Поэтому в

течение 8—11 декабря подразделения 15-го и 222-го стрелковых полков вынуждены были возвратиться на восточный берег. Из 150 участвовавших в атаке советских танков подбито было 35.

Неудача с форсированием Тайпален — йоки привела к замене Яковлева Мерецковым на посту командующего 7-й армией. Захваченный же плацдарм не оправдал возлагавшихся на него надежд, поскольку насквозь простреливался финнами с окружающих его скал. Здесь новые попытки наступления вели только к большим и напрасным потерям: противник легко отражал атаки, подготовка и развитие которых прекрасно просматривались на открытой местности. Незадолго до войны финны специально вырубали здесь весь лес и кустарник на прилегающей к реке территории.

Положение не изменилось и после того, как 9 декабря вместо измотанного непрерывными боями и понесшего значительные потери 19-го полка на плацдарм переправились 469-й и 674-й стрелковые полки 150-й стрелковой дивизии. Ранее эта дивизия находилась в резерве правофланговой группы 7-й армии. 10 декабря после упорного боя 469-й полк овладел деревней Коукканиеми. Победа, однако, стала пирровой. Подразделения понесли такие большие потери, что в ночь на 11 декабря их пришлось вывести во второй эшелон на восточный берег. Их место на позициях занял 756-й стрелковый полк. После недельной передышки атаки возобновились 19 декабря. Подразделения раз за разом шли в лоб на укрепления Тай-паленекого УР, доходили до проволочных заграждений, но залегали под массированным огнем противника и отходили на исходные позиции, оставляя убитых и раненых. Бессмысленные, бесплодные атаки продолжались четверо суток. Лишь вечером 22 декабря пришел приказ прекратить наступление и провести рекогносцировку и разведку, чтобы выявить финские доты.

За стратегически бесполезный плацдарм советское командование расплатилось кровью солдат: только части 49-й дивизии, по явно заниженным данным ее штаба, в боях с 3 по 11 декабря потеряли 573 человека убитыми, 2324 ранеными и более 100 пропавшими без вести.

Пока 19-й стрелковый полк вел упорные бои на тай-паленском плацдарме, остальные части 142-й стрелковой дивизии готовились к броску через озеро Суванто — ярви в самом узком его месте — так называемом Кивиниемском горле. Командование дивизии хотело тщательно подготовить форсирование озера справа от протоки, соединявшей две части Суванто-ярви. Однако недостаток артиллерии (дивизия не была усилена артиллерийскими частями из РГК) и, что еще

важнее, времени, необходимого для разведки укреплений противника, не позволил успешно провести операцию. 6 декабря после артиллерийской подготовки части дивизии двинулись на штурм укреплений на левом берегу. Однако у Суванто — ярви повторилось то, что произошло на Тайпален — йоки. Огневые точки финнов не были подавлены и обрушили на атакующих град мин, снарядов и пуль. Из-за шквального огня, да еще и в ледяной воде, не удалось навести понтонный мост, поэтому в передовых подразделениях вскоре стал ощущаться острый недостаток боеприпасов. Командование дивизии отправило на помощь пехоте танки — амфибии Т-37, но часть из них ввиду сильного течения в протоке вынуждена была вернуться обратно. А от тех машин, что добрались до противоположного берега, толку было мало. Недостаточная мощность их моторов не давала танкистам взобраться на ледяную кромку у берега, а слабое вооружение (всего один пулемет) и ненадежная броневая защита не позволяли приблизиться к финским позициям. В ходе неудавшейся танковой атаки три боевых машины перевернулись, похоронив на дне озера их экипажи.

Передовые подразделения, форсировавшие горловину, оказались в труднейшем положении: боеприпасы заканчивались, финны вели уничтожающий пулеметно — минометный огонь, помощи ждать было неоткуда, надвигалась ночь. Поэтому оставшиеся в живых под огнем противника переправились обратно на немногих уцелевших лодках.

8 и 9 декабря по приказу, отданному еще вечером 6 декабря командующим 7-й армией В. Ф. Яковлевым, 142-я дивизия готовилась к повторной попытке форсирования озера. Однако 10 декабря командовавший правофланговой группой войск армии комкор В. Д. Грендаль отменил эту операцию как абсолютно бессмысленную. Вместо этого полки и батальоны 142-й совершили перегруппировку и заняли весь южный (правый) берег Суванто — ярви. В результате фронт дивизии увеличился до 52 км. Правда, вскоре район у Кивиниеми заняла 4-я стрелковая дивизия, но 142-й взамен добавили новый участок, и 30 декабря ее линия фронта составляла 48 км. Это не позволяло надежно прикрывать берег Суванто — ярви. Здесь в советский тыл свободно проникали финские разведывательные и диверсионные группы. Они внезапно нападали на обозы и колонны, скапливавшиеся в заторах на немногочисленных дорогах. В результате частям 142-й дивизии 14 декабря пришлось проводить настоящую операцию по очистке тыла от диверсантов в районе Уосуккюля.

Не имели успеха попытки наступать и по другую сторону Кивиниемского горла. Вечером 5 декабря пришел приказ о переброске 90-й стрелковой дивизии в район Кивиниеми для проведения операции по

форсированию реки Вуоксен — Вирта. К 11 часам 7 декабря стрелковые части дивизии вышли на правый берег реки, но ее артиллерия находилась еще на марше вместе с саперным батальоном. Штаб дивизии не успел провести ни войсковой, ни инженерной разведки берегов. Тем не менее В. Ф. Яковлев отдал приказ о начале форсирования реки, по сути, прямо с марша, безо всякой подготовки. В журнале боевых действий дивизии читаем: «Попытки возражений о возможности переправы в таких условиях успеха не имели, и переправа была начата с подходом головы 5-го понтонного батальона. Командование дивизии имело только возможность произвести рекогносцировку и отдать предварительные распоряжения, сосредоточить части в районе переправы и провести некоторые неотложные мероприятия».

Переправа была начата с приходом первых трех понтонов около половины пятого вечера, в полной темноте, и продолжалась до утра. Часть понтонов с личным составом 173-го стрелкового полка была подхвачена на середине реки сильным течением и отнесена

к разрушенному железнодорожному мосту. Другие были повреждены противником и затонули, поэтому противоположного берега достигли только 4 понтона с бойцами и командирами 3 рот. Попытка поддержать переправу силами роты Т-37 из 339-го танкового батальона также не увенчалась успехом: 5 танков застряли на подводных камнях и препятствиях у восточного берега, один перевернулся, а два оставшихся не смогли выбраться на западный берег. Высадившиеся бойцы рассыпались на несколько групп и под огнем противника залегли. Почти все высадившиеся, за исключением нескольких человек, вернувшихся вплавь, погибли или были захвачены в плен.

Неумение получить и проанализировать достоверные разведывательные данные о системе обороны противника и организовать взаимодействие различных родов войск стали главными причинами провала первого штурма линии Маннергейма. Мерецков вспоминал: «Перед началом действий я еще раз запросил разведку в Москве, но опять получил сведения, которые позднее не подтвердились, так как занизили реальную мощь линии Маннергейма... Красной Армии пришлось буквально упереться в нее, чтобы понять, что она собой представляет».

Начальник инженерных войск Северо — Западного фронта комбриг А. Ф. Хренов, выступая в апреле 1940 года на совещании по итогам советско — финской войны, признавал:

«Мы недооценили инженерную мощь укреплений финского театра, недооценили и в количественном, и в качественном отношении...»

Недооценили в первоначальном периоде необходимость и роль блокировочных (штурмовых) отрядов (групп), составленных из всех родов войск, и тесного взаимодействия между ними. В начале у нас были попытки железобетонные укрепления захватить или силами только пехоты, или силами саперов, или танками, но из этого ничего не получалось, и только после того, когда опыт этих разрозненных действий был изучен, систематизирован и войскам была дана специальная инструкция, мы быстро получили хорошо натренированные блокировочные (штурмовые) крупные и мелкие отряды и группы, которые успешно действовали по захвату и разрушению всех систем укреплений».

О том же говорил и командующий артиллерией 7-й армии комкор М. А. Парсегов:

«Мы нашего противника не знали, мы его знали вообще. Я, как начальник артиллерии ЛВО (три года там сижу), читал данные по разведке УР, где показано, что там есть столько-то огневых точек, но, в сущности, мы ничего не знали. Там указано, что бетонные сооружения построены примерно против 152-мм снарядов; это неправильно, они построены против 305-мм».

Здесь уважаемый Михаил Артемьевич по неведению допустил явное преувеличение. Большинство финских дотов как раз и были рассчитаны на то, чтобы выдержать попадание 152-мм снарядов, но не более. Лишь немногие новейшие доты могли устоять против огня орудий калибра 203 мм. Укреплений же, которым были не страшны 12-дюймовые снаряды, у финнов вообще не было. Выходит, в оценке мощи линии Маннергейма разведка не так уж и ошиблась. Просто советская артиллерия привыкла стрелять по площадям, редко использовала стрельбу прямой наводкой и плохо вела прицельный огонь. Мерецкову и другим командующим выгодно было списать свои промахи на разведку и рассказывать наркому обороны и самому Сталину сказки о невероятной силе финских позиций. Хренов, например, утверждал, что на Карельском перешейке было 285 дотов и 2026 дзотов, тогда как на самом деле дотов было 236, а дзотов — 607. Очевидно, советские командиры и блиндажи считали дзотами.

Медленно шло продвижение советских войск и в районе к северу от Ладожского озера. Уже 2 декабря нарком обороны выговаривал командованию наступавших здесь 8-й и 9-й армий: «Мы не можем болтаться долго в Финляндии, проходя 4–5 километров в день. Дела надо решать так, чтобы наши войска быстро вели решительное наступление».

Блицкриг, о котором мечтали Сталин, Ворошилов и Мерецков, явно не

удался. Большая неразбериха происходила с управлением войсками. Только 9 декабря 1939 года была образована Ставка Главного командования под формальным председательством Ворошилова. Членами Ставки стали Сталин, фактически руководивший ее работой, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов и начальник Генерального штаба РККА Б. М. Шапошников. В тот же день действовавшие против Финляндии войска 7-й, 8-й, 9-й и 14-й армий и Балтийский и Северный флоты были выведены из подчинения штаба Ленинградского военного округа и подчинены непосредственно Ставке. До этого координация действий войск осуществлялась из рук вон плохо, поскольку авторитета командующего ЛВО Мерецкова было явно недостаточно, чтобы заставить командующих армиями и флотами ему безоговорочно подчиняться. Особенно много неприятностей в первые недели боев доставляли мины. Кирилл Афанасьевич отмечал:

«Отступая, финны эвакуировали все мирное население, перебили или угнали домашний скот и опустошили оставляемые места. То тут, то там валялись в селениях и на дорогах брошенные как бы впопыхах велосипеды, чемоданы, патефоны, часы, бумажники, портсигары, радиоприемники. Стоило слегка сдвинуть предмет с места, как раздавался взрыв. Но и там, где, казалось, ничего не было, идти было опасно. Лестницы и пороги домов, колодцы, пни, корни деревьев,

лесные просеки и опушки, обочины дорог буквально были усеяны минами. Армия несла потери. Бойцы боялись идти вперед. Необходимо было срочно найти метод борьбы с минами, иначе могла сорваться операция. Между тем никакими эффективными средствами против них мы не располагали и к преодолению подобных заграждений оказались неподготовленными».

Ту же картину рисует и Воронов:

«Наши войска встретились с большим количеством инженерных «сюрпризов» — на дорогах и в поселках было разбросано много ярких предметов: патефонов, портсигаров и т. д. Достаточно было к ним притронуться, как взрывалась мина. После первых жертв красноармейцы стали осторожнее и даже научились обезвреживать эти «сюрпризы»... Мин было много. Наши войска не подготовились к уничтожению их. Специальной техники для обнаружения мин не было.

В первые дни войны А. А. Жданов принял в Смольном двух ленинградских инженеров, создавших новый миноискатель. Этот прибор быстро определял местонахождение даже очень мелких металлических предметов: маленькие гвозди, спрятанные в разных местах под толстым ковром кабинета, обнаруживались сразу, и в наушниках раздавались резкие

звуки. На меня это импровизированное испытание произвело сильное впечатление.

Тотчас была заказана первая серия миноискателей, которые быстро поступили на вооружение. Хотя они были довольно примитивны, но принесли много пользы».

Мерецков рассказывает историю с миноискателем не в столь радужных тонах:

«...Жданов и я пригласили ряд ленинградских инженеров, в том числе возглавляемую профессором Н. М. Изюмовым группу преподавателей из Военной академии связи, и рассказали им о сложившемся положении. Нужны миноискатели. Товарищи подумали, заметили, что сделать их можно, мы заинтересовались сроком. Жданов ответил: «Сутки!»

— То есть как вас понимать? Это же немыслимо! — удивились инженеры.

— Немыслимо, но нужно. Войска испытывают большие трудности. Сейчас от вашего изобретения зависит успех военных действий.

Взволнованные, хотя и несколько озадаченные, инженеры и преподаватели разошлись по лабораториям. Уже на следующий день первый образец миноискателя был готов. Его испытали, одобрили и пустили в поточное производство. Перед наступающими частями ставили густой цепочкой саперов с миноискателями. Они обшаривали каждый метр местности и, как только раздавалось гудение в наушниках, сигналили, после чего мину взрывали. Эта процедура сильно замедляла продвижение. Зато имелась гарантия безопасности, и войска смело пошли вперед, преодолевая сугробы и снежные заносы при 45-градусном морозе, ледяном, обжигающем ветре и непрерывно борясь с «кукушками» — засевшими в нашем тылу на высоких деревьях финскими снайперами».

По всему видно, что на самом деле разговор Жданова и Мерецкова с инженерами был весьма жестким, и приглашенные в Смольный поняли, что в случае, если не уложатся в срок, беседа в конце концов может продолжиться в Большом Доме на Литейном, в ленинградском НКВД.

Но миноискатели сами по себе не могли обеспечить успеха. Наступление на линию Маннергейма застопорилось. Красная Армия столкнулась с еще одной неприятной неожиданностью. Многие финские пехотинцы оказались вооружены автоматами. Вот что пишет Воронов:

«...Еще в начале тридцатых годов нами был приобретен образец автомата «Суоми» и даже испытан комиссией специалистов по пехотному оружию. Комиссия вынесла решение: это — полицейское оружие, для боевых действий войск не пригодное. Конструирование и

производство подобных автоматов сочтено было делом лишним...

Теперь, столкнувшись с широким применением автоматов в финской армии, мы горько сожалели об этих просчетах.

Недооценка автомата объяснялась тем, что наши общевойсковые командиры слепо верили в силу одиночного винтовочного огня и боялись большого расхода боеприпасов. Многие говорили, что красноармейцу нельзя давать автоматическую винтовку, иначе патронов для нее не напасешься. Идеальной считалась винтовка системы Мосина со скользящим затвором для ручного перезаряжания после каждого выстрела. Надеялись на ручные и станковые пулеметы, которые имели хорошие баллистические качества, но излишне большой вес.

Теперь, уже во время боевых действий, началось лихорадочное конструирование и производство советских автоматов. Наш первенец — пистолет — пулемет Г. С. Шпагина (ППШ) с большой любовью был встречен в войсках».

Перед нами пример искаженного режимом сознания. Финны, которые действительно испытывали недостаток боеприпасов, не боялись вооружать свою пехоту автоматами. У нас по сравнению с крошечной Финляндией патронов и снарядов было немерено, а опасались дать красноармейцам автоматы: начнут изводить боезапас... Воронов признавал:

«Финская пехота умело использовала особые условия местности и стойко дралась в обороне. Инженерные сооружения и заграждения прикрывались многослойным огнем.

В районах расположения наших войск появились финские «кукушки»: одиночные стрелки — фанатики, прихватив с собой большой запас патронов, залезали на деревья и открывали внезапную стрельбу. Нередко «кукушки» действовали небольшими группами и своим перекрестным огнем обстреливали лесные дороги».

«Кукушки», о которых рассказывали не только Мерецков и Воронов, но и сотни советских ветеранов войны с Финляндией, — это не более чем легенда. В Финляндии категорически отрицают существование подобных снайперов — смертников. О «кукушках» нет никаких упоминаний ни в архивных документах, ни в воспоминаниях финских участников войны.

«Никто не встречал таких ветеранов, которые вспоминали бы о том, как они лазили по деревьям, — отмечает историк Охто Маннинен. — Финский солдат был... неизменным индивидуалистом. Он, естественно, использовал разнообразие ландшафта, но кажется маловероятным, чтобы солдата могли заставить залезть на дерево, ибо у него всегда должна была быть возможность отступить. Спуск с дерева потребовал бы слишком много

времени... Конечно, не исключено, что в определенных случаях финны устанавливали пулеметные точки на дереве, равно как и на чердаке какого-либо дома. У финских пограничников... были такие наблюдательные пункты на границе с СССР... У русских, вероятно, создалось впечатление, что финны подстерегают их на деревьях повсюду».

Действительно, «кукушка» не более чем особый, мрачный штрих созданного советской пропагандой образа коварного финна. Так, уже 3 декабря 1939 года газета «Правда» писала: «Белофинны все время практикуются воевать бандитскими способами. Они учатся стрелять с деревьев, рассыпаться небольшими группами, подкладывать мины... Живут по — звериному в окопах (а красноармейцы, в отличие от финнов, отрывали одиночные ячейки, что очень затрудняло управление подразделениями. — Б. С.)».

Со своей стороны добавлю, что в лесу эхо не позволяет определить, откуда именно был произведен выстрел, и у красноармейцев, бессильных перед неприятельскими снайперами, могло создаться впечатление, что огонь ведется с деревьев. Точно так же во время боев против ваххабитов в горах Дагестана летом и осенью 1999 года среди бойцов федеральных войск распространялись легенды о десятках вражеских снайперов с бесшумными винтовками. Между тем любой глушитель, как это хорошо известно, значительно снижает точность стрельбы и для снайпера только помеха. Столь же бессмысленно для меткого стрелка забираться на высокое дерево. Его успех зависит от быстрой смены позиции, а с дерева-то спускаться обыкновенно труднее, чем залезать на него.

Обе стороны вели пропаганду в войсках противника. В финских листовках, разбрасываемых над советскими позициями, красноармейцев призывали убивать командиров и комиссаров и сдаваться в плен. «Вам ваш Сталин говорит, что он не хочет и пяди чужой земли, а вас посылает воевать за чужую землю», — писали финны. Красноармейцам читать такое было строго — настрого запрещено. Командование не без основания опасалось, что финская пропаганда была созвучна настроениям многих бойцов и командиров. У финнов, наоборот, знакомиться с советскими листовками не возбранялось. Пассажи, вроде того, что «сотни тысяч рабочих и крестьян с радостным нетерпением ожидают приближения Красной Армии», и призывы «одетым в шинели финским рабочим и крестьянам» «подняться на борьбу против помещиков и капиталистов» только укрепляли решимость финнов бороться до конца.

Но вернемся к боям декабря 1939-го. 4 декабря советские войска вышли к главной полосе обороны линии Маннергейма на востоке, в районе

озера Суванто-ярви. 6-го числа они достигли финских укреплений в центре, на наиболее угрожаемом участке — у города Суммы. Здесь, где местность была свободна от лесов и болот, пролегали железная и шоссейная дороги на Выборг (Виипури). На западе, у побережья Финского залива, Красная Армия достигла основных оборонительных позиций финнов 10 декабря.

Столь же драматическая ситуация, как и в районах Тайпален — йоки и Суванто — ярви, сложилась и на других участках линии Маннергейма. Не помогли Красной Армии ни артиллерия, ни танки. Как свидетельствует бывший командир 2-го армейского корпуса финской армии «Карельский перешеек» генерал — лейтенант Харальд Эквист, «массы легких танков, введшихся в бой русскими в начале войны, не производили какого-либо впечатления на нашу оборону — их пропускали в глубину. Погоня за ними превратилась в спорт».

Финские солдаты пропускали советские танки через свои позиции, а потом артиллерийским и пулеметным огнем заставляли наступающую следом пехоту сначала залечь, а потом откатиться в исходное положение. Лишенные пехотного прикрытия, танки становились беззащитными перед противотанковыми пушками противника. Против танков финны использовали также мины и бутылки с зажигательной смесью. Последние они окрестили «молотовским коктейлем» — ирония в адрес тогдашнего наркома иностранных дел и главы советского правительства.

Описание одной из неудачных танковых атак в декабре оставил и Мерецков:

«Во время артиллерийской подготовки финские солдаты перебрались из траншей поближе к проволочным заграждениям. Когда же артиллерия ударила по проволоке, чтобы проделать проходы для красноармейцев, противник опять отошел в траншеи. Танковый командир Д. Г. Павлов не разобрался в обстановке. Ему представилось у что это наши ворвались в траншеи противника, а по ним ведет огонь своя артиллерия. Он позвонил по телефону К. Е. Ворошилову. Нарком обороны, услышав о происшедшем приказал прекратить артподготовку. Пока выясняли, что случилось, время ушло, и ворваться в расположение врага прямо на плечах его солдат не удалось. Момент был упущен... Артподготовка велась главным образом полевой обороне между дотами, с целью поразить живую силу. Многие доты так и не были вскрыты, а огонь прямой наводкой по ним не вели. Другой же вид огня к разрушению дотов не приводил. Поэтому-то ни один дот в тот раз и не был разрушен».

Финские новобранцы, случалось, испытывали страх перед танками.

Порой панику у них вызывало даже появление немногочисленных финских бронированных машин. Кому-то из резервистов казалось, что танки могут быть только у русских и, следовательно, противник уже в тылу. Однако подобные случаи проявления нестойкости по неопытности в финских рядах были крайне редки.

Красная Армия упустила наиболее благоприятный по условиям погоды период для наступления. В первой половине декабря снега было мало, и температура держалась около нуля. Со второй половины месяца ударили морозы и повалил снег. В 20-х числах температура упала до 20–30° ниже нуля, а в январе 1940 года по ночам были уже 40-градусные морозы. Толщина снежного покрова достигала одного метра, что вынуждало пехоту наступать только вдоль дорог, где ее легко могли задержать небольшие по численности финские отряды. Метель заметала землянки, шалаши и палатки, в которых красноармейцы пытались укрыться от морозов. Туман и обледенение затрудняли использование авиации.

Финны оказались гораздо лучше подготовлены для войны в зимних условиях. У них было заранее запасено теплое обмундирование и отрыты глубокие землянки, обшитые изнутри досками. К тому же финская армия располагала значительным количеством дотов и дзотов и занимала позиции в населенных пунктах, где солдаты могли укрыться в домах эвакуированного гражданского населения.

После перегруппировки войска 7-й армии 15–17 декабря предприняли новое наступление на востоке Карельского перешейка и 17–21 декабря — в центральной части в районе города Сумма. Оно окончилось безрезультатно. На поле боя остались десятки подбитых танков, в том числе 67 тяжелых. Это были громоздкие пятибашенные Т-35, плохо приспособленные к ведению той войны. Командир танка все равно не мог управлять огнем всех пяти башен, а тонкая 20–30-мм лобовая и башенная броня не спасала от финской противотанковой артиллерии эту маломаневренную машину — хорошую мишень.

Мерецков так описывает второй штурм линии Маннергейма:

«Атаковали главную полосу, однако безуспешно. Отсутствие опыта и средств по прорыву такого рода укреплений опять дало о себе знать... Обнаружилось, что оборона противника не была подавлена. Доты молчали, а когда наши танки устремлялись вперед, они открывали огонь и подбивали их из орудий с бортов, сзади, пулеметами же отсекали пехоту, и атака срывалась. Танки того времени, не имея мощного орудия, не могли сами подавить доты и, в лучшем случае, закрывали их амбразуры своим корпусом. Выяснилось также, что нельзя начинать атаку издали:

требовалось, несмотря на глубокий снег, приблизить к дотам исходное положение для атаки. Из-за малого количества проходов в инженерных заграждениях танки сгущались, становясь хорошей мишенью. Слабая оснащенность полевыми радиостанциями не позволяла командирам поддерживать оперативную связь (у финнов радиостанций тоже не хватало. — Б. С.). Поэтому различные роды войск плохо взаимодействовали. Не хватало специальных штурмовых групп для борьбы с дотами и дзотами. Авиация бомбила только глубину обороны противника, мало помогая войскам, преодолевавшим заграждения».

Действительно, советская авиация, как и артиллерия, бомбила почти исключительно по площадям, не нанося дотам никакого вреда. Для прицельного бомбометания и обстрела наземных целей не было пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков.

На апрельском совещании 1940 года Кирилл Афанасьевич нарисовал картину первоначальных неудач последующих удач:

«Первый период наступления в полосе предполья показал, что мы были подготовлены наступать слишком схематично. Когда при преодолении заграждений авангард задерживался и наступление теряло темп, то сейчас же развертывали главные силы и полностью их вводили в бой. В результате, пробив одну оборонительную линию, войска подходили ко второй в невыгодных боевых порядках, требовалась перегруппировка, на что затрачивалось лишнее время и в связи с чем суточное продвижение ограничивалось 5–7 км вместо 10.

В процессе боев мы убедились, что преждевременный ввод в бой главных сил, вызванный не слабостью авангарда, а задержкой его для организации наступления был вреден. Происходило это потому, что командиры, наученные строить боевой порядок по шаблону, с обязательным наличием второго эшелона, который применяется в случаях потери темпа наступления или для развития прорыва, несмотря на то, что встретились с такой обороной, когда нельзя было допустить механический ввод в бой вторых эшелонов, продолжали наступать по схеме устава.

Все это вызывало нарушение боевого порядка и приводило к наступлению без предварительной обработки и детальной разведки противника. Войска наступали сразу массой в развернутом порядке, за что тов. Сталин неоднократно нас упрекал, но мы, приученные к шаблону, этой ошибки быстро выправить не могли, и только боевая практика постепенно изжила этот недостаток.

Некоторые товарищи хотят все недостатки отнести за счет

качества войск, все неполадки сваливают на войска. Это будет несправедливо. В первый период войны на Выборгском направлении наступали кадровые войска, которые были хорошо подготовлены к бою, были дивизии тройного развертывания (где кадровые военнослужащие составляли только одну треть от общей численности; у военного руководства из-за низких боевых качеств такие дивизии получили ироническую кличку «тройчатка». — Б. С.), но они шли во втором эшелоне. Нечего на войска пенять, надо выявить ошибки, недостатки начальников и недостатки в обучении войск.

Как мы наступали на УР? Неправильно говорят, что мы пробовали УР брать с ходу, это неверно. Атака укрепленного района была подготовлена в соответствии с нашими уставными нормами... Взаимодействие было прочно организовано, люди работали хорошо, это подтверждают те, кто сам непосредственно видел это на поле боя. Артиллерийский огонь был дан такой мощный, что противник из траншеи бежал, но наступление все же было отбито. Почему? Потому что не сделали главного: не был разрушен бетон. Защитники обороны оставались в бетоне и пулеметным огнем отрезали пехоту, наступающую за танками. Мы видели героизм танкистов, прорвавшихся через УР, но благодаря тому, что бетон не был разрушен, разрыва между танками и пехотой мы ликвидировать не могли. Поэтому, для того чтобы взять укрепленную полосу, надо сперва разрушить бетон, а разрушить бетон можно только тогда, когда предварительно потрясешь всю систему обороны на участке прорыва.

После этой попытки прорыва было получено указание от главного командования, что нужно подойти к вопросу прорыва по — другому. Мы были вызваны в Москву и получили инструкцию лично от тов. Сталина о том, как нужно подойти к решению задачи прорыва. Это указание сводилось к следующему:

Во — первых, нужно рвать противника на широком фронте. Главное командование решило вести наступление одновременно на всех фронтах, причем отдельные армии должны были наступать в разное время, с тем чтобы лучше растащить резервы противника.

При подготовке операции прорыва учить войска на частных операциях и этими частными операциями вскрыть систему обороны противника. Следующее указание — резервные войска обучать на фронте, а не в тылу; обучать должны командиры, уже участвовавшие в боях.

До начала общего наступления разрушить бетон и обработать хорошенько передний край обороны противника, а также хорошо

оборудовать исходный плацдарм для наступления.

В соответствии с этими указаниями товарища Сталина мы и вели подготовку к прорыву. Мы выделили на каждый полк первого эшелона — четыре дня на обучение. В эти четыре дня была проведена с каждым полком репетиция атаки.

Я считаю, что успехи 7-й армии произошли именно потому, что мы полученные указания добросовестно выполнили... Нам удалось прорыв потому, что в соответствии с указаниями тов. Сталина одновременно атаковали весь фронт финнов, сковали все силы противника, растащили резервы и, когда получили прорыв, то смело, не боясь фланговых ударов со стороны приморской отсечной позиции и позиции севернее озера Муоляярви, приступили к развитию прорыва».

Забегая вперед, скажу, что Сталин использовал опыт Брусиловского прорыва. Как известно, командующий Юго — Западным фронтом для прорыва австрийского фронта в мае 1916 года создал несколько ударных группировок. Это затруднило противнику концентрацию сил для отражения предстоявшего наступления. Однако и Брусилову распыление собственных сил не позволило развить достигнутый первоначальный успех. Точно так же принятая Сталиным стратегия распыляла не только финские силы, но и резервы Красной Армии. Поэтому прорыв линии Маннергейма в феврале — марте 1940 года не увенчался разгромом финской армии: она смогла сохранить боевой порядок и отступить на новые позиции.

Вместе с тем идея наступления на широком фронте отражала некоторую боязнь советского командования повторения неудач на Карельском перешейке, к северу от Ладоги. Там соединения, дальше всех прошедшие на финскую территорию, подверглись фланговому обходу, а некоторые и окружению. Поэтому теперь было решено растянуть оборону противника с целью заставить его использовать в первые же дни свои немногочисленные резервы.

Не лучше обстояли дела и на море. Балтийский флот в начале декабря высадил десанты на островах в Финском заливе, ранее оставленных гарнизонами. Но недостатки в проведении разведки и оповещении кораблей десанта вызвали задержку в проведении операции и напрасный расход сил и средств (было сброшено более 2 тысяч бомб общим весом около 65 тонн). Авиационная и артиллерийская подготовка была проведена по укреплениям, уже оставленным противником. Более того, авиация Балтфлота ухитрилась накрыть огнем собственные корабли в походе и уже высадившихся на острова десантников. Корабли обстреливали финские береговые батареи по площадям, без корректировки и предварительной

разведки с воздуха. В тех редких случаях, когда с самолетов поступали данные о целях, стрельба все равно оказывалась неэффективной из-за неопытности артиллеристов. Огонь и бомбардировки по площадям вообще не могли нанести урон финской береговой обороне.

Для действий на морских коммуникациях противника с средней части Балтийского моря и в устье Финского залива, на базах в Латвии и Эстонии, были развернуты 3 бригады подводных лодок и корабли отряда легких сил. 1 декабря подводная лодка «Л-1» выставила две минные банки в районе Ньюхамнских шхер с целью не допустить ухода финских броненосцев в Швецию. В этот же день отряд в составе крейсера «Киров» и эсминцев «Стремительный» и «Сметливый» под командованием капитана 1-го ранга Н. Э. Фельдмана обстрелял батарею на острове Руссааре, и она открыла ответный огонь. Артиллерийская дуэль окончилась ничем, поскольку финнам не удалось достичь попаданий в наши корабли, а те, в свою очередь, не сумели подавить их.

9—10 декабря дивизион канонерских лодок («Кронштадт», «Сестрорецк» и «Красная Горка») под командованием капитан — лейтенанта Э. И. Лазо поддерживал наступление 123-й стрелковой дивизии, которая при выдвигении в район Бобошино попала под огонь самой мощной — шестиорудийной 254-мм финской береговой батареи на острове Койвисто. В связи с этим командующий Балтийским флотом флагман 2-го ранга В. Ф. Трибуц приказал командующему эскадрой флагману 2-го ранга Н. Н. Несвицкому поддержать огнем продвижение 123-й стрелковой дивизии и подавить батареи на островах Койвисто и Тиурин — саари. 10 декабря для выполнения задачи вышли линкор «Октябрьская революция», лидеры «Ленинград» и «Минск», эсминцы «Стерегающий» и «Артем», а также приданные им 4 тральщика и 6 малых охотников. Помимо этого по пути к группе под командованием капитана 2-го ранга Д. Д. Вдовиченко присоединились эсминцы «Энгельс» и «Володарский». Линкор с дистанции 102 кабельтовых произвел 30 двухорудийных залпов по 254-мм батарее, расположенной у Саренпяя, но противник не отвечал. Отряд же из 2 лидеров и эсминца «Стерегающий», которому была поставлена задача обстрелять батарею на Тиурин — саари, из-за плохой видимости, не открывая огня, вернулся на базу.

Вышедшая из Либавы 3 декабря подводная лодка «С-1» 10 декабря потопила в Ботническом заливе, в районе Раума, транспорт «Большайм» водоизмещением более 3 тысяч тонн. Двумя днями раньше подводная лодка «Щ-322», находясь в надводном положении на позиции в районе Хельсинки, обнаружило на дистанции 20 кабельтовых финский транспорт.

Командир лодки капитан — лейтенант В. А. Полещук решил потопить судно орудийным огнем, но из-за обмерзания обеих пушек стрелять было невозможно, и транспорт ушел от преследования. 10 декабря в районе острова Уте подводная лодка «Щ-323» артиллерийским огнем уничтожила эстонский транспорт «Кассари» вместимостью 379 регистровых тонн.

13—17 декабря дивизион канонерских лодок продолжал обстрел позиций противника в районе Муури-ла с дальней дистанции: при приближении к берегу канонерки подвергались обстрелу береговых батарей противника, в том числе и 254-мм у Саренпяя.

В связи с этим командующий Балтийским флотом вновь поставил перед командующим эскадрой задачу подавить батарею у Саренпяя. Для этого были выделены линкор «Октябрьская революция», лидер «Минск», эсминцы «Стерегущий», «Артем», «Карл Маркс», «Энгельс» и «Ленин», а также 4 сторожевых корабля, 4 тральщика и 6 малых охотников. 10-й авиабригаде была поставлена задача нанести бомбовый удар по батарее.

18 декабря, в 13 часов 54 минуты, линкор «Октябрьская революция» с дистанции 120 кабельтовых начал обстрел батареи — она на этот раз открыла ответный огонь. За время стрельбы линкор выпустил 209 снарядов, противник ответил 25–30 залпами. Авиационная группа в составе 22 бомбардировщиков и 44 истребителей совершила 13 атак на батарею, сбросив 14 250-килограммовых бомб, 60 100-килограммовых и большое количество мелких бомб. В результате, как доносили наши моряки и летчики, батарея понесла большие потери, два ее орудия были выведены из строя. На следующий день обстрел продолжался под руководством заместителя наркома ВМФ флагмана 2-го ранга И. С. Исакова с линкора «Марат», лидера «Ленинград», 5 эсминцев, 3 сторожевых кораблей. Линкор выпустил 136 снарядов главного калибра, противник ответил 27 залпами сначала из одного, затем из двух орудий, но попаданий в корабли вновь не было. Авиация Балтийского флота (35 бомбардировщиков и 52 истребителя) сбросила за день 28 250-килограммовых и 500-килограммовых, а также 220 100-килограммовых бомб и, большое количество мелких фугасов.

В действительности, несмотря на оптимистические доклады советских командиров, ни одно орудие батареи в Саренпяя так и не было выведено из строя. Не помогло и использование самолета — корректировщика. Выяснилось, что даже взрыв 500-килограммовой бомбы в 20 метрах от орудия не наносил ему повреждений.

Но 20 декабря авиация Балтфлота все же достигла успеха, но не в бою с береговыми батареями. Бомбардировщики в порту Турку потопили

транспорт «Лео».

21 декабря на боевую позицию в проливе Южный Кваркен вышла подводная лодка «С-1». 24 декабря она была замечена канонерской лодкой противника, попытавшейся ее таранить. Благодаря быстрым и слаженным действиям команды лодка смогла быстро уйти на глубину. «С-1» находилась на позиции три недели, не обнаружив неприятеля, за исключением двух самолетов, которые 19 января пролетали над нею. По ним был открыт огонь из обеих орудий — один из самолетов был поврежден. При возвращении «С-1» пришлось пробиваться через льды — был поврежден легкий корпус лодки и сорвана обшивка и козырек рубки. Вскоре после возвращения «С-1» была награждена орденом Красного Знамени, а ее командир капитан А. В. Трипольский удостоен звания Героя Советского Союза.

В период с 30 декабря 1939-го по 3 января 1940 года был совершен последний выход сил эскадры в Финском заливе для обстрела батарей у Саренпяя и на Тиурин — саари. На этот раз в море вышли линкор «Октябрьская революция», оба лидера, эсминцы «Ленин», «Артем» и «Володарский», а также два сторожевых корабля и тральщики. Корабли вынуждены были прибегнуть к помощи ледоколов. Из-за плохой видимости обстрел был отменен. 2 января Военный совет флота приказал линкору возвратиться в Кронштадт, а легким силам следовать в Таллинн и Лиепаяу.

30 декабря согласно директиве наркома ВМФ Военный совет Балтийского флота приступил к созданию зимней обороны в восточной части Финского залива от Кронштадта до острова Гогланд. Коменданту зимней обороны были подчинены укрепленные районы, а также особая стрелковая бригада, три батальона учебного отряда флота, местный стрелковый полк и береговой отряд сопровождения, окончательно сформированный 10 января 1940 года. Главной задачей зимней обороны было отражение внезапных налетов противника со стороны Карельского перешейка и пролива Бьорке — зунд, а также охрана захваченных островов.

28 декабря на позицию в районе Васы вышла подводная лодка «Щ-311». Уже в ночь на 29 декабря она обнаружила германский транспорт «Зигфрид», шедший к берегам Финляндии. Лодка открыла с дистанции 10 кабельтовых артиллерийский огонь, но благодаря слабости вооружения лодки (две 45-мм пушки, в отличие от лодок серии «С», имевших 100-мм орудия) транспорту удалось уйти. Через четыре часа «Щ-311» обнаружила и потопила финский транспорт «Вильпас».

5 января лодка обнаружила шведский транспорт «Фенрис». После предупредительного выстрела транспорт продолжал движение. После следующих выстрелов он остановился, но при приближении «Щ-311» внезапно дал полный ход, после чего по нему вновь был открыт огонь — «Фенрис» затонул. 10 января лодка возвратилась на базу. Так же, как и «С-1», «Щ-311» была награждена орденом Красного Знамени, а ее командир капитан — лейтенант Ф. Г. Вершинин удостоен звания Героя Советского Союза.

8 января противника в Финском заливе у острова Экере обнаружила подводная лодка «Щ-324». Это были минный заградитель «Свеаборг» и вспомогательное судно. Однако атака не состоялась. 13 января лодка обнаружила конвой из трех транспортов в сопровождении сторожевого корабля «Аура-2» и тральщика. Торпеда, выпущенная в один из транспортов, прошла мимо. После этого лодка подверглась атаке глубинными бомбами, от которой удалось уйти погружением на глубину. Тем временем на неприятельском корабле от детонации взорвались собственные глубинные бомбы — он быстро затонул. 19 января «Щ-324» получила приказание возвратиться на базу. Часть пути до Либавы (в Таллинн было нельзя пробиться из-за мощного льда) пришлось проделать подо льдом. 20 января лодка возвратилась. Вскоре весь ее личный состав наградили орденами и медалями, ее командир капитан 3-го ранга А. М. Коняев был удостоен звания Героя Советского Союза, а его лодка — ордена Красного Знамени.

3 января прекратилась связь с подводной лодкой «С-2», вышедшей из Либавы 1 января. По всей вероятности, она погибла на минном заграждении в проливе Южный Кваркен.

20 января 1940 года было решено прекратить боевые действия подводных лодок по причине сложных погодных условий.

В целом, несмотря на героизм экипажей, советские подводные лодки не оказали серьезного давления на судоходство у берегов Финляндии. Оно осуществлялось по фарватерам в шхерах, куда подводные лодки, не имевшие навыков плавания в скалистом мелководье и необходимых лоций, проникнуть не могли. Не удалась и морская блокада Финляндии. Для ее осуществления было выделено слишком мало самолетов — всего 28, а из кораблей — только тральщики и сторожевики. Командование Балтфлота опасалось гибели крупных кораблей от ударов авиации и подводных лодок противника, но страхи были явно преувеличены. Финны не имели возможности выделить значительные силы авиации для действий на море. Почти все их самолеты были заняты поддержкой сухопутных войск и

защитой городов и побережья от атак советских ВВС.

Войскам, штурмовавшим линию Маннергейма, помогали суда Ладожской военной флотилии. Первый выход на боевое задание флотилия произвела еще 1 декабря, однако, как мы помним, ей не удалось тогда установить связь со штабом 49-й стрелковой дивизии. 3 декабря при проведении разведывательного траления тральщики попали под обстрел батареи противника с мыса Ярисивиниеми. Для подавления батареи канонерская лодка «Ораниенбаум» открыла по ней огонь, но через 15 минут села на камни и была снята 15 декабря спасательной партией от ЭПРОН^[1].

6 декабря корабли флотилии в течение двух часов обстреливали батарею на Ярисивиниеми — было выпущено 133 45-мм снаряда. В конце декабря большинство кораблей флотилии, за исключением «Ораниенбаума» и сторожевых кораблей «Дозорный» и «Разведчик», в связи с ледоставом вернулись в главную базу в Шлиссельбурге.

В течение трех недель, со 2 по 22 января, канонерская лодка «Ораниенбаум» по заявкам сухопутного командования обстреливала позиции противника в районе Тайпале. 8 февраля во время обстрела батареи на мысе Ярисивиниеми у «Ораниенбаума» отказало самое мощное — 130-мм орудие, и в дальнейшем канонерка уже не принимала участия в боевых действиях.

29 января 6 самолетов противника нанесли удар по флотилии в ее базе в Саунаниеми, им удалось потопить один тральщик и повредить другой. Тогда же огнем зенитных орудий был сбит финский самолет.

В целом же сколько-нибудь существенной помощи сухопутным войскам Ладожской флотилии оказать так и не удалось.

Северный флот, в отличие от Балтийского, в войне с Финляндией играл сугубо вспомогательную роль. К началу конфликта он имел в своем составе 7 эсминцев, 16 подводных лодок, 2 минных заградителя, а также отряд охраны водного района в составе 16 сторожевых кораблей, 8 сторожевых катеров, 8 тральщиков и сетевого заградителя. ВВС флота имели в своем составе один авиаполк и одну эскадрилью. Позднее, в январе 1940 года, в их состав вошел еще сформированный незадолго до этого 72-й авиационный полк.

Задачи Северного флота заключались в том, чтобы оказывать содействие войскам 14-й армии на приморском направлении, не допускать прорыва кораблей вероятных союзников Финляндии в Кольский и Мотовский заливы, а также препятствовать высадке десантов на побережье.

30 ноября отряд кораблей под командованием капитан — лейтенанта

В. М. Древницкого в составе сторожевого корабля «Гроза», 2 пограничных сторожевых кораблей и 3 тральщиков артиллерийским огнем поддерживал наступление войск на полуострове Рыбачий. Эсминец «Карл Либкнехт» находился в это время в губе Мотка и вел огонь по перешейку между полуостровами Рыбачий и Средний.

1 декабря сторожевой корабль «Гроза» и 2 тральщика под прикрытием эсминцев «Валериан Куйбышев» и «Грозный» произвели разведку береговых укреплений и подходов к бухте Петсамо. Около 11 часов «Гроза» начала обстрел береговых укреплений противника, который на огонь не отвечал. Около 2 часов дня орудия корабля подавили пулеметную точку на колокольне, мешавшую продвижению частей 104-й стрелковой дивизии.

В начале января минные заградители «Мурман» и «Пушкин» под прикрытием эсминцев «Грозный» и «Громкий» и сторожевых кораблей «Гроза» и «Смерч» выставили на подходах к Петсамо заграждение из 250 мин.

Корабли Северного флота также сопровождали транспорты с войсками и грузами из Мурманска в Петсамо. Всего за период войны было отправлено 112 транспортов, на которых было перевезено более 29 тысяч человек, 89 орудий, 122 танка и более 35 тысяч тонн других грузов.

А как же разворачивалась борьба в воздухе? Большинство финских самолетов были устаревшими. Так, истребители «Бристоль — Бульдог», производившиеся по английской лицензии на авиазаводе в Тампере, были сняты с вооружения Королевских ВВС Великобритании еще в 1935 году как слишком тихоходные: скорость «бульдогов» не превышала 300 км/ч. «Небесные тихоходы» могли бороться только со столь же тихоходными советскими четырехмоторными ТБ-3. Основной советский бомбардировщик СБ «бульдоги» догнать не могли, а встреча с истребителями для них была попросту губительной.

Помимо этого финская авиация имела на вооружении истребители «Фоккер — Д21», примерно равных по своим летным качествам советским И-15. Имелись также более старые истребители «Фоккер — С5» и «Фоккер — СЮ». Финны имели также скоростные бомбардировщики «Бристоль — Бленхейм». Имелось еще 17 совершенно устаревших летательных аппаратов разных типов, использовавшихся только для разведки, связи и учебно — тренировочных полетов. Кроме того, у финнов было 2 современных связных самолета «Физилер- Шторьх», способных садиться на необорудованные площадки. (Наломню, что именно самолет этого типа приземлился в осажденном Берлине 25 апреля 1945 года, и прилетевшие на нем фельдмаршал люфтваффе рит- тер Роберт фон Грейм и его жена

летчица Ханна Рейч предложили Гитлеру бежать на «Физилер — Шторьхе» в некую «альпийскую крепость». Но фюрер предпочел умереть в столице рейха.)

ВВС Финляндии (командующий — генерал — майор Лундквист) состояли из 3 авиационных полков (в январе 1940-го был сформирован еще один). В каждом полку было 4 эскадрильи, действовавшие нередко отдельно. Кроме того, существовала отдельная эскадрилья морской авиации. 30 ноября 1939 года финны имели 145 самолетов, из которых боеготовыми были 115. В их число входили 36 устаревших «фоккеров — С5» и СЮ, 10 «бульдогов», 14 (по другим данным — 15) разведывательных самолетов «Райпон-2Ф» и 5 гидросамолетов «Юнкерс — К-43» шведского производства, использовавшихся в морской авиации. Из сравнительно современных можно назвать лишь 36 «Фоккер — Д21» и 17 (по другим данным — 14) «бленхеймов». Остальные самолеты были учебно — тренировочные и транспортные.

Слабой была и финская зенитная артиллерия: незадолго до начала войны в ней насчитывалось всего 120 орудий, значительную часть которых составляли русские 76-мм пушки образца 1915 года. В самый канун войны из Швеции были доставлены 125 новейших автоматических 40-мм пушек «Бофорс», считавшихся лучшими в мире. Вместе с ними прибыли и инструкторы, быстро обучившие финские расчеты. Во время войны Финляндия получила еще около 250 зенитных орудий из Германии, Швеции, Англии и Франции, но их все равно было недостаточно для прикрытия объектов на всей территории страны.

А что же могли противопоставить финской авиации краснозвездные соколы? Советское командование к началу войны имело на аэродромах Ленинградского военного округа мощную авиационную группировку: 11 скоростных бомбардировочных, 3 дальнебомбардировочных, 1 смешанный и 7 истребительных полков, насчитывавших вместе с отдельными эскадрильями и войсковой авиацией примерно 1500 самолетов, а вместе с ВВС Балтийского и Северного флотов — около 2 тысяч боевых машин.

Однако уровень летной подготовки и тактической грамотности подавляющего большинства советских летчиков был очень низок. Еще в мае 1939-го, в начале военного конфликта у реки Халхин — Гол, в первом воздушном бою на 2 сбитых японских самолета пришлось 18 советских. Тогда нарком обороны К. Е. Ворошилов в начале июня вынужден был даже на время запретить боевые вылеты. Положение изменилось только после приезда опытных летчиков — асов. Они не только сами успешно воевали,

но и учили новичков. У японцев же ощущался острый дефицит пилотов, и вскоре советская авиация смогла завоевать господство в небе над Халхин — Голом. В Финляндии же Ворошилов и начальник ВВС РККА Я. В. Смушкевич (оба после войны лишились своих постов) сначала решили обойтись без асов, считая финскую авиацию слабым противником. Потом оказалось, что и асы ничем не могут помочь. Финские пилоты по уровню летного и тактического мастерства наголову превосходили как японских, так и советских коллег, а по количеству подготовленных летчиков маленькая Финляндия не уступала Японской империи. Герои Халхин — Гола не смогли справиться с финскими истребителями. Пилоты с синими свастиками одолели краснозвездных соколов.

Первые же воздушные бои показали, что советская авиация воевать не умеет. Уже в первый день войны, 30 ноября 1939 года, эскадрилья 35-го скоростного бомбардировочного полка вылетела бомбить вокзал, порт и электростанции Хельсинки. Бомбы, однако, упали на жилые кварталы. В тот же день 3-я эскадрилья 1-го авиаполка Балтфлота под командованием капитана А. М. Токарева должна была уничтожить финские броненосцы в Ханко. Но, не обнаружив кораблей противника, летчики сбросили 600 бомб на хельсинкский порт. При этом пострадали и здания дипломатических миссий, а несколько бомб упало недалеко от парламента и Зоологического музея. Уже на следующий день в западных газетах появились фотографии разбитых домов и плачущих детей. На протесты большинства европейских стран Молотов издевательски заявил, что советские самолеты сбрасывают мешки с хлебом для голодного населения Финляндии. Эти «мешки с хлебом» за время войны унесли жизни 956 жителей Хельсинки, Турку, Тампере, Лахти и других финских городов, подвергшихся в общей сложности 550 атакам с воздуха. 1840 человек было ранено, из них более 500 — тяжело. Токарев же 21 апреля 1940 года был удостоен звания Героя Советского Союза.

Тем не менее шум, поднятый на Западе в связи с первой бомбардировкой Хельсинки, оказал воздействие на советское руководство. В тот же день, 30 ноября, Ворошилов отдал приказ, категорически запрещающий бомбить мирное население. Но с высоты в несколько километров очень трудно было попасть в выбранную цель, поэтому гражданские объекты все равно порой подвергались бомбардировкам. Но жертв теперь было гораздо меньше. Так, после 30 ноября Хельсинки бомбили еще 7 раз, но только при последнем налете, 14 января 1940 года, были погибшие — 6 человек.

Низкая боевая подготовка советских пилотов привела к тому, что на

фронте одной лишь 7-й армии только в декабре 1939 года они 6 раз бомбили и обстреливали свои же войска. Те в долгу не оставались: пулеметчики взвода ПВО 39-го стрелкового полка 4-й стрелковой дивизии метким огнем сбили 2 самолета И-16 68-го истребительного авиаполка. Орденов за это они, ясно, не получили. А 1 декабря при взлете один из пилотов 1-го минно — торпедного авиаполка Балтийского флота врезался в бомбохранилище. Произошел взрыв — погибло 6 и было ранено 25 человек. Большая часть самолетов этого полка вышла из строя на две — три недели.

25 декабря 6 самолетов ДБ-3 6-го дальнебомбардировочного полка были атакованы истребителями противника. При попытке воздушных стрелков открыть огонь выяснилось, что из-за чрезмерно густой смазки пулеметы не работают. Из 6 самолетов 3 были сбиты, 2 совершили вынужденную посадку и длительное время потом ремонтировались.

На следующий день «отличились» летчики уже 21-го дальнебомбардировочного полка: 3 самолета потеряли ориентировку и, отклонившись на восток, приняли станцию Грузино неподалеку от Ленинграда за финскую. На Грузино сбросили 30 бомб, ни одна из которых, по счастью, не достигла цели.

6 января 1940 года 8 самолетов 6-го полка должны были разрушить радиостанцию в Лахти. Они пошли маршрутом, которым не пользовались уже неделю. За это время финны успели установить здесь зенитные пушки и сбили один из самолетов. Оставшиеся сделали пять заходов на цель, как будто дело происходит не на маневрах. Семерка подверглась атаке истребителей противника. Вместо того чтобы построиться в оборонительный порядок и огнем пулеметов отразить нападение, советские летчики пытались уйти от более скоростных «фоккеров», что было заведомо безнадежно. Строй бомбардировщиков рассыпался. 6 из 7 самолетов были сбиты, а дотянувшая до аэродрома машина уже не подлежала восстановлению. Расправились с советскими бомбардировщиками всего два финских летчика — истребителя: ведущий капитан Йорма Сарванто и ведомый капитан Пер — Эрик Совелиус. 6 самолетов сбил Сарванто, 1 — Совелиус. Знаменательно, что советские и финские данные о потерях в этой схватке абсолютно совпадают. Как свидетельствуют финские источники, по числу участвовавших с обеих сторон самолетов это был самый значительный воздушный бой за всю войну.

Прикомандированный к штабу Северо — Западного фронта комкор П. С. Шелухин в конце декабря 1939 года писал наркому обороны:

«Состояние боевой выучки авиачастей находится на крайне низком уровне... бомбардировщики не умеют летать и особенно маневрировать строем. В связи с этим нет возможности создать огневое взаимодействие и отражать массированным огнем нападение истребителей противника. Это дает возможность противнику наносить своими ничтожными силами чувствительные удары... Навигационная подготовка очень слаба, что приводит к большому количеству блуждений (этим неологизмом и производными от него пишущий обогатил русский язык. — Б. С.) даже в хорошую погоду; в плохую видимость и ночью — массовые блуждения. Летчик, будучи не подготовленным к маршруту и в связи с тем, что ответственность за самолетовождение лежит на летчике — наблюдателе, небрежничает в полете и теряет ориентировку, надеясь на лет-наба. Массовые блуждения очень пагубно отражаются на боеспособности частей, так как они ведут к большому количеству потерь без всякого воздействия противника и подрывают веру в свои силы у экипажей, а это в свою очередь заставляет командиров неделями выжидать хорошей погоды, чем резко снижается количество вылетов... Говоря о действиях авиации в целом, нужно больше всего говорить о ее бездействии или действии большей частью вхолостую. Ибо нельзя ничем иначе объяснить то обстоятельство, что наша авиация с таким колоссальным превосходством в течение месяца почти ничего не могла сделать противнику...»

В первый месяц войны советские бомбардировщики несли большие потери, поскольку часто летали на задания без прикрытия, хотя истребителей было с избытком. Недостатки летного мастерства восполнялись порой в бою героизмом. В январе на Карельском перешейке финской зенитной артиллерией был подбит СБ старшего лейтенанта Мазаева. Пилот не смог дотянуть до позиций своих войск и вынужден был посадить машину на нейтральной полосе. Попытки пехоты выручить экипаж не увенчались успехом. Тогда 6 бомбардировщиков и прикрывавшие их истребители начали штурмовку финских позиций, а летчик Михаил Трусов посадил самолет между своими и неприятельскими позициями и, поместив Мазаева с товарищами в кабинах и бомбовых люках, взлетел, получив несколько пулевых пробоин.

Всего за войну советские летчики 11 раз выручали таким вот образом своих товарищей, причем 7 раз это ухитрились сделать пилоты одноместных истребителей.

В январе и начале февраля 1940 года авиация Северо — Западного фронта, готовившегося к решающему штурму линии Маннергейма,

обрушила град бомб на позиции противника на Карельском перешейке и его тылы. С 1 января по 15 февраля было совершено около 28 тысяч боевых вылетов, в ходе которых сброшено 6200 тонн бомб. Ранее, с 30 ноября по 31 декабря 1939 года, на линию Маннергейма было сброшено 4500 тонн бомб.

Накануне наступления советское авиационное командование большое значение придавало разрушению путей сообщения Финляндии, чтобы не допустить переброски резервов и подкреплений из глубины страны и с пассивных участков фронта. Для финских железнодорожников начался настоящий ад: 2 февраля 150 самолетов 15-й скоростной бомбардировочной бригады практически стерли с лица земли город Сортавала. 21 февраля Выборг бомбили 700 самолетов, а неделей позже железнодорожный узел Рийхимяки атаковали более 100 боевых машин.

Теперь бомбардировщики прикрывались сильными группами истребителей. Во время налетов на объекты в ближайшем тылу ДБ-3 и СБ сопровождали И-16 с дополнительными баками. В ходе войны выяснилось также, что самолеты И-15 в качестве истребителей уже устарели из-за малой скорости (370 км/ч), поэтому их использовали как штурмовики и даже как пикирующие бомбардировщики.

В этот период активизировала свои действия по объектам в глубине финской территории Особая авиационная группа под командованием дважды Героя Советского Союза комбрига Г. П. Кравченко в составе двух бомбардировочных и истребительного полков. Договор с Эстонией позволил ей базироваться на эстонских аэродромах вблизи побережья Финского залива. Оттуда можно было быстрее долететь до важных промышленных городов и железнодорожных узлов Финляндии и вернуться на аэродромы, которые финны не могли бомбить.

Сам Григорий Пантелеевич Кравченко на совещании в ЦК в апреле 1940 года так объяснял не слишком удачные действия советских бомбардировщиков в финском небе:

«Авиация прошла много войн, но впервые встретила трудные метеорологические условия, отсюда летный и штурманский состав имел большие недостатки — много блуждал (создается впечатление, что Кравченко и его товарищи только с началом войны узнали, что зимой в Финляндии обычно пасмурно. — Б. С./ Надо будет учесть, что бомбардировщики, особенно дальние, работали хуже, чем ближние СБ. Им надо будет дать большую тренировку на полный радиус, а не по треугольнику, /ся/с у нас было...

Нужно признать, что огонь у нас мощный. Бомбардировщики много бомб берут, но точность у нас недостаточная, и особенно плохая точность по таким узким целям, как железнодорожные станции и мосты... У нас плохой прицел на бомбардировщиках... Я много занимался... бомбометанием по городам. Прицел для городов был подходящий (что, однако, не помешало в Хельсинки вместо порта, аэродромов и вокзалов разбомбить жилые кварталы. — Б. С./ Теперь о бомбардировке железнодорожных узлов... Тов. Сталин уже делал замечания в процессе войны, что железнодорожный узел вывести из строя невозможно, и это подтвердила практика, потому что на такие железнодорожные узлы, как Тампере, Рахимяки, Ханамяки, по 120–130 бомбардировщиков налетало, а на следующий день мы видели, что этот узел работал... Для этого требовалось противнику 5–6 часов, материалы были на месте, и все быстро восстанавливалось. Разрушить полностью большой железнодорожный узел очень трудно, для этого потребуется много авиации... Поэтому мы перешли в последнее время на бомбардирование перегонов и мостов. В отношении мостов прицел не отработан, так как бомбардировщики бомбят только с горизонтали, а пикирующих бомбардировщиков не было. Чтобы попасть с горизонтали в такую цель, как мост, нужно затратить большое количество самолетов. Например, по заданию тов. Сталина мост через реку Юомань должен был подвергнуться бомбежке. Мы направили на выполнение этой задачи 80 бомбардировщиков, которые бомбили с высоты 1200 м. Вытянулась длинная кишка (из бомбардировщиков. — Ъ. С.), и в мост попала только одна бомба. Потратить такие силы и иметь попадание только одной бомбы доказывает, что мы еще на сегодня с этой важной задачей не справились...

Нужны пикирующие бомбардировщики. Мы в процессе войны на истребителей возложили эту задачу. На истребитель подвешивали по 200 кг бомб, и они успешно бомбили, но точного попадания истребители не да/ги... Нам нужно строить пикирующие бомбардировщики и создать хороший прицел...

Мы видим из последних войн, что большое значение имеет стрельба по кораблям и мостам. Дня этого нужно построить корабли из фанеры и бомбить по этим кораблям. В уставе сказано, что можно броненосец бомбить с 4–5 тысяч метров. Я заранее знаю, с 5 тысяч никогда не попадешь (вот почему авиация Балтийского флота так и не смогла потопить или повредить ни один финский боевой корабль. — Ъ. С.), поэтому в мирное время надо учиться бомбить не по площадям, а по

макетам мостов и кораблей. Тогда будут у нас лучшие результаты...

Для деморализации железнодорожного движения противника лучше всего уничтожать его подвижной состав — паровозы и вагоны, особенно паровозы. Мы пробовали уничтожать паровозы. Для этого мы посылали истребителей с бомбами и патронами, но нам нужны штурмовики с пушками, а их пока еще нет».

Во второй половине февраля и первой половине января советская авиация еще более активизировала свои действия. К 10 марта 1940 года против Финляндии действовало уже 52 авиационных полка: 21 скоростной бомбардировочный, по 5 дальнебомбардировочных и легкособомбардировочных, 2 тяжелобомбардировочных, один штурмовой, 4 смешанных и 14 истребительных. В них насчитывалось около 3 тысяч боевых машин. Воспользовавшись улучшением погоды и увеличением продолжительности светового дня, летчики стали совершать по несколько вылетов в день. В результате менее чем за месяц было совершено 45 тысяч боевых

вылетов — больше, чем за два с половиной предыдущих месяца, сброшено почти 15 тысяч тонн бомб. 28 февраля произошел единственный в эту войну случай воздушного тарана. Финский лейтенант Хуга Нантти у города Куопио погиб, протаранив на подбитом «фоккере» советский истребитель.

В период боевых действий советские бомбардировщики нередко выполняли функции транспортных самолетов. Они сбрасывали грузы оказавшимся в окружении соединениям 8-й и 9-й армий. Всего с этой целью было сделано 3014 боевых вылетов бомбардировщиков и 1059 — истребителей, причем в 9-й армии бомбардировщики использовались для сброса грузов окруженным в более чем четверти всех боевых вылетов, а в 8-й армии — 13 %.

Однако если в действиях советской авиации по непосредственной поддержке сухопутных войск в феврале — марте был достигнут определенный успех, то глубокий тыл Финляндии так и не был подвергнут эффективному огневому воздействию. Поскольку большинство авиационных частей было подчинено армейскому командованию, львиная доля боевых вылетов была направлена на поддержку войск, причем бомбардировщики нередко вызывались для удара по мелким группам противника. Как было указано в докладе начальника ВВС Красной Армии Я. В. Смушкевича, «шла погоня за количеством произведенных самолетов — вылетов и сброшенных тонн бомб без учета того, какой тактический и оперативный результат этим достигается». Поэтому экономика Финляндии

практически не пострадала от воздушных налетов. До конца войны продолжали работу авиационный завод в Тампере (на город сброшено 192 тонны бомб), оружейный завод в Куопио (сброшено 87 тонн), крупнейшая электростанция в Иматра (78 тонн) и большинство предприятий, выполнявших военные заказы. Не удалось прервать или хотя бы замедлить переброску на фронт резервов, подкреплений, боевой техники и вооружения, а также подвоз из Швеции военных материалов и снаряжения. Советские пилоты рапортовали об очередном успешном налете, в ходе которого они уничтожили всего — навсего какой-нибудь железнодорожный узел. Но дым от разрывов бомб и пожаров совсем не означает, что движение поездов остановлено. Если хотя бы один обводной путь оставался цел, весь эффект бомбардировки сводился на нет. В конце войны советские летчики стали применять охоту на воинские эшелоны на перегонах, но скоро выяснилось, что попасть в поезд бомбой с СБ трудно, а пулеметный огонь по паровозу малоэффективен. Под Ленинград стали стягивать все истребители И-16, оснащенные пушками, но из-за перемирия не успели использовать их против неприятельских паровозов.

Еще одной причиной слабого воздействия на глубокий тыл противника было то, что СБ попросту не мог долететь до ряда целей, а ТБ-3 из-за тихоходности можно было использовать только ночью. Об истребительном прикрытии дальних бомбардировщиков и думать было нечего: истребителя на дальние действия в советской авиации просто не было. В своем докладе Смушкевич вынужден был констатировать: «Из-за отсутствия систематических и планомерных действий ВВС одна из важнейших задач авиации по прекращению подвоза военных материалов, боевых средств и живой силы на территорию бело — Финляндии оказалась невыполненной».

Выяснилось также, что очень многие советские самолеты устарели и уступают по ряду важнейших показателей лучшим зарубежным образцам, появившимся в Финляндии в конце войны. Так, даже новейший истребитель ВВС Красной Армии того периода — И-16 проигрывал в скорости американским, французским, английским и немецким боевым машинам около 100 км. Основной бомбардировщик СБ, который еще в 1937 году мог уйти от любого вражеского истребителя, новые боевые машины финнов, поставленные из-за рубежа, догоняли и жгли. СБ, спроектированный как универсальный самолет, не отвечал теперь по меньшей мере двум основным требованиям: при полете на дальние расстояния он не мог нести необходимую бомбовую нагрузку, а для воздействия на войска противника был слишком неповоротлив и не мог пикировать. Об основном дальнем бомбардировщике начальник ВВС

РККА писал: «ДБ-3 не оправдал себя как дальний бомбардировщик вследствие своей большой уязвимости и недостаточной скорости. Нам нужен дальний бомбардировщик со скоростью 600 км в час на высоте 7–8 тысяч метров». Отметим, что бомбардировщик с похожими данными уже давно существовал не только на бумаге, но и в виде опытного экземпляра. Назывался он ТБ-7. Но в серию его так и не запустили: сложен был в производстве.

О советской разведывательной авиации Смушкевича отозвался тоже весьма критически: «Нам необходим также специальный тип самолета — разведчика, обладающего современными качествами, в первую очередь — скоростью. Использование устаревшей материальной части, которой вооружена наша разведывательная авиация, в войне со сколько-нибудь серьезным противником будет невозможно».

Общий вывод доклада был неутешителен: «Опыт войны еще раз показал, что скорость полета является важнейшим качеством, необходимым для всех типов самолетов. Отсюда мы должны неотложно форсировать строительство скоростной материальной части. В этом отношении мы отстаем от основных капиталистических стран, где в связи с войной лучшие типы скоростных самолетов выпускаются промышленностью в крупных сериях».

Смушкевич считал необходимым создать в ближайшее время пикирующие одномоторный и двухмоторный бомбардировщики, а также бронированный штурмовик. В докладе были перечислены и другие проблемы: недостаточный ресурс работы моторов, уступающий в несколько раз зарубежным, недостаточное их производство, не восполнившее потери за период войны (здесь причиной были скорее чрезмерные потери, а не малые мощности авиационных заводов), тяжелое положение с горючим, которого могло не хватить в случае продолжения войны. Смушкевич предложил разделить авиацию на тактическую (армейского подчинения) и оперативную (фронтового подчинения). Основная часть самолетов должна была находиться в распоряжении фронтового командования и использоваться им по главным целям.

Яков Владимирович, по сути, утверждал, что возглавляемый им род войск не сможет противостоять модернизированным, лучше управляемым и снабженным ВВС Германии и других стран. Так и получилось в годы Великой Отечественной войны, когда даже в 1944–1945 годах командование люфтваффе рассматривало Восточный фронт как в своем роде полигон для молодых летчиков. Там они могли для начала освоиться в более — менее спокойных условиях, чтобы потом успешнее драться против

беспощадно бомбивших Германию американских «летающих крепостей».

Было в докладе и несообразное преувеличение. Потери финнов в воздушных боях составляли якобы 362 самолета — больше, чем советские. Это число вообще превышало количество машин, которыми располагали ВВС Финляндии в ходе войны. На самом деле безвозвратные потери финской авиации составили всего 67 боевых машин, из которых 21 — в воздушных боях. Еще 69 самолетов были повреждены. Финны, в свою очередь, утверждали, что сбили 725 советских самолетов. Из них, по данным их исследователей, на долю успеха авиации приходится всего 293 машины, а 330 ставят в заслугу зенитной артиллерии. Остальные же потеряны самим противником по различным причинам. Например, в качестве трофеев финны захватили 25 самолетов, в том числе 5 И-15бис, 1 И-16, 8 И-153, 5 ДБ-3 и 6 СБ. На некоторых из них позднее летали финские летчики.

Финской авиации война в значительной степени пошла на пользу: помимо приобретенного боевого опыта ее летчики получили немало новых боевых машин. К 15 марта в финских ВВС кроме продолжавших летать 25 «Фоккер — Д21» имелось 22 вполне сопоставимых по своим качествам с «Чайкой» И-153 британских «Глостер — Гладиатора» и 23 итальянских «Фиат — Г50». Наибольшую угрозу для советских самолетов представляли 23 «Моран — Солнье» и 10 «Харрикейн-1», превосходившие советские истребители по всем статьям, а также 19 «Бленхеймов». В строю находился также один отремонтированный трофейный ДБ-3. Стоит отметить, что 12 «Гладиаторов» успели поучаствовать в боях в составе шведской добровольческой эскадрильи. Эта эскадрилья, действовавшая на севере Финляндии, сбила 6 советских бомбардировщиков и 6 истребителей, а сама потеряла 3 машины.

Всего же за декабрь 1939-го — апрель 1940 года финны получили 42 «Глостер — Гладиатора», 38 американских «Брюстер — Б-239» (из них лишь 6 успели принять участие в боях), 30 «Моран — Солнье», 22 «Бристоль-Бленхейма», 32 «фиата» и 10 «харрикейнов». Всего из-за границы было поставлено примерно 225 боевых самолетов. Почти половина из них прибыла уже после заключения перемирия, несколько машин разбилось при перегонке и при освоении их финскими экипажами. В боях участвовало лишь около 100 самолетов. Из них 16 «Глостер — Гладиаторов» было сбито в воздушных боях и разбилось в катастрофах и 4 отделились повреждениями. Из 18 участвовавших в боях «фиатов» погибло 4 и еще 6 было повреждено. Значительными были потери и среди «бленхеймов» — 10 сбито и столько же повреждено. В авариях разбились

два «харрикейна» и один «моран», 5 «моранов» и 2 «брюстера» были повреждены.

Велики были потери и среди самолетов старых типов, с которыми Финляндия начала войну. 12 «Фоккер — Д21» оказалось сбито и 6 повреждено. Эти самолеты отличались высокой живучестью, хотя по скорости — 440 км/ч уступали советскому И-16 10–20 км. Большинство советских самолетов сбили летчики, летавшие именно на «Фоккер — Д21»: на их счету 116 воздушных побед. На одном из «фоккеров» летал и лучший финский ас Йорма Сарванто, сбивший 13 самолетов. «Гладиаторы» сбили 34 самолета, «мораны» — 13, «фиаты» — 9, «харрикейны» за несколько дней боев в марте не сбили ни одного. Финские летчики сбивали самолеты даже на «бульдогах» — 6 советских самолетов. Еще 5 советских истребителей дбили воздушные стрелки «бленхеймов».

К концу войны финская авиация располагала 196 самолетами, из которых 112 были готовы к бою. Если бы финские безвозвратные потери действительно составили 362 боевые машины, как утверждал Смушкевич* то в последний день войны у финнов, согласно правилу вычитания арифметики, не осталось бы ни одного самолета, и даже поврежденного.

Безвозвратные потери советских ВВС (без авиации Балтийского и Северного флотов, 4 авиаполков и ряда отдельных эскадрилий) составили 503 машины, из которых 181 самолет разбился в авариях. Еще 124 машины были повреждены. Авиация Балтийского флота безвозвратно потеряла 18 машин, из которых 12 было сбито в воздушных боях, 5 — огнем зенитной артиллерии, а 1 разбился в катастрофе.

Даже если допустить, что части советской авиации, по которым до сих пор не найдены данные о потерях, ухитрились вообще не потерять ни одного самолета, соотношение даже определенно установленных советских безвозвратных потерь с финскими впечатляет. 521 и 67, то есть 7,9:1. 20 марта 1940 года, через неделю после окончания войны, Сергей Михалков напечатал во фронтовой газете «На страже Родины» стихотворение «Как Вася Теркин Чемберлену приснился» (знаменитый герой поэмы Твардовского родился тогда еще, на финской войне). Там были такие вот строки:

**Теркин — летчик, Теркин — рад: Англо — «фоккеры», «бульдоги»
Вверх тормашками летят.**

К несчастью, в жестокой военной действительности все было иначе, чем в стихотворной агитке: в восемь раз чаще летать вверх тормашками приходилось нашим «ишачкам».

Сделав экскурс в историю боев на море и в небесах, вернемся на

грешную землю. Что же происходило в конце декабря 1939-го на сухопутном театре войны? Здесь финны, отразив первый натиск неприятеля и убедившись, что с Красной Армией воевать можно, решили попытаться контратаковать и оттеснить советские войска к границе. Вот как развивались события на линии Маннергейма.

К 22 декабря наступление Красной Армии на Карельском перешейке выдохлось. Финны к тому времени еще не ввели здесь в бой свою единственную резервную дивизию. О последующих событиях рассказал в своих мемуарах Маннергейм:

«Командующий армией Карельского перешейка генерал — лейтенант Эстерман еще 11 декабря предложил нанести контрудар большей частью сил 2-го армейского корпуса на фронте в 45 км, от побережья Финского залива до озера Искярви. Я, однако, придерживался мнения, что вряд ли это наступление будет успешным. Наши силы были слишком разбросанны, а наше знание о группировке противника — очень неполным. Наступление легко могло превратиться в простое сотрясение воздуха. Также не было сомнений, что наши войска не смогут в открытом поле в ходе маневренной войны противостоять русским бронетанковым силам, если не будут располагать эффективным противотанковым оружием. Лучшее было, оставаясь на укрепленных позициях, ожидать неприятельскую атаку, которая, по моему убеждению, непременно должна была последовать. После того как в сражении за Выборгские ворота русские потерпели очевидное поражение, генерал — лейтенант Эстерман возобновил свое предложение. Его аргументы были убедительны. 19 декабря, когда продолжалось сражение за город Сумма, я разрешил Эстерману, в случае глубокого прорыва наших линий, использовать 6-ю дивизию, располагавшуюся в тылу сектора Сумма, для контратаки. Эта дивизия, усиленная пехотным полком береговой обороны, была передана под его командование. Она должна была принять участие в контрнаступлении, в ходе которого части пяти дивизий атаковали бы на участке между Куолемаярви и Муолаанярви. Время начало наступления было установлено на 6 часов 30 минут утра 23 декабря. Вскоре стало ясно, что план атаки не был выработан с необходимой детальностью и не было принято в расчет время, необходимое для преодоления неизбежных трений. Такие требования всегда возникают между родами войск, особенно если крупномасштабное наступление предпринимается в суровых зимних условиях. Еще более серьезную роль сыграло то, что мы потеряли соприкосновение с противником, когда его атака захлебнулась. Пренебрежение к вопросам разведки оказалось столь велико, что

неприятельские диспозиции в значительной мере остались неизвестными. В результате нашему контрнаступлению не доставало точки концентрации усилий. Вначале атакующие встретили лишь ничтожное сопротивление, но по мере продвижения вперед они натыкались на места расположения танков. Наступление было остановлено, так как противотанковые пушки отстали от пехоты. Танки представляли собой идеальную мишень для артиллерии, но отсутствие связи мешало воспользоваться этим. Мы вынуждены были теперь расплачиваться за неспособность обеспечить войска современными радиосредствами. Недостаток времени для подготовки наступления привел к ряду ошибок и задержек в движении войск. Через 8 часов после начала наступление было остановлено. Мы отступили на исходные позиции, встретив лишь небольшое противодействие со стороны русских.

Хотя наступление не достигло желаемого результата, наша неожиданная активность повлияла на неприятеля. В течение длительного времени он не возобновлял широкомасштабную атаку на Выборгские ворота. Вместо этого 25 декабря русские предприняли атаку на позиции 3-го армейского корпуса в Тайпале. Одновременно они сделали попытку перебросить одну дивизию через замерзшее озеро Суванто. Вечером 26 декабря им действительно удалось захватить плацдарм в Келя на северном берегу озера, но позднее, на следующий день, русские были сброшены обратно на лед. Они оставили на поле боя 700 павших и много вооружения, в том числе 81 пулемет».

Успешную контратаку под Келя осуществил батальон под командованием капитана Онни Саарелайнена. Во время своего единственного контрнаступления финское командование проявило, хотя и в меньшей степени, те же пороки тактики, что и командование Красной Армии. Эстерман и Эквист не сумели должным образом скоординировать действия своих войск, наладить взаимодействие и сохранить управление боем во время продвижения вперед. Войска советской 7-й армии удержали свои позиции в предполье линии Маннергейма. Финские войска к концу дня отступили в исходное положение. Их потери убитыми и ранеными составили 1,5 тысячи человек.

О неудавшемся финском контрнаступлении Мерецков позднее рассказывал Сталину:

«Я обходил в тот момент вместе с комкором Ф. Д. Гореленко его корпус. Удару подверглись войска Гореленко и соседнего корпуса — Ф. Н. Старикова. У Старикова как раз на переднем крае стояла артиллерия, предназначенная для борьбы с дотами. Она сразу открыла огонь прямой

наводкой и накрыла контратакующего противника, который понес большие потери. У Гореленко враг напоролся на танковый корпус. Танкисты развернулись и смяли контратакующие части. Потери у финнов были очень большими. Позднее пленные офицеры показали, что их командование отдало приказ впредь избегать контратак, а опираться на оборонительную линию и изматывать Красную Армию».

Тем не менее отражение финского контрудара вынудило Мерецкова бросить в сражение все наличные резервы. Сил на операцию «Ладога» — наступления на Выборг, которое было запланировано на 26 декабря, — уже не осталось.

Неудача же советской попытки форсировать Суванто — ярви объясняется тем, что атака не стала для финнов неожиданностью. Еще 17 декабря в этом районе в советский тыл проникла финская разведывательная группа и зафиксировала подготовку к наступлению. Кроме того, советские саперы часто выходили на лед Суванто — ярви, проверяя его толщину во многих местах, что не могли не заметить финны. Когда 25 декабря подразделения 19-го и 461-го стрелковых полков 142-й стрелковой дивизии, преодолев по льду Суванто — ярви, показали у северного берега, противник взорвал лед в местах, удобных для выхода на сушу, с помощью управляемых фугасов, а остальные прикрыл очень плотным огнем. Согласно донесениям командиров полков советские потери были не слишком велики: 62 человека убито, 141 ранен, а еще 7 пропшш без вести. Получается, что Маннергейм завысил число красноармейцев, погибших в этом бою, примерно в 10 раз. Надо, однако, учитывать, что в Красной Армии собственные потери в докладах по начальству весьма сильно занижались, а неприятельские — завышались. К сожалению, порочная традиция недостоверных донесений, притушевывающих жестокие факты действительности, идет еще от императорской армии. Так, российский историк С. Г. Нелипович установил, что генерал от кавалерии А. А. Брусилов в один из дней наступления, названного его именем, когда потери были особенно велики, при докладе в Ставку занизил их ровно в 10 раз. Так что, возможно, в установлении советских потерь в ходе боя у Суванто — ярви ближе к истине был финский маршал, а не командование 142-й стрелковой дивизии. Ведь и в определении общих безвозвратных потерь Красной Армии в «зимней войне» Маннергейм оказался гораздо точнее, чем Генштаб РККА. Мы в этом еще убедимся.

23 декабря в тылу 138-й дивизии появились несколько немногочисленных, но хорошо вооруженных финских диверсионных групп, нападавших на тыловые подразделения, обозы и артиллерийские

позиции. Их действия были поддержаны контратаками с фронта. Необстрелянные красноармейцы, услышав стрельбу в тылу, пришли в замешательство. Неизвестно, чем мог закончиться этот день в 138-й стрелковой дивизии, если бы не присутствие духа командира дивизии комбрига Александра Ивановича Пастревича. Он сумел остановить начавшуюся было панику. К концу дня диверсионные группы противника в районе расположения дивизии были большей частью рассеяны и обстановка стала более или менее спокойной.

Однако самому Александру Ивановичу крупно не повезло. Военком и начальник политотдела дивизии при содействии начальника Особого отдела и его помощника состряпали донос, в котором обвинили Пастревича в том, в чем были грешны сами. Комбриг якобы «позорно бросил вверенное соединение и бежал в тыл». Пастревича арестовали, но, к счастью, в военной прокуратуре армии сумели разобраться, как об — стояло дело в действительности. Туда пришел рапорт начальника штаба 138-й дивизии о том, как на самом деле вел себя ее командир. Пастревича выпустили из-под стражи и сначала назначили в резерв командного состава при штабе Северо — Западного фронта, а 15 февраля — командиром 150-й стрелковой дивизии. А комиссара и начальника политотдела понизили в звании и должности, но в армии оставили.

27—28 декабря 1939 года командование 7-й армии решило преподнести партии и правительству новогодний подарок. По плану операции «Ладога», имевшей конечной целью захват Выборга, было предпринято еще одно наступление на Карельском перешейке. Атаки захлебнулись сразу же на всем фронте. Только 90-й стрелковой дивизии удалось захватить несколько неприятельских заграждений. Но ее полки понесли значительные потери и прорыва финской обороны так и не достигли. К 30 декабря на Карельском перешейке снова установилось затишье.

Командование Красной Армии было недовольно результатами боевых действий. 21 декабря Ворошилов в письме Молотову и Сталину нарисовал безотрадную картину:

«Дороги в завалах, пехота действует на фронте не как организованная сила, а болтается туда — сюда, как почти никем не управляемая масса, которая при первом раздавшемся выстреле разбегается в беспорядке по укрытиям и в лес. Многие полки отправились воевать с единичными пулеметами на пехотное подразделение, остальные ожидают «прорыва», чтобы торжественно промаршировать в Выборг. Военный совет 7-й армии ничего не делает организационно».

После этого Мерецкова от имени Сталина строго предупредили: если не наведешь порядка в войсках, пойдешь под суд.

В первый период войны, до конца декабря, почти ничем себя не проявили 6 танковых бригад, входивших в состав 7-й армии. В первые дни боев танкисты преодолевали не столько сопротивление противника, сколько заторы на дорогах. Да и потом стремительных прорывов в глубину финской обороны не было, за исключением внезапного ночного удара 20-й танковой бригады, овладевшей в ночь на 2 декабря населенным пунктом Кивенаппа. В основном же танковые бригады раздергивались на батальоны, придаваемые стрелковым дивизиям для поддержки пехоты. Однако общевойсковые начальники не имели опыта взаимодействия с танковыми подразделениями и использовали их очень неэффективно. Сыграло тут свою роль и то, что большинство танковых бригад (1, 13, 39 и 40-я) были укомплектованы танками БТ-5 и БТ-7. Эти танки предназначались для стремительных прорывов в глубину вражеской обороны, а быстро двигаться они могли только по шоссе и автострадам — тогда предусматривался съём гусениц и движение на колесах. Эти БТ предназначались для грядущего «освободительного похода» в Германию и далее на Запад, где автобанов было с избытком. Но в лесах, снегах и болотах Суоми боевые машины проваливались на своих узких гусеницах, а их слабая броня оказалась легкоуязвимой для финских противотанковых 37-мм пушек.

В несколько лучшем положении оказалась 35-я танковая бригада, которая имела на вооружении танки Т-26. Их недостаточная броневая защита и малая мощность двигателя обнаружились еще во время войны в Испании. Тем не менее в условиях Карельского перешейка Т-26, их широкими гусеницами, приносили больше пользы, чем быстроходные БТ.

Лишь на вооружении 20-й бригады состояли Т-28, ставшие действительно грозным оружием: их броню не всегда пробивали противотанковые пушки финской армии 37-мм и 40-мм калибра, а их собственные 76-мм пушки позволяли довольно быстро разрушать надолбы на пути боевых машин.

Кроме того, в танковых батальонах стрелковых дивизий находились и плавающие танки Т-37 и Т-38, которые в первые же дни показали свою полную непригодность к серьезным боевым действиям из-за тонкой брони (10-мм лобовая броня и башня) и слабого вооружения (один пулемет). Поэтому вскоре их направили охранять тылы дивизий и командные пункты от диверсантов, а иногда использовали для связи.

35-я танковая бригада за месяц боев, с 30 ноября по 30 декабря 1939

года, потеряла 97 танков из 217, в том числе 40 — безвозвратно. 40-я бригада за тот же период лишилась 94 танков из 219. 20-я бригада до начала февральского наступления на линию Маннергейма потеряла 25 танков сгоревшими, 81 — поврежденными артиллерийским огнем, 39 — подорвавшимися на минах и фугасах и 14 — затонувшими. Еще два пропали без вести — скорее всего, были захвачены финнами. Кроме того, 116 раз танки выходили из строя по техническим причинам. Перед началом боевых действий бригада насчитывала 105 Т-28, 11 Т-26, 29 БТ-5 и БТ-7* и 20 броневедомостей, и в ходе боя каждая боевая машина по меньшей мере дважды подвергалась серьезному ремонту. Общие же потери танковых бригад и батальонов соединений 7-й армии составили 700 боевых машин, 140 из них — безвозвратно.

Первый месяц войны закончился повсеместным переходом советских войск к обороне. «Финские пчелы», по выражению военного корреспондента британской «Тайме», жалили русского медведя, который громко ревел и рычал, рыл лапами землю, ломал окрестные кусты, но поймать своих врагов не мог и, чтобы укрыться, спрятался в своей берлоге. Но вскоре, раненый, но далеко не исчерпавший свои силы, генерал Топтыгин вновь ринулся в бой.

В апреле 1940-го Сталин ну прямо правдиво говорил: «...После первых успехов по части продвижения наших войск, как только война началась, у нас обнаружилось неувязки на всех участках. Обнаружилось потому, что наши войска и командный состав наших войск не сумели приспособиться к условиям войны в Финляндии... Им особенно помешала созданная предыдущей кампанией психология в войсках и командном составе — шапками закидаем. Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас. Писались целые статьи и говорились речи, что наша Красная Армия непобедимая, что нет ей равной, что у нее все есть, нет никаких нехваток, не было и не существует, что наша армия непобедима. Вообще, в истории не бывало непобедимых армий. Самые лучшие армии, которые били и там, и сям... терпели поражения. У нас, товарищи, хвастались, что наша армия непобедима, что мы всех можем шапками закидать, нет никаких нехваток...

Это помешало нашей армии сразу понять свои недостатки и перестроиться, перестроиться применительно к условиям Финляндии. Наша армия не поняла, не сразу поняла, что война в Польше — это была военная прогулка, а не война. Она не поняла и не уяснила, что в Финляндии не будет военной прогулки, а будет настоящая война... Вот с этой психологией, что наша армия непобедима, с хвастовством, которые

страшно развиты у нас — это самые невежественные люди, т. е. большие хвастуны, — надо покончить. С этим хвастовством надо раз и навсегда покончить. Надо вдолбить нашим людям правила о том, что непобедимой армии не бывает. Надо вдолбить слова Ленина о том, что разбитые армии или потерпевшие поражения армии очень хорошо дерутся потом. Надо вдолбить нашим людям, начиная с командного состава и кончая рядовым, что война — это игра с некоторыми неизвестными, что там, в войне, могут быть и поражения. И поэтому надо учиться не только как наступать, но и отступать. Надо запомнить самое важное — философию Ленина. Она не превзойдена, и хорошо было бы, чтобы наши большевики усвоили эту философию, которая в корне противоречит обывательской философии, будто бы наша армия непобедима, имеет все и может все победить. С этой психологией — шапками закидаем — надо покончить, если хотите, чтобы наша армия стала действительно современной армией».

Вождь по привычке собственные ошибки целиком перекладывал на подчиненных. Конечно, Ворошилов, Шапошников, Мерецков и другие командиры, рангом пониже, были небезгрешны и страдали самомнением. Но ведь именно Сталин ориентировал военных на разработку плана молниеносного разгрома «белофиннов». Ни Иосиф Виссарионович, ни «первый маршал» Климент Ефремович, ни командующие армиями, ни только что выпущенные из училищ лейтенанты, ни сотни тысяч и миллионы рядовых красноармейцев не верили, что маленькая Финляндия сможет долго противостоять военной мощи СССР. Главное же, Сталин вынужден был признать, что в декабре 1939-го Красная Армия в финских снегах если и не была разгромлена, то потерпела тяжелое поражение — жестокий опыт, на котором пришлось учиться перед тем, как удалось все-таки прорвать линию Маннергейма.

Трагедия окружённых

На Карельском перешейке в декабре и январе борьба разворачивалась по старой схеме, хорошо известной еще от Первой мировой войны: наступление большой массы войск на заранее подготовленные оборонительные позиции противника. Здесь боевые действия после первых советских неудач на полтора месяца приобрели позиционный характер.

Иначе развивались события в районе севернее Ладожского озера, где финны с самого начала вели маневренную оборону и стремились выйти на коммуникации наступающих советских войск. В боях большое значение имела лыжная подготовка. Финны — прирожденные лыжники. Они быстро перемещались и метко стреляли, действовали тактически грамотно, небольшими группами. В Красной Армии лыжные части и подразделения были сформированы уже в ходе войны. Всего было создано 40 отдельных батальонов и 200 эскадронов лыжников, насчитывавших более 45 тысяч человек. Однако многие бойцы этих подразделений впервые встали на лыжи и никак не могли вести борьбу на равных с опытным противником.

Вот что вспоминал рядовой — разведчик 17-го отдельного лыжного батальона Павел Шилов, студент Ивановского сельскохозяйственного института, пошедший на фронт добровольцем и, в отличие от многих своих товарищей, умевший ходить на лыжах:

«Военком напомнил о массовом поступлении в Иваново обмороженных, но при этом сказал, что нас оденут не так, как красноармейцев, начинавших войну в шинелях, яловых или кирзовых сапогах, в буденовках, вооруженных винтовками Мосина и т. д. Нас лучше вооружат и оденут в полушубки...

17-й отдельный батальон насчитывал со всеми службами более 1000 человек. Одеты мы были так: нижнее бязевое белье, шерстяные кальсоны и рубашка, бумажные, цвета хаки, брюки и гимнастерка. Поверх — шинель, плохо подогнанная по росту, шапка — буденовка (в декабрьские морозы. — Ъ. С.), подшлемник, каска, на ногах валенки. Снаряжение: лыжи с мягкими креплениями, вещмешок, в нем яловые сапоги, лыжные ботинки с креплениями, плащ — палатка, противооприт-ные сапоги (по полпуда весом), противоопритная накидка. На поясном ремне: котелок, фляга, две гранаты, два капсюля — взрывателя, саперная лопатка, два патронташа, сумка с патронами (100 патронов в обоймах). Противогаз через плечо.

Вооружение на взвод разведки: гранатомет (какого-то древнего образца винтовка, а на ствол надевалась граната)> у командиров — револьверы, у остальных — пятизарядные обычные винтовки. Стрелковые роты кроме винтовок и револьверов имели на вооружении ручные пулеметы Дегтярева, станковые пулеметы «максим» и минометы, но... без мин.

Станция Медвежьегорск. Длительная остановка, приказ: «Сдать винтовки». Откуда-то появились ящики, и мы в них уложили оружие и патронташи, а затем получили винтовки СВТ с магазинами (2 штуки) на 10 патронов. СВТ (самозарядная винтовка Токарева. — Ъ. С.) нам понравилась: не надо братья за затвор, перезаряжая; стрелять можно и одиночными выстрелами, и очередями, если будет необходимость...

Станция выгрузки — Кочкома. Справа по ходу эшелона — Беломорканал. Утром в пустом помещении школы нас ждал сюрприз. Сняли шинели, буденовки, одели ватные брюки поверх валенок. Брюки сверху белые, из какой-то плотной ткани (типа плащовки), внутри синяя фланель. Куртка: на рукавах манжеты, снизу пояс. Вместо буденовок дали ватные колпаки из того же материала, что и куртка с брюками. Ну и еще маска с прорезями для глаз и рта. На руки, в дополнение к шерстяным перчаткам, полученным в Шуе, выдали варежки с одним пальцем. И сказали, что это одежда строго секретная.

Далее на автомашинах перебросили нас до пограничной заставы Реболы. В Реболах переночевали в землянках, днем поупражнялись в стрельбе, а вечером на лыжах отправились к государственной границе с Финляндией. Тут начали проклинать тех военспецов, которые экипировали бойцов легколыжного батальона и особенно нас — разведчиков.

«Какие мы разведчики, — думали мы, идя на лыжах, — мы навьюченные, неповоротливые ишаки, или верблюды, или носильщики наподобие клондайковских носильщиков — индейцев».

Эта экипировка нам мешала: никакой маневренности, подвижности, да в лютый мороз, да в глубоких снегах!

Навьюченные, или мы до границы, периодически отклоняясь от основной дороги и проверяя, нет ли рядом противника.

На другой день, изрядно и совершенно напрасно измученные (могли бы весь батальон подбросить на машинах), мы достигли границы. Тут немного передохнули, подкрепились консервами и галетами, попутно получив патриотическую зарядку со стороны подвернувшегося малограмотного политрука. Он по-украински нам объяснил обстановку на передовой примерно так: «Наши самолеты бомбят и бомбят, а финны убегают», — ну и еще что-то маловразумительное. Затем последовал

приказ: догнать и уничтожить отряд финских лыжников, проникших на нашу территорию и устроивших крушение воинского эшелона и другие диверсионные акты.

Шли по их лыжне вдоль границы на север в течение дня, безо всякого результата. В кромешной тьме, постоянно падая от изнеможения, кое-как вернулись на дорогу, откуда начали преследование лыжников, и здесь получили приказ командира Сапрыкина зарыться в снег и спать.

Я никак не думал и не предполагал, что отдых будет в снежной яме, но приказ есть приказ. Я, как и другие, вырыл яму, постелил на дно плащ — палатку, кто-то, назначенный часовым, засыпал меня снегом, и я заснул мертвецким сном, словно в комфортабельном гостиничном номере.

Проснулся от удара в бок прикладом винтовки. Это часовой поднимал нас, так как уже светало. Выбрался из снежной постели, довольно теплой при 40-градусном морозе, и сразу страшно замерз.

Пошли куда-то вправо от дороги, ведущей на передовую. Стали уже слышны разрывы бомб и снарядов, но очень глухо: передовая была далеко. Двигались

по глубокому снегу, вновь измучились безо всякого толку и вышли опять на дорогу. Темнело, когда нас догнали машины с боеприпасами и продовольствием. Нас посадили на верх груза, но мы и тут мучились, то и дело вытаскивая машины — полуторки из снега на обочинах, так как шоферы, по неделе почти не спавши, на ходу засыпали, а машины, съезжая с дороги, вязли в снегу.

Ехали ночь. На одном обогревательном пункте получили по буханке размороженного ржаного хлеба и под утро прибыли на передовую. Место это называлось Хильки-3... Когда шли к исходной позиции, нам навстречу попались остатки стрелкового батальона — измученные бойцы, истерзанные. Они вели и несли раненых и в наш адрес отпускали злые реплики: «Видите, что с нами стало? В одном бою разбили батальон, а вы добровольно (нас узнавали по одежде) идете умирать!» Это как ножом резануло по сердцу. Сразу вспомнились слова малограмотного политрука: «Наши самолеты бомблят и бомблят, а финны убегают». Тут мы увидели другое. Наши бегут, и не все, а жалкие остатки. Также узнали от раненых и про то, как наши «бомблят». Самолеты, верно, бомбили, стараясь угодить в финнов, окруживших 54-ю дивизию, но иногда бомбы падали и на своих, а продукты и боеприпасы, которые они сбрасывали, чаще попадали к финнам, нежели к бойцам окруженной дивизии.

Увидели артиллерийскую батарею 76-мм пушек и хорошую землянку... Нас пустили погреться и подготовиться к предстоящим боям.

Рядом находилась походная кухня, и мы впервые за много дней поели горячей пищи...

Все, кого мы встречали, были возбуждены, так как бои шли не в нашу пользу. В артиллерийской землянке жили недолго. Быстро получили продукты на три дня — тушенку, масло, сахар, галеты, по шкалику водки (называли это «ворошиловским пайком») — из сумерках вышли в первую разведку.

Что разведывать, куда, на какое расстояние — командиры не объяснили. Сошли на лыжах под гору и углубились в темный лес. Темнота постоянно разрывалась светом ракет красного, желтого, белого цвета. Впереди, справа, слева, сзади непрерывная стрельба — пулеметная, автоматная, минометная.

Вдруг передние остановились. Меня нашел командир взвода и дал приказ возвратиться назад, найти батальон, который должен идти за нами, и сообщить, л/б/, разведчики, дошли до указанного рубежа, противника не встретили, и какой будет дальнейший приказ.

Я углубился в незнакомый лес по проторенной лыжне. Шел быстро. Несмотря на сильный мороз, весь взмок, впору было расстегнуться. Так я волновался, что и усталость исчезла. Страх не было. Думал только одно: как бы найти батальон. Вдруг лыжня раздвоилась. Куда идти — вправо или влево? Прислушался, услышал какие-то голоса (почудилось — на чужом языке), пошел вправо и не ошибся.

Вскоре встретил головной дозор батальона во главе с начальником штаба (его я узнал по росту, он был детина метра под два). Доложил начальнику штаба приказ, полученный от Сапрыкина, и выслушал площадную брань в адрес командира взвода, а также по-чужому и в свой. Мне приказали вести батальон по знакомой лыжне. Светало, когда приблизились к месту, от которого я ушел с приказом, и увидели остатки от взвода. Командир взвода тяжело ранен, помкомвзвода тоже. Невредимыми остались политрук и два санинструктора. Пока я ходил на связь с батальоном, разведчиков окружила большая группа финнов и расстреляла из автоматов и минометов. Беда была в том, что наши СВТ не стреляли. На морозе после первого выстрела затвор покрывался пленкой льда, и капсюль следующего патрона не разбивался бойком. После первых выстрелов разведчики уже не стреляли, а вот автоматы у командира взвода и помкомвзвода были в

порядке, и они стреляли по финнам до последнего патрона. Ну и по ним, ведущим огонь, финны сосредоточили ответный огонь и обоих тяжело ранили. Спас остатки разведвзвода наш приход к месту боя в

составе батальона.

К утру подтянулись все роты. Началась плохо мне понятная подготовка к бою. При свете утра я видел, что мы находимся на огромной сопке, покрытой сосновыми деревьями, а слева — лощина или озеро. Вот туда и было приказано идти батальону. И тут началось побоище. Командиры, не имея разведанных, пошли в наступление, не зная силы и точного расположения противника. По батальону били из пулеметов и вели интенсивный минометный обстрел. Финны умело применяли минометы в лесной местности и нанесли батальону большой урон. Я в это время наткнулся на политрука и разведчика Никифорова из Кинешмы. Политрук вел огонь из автомата по финнам на другой стороне лощины. Я увидел за кустом пулемет, установленный на волокуше, и трупы убитых пулеметчиков. Я — пулеметчик, а политрук помогал с дисками. Находка дегтяревского пулемета дала возможность подавить огонь противника на правом фланге, чем воспользовались наши и потеснили финнов к лесу. Вдруг застонал политрук: разрывная пуля раздробила ему голень правой ноги. Политрук стонет и просит ему помочь и не бросать. Я снял пулемет с волокуши, положил на нее политрука и под сильным огнем стал вывозить из этого ада. Даже не заметил, куда делся Никифоров; видимо, его убило.

Мне одному пришлось вывозить раненого по изрытому, в ямах, снегу. С трудом затащил политрука в заросли кустов, немного отдохнул. Думаю, что делать: идти к ротам, продолжающим бой, или везти раненого. Пересилила жалость к человеку, стонавшему, ослабевшему от потери крови...

...Я отошел от санбата, не зная, что делать, куда направиться. Поел у стоявшей возле полуразрушенного сарая кухни и пошел искать своих... Под утро собрались оставшиеся в живых: командир отделения Плетнев, Смирнов, Морозов, один из санинструкторов и я. Вот и все уцелевшие разведчики.

К вечеру нас собрали появившиеся чужие командиры (командиры батальона, за исключением писаря штаба, старшины по званию, погибли), присоединили к дорожно — эксплуатационному полку, и мы пошли в новое наступление. Кроме дорожного полка в наступлении участвовали остатки нашего лыжного батальона (человек 200) и еще какие-то части. Шли слева от дороги по направлению к окруженной 54-й дивизии».

В этом живом рассказе — «окопная правда» финской войны. Сразу ясно: вина за поражения в первую очередь лежала не на красноармейцах, а на командирах. Это они нагрузили лыжников — разведчиков, как вьючных животных. Снабдили их негодными в зимних условиях винтовками СВТ.

Между тем с начала войны прошла уже не одна неделя, и те, кому следует, давно уже должны были установить, что на морозе СВТ дает осечки. Затем, нормальное зимнее обмундирование получили лишь сформированные частично из добровольцев лыжные батальоны, а основная масса красноармейцев продолжала сражаться в шинелях и буденовках.

Бестолковость командования очевидна. Зачем разведчикам громоздкий противохимический комплект? Что, финны у себя в тылу будут бить по ним химическими снарядами? Да и снарядов-то таких в финской армии не было. Командование Красной Армии стало жертвой собственной пропаганды. Ведь уже 3 декабря 1939 года «Правда» заявила: «Финны пустили в ход газы. В этом районе употребили хлорпикрин. Правда, газ им не помог. У всех наших бойцов есть противогазы. Да и недолго работала ядовитая гадина. Химик тов. Огольцов под огнем врагов ликвидировал установку...» А может, советская сторона сама собиралась использовать против финнов отравляющие вещества и снабдила красноармейцев противогазами, а для отвода глаз запустила газетную «утку» о «ядовитых гадинах»? Но, даже если такие планы и были, осуществить их под неусыпным оком Англии, Франции, США, да и Германии было невозможно.

Насчет обмундирования и прочей амуниции прозрение у советских интендантов наступило лишь по окончании финской войны. На совещании в апреле 1940 года начальник снабжения Красной Армии А. В. Хрулев говорил Сталину:

«Нагрузка нашего бойца, безусловно, велика. Солдат царской армии — правда, он не носил противогаза (хотя химические снаряды в Первой мировой войне применялись. — Б. С.) и стального шлема — ...все же имел нагрузку в летнее время примерно в 28 кг...

— Много, — заметил Сталин.

— Много тоже, тов. Сталин, — согласился Хрулев. — Но наш боец... на финляндском фронте носил на себе 33,5 кг.

— Безобразие, — возмущился Иосиф Виссарионович.

— Безобразие, — как эхо, отозвался Андрей Васильевич. И критически отозвался о красноармейской шинели: — Для парада она хороша, но для войны не совсем... Она длинная и мешает бойцу передвигаться...

— Что-либо лучшее нужно? — поинтересовался Сталин.

— Наша армейская куртка, — объяснил начальник снабжения, — она сделана из хлопчатобумажной. диагонали, она очень красивая.

Этот пассаж вызвал смех в зале, и Хрулев поправился:

— И она очень теплая (интересно, каково было солдатам в

хлопчатобумажной диагонали поздней осенью и зимой? — Б. С./ Ко мне пришел один наш командир и говорит: «Почему вы держитесь за шинель?» Я ему

отвечаю: «А почему не держаться за шинель?» А мне отвечает: «Теперь от нее все уходят, короче делают, значительно короче, чем у нас...» В бою шинель очень мешает быстрому продвижению».

Действительно, в финской армии, как и в немецкой и других западных армиях, шинель давно уже была короткой, чтобы не стеснять движений бойца. Но в Красной Армии вопрос с переходом на короткую шинель так и не был решен вплоть до Великой Отечественной войны. Дело в том, что у нас шинель была еще и одеялом для бойцов, которым часто приходилось ночевать в палатках или холодных землянках. Финских, английских или немецких солдат обычно старались разместить в домах или теплых блиндажах, так что в шинелях — одеялах они не нуждались. Да и паек у красноармейцев был беднее, чем у западных коллег, и мерзли они сильнее. Потому-то на апрельском совещании отмечали: «Красноармейцы на шинель не жалуются». Вообще, на Западе, и в частности в Финляндии, бытовому обустройству солдат уделяли гораздо больше внимания, чем в России. Ситуация не изменилась и сегодня. Причина все та же: наша страна во много раз беднее, чем ее западные соседи. Поэтому средства направляются прежде всего на пушки, а что останется — на хлеб бойцам и их обучение. Оттого-то в «зимней войне» по уровню боевого мастерства финские солдаты и офицеры наголову превосходили советских.

Лыжные батальоны и эскадроны несли обыкновенно наибольшие потери, поскольку финские лыжники особенно превосходили противника в лыжной, огневой и тактической подготовке.

Поэт Сергей Наровчатов, сражавшийся в рядах лыжного батальона, вспоминал: «Я понял, что такое взрослость, какая это страшная вещь... Из батальона в 970 человек осталось нас 100 с чем-то, из них 40 человек невредимыми».

Близко знавшая Наровчатова Елена Ржевская так передает его тяжкие впечатления о финской войне:

«Наровчатов — и не он один — ринулся, не раздумывая, добровольцем. Ушли вчетвером в лыжный батальон, вернулись двое из госпиталей, тяжело обмороженные. Помню, о//, вернувшись, говорил: спасло его то, «/ то он был сильным лыжником. Замерзающий, ш- мученный без сна батальон в рейде по тылам противника. Сергей уходил на лыжах вперед. И, стоя на лыжах, засыпал, привалясь на палки. Поравнявшись с ним, его расталкивали, потому не уснул навеки, за- мерзнув а поспав сколько-то,

немного набрав сил, снова отрывался от бессонного батальона вперед и снова мгновенно засыпал стоя.

Уходил на финскую с близким другом Мишей Молочко, вернулся без него. Уходил влюбленным. Еще из госпиталя писал той девушке полные чувств письма, а пришел опустошенный. Жив, но казался мне смертельно потерпевшим. Взглянул в ледящее душу — в тупое, бессмысленное, зверское, безобразное лицо вой- яы. Кончилась ликующая юность. Выбито ощущение своей бессмертности».

Вернувшись, Наровчатов написал тогда же, в 1940-м, в одном из своих стихотворений:

**Господи! Мы многое узнали,
То, чего вовек не надо б знать.**

У уцелевших советских ветеранов «зимней войны» рассеялись многие иллюзии, как насчет боевой мощи Красной Армии, так и по поводу любви, которую будто бы питают к Советскому Союзу трудящиеся всего мира. Финские рабочие и крестьяне никаких добрых чувств к вторгшимся на их землю красноармейцам не испытывали, дрались ожесточенно и умело, и восставать против «кровавой финляндской буржуазии» не собирались.

Лыжные части финнов особо активно действовали в районе к северу от Ладожского озера. Здесь превосходство в этом роде войск позволило финнам вырвать инициативу у Красной Армии и на некоторых участках удерживать ее вплоть до конца войны.

В начале войны севернее Ладоги действовали две советские армии: 8-я и 9-я. До 16 декабря 8-й армией командовал комдив И. Н. Хабаров, а позднее — командарм 2-го ранга Г. М. Штерн. В ее состав входили два стрелковых корпуса: 1-й и 56-й, однако 75-я стрелковая дивизия, приданная 1-му корпусу, к 30 ноября еще только выдвигалась к границе. 8-я армия по плану на 3-5-й день операции должна была захватить город Питкяранта, а на 7—10-й день — города Сортавала и Лахденпохья. Потом левофланговым дивизиям следовало зайти в тыл войскам противника, оборонявшим Карельский перешеек, а правофланговым — продвигаться в глубь финской территории в направлении на Йоэнсу. Однако этот план осуществить не удалось.

56-й корпус наносил два удара в расходящихся направлениях: главный — силами 18-й и 168-й стрелковых дивизий совместно с 34-й легкотанковой бригадой на питкярантском направлении и вспомогательный

— 56-й стрелковой дивизией на лоймолловском направлении. Главный удар 1-го корпуса был направлен на Толвоярви. Успех обоих корпусов грозил финнам потерей важных позиций и коммуникаций. Но, как часто бывает, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги», ну а здесь — про леса и зимнее карельское бездорожье. В апреле 1940 года, выступая на совещании по итогам финской войны, командующий артиллерией 8-й армии комбриг Н. А. Клич справедливо указал на изъян плана, по которому наступала армия: «К началу войны 8-я армия начала наступление фактически «растопыренными пальцами» — 5 дивизий на пяти направлениях. Территория не была подготовлена для действий крупных воинских частей. Почему это произошло? Потому, что общий оперативный план не учитывал важности петрозаводско — сортавальского направления».

30 ноября 56-я стрелковая дивизия пошла в наступление вдоль железной дороги и шоссе на Лоймолу. Сначала она не встречала серьезного сопротивления. Первый настоящий бой произошел 5 декабря и оказался успешным для наших войск. Штаб 56-й дивизии донес, что занята станция Питсийоки, но вскоре оказалось, что в действительности это был полустанок Нятяоя, находящийся несколько восточнее. Ошибка случилась из-за того, что командиры плохо ориентировались на местности — не умели как следует читать карту.

Теперь против дивизии действовал усиленный батальон финнов при поддержке бронепоезда. В ночь на 7 декабря 37-й стрелковый полк вышел к развилке дорог в 10 км западнее Нятяоя, а 184-й занял рубеж в 5 км юго — восточнее Лоймолы.

С прибытием в район боевых действий финского 35-го пехотного полка 12-й пехотной дивизии под командованием подполковника Тианена ситуация изменилась. Уже 12 декабря штаб 56-й стрелковой дивизии сообщал в штаб корпуса, что после боя, не принесшего существенного территориального успеха, части крайне утомлены. Предпринятая на следующий день попытка обойти линию обороны противника с севера силами 2-го батальона 37-го стрелкового полка не увенчалась успехом: атакующие подразделения были встречены огнем снайперов и автоматчиков, тщательно замаскировавшихся на деревьях и под ними и создававших своими умелыми действиями иллюзию, что тут действуют крупные силы. 14 декабря батальон вернулся на исходные позиции, потеряв около 60 человек убитыми и ранеными.

17 декабря финны перешли к более активным действиям. В результате два батальона 37-го и 213-го стрелковых полков оказались в окружении, но вырвались из него вечером того же дня. К 19 декабря 37-й стрел; ковый

полк вынужден был отойти на 8—10 км, чтобы занять рубеж обороны в 2 км западнее Нятяоя, оседлав железную и шоссейную дороги. Вскоре отошли и другие части, за исключением 3-го батальона 184-го стрелкового полка, удержавшего свои позиции в районе Лоймолы. 24 декабря неприятелю удалось отрезать его от главных сил. Однако на следующий день батальон вырвался из вражеского кольца.

Финские диверсанты на лыжах неоднократно нарушали коммуникации дивизии, вредя ее снабжению. 22–23 декабря противнику удалось даже полностью прервать подвоз боеприпасов и продовольствия 184-му и 213-му полкам, но советское превосходство в силах, особенно в артиллерии, дало о себе знать, и финны вынуждены были ретироваться.

Не лучше обстояли дела и у левофланговых дивизий 56-го стрелкового корпуса. 18-я и 168-я стрелковые дивизии и 34-я легкотанковая бригада только на одиннадцатый день войны заняли Пяткиранта и вышли в район Леметти, продвинувшись на 40–50 км. Быстрее идти вперед им мешало не столько сопротивление немногочисленного финского боевого охранения, сколько плохая лыжная подготовка красноармейцев. Из-за этого приходилось держаться немногих дорог, а здесь их поджидали финские завалы и мины. Возникали бесчисленные пробки. Не могла быстрее идти вперед и танковая бригада. Один из ее батальонов использовался для охраны штаба 56-го корпуса, а два других ротами были приданы стрелковым полкам и шли в темпе пехоты.

Вскоре продвижение 8-й армии совсем остановилось, поскольку финны подтянули дополнительные силы. Из района Лоймолы прибыла 12-я пехотная дивизия финнов, с северо — запада перебросили 13-ю. Эти дивизии составили 4-й армейский корпус генерал — майора Юхана Вольдемара Хеглунда. Он и разработал специальную тактику борьбы с наступающим противником в условиях непроходимых для больших масс войск лесов и болот. Финны применили полупартизанские методы борьбы, в чем им помогали превосходная лыжная подготовка и хорошее знание местности. Поскольку сплошная линия фронта отсутствовала, небольшие финские подразделения проникали во вражеский тыл и перерезали дороги, по которым шло снабжение наступающих советских дивизий.

Севернее 56-й дивизии на Толвоярви наступала 139-я стрелковая дивизия, сформированная в августе — сентябре 1939 года при «больших учебных сборах», накануне вторжения в Польшу. Дивизия состояла из жителей Духовщинского, Спас — Деменского и Демидовского районов Смоленской области. Многие ранее не служили в армии и впервые взяли в руки винтовки. «Освободительный» поход в Западную Белоруссию не дал

дивизии сколько-нибудь значительного боевого опыта и не оставил времени на обучение бойцов и младших командиров: ее спешно перебросили в Петрозаводск — «освободить» Финляндию.

139-я дивизия должна была обойти с фланга финские оборонительные позиции в районе Вартсила и совместно с 56-й стрелковой дивизией наступать на Выборг. Однако реализовать этот амбициозный план не удалось.

4 декабря у переправы через реку Айттакоски произошел первый бой. Здесь финские подразделения в течение почти 10 часов сдерживали натиск передового 609-го стрелкового полка и отошли, только когда почувствовали опасность обхода с фланга. Однако разгромить противника нашим частям не удалось. 2-й батальон 718-го стрелкового полка, совершавший обходное движение, в отличие от финнов, не имел лыж и угнаться за отступающим противником не мог.

К вечеру 7 декабря следовавшие в первом эшелоне 364-й и 609-й стрелковые полки вышли к восточному берегу озера Ала — Толва — ярви, углубившись на территорию Финляндии почти на 100 километров. На следующий день 3-й батальон 364-го стрелкового полка переправился по льду через озеро и занял северную окраину поселка Толвоярви, но был выбит из него контратакой врага.

Чтобы заставить финнов покинуть оборонительные позиции, командир дивизии комбриг Н. И. Беляев сформировал два отряда для выхода во фланг и тыл неприятеля. Первый из них в составе двух батальонов 718-го стрелкового полка должен был обойти левый фланг обороны противника с севера и выйти в район в 8—10 км западнее Толвоярви. Задачей второго, состоявшего из усиленного батальона 609-го стрелкового полка, был обход правого фланга финнов.

Однако операция провалилась. Батальон 609-го полка потерял ориентировку и, как сказано в описании боевых действий дивизии, «блудил и лишь 10 декабря возвратился, не выполнив задачи». Отряд 718-го полка вышел 9 декабря в район населенного пункта Хаутава-ра, но в этот день командир 1-го стрелкового корпуса уже отдал приказ о нанесении фронтального удара по финским позициям.

Пришлось вернуть батальоны, проникшие в тыл противника. 10 декабря подразделения 364-го стрелкового полка вновь заняли северную окраину Толвоярви и две дамбы на озере Ала — Толва — ярви, однако дальнейшие попытки полностью овладеть Толвоярви успеха не имели, хотя атакующие получили подкрепление в два возвратившихся батальона 718-го стрелкового полка.

11 декабря командование 139-й дивизии разработало план решительной атаки на следующий день, проведя предварительно сильную артиллерийскую и авиационную подготовку. Но, как это часто случается на войне, события развивались не по плану. Плохая погода помешала полетам бомбардировщиков и в значительной мере снизила эффективность артиллерийского огня. Сыграла свою роль и крайняя утомленность

бойцов и командиров. За 12 дней с начала войны походные кухни все время отставали на забитых дорогах, и горячая пища выдавалась всего 2–3 раза. Бойцы и командиры вынуждены были разгрызать мерзлый хлеб или оттаивать его на кострах, а это было рискованно: финские разведчики — снайперы стреляли на огонь. Солдаты дивизии были так утомлены, что многих не могли разбудить даже, раскаты артиллерийской подготовки.

Батальоны залегли под огнем противника, однако приказа об отводе на исходные позиции все не было. Люди замерзали на снегу. Тем временем в ночь на 13 декабря подразделения 16-го пехотного полка финнов, которым командовал подполковник А. Паяри, начали обходить с флангов поредевшие роты 139-й дивизии. Роты без приказа с утра начали беспорядочный отход. Финским снайперам удалось выбить многих командиров, что усилило хаос. Особенно скверным положение стало тогда, когда многие подразделения отошли на дамбы и там перемешались с тылами и обозами. Из-за потери управления в ходе последующих атак противника в дивизии началась паника, люди бежали, бросая винтовки и пулеметы. Командиру дивизии и офицерам штаба удалось остановить бегущих только на восточном берегу озера Ала — Толва — ярви. Одновременно они вывели на передовую почти всех бойцов тыловых подразделений, владевших оружием. Помогли и артиллеристы, открывшие мощный заградительный огонь.

В тот день бойцы дивизии оставили на поле боя тысячи винтовок, 64 станковых пулемета, шесть 76-мм полковых пушек и 4 противотанковых «сорокапятки». Людские потери достигли 30 % в 718-м стрелковом полку и 60 % в 609-м.

На следующий день атаки частей группы полковника Талвелы продолжались. 139-я стрелковая дивизия вновь не могла сдержать натиск неприятеля. От разгрома дивизию спасло прибытие в середине дня 14 декабря в ее расположение, к домику лесника, передового 2-го батальона 28-го стрелкового полка 75-й дивизии. Он сдержал атаки противника на заданном рубеже и дал возможность организованно выйти из боя частям злополучной дивизии. Один кадровый батальон сделал то, что не смогли девять, состоявших из новобранцев.

С этого момента 75-я и 139-я дивизии действуют до середины января 1940 года на одном участке фронта, сменяя друг друга на передовой. 75-я полностью сосредоточилась только 18 декабря. И уже на следующий день 2-й батальон 28-го стрелкового полка, спасший накануне 139-ю дивизию, атаковал противника во взаимодействии со 2-м батальоном 115-го стрелкового полка и почти дошел до позиций на восточном берегу Ала — Толва — ярви. Но закрепиться там не удалось. Остальные части 139-й дивизии продолжали отступать, и при этом вырвавшиеся вперед батальоны попали в окружение. Противнику удалось также овладеть населенными пунктами Растисалмен и Маятало, где планировалось развертывание главных сил 75-й дивизии. Поэтому двум батальонам 28-го стрелкового полка пришлось выбивать противника из этих деревень. После второй атаки финны отошли на запад.

Днем 16 декабря окруженные батальоны прорвались к своим, понеся значительные потери: 2-й батальон 28-го полка потерял 114 человек убитыми и 130 ранеными, а во 2-м батальоне 115-го полка был выбит почти весь командный состав. После выхода из окружения он был заменен 1-м батальоном полка и отправлен во второй эшелон дивизии.

На основании вмененных им в вину поражений командир 139-й дивизии комбриг Беляев и начальник штаба майор Заалишвили 16 декабря 1939 года были отстранены от занимаемых должностей. Их сменили комбриг Понеделин и полковник Глушков. Одним из первых приказов новый командир дивизии сформировал первую в Красной Армии команду из паникеров и трусов из дивизии. За эту инициативу П. Г. Понеделин получил выговор в приказе по 8-й армии. Однако позднее, на совещании в ЦК, она получила полную поддержку, когда командир 3-го стрелкового корпуса комдив П. И. Батов предложил: «...Может быть, незначительную часть бойцов, которых можно отнести к числу нерадивых, подвергать дисциплинарным взысканиям в виде арестов, а также создать специальные исправительные и дисциплинарные батальоны, с тем чтобы покончить с расхлябанностью, которая у нас имеется». Кто-то из зала выразительно назвал эти исправительные батальоны «штрафными».

К несчастью, в годы Великой Отечественной войны такие батальоны из средства, дисциплинирующего бойцов и командиров, превратились в поставщиков пушечного мяса для плохо подготовленных лобовых атак. Через штрафные части прошла не «незначительная часть», а миллионы красноармейцев, и мало кому посчастливилось уцелеть.

Всего за период боев с 8 по 17 декабря 1939 года 139-я стрелковая дивизия потеряла, по данным штаба, 718 человек убитыми, 1570 ранеными

и 1089 пропавшими без вести. В сумме это составило около четверти штатной ее численности. На поле боя было оставлено 2247 винтовок, 165 станковых и 240 ручных пулеметов, тринадцать 45–мм и восемь 76–мм пушек и одна 122–мм гаубица. Вероятно, эти данные, полученные уже после окончания боевых действий, недостаточно полны. Например, в журнале боевых действий дивизии в разделе, посвященном январским боям в районе Витавара, отмечено, что к их началу роты 609–го стрелкового полка насчитывали всего по 30–50 человек, то есть не более 30 % штатной численности. Немного лучшей была укомплектованность стрелковых подразделений и в других полках. Думается, что в декабре дивизия в действительности потеряла не менее половины своей штатной численности красноармейцев и командиров.

А 75–я стрелковая дивизия 22–24 декабря организованно отошла за реку Айттакоски и удержала за собой плацдарм на ее западном берегу. За период с 14 по 24 декабря ее потери составили 954 человека убитыми, 1529 ранеными и 1619 пропавшими без вести. На поле боя было уничтожено огнем противника или брошено при отступлении 1196 винтовок, 133 ручных и 103 станковых пулемета, 8 45–мм и 5 76–мм пушек, 12 минометов, столько же танков и 2 броневых автомобиля.

По финским же данным, которые приводит в своих мемуарах Маннергейм, в этих боях было захвачено в плен более 1 тысячи красноармейцев из 139–й и 75–й дивизий, а более 5 тысяч погибло. Финнам досталось 69 танков, 40 орудий и 220 пулеметов.

Но и финские потери были велики. Было убито **И** ранено до 30 % участвовавших в сражении офицеров и унтер — офицеров и 25 % рядовых. Командовавший тол- воярвской группой финской армии полковник Пааво Талвела получил за свои умелые действия чин генерал — майора. Группа толвоярвского направления в военно — исторической литературе нередко называется в его честь «группой Талвела». Командир 16–го пехотного полка подполковник Ааро Паяри во время «зимней войны» также получил следующий чин — полковника, а за бои 1941–1944 годов, которые финны называют «войной — продолжением», был произведен в генерал — майоры. Он стал одним из четырех героев двух войн, получивших два Креста Маннергейма — высшую военную награду Финляндии.

В чем же была причина поражения советских войск в сражении у Толвоярви? Командир 75–й стрелковой дивизии комбриг С. И. Недвигин (сменивший своего предшественника А. Степанова, виновного в разгроме) на совещании по итогам финской войны в апреле 1940 года объяснял неудачу как утомленностью дивизии после долгого марша с латвийской

границы, так и неразберихой в управлении частями:

«...К периоду, когда нужно было вести операцию в составе 8-й армии... части 75-й дивизии можно было найти от острова до Суоярви, а некоторые части 75-й дивизии даже до окончания войны в состав армии не вошли... В процессе ведения боя можно было наблюдать такую отрицательную сторону, как частое переподчинение частей. Мне, как командиру дивизии, пришлось командовать полами 139-й дивизии, а свои все полки отдать командиру 139-й дивизии. Я лично считаю что такое положение, кроме отрицательного, в процессе операции ничего принести не может. Для успешного выполнения боевого задания требуется хорошо знать своих подчиненных».

Степан Ильич рассказал, к каким трагическим последствиям привела несогласованность в действиях двух дивизий и непродуманные решения командования:

«Когда наша дивизия подходила к Суоярви, то 139-я дивизия, понесшая большие потери в процессе операций, нуждалась в том, чтобы ее быстро заменили. Было принято решение произвести замену в процессе боя, что при создавшейся обстановке было недопустимо. Что получилось? 75-я стрелковая дивизия, получив задачу на смену 139-й дивизии, сразу этого сделать не смогла, так как не успела еще сосредоточиться, поэтому смена проходила по частям. Мы не организовали обороны, а хотели это сделать в процессе боя. В результате получилась не смена частей, — а ввод в бой по частям, в силу чего дивизия понесла колоссальные потери как в людях, так и в материальной части. После данной операции дивизия на продолжительное время вышла из строя, и много было трудностей с преодолением «финнобоязни» у солдат. После этого чрезвычайно трагического явления для 75-й стрелковой дивизии мне пришлось вступить в командование ею».

Недвигин был также очень недоволен уровнем подготовки командиров среднего звена:

«Только что прибывшие командиры, окончившие военные училища, абсолютно не владеют ручным оружием, не знакомы с топографией, требовательность такого командира чрезвычайно низкая, уставные знания у него почти отсутствуют. Поэтому в процессе боя получилось, что наш средний командир — лейтенант, младший лейтенант быстро сливались со средней красноармейской массой и теряли лицо командира. Я считаю, что в военных училищах необходимо изменить систему подготовки командира, нужно будет готовить его с таким расчетом,

чтобы он, придя в войсковую часть, немедленно внес струю живой работы, методических навыков по стрелковой, тактической и физической подготовке».

Особенно большое значение Степан Ильич придавал физкультуре:

«На сегодняшний день с хорошей физической подготовкой военные училища если и дают командиров, то это единицы. Мне 46 лет, и я свободно беру турник (тут Недвигин себя, что называется, сглазил: перенесенное им в годы финской и Великой Отечественной войн основательно подорвало его здоровье, и в 1947 году генералу пришлось уволиться из армии по болезни. — Б. С.). Средний же командный состав к турнику нужно подводить с лестницей. Некоторые из них даже через кобылу свободно не прыгают, потому что это дело в военных училищах поставлено недостаточно крепко».

Командир 75-й стрелковой дивизии признал, что ни он сам, ни его подчиненные не умели ходить на лыжах: «В данных операциях я, как находящийся в Ленинградском округе, и все мы совершенно не имели представления о подготовке к бою на лыжах... Получалась чрезвычайно печальная вещь: когда заместитель народного комиссара проводил смотр подготовки по лыжам, мы на плече таскали лыжи, вместо того чтобы ходить на них».

Большие потери своей дивизии Недвигин объяснял необученностью новобранцев, которых по прибытии на передовую сразу бросали в бой: «Прибывшее на фронт пополнение в части временами вводилось в бой через 2–3 часа после прибытия... Объясняется это тем, что запасные части находились очень далеко от воинских частей и пополнение... вовремя не поступало. Считаю необходимым в дальнейшем иметь запасные батальоны в дивизиях или полки в корпусах, чтобы этот контингент запасного состава проходил соответствующую подготовку».

Январские бои сложились для 139-й и 75-й дивизий гораздо удачнее. Накануне Нового года противник преподнес им неприятный сюрприз, овладев поселком Витавара. Но праздник притупил бдительность финнов. Всегда цепко оборонявшиеся, они оставили Витавара вечером 1 января под натиском четырех рот 1-го и 2-го батальонов 609-го стрелкового полка, насчитывавших всего 180 штыков.

Однако на следующее утро опомнившиеся финны воспользовались малочисленностью советских подразделений, лишенных артиллерийской поддержки, и вновь овладели Витавара. Они продолжали развивать наступление в восточном направлении на Хаповара, грозя отрезать обеим дивизиям пути подвоза. В последующие три дня части 139-й стрелковой

дивизии при поддержке 34-го стрелкового полка 75-й дивизии вели упорные бои, отражая попытки противника выйти к Хаповара и одновременно контратакуя на Витаваара. 6 января финны ослабили натиск на Хаповара, чем незамедлительно воспользовался комбриг Понеделин, перебросивший главные силы соединения под Витаваара. В студеную ночь на 7 января 2-й батальон 34-го

стрелкового полка совместно с 1-м батальоном 718-го стрелкового полка штыковой атакой выбили финнов из Витаваара, чтобы больше его уже не отдавать. Бои в этом месте фронта затихли на две недели. Попытка группы Талвела повторить успех соединений 4-го корпуса, окруживших в конце декабря — начале января две дивизии и одну танковую бригаду 56-го стрелкового корпуса, не увенчалась успехом.

21 января соединения 8-й армии начали частные наступательные операции, имевшие своей целью улучшение занятых позиций, отвлечение противника от окруженных соединений левофланговой группы. При удачном развитии событий командование рассчитывало освободить их из кольца.

139-й стрелковой дивизии в это время было не до наступления. Даже после пополнения стрелковые батальоны по своей численности не превышали 300–350 штыков. Тем не менее неделю части дивизии вели упорные бои с противником, занимавшим удобные для обороны позиции на высотах, и продвинулись на запад на 1,5–2 километра. Потери дивизии составили 318 человек убитыми, 1121 ранеными и 192 пропавшими без вести.

75-я стрелковая дивизия, соприкасавшаяся на левом фланге с 139-й, 21 января также начала атаки. К исходу дня 34-й стрелковый полк занял излучину реки Вигарус — ярви, где и был остановлен сильным огнем противника. Другие подразделения продвинулись на 1,5–2 км на северо — запад от Витаваара, но затем вынуждены были остановить свое наступление из-за сильного сопротивления финнов. В последующие трое суток территория между Витаваара и высотами несколько раз переходила из рук в руки. Только 26 января советские войска овладели господствующими высотами, после чего противник отошел от Витаваара. За время операции 75-я дивизия потеряла 276 человек убитыми, 328 ранеными и 395 пропавшими без вести.

28 января обе дивизии получили приказ штаба 1-го стрелкового корпуса о прекращении активных действий. Начальник штаба этого корпуса майор С. П. Иванов считал, что значительных успехов не удалось достичь из-за неумения пехоты следовать за огневым валом артиллерии,

плохо скоординированных действий отдельных подразделений и отсутствия инициативы у командиров младшего и среднего звена.

Атаковала противника и 164-я стрелковая дивизия, но два ее полка продвинулись всего на километр. Для охраны коммуникаций командование дивизии сформировало на узкоколейной ветке от станции Питсий-оки некое подобие бронепоезда из четырех бронеплощадок, на которых были установлены обыкновенные пушки и пулеметы. Он начал курсировать 25 января и серьезно мешал действиям финских диверсионных и разведывательных групп. 1 февраля финны взорвали путь, но его удалось быстро восстановить, и бронепоезд продолжал свои боевые рейсы. Но 4 февраля неприятельские диверсанты подорвали рельсы прямо перед паровозом. Поезд свалился с насыпи и получил настолько серьезные повреждения, что отремонтировать его было невозможно.

27 января 194-й стрелковый полк 60-й дивизии должен был выбить финнов с острова Лункулан — саари на Ладожском озере. Обстрел отсюда мешал снабжению 168-й дивизии, чьи коммуникации проходили по льду Ладоги. Один его батальон ворвался на остров. Ему в помощь послали батальон 6-го полка Финской Народной армии. Однако при виде наступавших соплеменников народоармейцы пустились в паническое бегство. Их пример оказался заразителен: с высоты бежал и батальон 194-го стрелкового полка.

Не добилась успеха и 155-я стрелковая дивизия. Она прибыла в Карелию из Западной Белоруссии. Точно так же, как и две другие дивизии 1-го стрелкового корпуса, она была сформирована в основном из бойцов и командиров, призванных из запаса, и укомплектована автотранспортом и лошадьми, поступившими из гражданских организаций.

Вот что писал командир правофланговой дивизии 8-й армии о состоянии вверенного ему соединения: «Наличная бронетанковая часть совершенно небоеспособна. Прибывшие из организаций и учреждений газогенераторные автомашины совершенно не приспособлены для работы на северном театре». Большинство бойцов 155-й дивизии до призыва не умело стрелять из боевого оружия, метать гранату и даже пользоваться саперной лопаткой. Лыжи видели в глаза единицы.

Положение усугублялось скверным снабжением. Бойцы дивизии начали войну без стальных шлемов и маскировочных халатов. Не хватало полушубков, валенок и теплых перчаток — многие красноармейцы страдали от обморожения. Это была общая беда почти всех советских соединений, участвовавших в войне с Финляндией. На совещании высшего состава РККА в апреле 1940 года командующий 15-й армией

командарм 2-го ранга В. Н. Курдюмов отмечал:

«На финском театре в первый период войны было много обмороженных, потому что люди прибывали в холодной обуви, в ботинках даже, а не в сапогах, причем часть ботинок была рваной. Ленинградский военный округ должен был снабжать бойцов. Я здесь докладываю с полной ответственностью о том, что воевать при 40-градусном морозе в ботинках, даже не в рваных, и в хороших сапогах нельзя, потому что через несколько дней будет 50 % обмороженных. Тут есть закон физиологии, врачи об этом могут сказать... что тело человека, разумеется, без достаточного количества теплых вещей, может выдержать такую температуру 4–5 дней, а на 5-й день получается такое охлаждение, что независимо от употребления водки, сала — сила сопротивления организма будет понижаться».

Но красноармейцы, проявляя чудеса выносливости, воевали в рваных ботинках и шинелях, греясь порой только «наркомовскими» 100 граммами и белорусским да украинским салом.

Части 155-й дивизии не решались уходить с немногочисленных дорог. Штабы полков и батальонов под разными предлогами уклонялись от применения фланговых и обходных маневров. Лишь однажды, по приказу командира дивизии, в 436-м и 659-м стрелковых полках были сформированы отряды для обхода позиций 1-го и 2-го лапуасских батальонов по реке Койтта — йоки. Противник, опасаясь охвата, начали отход в западном направлении.

К 12 декабря к финнам подошли подкрепления: 3-й лапуасский, 5-й и 11-й резервный батальоны, 3-я самокатная, 3-я пулеметная и 4-я минометная роты. Общая численность финских войск стала примерно 4500 человек, имевших на вооружении около 3500 обычных и 150 автоматических винтовок, 965 пистолетов-пулеметов «Суоми», 148 ручных и 72 станковых пулемета, 13 пушек и 16 минометов.

Финны заняли рубеж по реке Айтта — йоки и отразили атаки 155-й дивизии. Тогда ее командир направил усиленный батальон во фланг противнику. Однако его атаку не удалось согласовать по времени с атакой главных сил. В результате батальон подвергся сильным контратакам и чуть сам не оказался в окружении. 15 декабря он возвратился к главным силам дивизии, после чего на этом участке фронта активные действия затихли.

Только с 12 по 15 декабря в 155-й стрелковой дивизии выбыло 177 человек убитыми, 710 ранеными и 210 пропавшими без вести. Потери же за весь период боев с 30 ноября по 15 декабря составили 336 человек убитыми, 926 ранеными и 251 пропавшими без вести. Неприятелю

досталось 504 винтовки, 31 станковый и 34 ручных пулемета, 5 танков Т-37, 3 танка Т-26 и 2 бронеавтомобиля. Во второй половине декабря потери 155-й дивизии возросли незначительно: на 47 убитых, 176 раненых и 18 пропавших без вести.

Если на правом фланге 8-й армии положение советских войск было просто незавидным, то ее левофланговая группа потерпела настоящую катастрофу. 18-я и 168-я стрелковые дивизии и 34-я танковая бригада оказались в окружении и понесли очень тяжелые потери. 18-я дивизия была кадровой и уже несколько лет находилась в Карелии. А вот 168-я была сформирована только в августе 1939-го, во время «больших учебных сборов». В начале сентября ее перебросили к границе. 34-я легкотанковая бригада прибыла в район Петрозаводска в октябре.

Основную часть бойцов 168-й дивизии пришлось обучать азам военного дела. Времени на проведение серьезных тактических занятий, в ходе которых командиры могли бы освоить управление войсками в сложных природных условиях, почти не осталось. В дивизии так и не был сформирован гаубичный артполк, а больше половины автотранспорта, поступившего из разных ведомств и организаций, требовала ремонта.

В первые дни войны 168-я и 18-я дивизии, вместе с поддерживавшей их танковой бригадой, имели на позиции против себя лишь два финских егерских батальона. Несмотря на значительное превосходство, только 10 декабря 402-й стрелковый полк 168-й дивизии занял город Питкяранта. К этому времени основные силы 18-й и 168-й дивизии и 34-й бригады продвинулись на 45–50 км и вышли в район поселка Леметти. В последующие двое суток продвижение в западном и северо — западном направлении продолжалось, но сопротивление финнов возросло. К ним на помощь подошли части 13-й пехотной дивизии и подразделения 36-го и 35-го пехотных полков 12 пехотной дивизии финнов. К 15 декабря на фронте находились 2-й батальон 37-го пехотного полка, 8-й егерский батальон, 38-й пехотный полк, батальон 36-го пехотного полка и батальон 39-го пехотного полка. Кроме того, в ближайшем их тылу находились по два батальона 37-го и 39-го полков и батальон 36-го полка финнов.

Командир 4-го армейского корпуса финской армии генерал — майор Ю. — В. Хеглунд прекрасно понимал, что лобовые контратаки не приведут к успеху. Хотя 168-я дивизия, например, потеряла к тому времени уже около 3000 человек убитыми и ранеными, советские войска сохраняли превосходство в живой силе и технике. По мере накопления сил финны, пользуясь своим превосходством в лыжной подготовке, стали проникать в тыл советских дивизий, прерывая их коммуникации и минирруя дороги. К

22 декабря части 56-го стрелкового корпуса окончательно перешли к обороне. Уже первые нападения финских отрядов на немногочисленные дороги заставили командование корпуса вывести с фронта для их охраны 83-й танковый батальон 34-й танковой бригады, а затем и роту 82-го танкового батальона.

К 26 декабря финнам удалось создать два минированных завала на дороге Лаваярви — Леметти в районе Уома. 28 декабря движение по этой трассе было прервано. Теперь на фронте против левофланговых соединений 56-го корпуса находились следующие финские силы: 2-й батальон 35-го пехотного полка, 8-й специальный батальон, по два батальона 38-го и 37-го пехотных полков и батальон 36-го пехотного полка. В резерве в ближайшем тылу находились по 3-му батальону 37-го и 38-го полков, батальон 36-го полка и полностью весь 39-й полк. Финское командование с первых же дней боев не раз выводило во второй эшелон и в резерв подразделения, дольше других находившиеся на передовой и понесшие наибольшие потери. К сожалению, штаб 56-го корпуса, как и штабы других советских корпусов и армий, такой практики не придерживался.

В период с 1 по 5 января 1940 года группа войск корпуса в составе 82-го танкового батальона, двух рот 179-го мотострелкового батальона, батальона 97-го стрелкового полка и некоторых тыловых подразделений неоднократно атаковала позиции финнов в районе Уома. Однако прорвать оборону противника и провести в Леметти колонну из 168 машин с продовольствием, боеприпасами и горючим так и не удалось.

В ходе боев 4–6 января финны расчленили гарнизон Леметти надвое. В северном котле оказались 76-й танковый батальон 34-й бригады и тыловые подразделения 18-й дивизии, в южном котле — бригадный и дивизионный штабы, 83-й танковый батальон (без одной роты), две роты 97-го стрелкового полка, две артиллерийские батареи и ряд других подразделений. Всего в окружении оказалось более 5 тысяч бойцов и командиров, более 100 танков, более десятка артиллерийских орудий и большое количество автомашин, для которых уже не было горючего. 168-я дивизия попробовала деблокировать окруженных с помощью двух батальонов 402-го стрелкового полка и двух батальонов 462-го стрелкового полка. Атака была плохо подготовлена. Штабы 8-й армии и 56-го корпуса не смогли организовать взаимодействие. Наступавшие достигли только района Рускасет, где соединились с двумя стрелковыми и гаубичным артиллерийским полками, отдельным танковым и разведывательным батальонами 18-й дивизии, разведывательным

батальоном и двумя ротами 34-й бригады.

Не удалось прорвать финскую оборону в районе Уома и прибывшим пограничникам, хотя, как даже финны отмечали, их действия носили более осмысленный характер и противостоять пограничникам, неплохо владеющим лыжами, было им гораздо сложнее, чем армейским частям.

Тем временем в окружении оказались гарнизон Уома и группа, располагавшаяся у развилки дорог Леметти — Митро. Здесь находились подразделения 18-й и 60-й стрелковых дивизий, насчитывавшие более 2200 человек (половина — раненые или обмороженные), 16 танков и 12 орудий. У озера Сари — ярви были окружены 500 человек с 3 танками и 8 орудиями, а в районе Ловаярви — стрелковый и лыжный батальоны с одной артиллерийской батареей.

Прочной обороны окруженным организовать так и не удалось. Помешал недостаток опыта, боеприпасов и продовольствия. Истощенные бойцы в суровые морозы не могли как следует оборудовать позиции. У них просто не было сил. После войны специальная комиссия штаба 15-й армии, обследовавшая район расположения окруженных частей, констатировала:

«Оборона организовывалась стихийно. Части и подразделения, прибывшие в Леметти, строили оборону там, где останавливались, для охраны себя. Это привело к тому, что район обороны был растянут вдоль дороги на 2 км, а в ширину имел лишь 400–800 м, что ставило гарнизон Леметти — южное в исключительно тяжелое положение, так как противник простреливал их огнем из всех видов оружия... Допущенная ошибка в организации обороны обусловила то, что высота «А», представлявшая большую тактическую ценность, не была занята, а командная высота над районом Леметти — южное «Б» занималась недостаточными силами (60 человек с одним пулеметом) и поэтому при первой же атаке противника была оставлена. Противник, заняв высоты, получил полную возможность в упор расстреливать людей, боевые и транспортные машины, наблюдать за поведением и действиями гарнизона... Большинство танков 34-й легкой танковой бригады и 201-го химического танкового батальона (вооруженного огнемётными танками. — Ъ. С.) не были расставлены как огневые точки для усиления обороны, часть из них так и осталась в походной колонне непосредственно на дороге... Количество боеприпасов точно установить не представляется возможным, но нужно сказать, что их было достаточно, к моменту выхода из окружения... оставалось до 12 тысяч снарядов и 40–45 тысяч патронов. К 5 января танки имели до двух заправок горючего. Это позволяло поставить их на более удобные позиции

для обороны, чего сделано не было...»

168-я стрелковая дивизия была заблокирована противником несколько раньше, чем 18-я, но, несмотря на значительные потери в предыдущих боях и выделение трех батальонов на помощь 18-й дивизии (из их бойцов уцелели лишь немногие), сумела удержать свой район обороны, сохранив за собой несколько важных высот, господствовавших над расположением дивизии. Вместо перерезанных коммуникаций по льду Ладожского озера была проложена дорога (предвестник знаменитой Дороги жизни в блокадный Ленинград), которую финны, несмотря на постоянные обстрелы и попытки нападения на обозы, так и не сумели перерезать. Она позволила дивизии выдержать почти двухмесячную осаду. Финны во второй декаде января попытались, правда, расчленив ее оборону, но после нескольких неудачных атак ограничились тем, что беспокоили окруженный гарнизон короткими артиллерийскими налетами.

Уже 8 января финны разбросали с самолетов листовки следующего содержания:

«Бойцы 18-й и 168-й дивизий! Вам известно, что вы окружены и все ваши связи с Родиной порваны. Почему вы продолжаете эту ненадежную (имелось в виду: безнадежную. — Б. С.) борьбу против нашего перевеса, мороза и голода. Обоз 8-й армии, которого вы ожидаете, финны истребили около Сальми. Предлагаем вам немедленно сдаться».

Другая листовка была составлена столь же определенно:

«Не вы виноваты в нападении в Финляндию, это затеяли ваши командиры и комиссары, поджигатели войны. Мы это знаем и не хотим проливать вашу кровь. Советуем вам следующее:

СДАЙТЕСЬ!

Для этого вы должны выбрать из своей среды переговорщиков, которые должны явиться завтра утром в 9 часов в следующие места:

1. У полотна железной дороги в Кителя.

2. На перекрестке у Руокоярви.

3. У Рухтинамяки.

4. В деревне Лаваярви.

5. На мосту, 5 километров на юг от Уксу. Переговорщики должны быть безоружными и иметь

кол с белым платком. Так уже сделали тысячи ваших товарищей на севере — будьте рассудительными и следуйте их примеру.

Командир и солдаты 4-й финской армии».

Аналогичные обращения к бойцам и командирам Красной Армии в те дни передавались на русском языке и финским радио. 6 января оно

сообщало:

«Солдаты Красной Армии! Ваши семьи и ваши близкие ждут, что вы их освободите от угнетения, в котором они живут и которое начинают сознавать все больше и больше. Вернитесь к своим очагам, сбросьте иго террора и несправедливости, навязанные вам вашим правительством. Сегодня вы можете уже себе отдать отчет в том, что вашими руками выполнили только ничтожную часть данных им обещаний. Чего стоит коммунизм, если он не основан на справедливости?..»

В радиопередаче содержался и такой пассаж в адрес советских руководителей:

«Не понимаете ли вы, господа народные комиссары, вы, люди совершенно равнодушные к страданиям ваших товарищей, плохо одетых, голодных, которых вы посылаете умирать в Финляндию, что их глаза открываются в момент смерти? Не понимаете ли вы, что народ, который вы угнетаете и которому не хватает хлеба, все более отдает себе отчет в ваших методах и в вашей звериной жестокости, вызывающей негодование всего мира? Будьте уверены, что русский народ не бесконечно будет переносить ваши насилия и ваше вероломство».

А через два дня, 8 января, финское радио обращалось уже к рабочим:

«Знайте, русские рабочие, что в трудовых массах всего мира сейчас существует лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь против СССР». Действуйте, спешите, время не ждет. Ваше начальство связано по рукам и ногам войной — агитируйте за мир. Не дайте свершиться новым преступлениям. Бессовестные люди, захватившие власть над вами, намерены накинуться на ни в чем не повинный финский народ: если вы это допустите, грех падет на вас... Что стало с принципами братства народов, о котором вам прожужжали уши ваши подлые возжи? Во имя этих принципов женщины, дети и старики гибнут от советских бомб. Да здравствует мир! Да здравствует свободная Россия!»

В отличие от листовок, содержащих немало грамматических и стилистических ошибок, тексты радиообращений обладали даже литературными достоинствами. Взять хотя бы эту сильную фразу, от которой и Достоевский бы не отказался: «Чего стоит коммунизм, если он не основан на справедливости?..» Финские пропагандисты и поставлявшие им материал эмигранты наивно верили в то, что для русского народа главное — справедливость и равенство, а не свобода. Раз большевистская верхушка оторвалась от масс, не зная нужды в своем пайковом изобилии, в то время как рабочие и крестьяне прозябают в нищете (по финским, по крайней мере, меркам), то народ рано или поздно должен восстать и

сбросить большевиков. Совсем не учитывалось, что в СССР нет ни свободы слова, ни оппозиции, что существует контроль над настроениями граждан и на фронте, и в тылу, что внутри страны пропаганда сделала свое темное дело. В сознании масс был создан образ «кровожадных буржуев», готовых в любой момент обрушиться на «государство рабочих и крестьян». Расцвел культ «мудрого и любимого вождя товарища Сталина» и преданной ему партии. У народа создалась уверенность, что Сталин все видит и знает, а оторвались от масс и погрязли в «мещанстве» и измене делу социализма лишь отдельные руководители, которых вывели в 1937–1938–м на чистую воду. Да, конечно, были опять допущены перегибы, но Сталин и партия быстро разобрались и поправили ошибку. Вместо зарвавшегося «стального наркома» Ежова пришел «дорогой товарищ» Берия, «лучший друг пионеров». О нем и песню сложили: «Сегодня праздник у ребят, ликует пионерия, сегодня в гости к ним пришел Лаврентий Палыч Берия!» Теперь-то уж наверняка никого безвинно сажать и стрелять не будут.

Война с Финляндией не пользовалась популярностью среди красноармейцев и части командиров, а первые неудачи еще больше понизили их боевой дух. Однако тех, кто готов был повернуть оружие против «комиссаров», набиралось единицы. В основном Красная Армия страдала от таких видов нарушения воинского долга, как дезертирство, самовольный уход с поля боя, паника и оставление врагу вооружения и боевой техники, которые часто и в сложной обстановке вполне можно было эвакуировать.

Ко всему, финскую радиопропаганду могли слышать немногие: радисты на фронте и владельцы коротковолновых радиоприемников в городах. Возможно, именно опыт «зимней войны» побудил власти сразу после начала Великой Отечественной войны изъять у советского населения все радиоприемники. Тут причиной не только острая нехватка средств связи в войсках, но и боязнь воздействия на народ неприятельской пропаганды.

Финские же листовки, в изобилии разбрасывавшиеся над советскими позициями, расписывали сытную жизнь в плену, где красноармейцам обещали выдать теплые вещи, сапоги и горячую пищу. Сулили премии за сданное финской армии оружие. Револьвер оценивался в 100 рублей, винтовка — в 150, пулемет — в 1500, а танк — в 10 000. Но дороже всего финны обещали за самолет — 10 000 долларов. Пилоту гарантировали возможность остаться в Финляндии или выехать в любую другую страну. Все эти моральные и материальные стимулы принесли ничтожные

результаты. Трофеи в ходе войны финская армия захватила, конечно, весьма солидные: 25 248 винтовок, 54 пистолета — пулемета, 1574 ручных и 954 станковых пулемета, 125 противотанковых и 160 полевых орудий, а также 94 миномета. Очевидно, большинство трофеев было взято с убитых или из того, что было брошено красноармейцами при поспешном отступлении с поля боя. В плен попало только около 6 тысяч бойцов и командиров — из них человек 700 раненых и обмороженных, остальные же, как правило, сдавались не добровольно, а оказавшись в безнадежном, гибельном положении в районах к северу от Ладожского озера.

Иное могло бы быть с самолетами: ведь сумма премии была очень велика. Всего финнам досталось 25 советских самолетов. Несколько из них не имели повреждений и были позднее использованы ВВС Финляндии. Это обстоятельство как будто наводит на мысль, что их переправили через линию фронта пилоты — пе — ребечки (при посадке на финских аэродромах они должны были выбросить зеленый флаг). Мне, однако, пока не попадалось сведений о том, чтобы какой-то советский летчик или танкист добровольно сдался финнам вместе со своей боевой машиной.

Но вернемся к боям в районе Леметти. Разведывательный отдел штаба 4-го армейского корпуса финнов 10 января оценивал обстановку здесь следующим образом: советские войска любыми средствами пытаются удержаться в этом важном районе, хотя моральное состояние большей части войск в значительной степени пошатнулось, ведь обе дивизии и танковая бригада понесли значительные потери. В 168-й дивизии, несмотря на примерно тысячу человек пополнения, укомплектованность стрелковых полков не превышает половины нормы.

Знали финны и об отправке на помощь 18-й дивизии трех батальонов из 402-го и 462-го стрелковых полков. По их сведениям, два батальона 462-го полка были влиты в 208-й стрелковый полк 18-й дивизии — его численность возросла до 500 человек, а 316-й стрелковый полк с начала войны вообще не получал пополнений. Не вполне верно финны рассчитали только силы 34-й танковой бригады в Леметти: по их данным, в ней было всего около 500 человек и лишь 15–20 исправных танков.

Финское командование знало и о подходе к Уома подразделений 620-го стрелкового полка, который имел неплохое снаряжение, в том числе и лыжи, и вооружение. Однако подготовка командного состава этого полка справедливо оценивалось финнами как невысокая.

18-я стрелковая дивизия, хотя и была кадровой, оказалась очень плохо подготовлена к боям. Незадолго до начала войны ее посетил начальник артиллерии Красной Армии Н. Н. Воронов. Николай Николаевич

вспоминал:

«Я подолгу беседовал с командирами о значении артиллерии в современной войне, об уроках боев в Испании и на Халхин — Голе, призывал изучать своего вероятного противника, объективно оценивать его силы, не зазнаваться, не скатываться к «шапкозакидательству», избегать условностей в боевой подготовке... Поме беседы ко мне подошли несколько командиров и политработников. Они были не согласны с оценкой сил вероятных наших противников: «Это неверные установки, запугивающие личный состав, — заявили они. — Они идут вразрез с указаниями высших инстанций». «Я вам высказал не только свои взгляды. Это — требования жизни. Наконец, это требование наркома, который прислал меня сюда».

И все же мои слова, видимо, подействовали мало. Трагической была для этой дивизии недооценка сил противостоящего противника. Когда начались бои, она попала в окружение в лесах Карелии и понесла большие потери».

12 января 1940 года командиры некоторых частей 18-й стрелковой дивизии отдали приказ о наведении порядка в тылах и передвижении бойцов и командиров на передовой линии и во втором эшелоне. Приказ запоздал: фронт был уже со всех сторон.

16—19 января противник предпринял новое наступление, в котором участвовали 38-й пехотный полк в полном составе, по два батальона 37-го и 39-го полков, а также 2-й батальон 35-го полка, 22-й специальный и 4-й егерский батальоны. Именно в это время три батальона (1-й и 3-й 36-го пехотного полка и 1-й 34-го полка) образовывали внешнее кольцо окружения. Еще пять батальонов (по одному из 36, 37 и 39-го полков и 8-й и 18-й специальные) были введены в бой в ходе операции. Финнам удалось выйти на подступы к Питкяранта — главному пункту снабжения и сосредоточения советских войск. Однако попытка штурма города была пресечена подошедшими частями совете — кой 11-й стрелковой дивизии (219-й стрелковый полк) и 60-й дивизии (194-й стрелковый полк). Тем не менее оказать помощь окруженным войскам стало еще труднее. Финны овладели рядом островов, которые командование 8-й армии выпустило из-под контроля. Оставив небольшие гарнизоны на островах Петя — саари, Зуб, Максиман — саари и Лункулан — саари, противник стал угрожать левому флангу 8-й армии и обстреливать ледовую дорогу, по которой шло снабжение 168-й дивизии.

Командиры 18-й стрелковой дивизии и 34-й легко- танковой бригады слали одна за другой в вышестоящие штабы отчаянные радиogramмы. 26 января Кондратьев взывал к начальнику штаба 56-го корпуса:

«Сбрасывайте же нам соль, сухари, концентраты. Мы же голодаем». А 28 января с горечью отмечал: «Сброшенная соль рассеялась при падении. Пакуйте ее лучше в ящики. Дайте сегодня же соли, соли, соли». И в тот же день: «Держались на лошадях. Теперь их нет — поели. Самолеты сбрасывают мало и нерегулярно. 76-й танковый батальон имеет 20–30 раненых и больных, продуктов нет, истощены. Бросили соль, но она рассыпалась. Народ истощен. Надо бросать соль. Примите меры».

30 января штабы 34-й бригады и 18-й дивизии обратились непосредственно к летчикам, сбрасывавшим грузы окруженным:

«Красные сталинские соколы, хотя мы более месяца находимся в окружении, но не теряем уверенности в нашу победу. Да и могут ли большевики, окрыленные заботой Сталина, об этом подумать? Мы — стрелки, артиллеристы, танкисты — шлем вам, гордым соколам нашей страны, боевой привет. Появление ваше в воздухе увеличивает наши силы, мы видим вас и слышим, как уверенно на голову врага рушатся ворошиловские килограммы. Мы чувствуем помощь, заботу, видим смелость и отвагу и впредь надеемся на них.

Не забывают: для нас продукты имеют большое значение. Ждем на выручку, братски вас обнимаем».

Однако выручить несчастных так и не смогли. 31 января Кондратьев радировал: «Сброшенные продукты на Леметги — северное все упали к противнику. Спасите людей 76-го танкового батальона».

Спасти не удалось. 3 февраля окруженные, прощаясь, сообщили: «76-му танковому батальону больше не бросайте. Его район обороны занят противником».

В переговорах с подчиненными командование сохраняло бодрый тон. 82-му танковому батальону Кондратьев 2 февраля в связи с трагическим событием — гибелью их командира послал казенно — оптимистическую радиограмму: «Тронуты потерей командира, глубоко переживаем вместе с вами. Призываем весь коллектив еще теснее сплотиться на выполнение боевой задачи. Близок час конца белофиннов. Вперед, к новым победам». Дожить до этих побед не удалось ни отправителям, ни адресатам послания.

Окружение 18-й и 168-й дивизий вместе с 34-й легкотанковой бригадой произошло вследствие совершенно неумелого управления войсками штабов 56-го стрелкового корпуса и 8-й армии, плохого ведения разведки и никуда не годной лыжной подготовки, лишившей наши части способности маневрировать вне дорог. Посланный в распоряжение штаба 8-й армии полковник Н. П. Раевский, назначенный вскоре начальником штаба 164-й стрелковой дивизии, в донесении К. Е. Ворошилову писал:

«Удивительно, что наши войска несут огромные потери... из-за того, что не умеют ходить на лыжах, несмотря на массу ранее отданных приказов о лыжной подготовке...» Он предложил призвать на военную службу мастеров лыжного спорта для создания, как у финнов, специальных диверсионно — разведывательных отрядов.

И такие отряды были созданы. Командиром одного из них стал кадровый разведчик, начальник специального — ного отделения Разведуправления Красной Армии полковник Х. — У. Д. Мамсуров. В 1957 году Хаджен — Умар Джионович, уже будучи генералом и первым заместителем начальника Главного разведывательного управления, сыграл главную роль в смещении тогдашнего министра обороны маршала Г. К. Жукова. Георгий Константинович поручил Мамсурову возглавить разведывательно — диверсионную школу, о существовании которой не знало ЦК. Генерал считал необходимым доложить обо всем Хрущеву — Жукова обвинили в «склонности к бонапартизму» (другими словами, в планах свершить государственный переворот) и отправили в отставку. Но до этого было еще далеко. А пока полковник Мамсуров на совещании в ЦК в апреле 1940 года рассказывал о действиях своего особого лыжного отряда в финском тылу на участке 9-й армии:

«Я имел человек 10 лейтенантов из Тамбовского училища. Должен сказать, что эти люди не были командирами. Они даже бойцами не могли быть. Первые действия показали, что командиром взвода, группы мог быть не лейтенант, а красноармеец — боец, который уже имеет двухнедельный опыт. Хотя они (командиры из Тамбова. — Б. С.,) были очень вымуштрованы, добровольцам — ленинградским физкультурникам далеко было до них, но в боевой обстановке они даже не знали хорошо компаса, не знали карты. В бою они боялись, а в тылу были хорошими командирами...»

Я выехал с отрядом (его численность была около 300 человек. — Б. С.) в 9-ю армию, взял ленинградцев- добровольцев и студентов института физкультуры. Я получил задачу выйти на помощь 54-й дивизии (как и левофланговая группа 8-й армии, оказавшейся в окружении. — Б. С./ Вышли ночью на машинах, а потом прошли на лыжах за сутки 68 км и дошли до места действия в тылу противника. Погода была очень холодная. Я решил, что идти прямо на противника всем отрядом — это значит, что со мной может случиться неприятная история. Я должен был выяснить, что передо мной есть, что есть у противника, тем более что в этом районе о противнике нам ничего не было известно. И вот начал прочесывать, начиная от линии границы, или фронта. Группы

отряда работали на удалении вначале до 40 км, затем до 80 км и догнали до 120 км. На удалении до 120 км в глубину действовали группы и разведывали полосу примерно шириной в 150 км, если брать веерообразно...

Несмотря на очень сильные морозы и на то, что отряд почти все время жил в лесу на снегу... были только три случая. обмороживания 1-й и 2-й степени... Когда группа наткнулась на противника в районе Кухмониemi, тут произошло нечто интересное. Группы действовали непосредственно в тылу 25-го пехотного полка противника, 65-го, 27-го пехотного полков, 9-го артиллерийского полка. В тыл противника вышли наши люди несколькими группами: Одна группа была на расстоянии 2-3 км от Кухмониemi, налетела на деревню, уничтожила пункт радиосвязи, несколько солдат и офицеров, а также две подводы с ручными взрывателями от мин и ушла. Другая группа действовала в 12 км восточнее, засела на дороге, захватила одну машину, вторую, третью, перебила около 20 человек — в основном средний и младший комсостав (последняя деталь несколько странна: неужели в финской армии было так много легковых автомашин, что в них запросто разъезжали сержанты? — Б. С.), захватила их оружие, документы, подожгла машины, уничтожила линию связи и ушла...

У нас был радиоприемник — колхозник... мы слышали финские передачи о действиях нашего отряда на русском языке (с чего бы это вдруг финнам сообщать об успешных действиях неприятельских диверсантов, да еще по — русски? Выходит, затем, чтобы поднять моральный дух окруженных советских дивизий. Очень напоминает фантастические «радиоперехваты» переговоров чеченцев на русском языке, якобы полученные ФСБ и МВД во время чеченской войны. — Б. С.Л Они говорили, что целые батальоны парашютных десантов сбрасываются русскими, видимо, думали, на такое удаление наши люди пройти не могут. Они кричали о новых видах военных действий и т. п. Видимо, мы им порядком были неприятны.

Затем 18 февраля прилетел начальник разведывательного отдела армии и отдает приказание, что к 23-й годовщине Красной Армии надо преподнести большой подарок. Я говорю, что, может быть, лучше этот подарок преподнести после празднования, меньше будет у финнов бдительности (видимо, Хаджен — Умар Джионович всерьез полагал, будто финны будут ждать этого подонка к годовщине РККА. — Б. С./ Он со мной не согласился: нет, говорит, приказываю.

Послали группу в 50 человек восточнее Кухмониemi на помощь 54-й

дивизии. Эта группа в 50 человек погибла, причем должен сказать, что эта группа была целиком из красноармейцев, остальная часть нашего отряда состояла из ленинградских добровольцев. Пленные, которые были потом захвачены нами, говорят, как часть из них участвовала в уничтожении этих людей, что наши люди три дня вели бой, будучи совсем окружены, ни один из наших не сдался в плен, три человека, оставшихся в живых, в последний момент сами взорвали себя гранатами.

Одновременно другая часть отряда пошла западнее Кухмониemi, разделившись на отдельные группы... чтобы перерезать шоссе на дороге Каяани — Кухмониemi. Одна из групп напала на штаб 9-й пехотной дивизии противника... Группа в количестве 24 человек очутилась в расположении войск противника, куда она вошла ночью. Находясь в расположении войск противника, группа сама обнаружила это только на рассвете... увидев, что кругом замаскированные бараки, полные солдат противника, и обнаружив тут же недалеко наличие крупного штаба, сама зарылась в снег и

стала ждать ночи, чтобы напасть на штаб. Однако группа была случайно обнаружена в 16.00 из-за нечаянного выстрела, один из товарищей очищал автомат от снега.

Тут начался бой 24 человек против полка пехоты и затем командного состава штаба и авиации, которая была расположена там. Группа вела бой с 16.00 до 2 часов ночи. Наших было убито 14 человек, ушло 8 (неясно, куда делись еще двое, возможно, попали в плен. — Ъ. С.), они отошли с боем и соединились с другими группами...

Был убит секретарь комсомольской организации и другие. Люди, которые участвовали в этом бою, вели бой из маузеров и автоматов и были одеты в финскую форму, как и весь отряд. Каждый из них уничтожил не менее 8—10 белофиннов, главным образом офицеров, которые лезли напролом (с чего вдруг штабные офицеры полезут напролом — из окружения, что ли, прорывались? Или Мамсуров был под впечатлением атаки офицерских батальонов из фильма «Чапаев»? — Ъ. С.), около 100 трупов противника осталось там (непонятно, когда 8 уцелевших успели эти трупы посчитать, да и неувязка получается: если каждый боец уничтожил 8—10 врагов, то трупов должно было быть как минимум две сотни. — Ъ. С.). Мало того, когда оставшаяся часть группы вышла на лед озера к островам, куда им нужно было отходить, то группа летчиков противника перерезала им дорогу. Есть основания думать, что нашей группой был убит крупный финский начальник, поскольку у него была хорошая одежда, красивая сумка, золотые часы (в сознании

командира Красной Армии, где даже офицеры часто носили поношенное обмундирование, хорошая одежда была исключительной привилегией очень большого начальства или, в крайнем случае, летчиков, которых Сталин баловал. — Б. С./ Почти вся эта группа противника нами была перебита. Насколько финны были в этот момент охвачены паникой, говорит тот факт, что они начали вести артиллерийский огонь неизвестно по кому, во все стороны.

Есть и другой случай, правда, этот товарищ убит. Он представлен к званию Героя Советского Союза, это ленинградский лыжник, замечательный гражданин нашего Советского Союза Мягков. Вместе с группой лыжников в 13 человек для того, чтобы выяснить наличие войск в районе Кухмониemi, в течение 23 часов он совершил 90-километровый марш. Это — на лыжах, когда человек утопает выше колена в снегу. Правда, у него была хорошая лыжная подготовка, и людей в его группе мы подобрали хороших. Западнее Кухмониemi он влетел в расположение финской зенитной батареи, убил офицера и других финнов, наделал панику, узнал, что там есть зенитная батарея и пехотные части, несколько рот, через них проскочил и вернулся с группой. Правда, его с группой окружили в одной деревушке силами до роты противника с пулеметами, но он с группой стойко дрался, нанес большие потери противнику и вышел из окружения — пробился гранатами, правда, он потерял при этом одного из лучших бойцов отряда. Тов. Мягков проделал целый ряд замечательных операций, жаль, что к концу событий он погиб.

Нам учить надо было людей. Мы работали всего месяц с лишним. Я считаю, что если бы у меня были там подготовленные в мирное время люди, то довольно много вреда бы нанес финнам, но был заключен мир. Перед этим 10 марта я получил приказ от командующего вылететь к тов. Батову, шведы там появились (в конце войны к северу от Ладоги действовала бригада шведских добровольцев. — Б. С.), только хотел приступить к работе, но уже был заключен мир».

Деятельность отряда Мамсурова, возможно, была одним из редких примеров успеха Красной Армии в финской войне, хотя финские потери в донесениях, как водится, были несколько преувеличены, а сами разведчики в рассказе их командира обретали черты

былинных богатырей. Заметим, что действовали люди Мамсурова в финской военной форме. Значит, по обычаям войны их считали лазутчиками и в плен могли не брать. Поэтому, возможно, окруженная группа лыжников дралась до последнего, а оставшиеся в живых подорвали себя гранатами. Кстати, финские диверсионно — разведывательные группы

тоже активно — действовали в советском тылу, но я нигде не нашел данных о том, что они переодевались в красноармейскую форму. Может, потому, что она была менее удобна для ходьбы на лыжах?

Надо также учесть, что бойцы мамсуровского отряда — это в основном ленинградские добровольцы, причем многие — студенты института физкультуры. У них у всех и образовательный уровень был повыше, чем у подавляющего большинства красноармейцев, и на лыжах они умели ходить относительно неплохо. Группа же, состоявшая из обычных бойцов, сразу же погибла. Хаджен — Умар Джионович все же имел несколько недель на подготовку отряда, да и сам был опытным диверсантом: отличился еще в ходе войны в Испании.

Но особых отрядов, подобных отряду Мамсурова, в Красной Армии было раз — два и обчелся. А выходило, что только они могли более или менее на равных сражаться с обычными финскими частями, хотя и несли при этом большие потери. Эти потери и сам Мамсуров, как мы убедились, не отрицал.

Остальные тактические предложения полковника Раевского в письме Ворошилову, в отличие от идеи специальных лыжных отрядов, были прямо фантастическими. В частности, он хотел прочесать все леса, для чего сосредоточить на перешейке максимально возможное количество войск НКВД и даже милиции. Чтобы затруднить действия диверсионных групп противника, бравый полковник требовал прислать на финский фронт все саперные и дорожные части из внутренних округов и всю лесорубную технику для вырубки леса и прокладки дорог. «Надо перейти к тактике сплошного прочесывания, для чего нужно много войск. Но разве их у нас мало?» — патетически вопрошал Раевский. А как такую массу войск и техники разместить на узком Карельском перешейке и что с ней сделают финская артиллерия, снега и морозы — об этом полковник, очевидно, не задумывался. У Ворошилова хватило ума отвергнуть этот проект.

Но вернемся на поле боя у Леметги. Главную ставку здесь финны делали на голод и жестокий мороз, истощавший силы окруженных. Уже 25 января из советских гарнизонов стали поступать сведения о катастрофическом сокращении продовольственных запасов. Дальше — хуже. 29 января из штаба 18-й стрелковой дивизии радиовали: «Продовольствия не сбросили, почему — непонятно. Голодные, положение тяжелое». В тот же день из гарнизона у развилки дорог пришло другое сообщение: «Окружены 16 суток, раненых 500 человек. Боеприпасов, продовольствия нет. Доедаем последнюю лошадь».

2 февраля финнам удалось уничтожить гарнизон Леметти — северное.

В бою погибло и было взято в плен более 700 человек. Лишь 20 бойцам и командирам удалось пробраться в Леметги — южное, чтобы продолжить борьбу в таких же тяжелых условиях.

По данным финских источников, трофеями частей 4-го армейского корпуса стали 32 танка (большой частью неисправных), 7 орудий и минометов, большое количество стрелкового вооружения и 30 грузовых машин.

5 февраля от гарнизона «Развилка дорог» поступила еще одна отчаянная радиограмма: «Положение тяжелое, лошадей съели, сброса не было. Больных 600 человек. Голод. Цинга. Смерть». Самолеты сбросили окруженным продукты питания, но они в значительной мере попали в руки финнов. 8 февраля из «Развилки дорог» сообщили: «Продовольствие сбросили восточнее, часть подобрала». После этого в течение нескольких дней радиограммы были поспокойнее: окружен — ные слышали звуки приближавшейся к ним артиллерийской канонады.

9 февраля войска 8-го стрелкового корпуса, вошедшего в состав южной группы 8-й армии, начали наступление с целью освободить из окружения 18-ю и 168-ю дивизии. Однако продвинувшись на расстояние от нескольких сот метров до полутора километров, части корпуса остановились и стали закрепляться на завоеванных большой кровью позициях. После этого блокада окруженных усилилась, положение наших подразделений вновь ухудшилось. 13 февраля штаб гарнизона «Развилка дорог» с отчаянием просил: «Умираем с голода, усильте сброс продовольствия, не дайте умереть позорной смертью». 22 февраля оттуда же: «Положение тяжелое, несем потери, срочно помогите, держаться нет сил».

12 февраля 1940 года из соединений левого фланга значительно усилившейся 8-й армии была сформирована 15-я армия, командующим которой был назначен командарм 2-го ранга М. П. Ковалев, командовавший Белорусским фронтом во время «освободительного» похода в Польшу в сентябре 1939 года.

Вскоре после своего назначения Михаил Прокофьевич решил провести наступательную операцию. Вступил он в должность 12 февраля, а уже 15-го числа было предпринято наступление на острова Максимансаари и Петя — саари. С этих островов финны обстреливали ледовую «дорогу жизни», по которой шло снабжение для окруженной противником 168-й стрелковой дивизии. Но наступление не успели как следует подготовить, и пользы окруженным оно, к несчастью, не принесло.

Вот как это было.

В 6 часов утра 15 февраля 204-я воздушно — десантная бригада начала атаку на острова, а приказ о наступлении штаб бригады получил катастрофически неожиданно — лишь в 10 часов вечера 14 февраля, на ночь глядя. После короткой артподготовки, в которой участвовали всего лишь 12 орудий (по четыре 76-, 122- и 152-мм), в утренней мгле десантники в маскировочных халатах устремились вперед по льду Ладожского озера. Однако фронтальный и фланговый огонь финнов вынудил 2-й батальон бригады залечь у южной оконечности Максиман — саари, а с рассветом противник стал выкашивать эти цепи на белом снегу пулеметами. Невероятным усилием командирам удалось поднять бойцов. Батальон ворвался на южный берег острова, но был остановлен финнами на перешейке, соединяющем южную часть Максиман — саари с северной. Тем временем 3-й батальон бригады атаковал Петя — саари и, несмотря на значительные потери, занял три четверти острова. А вот дальше случилось невероятное. Командир бригады полковник И. И. Губаревич попросил поддержать его артиллерией. Однако командовавший левофланговой группой 15-й армии комбриг К. А. Коротеев, позднее, в 1945 году, удостоенный звания Героя Советского Союза, прислал ему удивительный по смеси цинизма и глупости ответ: «Хватит сосать артиллерию, прокладывайте себе дорогу своим огнем!» И это было заявлено командиру действующей с такою ответственной целью бригады, в которой по штату числилось всего-то 12 45-мм пушек и 18 50-мм минометов — последние в годы Великой Отечественной прозвали «хлопушками» за малую дальность стрельбы и слабость заряда.

Но на этом театр абсурда не кончился. По приказу Константина Аполлоновича 219-й стрелковый полк 11-й дивизии, который по плану должен был поддержать десантников после того, как они ворвутся на остров, был оставлен в резерве вместе с 1-м батальоном бригады.

Положение усугубилось еще и тем, что командир 219-го стрелкового полка забыл или не решился доложить, что остров Зуб, занятый ранее боевым охранением полка, только что был им оставлен. В результате десантники попали под внезапный и губительный фланговый огонь.

Не получив подкрепления и понеся большие потери, 2-й и 3-й батальоны 204-й воздушно — десантной бригады начали в ночь — на 16 февраля отход. Из-за нерадивости высших начальников бойцы и командиры, хорошо подготовленные в тактическом отношении и прекрасно владевшие лыжами, понеся уже бессмысленно большие потери, не смогли спасти окруженных. Батальоны не досчитались 320 человек убитыми и 281 ранеными.

23 февраля командование 8-й армии решило ознаменовать 22-ю годовщину Красной Армии взятием этих двух злосчастных островов и соединением с окруженными товарищами. После получасовой артиллерийской подготовки при поддержке танков десантники на бронесанях вновь пошли на Петя — саари. Однако танкисты лишь продефилировали вдоль берега и возвратились восвояси, фактически не приняв участия в бою. Тем не менее «крылатые пехотинцы» сумели овладеть южной частью острова, но и на этот раз остались без артиллерийской и авиационной поддержки. Они удерживали свои позиции до рассвета следующего дня и под непрекращающимся неприятельским обстрелом покинули остров. Список советских потерь пополнился 369 убитыми и 325 ранеными.

Тем временем соединения 8-го стрелкового корпуса снова попытались прорвать оборону противника и деблокировать группировку, окруженную в районе Леметти. 25-я мотокавалерийская дивизия еще 10 февраля перешла в наступление, но сразу же встретила упорное сопротивление финнов, неоднократно переходивших в контратаки. Во время одной из них 111-й мотокавалерийский полк отошел, оставив противнику своих раненых на поле боя. Положение исправил 138-й полк, который стремительным ударом ворвался на позицию и спас раненых.

Две другие дивизии 8-го стрелкового корпуса, 11-я и 72-я, также атаковали противника. Финны, отдав полтора километра болот и лесов, прочно укрепились на высотах у поселка Ниемеля. Все попытки выбить их оттуда не имели успеха. Единственное, что удалось сделать, — это вывести из окружения группу Н. Ф. Иевлева, которая ранее шла на помощь окруженным, но сама оказалась в неприятельском кольце. 20-й стрелковый полк 37-й дивизии, переданный в подчинение командира 72-й стрелковой дивизии, 15 февраля нанес удар в направлении высоты 95,4, куда и вышли на следующий день окруженцы. В день Красной Армии 8-й стрелковый корпус вновь перешел в наступление, но за три дня боев дивизии продвинулись менее чем на километр. Цена за этот километр была очень велика: 25-я мотокавалерийская дивизия за период с 4 по 25 февраля потеряла 712 человек убитыми, 1910 ранеными, 236 пропавшими без вести и 353 обмороженными. 72-я стрелковая дивизия недосчиталась 613 убитых, 2465 раненых, 3 пропавших без вести и 79 обмороженных. 11-я стрелковая дивизия с 10 по 27 февраля потеряла 352 бойца и командира убитыми, 1482 ранеными, 286 пропавшими без вести и 83 обмороженными. Наконец, штаб 37-й мотострелковой дивизии, принимавшей участие в боях 23–25 февраля, исчислял потери в своих частях в 373 убитых и 908

раненых.

Не помог окруженным и посланный им на помощь 6-й отдельный лыжный батальон. Наткнувшись на финские засады и потеряв ориентировку, он вынужден был возвратиться к главным силам армии, потеряв за неделю боев 143 убитыми, 142 ранеными, 430 пропавшими без вести и 239 обмороженными. В строю осталось не более полусотни бойцов.

15-я армия, предназначенная для деблокирования 18-й и 168-й дивизий, насчитывала около 100 тысяч человек, примерно 1300 орудий и минометов и до 200 танков. Ей противостояли финские войска численностью 65–70 тысяч человек. В конце февраля почти половина из них была переброшена на Карельский перешеек. Следует также учесть, что 15-я армия имела многократное превосходство над противником в артиллерии и абсолютное — в танках.

15 февраля финны усилили натиск на гарнизон Митро — полустанок Рускасет, или, как его еще называли, «КП четырех полков» в документах 4-го армейского корпуса финнов он значится как «окруженные полки», где находились батальоны 208-го и 316-го стрелковых и батареи 3-го артиллерийского и 12-го гаубичного артиллерийского полков 18-й дивизии.

В ночь на 18 февраля остатки гарнизона общей численностью около 1700 человек начали прорыв из окружения. Колонна, половину личного состава которой составляли раненые и обмороженные, пыталась пробиться в район обороны 168-й дивизии. Отход прикрывали бойцы и командиры 83-го танкового и 224-го разведывательного батальонов 34-й бригады. Они сражались до последнего, чтобы их товарищи прорвались к своим. Из этого боя не вернулся ни один танкист и разведчик. Однако и стрелкам и артиллеристам также не удалось уйти из окружения: днем 18 февраля группа была уничтожена около высоты 79,0. В район обороны 168-й стрелковой дивизии прорвались лишь 30 человек. По финским данным, трофеи составили 20 танков, 32 полевые и 2 противотанковые пушки, 6 четырехствольных зенитных установок, 63 станковых и ручных пулемета, 17 тракторов, 25 автомобилей, более 200 повозок. В финском плену оказалось более 250 человек.

В журнале боевых действий 34-й бригады в связи с гибелью гарнизона Рускасет появилась такая запись: «Из окружения никто из людей 83-го танкового и 224-го разведывательного батальона не прибыл. Погибли все. Танки подбиты или взорваны».

Счастливей была судьба гарнизона Ловаярви. 14 февраля его ударная группа отбросила блокировавшие его финские подразделения, и 16-го

окруженные соеди — нились со своими. Спаслось 810 человек с 34 пулеметами, 290 человек погибло. Все тяжелое вооружение и технику пришлось уничтожить.

Но финнам эти победы давались тоже не бескровно. На 26 декабря финские подразделения имели следующую численность: 1-й батальон 36-го пехотного полка — 704 человека, 2-й — 759, 3-й — 895; 1-й батальон 37-го полка — 730, 1-й батальон 38-го полка — 660, численность трех батальонов 39-го полка составляла 718, 710 и 731 человек соответственно. К 1 февраля все они значительно поредели. 2-й батальон 36-го полка теперь насчитывал лишь 459 человек, батальоны 37-го полка — 567, 578 и 381, а 38-го — 502, 489 и 813, в 39-м — 526, 476 и 426. Большие потери понесли также два батальона 64-го полка и три отдельных егерских, прибывшие на фронт в начале января. 1 февраля пехотные батальоны насчитывали 418 и 403 человека, егерские — 717, 472 и 511 человек. И это при том, что штатная численность финского пехотного батальона составляла около 800 человек, а егерского — примерно 850.

Из другого гарнизона, Уома, возглавлявшегося командиром отдельного батальона связи капитаном К. Ф. Касаткиным, поступали не менее трагические радиogramмы. 2 февраля он сообщал Штерну: «Окружены 16 суток. Раненых 500 человек, боеприпасов и продовольствия нет. Раненые умирают. Доедаем последнюю лошадь. Сможем продержаться до 24.00». 14 февраля Касаткин и его заместитель комиссар 620-го стрелкового полка 60-й стрелковой дивизии политрук И. М. Лисунков (десятью днями позже он погиб в бою) обращались к начальнику штаба 56-го корпуса полковнику И. А. Иконникову: «Умираем с голода. Усильте сброс продовольствия. Выручайте, не дайте умереть позорной смертью». И о том же — в, увы, далеко не праздничный для окруженных день 23 февраля: «Положение тяжелое. Несем потери, ослабли окончательно. Срочно помогите, держаться нет сил. 40 дней окружены, не верится, что противник си — лен. Освободите от напрасной гибели. Люди, материальная часть, фактический лагерь больных, здоровые истощены». В конце февраля остатки гарнизона Уома все же смогли прорваться на соединение с частями 15-й армии.

В ночь на 19 февраля финны, воспользовавшись плохой организацией обороны в Леметти, овладели несколькими высотами, что позволило им полностью взять под контроль все перемещения окруженных. Площадь обороны гарнизона сократилась до одного километра в длину и примерно 400 метров в ширину.

21 февраля комбриг С. И. Кондратьев радировал: «Помогите, умираем голодной смертью». На следующий день не менее трагически: «Авиация по

ошибке бомбила нас. Помогите, выручайте, иначе погибнем все».

23 февраля прекратил свое существование гарнизон у озера Сари — ярви. Из его состава не спасся никто. Уже после войны на месте расположения 3-го батальона 97-го стрелкового полка были обнаружены 131 труп и еще две братские могилы, сооруженные финнами. По данным финских источников, трофеями 4-го армейского корпуса финнов стали 6 полковых и 6 противотанковых пушек, 4 миномета, 4 танка и 60 пулеметов. Для финнов, испытывавших острую нужду в вооружении, захват каждого орудия, пулемета или винтовки был очень важен. В феврале 1940 года штаб этого корпуса отдал приказ, в котором указывалось на необходимость бережного отношения к оружию и тщательного сбора трофейного стрелкового и артиллерийского вооружения. Более того, войскам предписывалось изготавливать оружие в мастерских.

Во время войны Финляндия получила из-за границы 77 300 винтовок, 5800 ручных и 100 станковых пулеметов, 395 полевых и 18 противотанковых орудий и 216 минометов. Внутри страны было произведено 52 570 винтовок, 1265 пистолетов — пулеметов, 960 ручных и 605 станковых пулеметов, 105 противотанковых

орудий и 272 пулемета. С советскими эти ресурсы вооружения конечно же были несопоставимы. Но Красная Армия щедро «поделилась» с финнами огневыми средствами борьбы. Трофеи дали финнам около 15 % всех их винтовок, 4 % пистолетов — пулеметов, 17 % ручных и две трети станковых пулеметов, треть противотанковых пушек, больше половины полевых орудий и 6 % всех минометов, поступивших в армию в период войны. В связи с этим командующий Лапландской группой генерал К. Валениус в интервью французской газете «Эксельсиор» на вопрос о том, кто активнее других поставляет боевую технику Финляндии, остроумно ответил: «Русские, конечно!»

За неудачные операции по деблокированию окруженных командарм 2-го ранга М. П. Ковалев был 25 февраля освобожден от занимаемой должности и заменен комкором В. Н. Курдюмовым. Владимир Николаевич Курдюмов в течение предыдущих полутора лет был начальником Управления боевой подготовки РККА. Теперь ему была дана возможность проверить в бою, насколько были правильны наставления и уставы, которые разрабатывались под его руководством.

Между тем обстановка в котлах продолжала ухудшаться. 23 февраля гарнизон «Развилка дорог» радировал: «40 дней окружены, не верится, что противник силен. Освободите от напрасной гибели. Люди, мат- часть — фактически лагерь больных, здоровые истощены. Судьбу Кожекина

(возглавлявшего гарнизон у Сари — ярви — Б. С.) не знаем, нет сил, положение тяжелое». 25–27 февраля к гарнизону «Развилка дорог» попытался прорваться лыжный эскадрон, но вышли туда лишь три обмороженных бойца, остальные погибли или были пленены.

26 февраля командование гарнизона Леметти — юж-ное отправило в штаб 56–го корпуса еще одну отчаянную радиограмму: «Помогите, штурмуйте противника, сбросьте продуктов и покурить. Вчера три ТБ развернулись и улетели, ничего не сбросили. Почему морите голодом? Окажите помощь, иначе погибнем все». Командующий 15–й армией командарм 2–го ранга В. Н. Курдюмов в ответной телеграмме посоветовал окруженным успокоиться и запросил командование окруженных гарнизонов о возможности посадки самолетов на занятой территории. Те ответили отрицательно. Тогда Курдюмов попросил продержаться еще пару дней и пообещал помощь. Однако командование окруженного гарнизона просило разрешения на выход из окружения. Военный совет 15–й армии, получив в ночь на 28 февраля разрешение Ставки, приказал начать отход из Леметти с наступлением темноты, указав на то, что необходимо спасти раненых и вывести из строя материальную часть.

Гарнизон общей численностью 3261 человек выходил из окружения двумя группами. Северную возглавил командир 34–й танковой бригады комбриг Кондратьев, южную — начальник штаба 18–й дивизии полковник Алексеев (командир ее комбриг Г. Ф. Кондрашев был ранен 25 февраля). Комиссия штаба 15–й армии позднее констатировала: «Кондрашев организовал выход очень плохо. Даже часть командного состава не знала, какие подразделения входят в состав каких колонн... План выхода был разработан с расчетом на более легкий выход северной колонны, в которой по плану следовало командование, штабы и наиболее здоровые люди...

Колонна Кондрашева из Леметти — южное выступила около 22 часов и двигалась от командного пункта 34–й легкотанковой бригады вдоль финской дороги, проходящей по тропе к юго — западному берегу озера Вуортана — ярви. Личный состав колонны был в ружьях и винтовками и револьверами, кроме того, колонна имела 3 комплексные зенитные установки и 2–3 танка БТ-7, которые предполагалось использовать для поддержки выхода, но в силу плохой организации их не использовали и даже забыли предупредить экипажи о выходе... Приказание Военного совета о порче техники и материальной части полностью выполнено не было.

Несмотря на приказание Военного совета армии обязательно взять с собой всех больных и раненых, тяжелобольные и раненые были оставлены,

причем выход гарнизона был преднамеренно скрыт от них...»

Группа Кондратьева при прорыве почти целиком погибла. Правда, уцелевшим бойцам удалось спасти знамя бригады. Комбриг С. И. Кондратьев, комиссар 34-й бригады И. А. Гапанюк, начальник штаба бригады полковник Н. И. Смирнов и комиссар 18-й дивизии М. И. Израецкий, оказавшись в безнадежном положении, покончили с собой.

Тяжело раненный в последних боях командир 18-й дивизии Г. Ф. Кондрашев принял участие в попытке прорыва. Его вынесли из окружения. Однако 4 марта в госпитале Григорий Федорович был арестован в госпитале и вскоре расстрелян по приговору трибунала. Из него сделали козла отпущения за гибель дивизии.

Труп Кондратьева был обнаружен и захоронен финнами, равно как и тела еще 4300 бойцов и командиров 18-й дивизии и 34-й бригады. В качестве трофеев финским войскам достались 128 танков и 91 орудие.

Вторая группа окруженных, во главе с начальником штаба 18-й стрелковой дивизии полковником Алексеевым, прорвалась. Из окружения вышло 1237 человек. Около 900 из них были ранены или обморожены. При прорыве погибли 48 бойцов и командиров. Знамя 18-й Ярославской Краснознаменной стрелковой дивизии досталось финнам в качестве трофея. После окончания войны дивизия, как утратившая Боевое знамя, была расформирована. ^Командир 56-го стрелкового корпуса комдив И. Н. Черепанов, опасаясь суда, 8 марта покончил с собой.

На совещании в апреле 1940 года В. Н. Курдюмов так изложил события, связанные с гибелью 18-й стрелковой дивизии и 34-й легкотанковой бригады:

«Части дивизии были блокированы противником вдоль дороги от Уома до Леметти (южное), а также в районах высоты 104,9, Рускасет и развилка дорог 2 км южнее Рускасет. Они были блокированы в 13 гарнизонах. До момента Армирования 15-й армии эти блокированные гарнизоны частично были уничтожены, остальные понесли большие потери. Людской состав был истощен, бойцы и командиры страдали финнобоязнью и к активным боевым действиям были не способны. Подавляющая часть техники являлась обузой для войск и не была использована.

Особенно тяжелое положение было в гарнизоне Леметти (южное). Этот гарнизон, численность которого, по разным данным, в 3000–3200 человек, был расположен в районе площадью 600–800 м на 1500 м. Причем за длительный срок блокады (более двух месяцев) в этом гарнизоне не были открыты даже окопы полного профиля. Все господствующие высоты в

районе Леметти были отданы почти без боя противнику. В гарнизоне царило полнейшее безначалие. Командование 18-й стрелковой дивизии и 34-й легкотанковой бригады самоустранилось от руководства войсками и занималось лишь посылкой панических телеграмм по всем адресам. В момент выхода этого окружения, в ночь с 28 на 29 февраля, командование 18-й дивизии и 34-й бригады передало руководство своими людьми в этот ответственный момент начальникам штабов — полковнику тов. Алексееву и начальнику штаба 34-й танковой бригады тов. Смирнову.

168-я стрелковая дивизия с начала военных действий была в полуокружении и к 13 февраля имела потери около 6 тысяч человек в людском составе и около 50–60 % конского состава. Подвоз дивизии всего необходимого производился по льду Ладожского озера, от Питкяранта на Коурина, и был крайне нерегулярным, так как трасса находилась под огнем противника с материка и ближайших островов.

В дивизии ощущался недостаток продуктов питания и боеприпасов. Бойцы изголодались, их психика была надломлена, поэтому дивизия могла только обороняться и не была способна к активным боевым действиям».

Главную вину за окружение соединений Владимир Николаевич возлагал на командующего 8-й армией Штерна и командующего южной группой войск Ковалева:

«Все это произошло потому, что командование 8-й армии, а впоследствии командования южной группы войск этой армии находилось психологически в плену у противника и, не ожидая сосредоточения дивизий, вводило их в бой отдельными подразделениями и частями...

В оперативном отношении направление главного удара армии, а до этого направление главного удара южной группы войск 8-й армии было выбрано неудачно, неправильно. Вместо того чтобы выполнять указания Ставки о выходе основной группировки армии на лед Ладожского озера для действий в направлении Импилахти — Сортавала, все усилия армии были направлены на фронте: озеро Ниетярви — Питкяранта, т. е. на том направлении, где в связи с трудным рельефом местности и укрепленными позициями противника операции заранее были обречены на неуспех. Единственная коммуникация армии Лодейное поле — Питкяранта находилась в неудовлетворительном состоянии и не могла обеспечить массового движения автотранспорта.

Финны активных действий на фронте армии не предпринимали, они оборонялись на широком фронте, умело использовали местность, а также хорошо применяли службу заграждений. Оборонительные позиции финнов были хорошо замаскированы и расположены по двум основным

направлениям действий армии в удалении 3–5 км одна от другой. Все они были оборудованы финнами еще в мирное время и состояли из проволочных заграждений в 5—10 рядов, противотанковых рвов, минных полей и деревянно — земляных сооружений полевого типа, усиленных камнями».

То, что произошло с оставленными группой Кондратьева 120 тяжелоранеными, противоречит всем принципам человечности. Когда советские войска после заключения мира вернулись в район Леметти, отошедший к Советскому Союзу, то застали жуткую картину. Некоторые землянки были забросаны фанатами, другие сожжены. Обгоревшие скелеты сохранили следы колючей проволоки, которой беззащитных людей прикрутили к нарам. Командование Красной Армии обвинило в этой чудовищной расправе финнов.

На апрельском совещании 1940 года член Военного совета 15-й армии корпусной комиссар Н. Н. Вашугин рассказывал:

«...Начальник особого отдела 18-й дивизии Московский и Соловьев, его заместитель, сообщают — погибает, просят выплатить зарплату семьям за март, передать привет от нас и т. д. На следующий день два шифровальщика передали свои радиogramмы такого содержания: все кончено, погибает, всем привет. Наконец, 27 февраля Кондрашев и Кондратьев присылают такую радиogramму: «Вы нас все время уговариваете, как маленьких детей, обидно погибать, когда рядом стоит такая большая армия. Требуем немедленного разрешения о выходе. Если это разрешение не будет дано, мы примем его сами или примут его красноармейцы». Мы этот вопрос обсудили на заседании Военного совета армии и два условия поставили для выхода из окружения гарнизона: взять с собой раненых и уничтожить материальную часть. К стыду нашему, тяжело раненные были брошены на произвол судьбы — финны перестреляли и перерезали их, — а материальная часть не была уничтожена. Даже не могли три танка взять, несмотря на то, что они были заправлены бензином, их можно было везти. Их финны взяли. Экипаж этих танков также был брошен начальниками, и, кроме всего прочего, все вооружение было брошено.

При этом начальники организовали выход так. На начальников штабов возложили ответственность за выход. Алексееву поручили везти раненых и больных по одному направлению — южному, а себе командир дивизии и командир танковой бригады взяли всех здоровых и решили идти по более легкому северному направлению. Окружение было не такое уж большое. Алексей со своими ранеными прорвал это окружение и вывел раненых. Эти раненые вместе с Алексеевым, будучи вооружены

пистолетами, сумели даже взять у финнов в плен противотанковую пушку, которая стреляла по ним. Они сумели также захватить у финнов станковый пулемет. А с северной группой дело закончилось плохо».

Казалось бы, нельзя сомневаться в том, что бесчеловечную расправу с беспомощными ранеными 18-й дивизии совершили финны. Я тоже готов был поверить докладам советских командиров и комиссаров. Но некоторые моменты меня насторожили. С самого начала войны советская пропаганда не только изображала финнов жестоко расправляющимися с военнопленными, но и приписывала им обычай убивать даже собственных раненых. Газета «Правда» писала еще 14 января 1940 года: «Шюцкоровцы Добивали своих раненых, чтобы не оставить «языков»». Давно известно, что пропаганда часто приписывает противнику те пороки, которые в действительности свойственны самим пропагандистам. Что красноармеец ни в коем случае не должен сдаваться в плен и что все пленные предатели — это стереотип, бытовавший в СССР, но не в Финляндии. В первые дни войны у финнов, конечно, было ожесточение по отношению к советским пленным, вызванное спровоцированной агрессией Москвы. Особенно жестоко доставалось летчикам со сбитых самолетов, бомбивших финские города. Но очень скоро отношение к захваченным в плен бойцам и командирам Красной Армии в Финляндии постарались привести в соответствие с международными нормами. Вот, например, свидетельство А. Маевского:

«Содержатся пленные очень хорошо, и здесь главная заслуга принадлежит фельдмаршалу Маннергейму. В первые моменты войны потрясенные и возмущенные чудовищным нападением большевиков финны склонны были к жестокому и мстительному обращению с пленными. Главное командование сразу же остановило (иногда очень суровыми мерами) подобное обращение и дало своей армии лозунг: «Чем больше пленных перейдет к нам и чем человечнее мы с ними будем обращаться, тем скорее брошенные под пулями чекистов против нас русские люди прозреют и обратят свои же штыки против советской власти». Сейчас отношение к пленным в высшей степени человеческое... Надо отдать честь и должное финляндцам, которые в условиях бедности средств и военных лишений сумели обеспечить пленным теплую и сытную жизнь».

Вероятно, и позднее могло случаться, что отдельные бойцы добивали раненых неприятеля в ожесточении боя. Вот уже знакомый нам П. Шилов рассказывает, как один из его товарищей заколол раненого снайпера — «кукушку» (в действительности, скорее всего наблюдателя), за что, правда, Шилов и другие поругали его «за жестокость». Наверняка аналогичные

эпизоды были и в финской армии. Однако это были именно единичные случаи. Одному или даже нескольким финским солдатам было просто не под силу уничтожить сразу всех 120 тяжелораненых, оставленных советской 18-й дивизией. Тут требовался чей-то при — каз, хотя бы командира батальона или роты. Зачем было финнам отдавать такой приказ? Чтобы потом подвергнуться беспощадному взысканию со стороны Маннергейма или даже военно — полевому суду? Ведь 18-я дивизия погибла в окружении не в первые, а в последние дни войны, когда жестокость уступила у финнов место трезвому расчету. Как раз тогда финское командование формировало из пленных Русскую Народную армию и очень надеялось на помощь Англии и Франции. Если бы о расправе над беспомощными советскими ранеными стало широко известно, это подорвало бы не только боевой дух РИА, но и симпатии к Финляндии среди западной общественности. Нет, не было у финнов ни эмоциональных, ни каких-либо внешних причин добивать 120 советских раненых в конце февраля 1940 года. Зато у советской стороны определенные резоны имелись.

Как утверждал корпусной комиссар Вашугин, штаб 18-й дивизии и, в частности, руководители особого отдела чекисты Московский и Соловьев настойчиво добивались разрешения на выход из окружения. Возможно, увидев, что выполнить требование командования армии об эвакуации раненых никак не удастся, они предпочли их уничтожить, чтобы не оставлять противнику «языков», а потом свалить всю вину на финнов. А может быть, Московский и Соловьев получили на этот счет указания свыше по линии НКВД? На все эти вопросы может дать ответы поиск в архивах.

Отмечу еще, что до гибели 18-й дивизии финны, по крайней мере, один захваченный советский лазарет показывали иностранным корреспондентам: вот в каких плохих условиях содержались раненые и как им теперь хорошо в финских госпиталях. Не исключено, что советское руководство опасалось повторения подобных неприятных для него демонстраций и отдало секретное распоряжение уничтожать раненых в случае, если будет невозможно вынести их из окружения.

Затем связывать приговоренных к казни колючей проволокой — это как раз чекистская манера. Именно так изуверски были скручены руки у польских офицеров, расстрелянных весной 40-го в Катыни. Может быть, и комбрига Кондрашева поторопились расстрелять, потому что он был нежелательным свидетелем того, кто именно уничтожил раненых?

Странно также и то, что по поводу гибели 120 раненых советской стороной не было проведено ни следствия, ни судебно — медицинской

экспертизы. Не использовали этот факт и в пропагандистских целях. И почему финны, если они совершили это преступление, не позаботились хоть как-то скрыть его следы, захоронить или спрятать трупы? Думаю, что финны ограничились прочесыванием занятого района обороны Леметти — южное и даже не обнаружили добитых раненых.

Отмечу также, что в 1941–1945 годах в Финляндии было гораздо больше советских пленных — 68 тысяч. На страну это легло непосильным бременем. Для сравнения: это то же самое, как если бы в Советском Союзе в плену оказалось 3,5 миллиона финнов. Тем не менее смертность пленных красноармейцев в Финляндии была значительно ниже, чем в Германии. Хотя в первую военную зиму 1941/42 года им пришлось очень нелегко. Александр Оз, один из немногих советских пленных, оказавшихся после окончания Второй мировой войны на Западе, вспоминал хлевы — бараки, голод и жестокое обращение финнов с пленниками в лагерях в Восточной Карелии. Только к красноармейцам — карелам финские охранники относились хорошо, как к представителям родственного народа. Именно карелы становились надсмотрщиками в лагерях и часто избивали пленных резиновыми палками. Оз свидетельствует: «Люди зверели. Началась жестокая, смертельная борьба за жизнь, за кусок хлеба, за гнилую картофелину...» Многие умирали от голода и болезней. Однако надо признать, что в отличие от немцев, в начале войны сознательно моривших пленных голодом, финны всегда пленных кормили. Каждому выдавалось в день 200 г. хлеба, в обед — 750 г. баланды из мерзлой картошки и свеклы, в ужин — 750 г. сваренной на воде финской каши «пуры». Что и говорить, паек скудный, но дающий все-таки возможность выжить. Весной же 1942–го положение пленных вообще улучшилось. Большинство из них отправили батрачить у местных крестьян, которые за работу кормили их вполне сносно. Побегии случались редко: шансов пробраться к фронту по лесам и болотам, по сути, не было. Из 68 (по другим данным 64) тысяч советских пленных в Финляндии в 1941–1944 годах умерло 19 276 человек, или около 30 % (для сравнения — в Германии в тот же период умерло две трети советских военнопленных). Смертность же финнов в советском плену в период Великой Отечественной войны была вдвое ниже: из 2475 человек умерло 403, что составляет около 16 %. Конечно, эти цифры печально сравнивать со смертностью пленных в «зимнюю войну». В 1939–1940 годах умерших было на порядок меньше, и срок пребывания в плену исчислялся всего несколькими месяцами. Кормили пленников «зимней войны» значительно лучше, чем в «войну — продолжение». Смерть от истощения им, по крайней мере, не грозила. Однако в СССР

немногочисленные финские пленные питались лучше. Тогда умерло 111 советских военнопленных, или около 1,9 % от общего числа, и 13 финских — примерно 1,5 %.

Сравнивая положение советских пленных в Финляндии в период «зимней войны» и в 1941–1944 годах, необходимо учитывать не только их численность, но и одно важное политическое обстоятельство. В 1939–1940 году финны всерьез рассматривали план по формированию из пленных антисоветской армии и даже начали претворять такой план в жизнь. В 1941-м ситуация стала принципиально иной. Созданию военных формирований из пленных красноармейцев противодействовала союзная Финляндии Германия, рассчитывавшая уничтожить Россию как государство. В то же время финны собирались присоединить Восточную Карелию, и отсюда — привилегированное положение военнопленных — карелов.

Но вернемся к действующим армиям противников.

Соединения 8-й армии понесли тяжелые потери. 168-я стрелковая дивизия кроме трех своих батальонов, уничтоженных в Рускасет, потеряла 7 тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести. 18-я стрелковая дивизия недосчиталась 12 тысяч человек, а 34-я танковая бригада — 1800. Это — г по официальным донесениям. В действительности потери были еще больше. Ведь штаб 15-й армии подсчитывал общее число убитых, раненых, больных и пропавших без вести простым вычитанием численности личного состава дивизий на начало и конец войны, без учета пополнений. Штабы 18-й и 168-й дивизий не учитывали потери трех батальонов 402-го и 462-го стрелковых полков, переданных в январь в 18-ю дивизию. Штаб последней посчитал их «чужими», а штаб 168-й — «выбывшими из состава дивизии». Известно только, что лишь в районе гарнизона Леметти — южное было обнаружено более 1600 трупов, а всего, по неокончательным данным штаба 15-й армии, окруженные гарнизоны потеряли около 3,5 тысячи человек убитыми.

Но и финнам их победы дались отнюдь не бескровно. Части 13-й финской пехотной дивизии, вынесшие на себе основную тяжесть боев в Приладожской Карелии, потеряли 1171 человека убитыми, 3155 ранеными и 158 пропавшими без вести. Приданные 13-й дивизии части и подразделения (64-й пехотный полк, егерские, партизанские и специальные батальоны, саперные роты) недосчитались еще 924 убитыми, 2460 ранеными и 102 пропавшими без вести. Части 12-й пехотной дивизии, участвовавшие в боях против левифланговой группировки 56-го корпуса, тоже понесли немалые потери. 36-пехотный полк недосчитался 253

убитыми, 763 ранеными и 67 пропавшими без вести, а 35-й пехотный полк — 261 убитыми, 470 ранеными и 27 пропавшими без вести. Всего же 12-я пехотная дивизия, главные силы которой действовали на лоймолловском направлении, вместе с приданными частями и подразделениями, потеряла 1458 человек убитыми, 3860 ранеными и 220 пропавшими без вести.

Но вернемся к действующим армиям противников. Только в начале марта советским войскам, сражавшимся у северного побережья Ладожского озера, удалось достичь некоторых успехов. 3-го числа части 37-й мотострелковой дивизии после упорного боя заняли остров Зуб. После этого штаб 15-й армии разработал план новой операции по захвату острова Максиман-саари. 6 марта после часовой артиллерийской подготовки 1-й батальон вместе с танковой ротой двинулся в атаку. Десантники на лыжах шли за танками, а часть из них сидела на броне. К исходу дня Максиман-саари был полностью очищен от противника. Потери бригады были гораздо меньшими, чем в предыдущих неудачных операциях: 52 убитых и 96 раненых. Вот что сообщал в Ставку штаб 15-й армии:

«Противник оборонял острова... следующими силами:

а) Максиман — саари — 4-я рота 39-го пехотного полка, усиленная 4-6 станковыми пулеметами, 4-6 минометами и одним орудием;

б) Петя — саари — две роты 38-го пехотного полка, усиленные 6-8 станковыми пулеметами;

в) Паймион — саари — 4-я рота 38-го пехотного полка с 3-5 станковыми пулеметами, 2-3 минометами и 2 орудиями ПТО.

37-я стрелковая дивизия (без 20-го стрелкового полка) с двумя батареями 33-го гаубичного артполка, 2-м дивизионом 72-го гаубичного артполка, батареей 392-го гаубичного артполка, отдельной минометной ротой, ротой 357-го танкового батальона, 204-й воздушно — десантной бригадой и тремя лыжными эскадронами к 21.00 6 марта овладела Максиман — саари, Петя — саари, Паймион — саари и утром 7 марта был занят Ханко — саари.

Противником оставлено до 500 трупов. (Цифра явно преувеличенная: 38-й и 39-й финские пехотные полки не выходили из боев с середины декабря, и к началу мартовского советского наступления оборонявшийся на островах усиленный финский батальон наверняка имел в строю менее, чем 500 бойцов; к тому же основная часть финнов благополучно отступила на материк. — Б. С.) Взято 12 человек пленными. Трофеи: 3 37-мм пушки, 2 81-мм миномета, 13 станковых и 19 ручных пулеметов, 305 винтовок, 13 автоматов...

Наши потери: убито 87 человек, ранено 331 человек. Подбито 7 и

утонуло 4 танка Т-26, подбито 2 станковых пулемета. Сбит один самолет СБ.

После мощной двухчасовой артиллерийской подготовки по островам Петя — саари и Паймион — саари с рядом ложных переносов артогня на остров Максиман — саари и Vuoratсу и авиационной подготовкой перед атакой 247-й стрелковый полк с батареями 170-го артполка и 103-го противотанкового дивизиона, ротой 357-го танкового батальона при поддержке двух дивизионов 170-го артполка в 10 часов повел наступление на Паймион — саари. Первые эшелоны пехоты ползли с бронещитками. Атака была произведена в полном взаимодействии с артиллерией, минометами и танками. 247-й стрелковый полк к 13.00 овладел Паймион — саари.

91-й стрелковый полк (без батальона) с батареями 170-го артполка и 103-го противотанкового дивизиона при поддержке дивизиона 72-го гаубичного артполка, двух батарей 33-го гаубичного артполка в 10 часов 40 минут начал наступление на Петя — саари. Первые эшелоны пехоты ползли с бронещитками. Хорошо организованное и осуществленное взаимодействие пехоты, артиллерии и танков, а также бомбардировочные и штурмовые действия авиации обеспечили захват острова. Противник оказывал упорное сопротивление. 91-й стрелковый полк к 18.00 овладел Петя- саари.

204-я воздушно — десантная бригада, 74, 78 и 79-й лыжные эскадроны до 14.00 составляли резерв командарма.

В 13.00 было принято решение овладеть Максиман — саари. Вся дивизионная артиллерия и авиация с 15.00 до 16.00 были переключены на подавление и уничтожение живой силы и огневых средств на острове Максиман — саари, а с 16.00 — на подавление противника на побережье Ладожского озера...

После мощной артиллерийской и авиационной подготовки 204-я воздушно — десантная бригада с тремя лыжными эскадронами, 68-м отдельным разведывательным батальоном при поддержке роты танков и артиллерии в 16.00 на лыжах бросилась в атаку. Несмотря на упорное сопротивление противника 204-я воздушно — десантная бригада к 18.00 овладела Макси- ман — саари. Уничтожение отдельных мелких групп противника было закончено к 21.00. Утром 7 марта одним лыжным эскадроном был взят остров Ханко — саари...

В этом бою 37-я стрелковая дивизия и 204-я воз- душно — десантная бригада почувствовали свою силу и способность уничтожать противника.

Танки вели пехоту к окопам противника, непрерывно поддерживая ее

огнем из пулеметов и орудий, подавляя и уничтожая огневые точки противника...

Авиация произвела 522 самолета — вылета. Сброшено 90 тыс. кг бомб. Истребители штурмовыми действиями не допустили подхода резервов противника для контратак с материка и острова Вуоратсу и расстреливали на льду отступающие группы белофиннов...

Соединения 15-й армии одержали первую крупную победу...»

Вполне понятно удовлетворение командования армии от первой за всю войну удачной операции, особенно если учесть, что десантники и стрелки шли по льду, усеянному трупами товарищей, погибших в бездарно организованных предыдущих атаках. Теперь коммуникации 168-й стрелковой дивизии были избавлены от неприятельских обстрелов и атак. Однако если учесть соотношение сил сторон, то станет ясно, что хвалиться красным командирам было особенно нечем. По сути дела, стрелковая дивизия, усиленная десантниками, лыжниками и танками (6 батальонов двух стрелковых полков, разведбатальон, три воздушно-десантных батальона и 3 лыжных эскадрона), поддержанная мощной авиационной группировкой, нанесла поражение всего — навсего одному усиленному батальону противника.

Войска 15-й армии продолжали наступление. В ночь на 12 марта в бою впервые приняла участие 201-я воздушно — десантная бригада, поддержанная танками и артиллерией 37-й дивизии. Она наступала на остров Лункулан — саари и полуостров Уксаломие, охватывая правый фланг финского 4-го армейского корпуса генерала Хеглунда, принесшего столько жестоких неприятностей нашим соединениям за время войны. К вечеру 12 марта бригада полностью овладела Лункулан — саари и частью Уксаломие. На следующий день планировался захват той части полуострова, которая оставалась у противника, но подготовка к операции длилась как раз до того момента, когда вступило в силу перемирие.

5 марта в очередное наступление перешла и 25-я мотокавалерийская дивизия, но смогла продвинуться лишь на 700–800 метров. 8 марта 72-я стрелковая дивизия перешла в наступление без приказа штаба 56-го корпуса, который одобрил ее действия задним числом. На следующий день возобновила наступление и 25-я мотокавалерийская дивизия, однако сумела отвоевать у финнов лишь 100–200 метров территории. Бойцы смогли окопаться в полутораметровом снегу. Это сократило дистанцию последнего броска, и на следующий день спешенные кавалеристы овладели наконец высотами у Ниемеля. Финские подразделения, оборонявшиеся в этом районе, отошли к следующей возвышенности, расположенной в 2 км западнее.

Решающей победы войска 15-й армии достичь так и не смогли. Даже наиболее успешно продвигавшиеся 11-я и 37-я дивизии вклинились в оборону противника всего лишь на 9—12 км, нанеся только частичное поражение подразделениям противника.

Столь же драматично, как и 8-й, сложилась судьба 9-й армии, которой до 22 декабря командовал комкор М. П. Духанов, а потом — будущий герой Сталинграда В. И. Чуйков.

В планах советского главного командования 9-й армии отводилась важная роль. Она должна была разрезать Финляндию пополам, выйдя к побережью Ботнического залива. Действовала она на широком фронте от северного побережья Онежского озера до Полярного круга. Это было отнюдь не случайно: ведь именно в районе Суомуссалми полоса финской территории между советской границей и Ботническим заливом наиболее узкая. При умелом ведении операций и благоприятном стечении обстоятельств можно было разрезать фронт противника пополам и выйти в кратчайший срок на побережье Ботнического залива на участке Оулу — Кеми. Этим достигалась изоляция северной Финляндии от остальной территории страны. Финны лишались железнодорожной коммуникации со Швецией. Ставилась под угрозу и автомобильная дорога Ваза — Умео, проложенная по льду Ботнического залива. Были бы значительно затруднены действия англо — французского экспедиционного корпуса в случае его высадки в северной Норвегии.

Однако сил для крупномасштабного наступления на 400-километровом фронте у 9-й армии было явно маловато. К началу войны она фактически представляла собой корпус из трех дивизий: 122-й и 163-й стрелковых и 54-й горнострелковой. Еще одна дивизия, 44-я, ожидалась не ранее середины декабря. В перспективе армия могла быть усилена частями 88-й стрелковой дивизии, основные силы которой обороняли побережье Белого моря.

9-я армия должна была наступать в трех расходящихся направлениях, а прибывающей 44-й дивизии предстояло развить успех. 122-й стрелковой дивизии — двигаться сначала в полосе Алакуртти, Салла, а потом — вдоль железной дороги на Кеми, Торнио, где она должна была соединиться с войсками 14-й армии. Вот так рассчитывали окружить финскую группировку на Крайнем Севере.

163-й стрелковой дивизии было определено суомуссальминское направление действий, а впоследствии ей предстояло идти на Оулу. Действующей на левом фланге 54-й горнострелковой дивизии на первом этапе было назначено овладеть районом Реболы, Кухмониemi, Хиликко.

Лучшей дивизией армии была 122-я. До «больших учебных сборов» она в сокращенном составе дислоцировалась в Белорусском особом военном округе. Дивизия приняла участие в «освободительном походе» в Западную Белоруссию, а в октябре 1939 года была переброшена в район Кандалякши. Две трети личного состава ее были недавние призывники из Витебской и Могилевской областей. Несмотря на это, командованию дивизии удалось создать боеспособное соединение. Многие бойцы научились неплохо вести бой на лыжах. Поэтому при контрударе противника в районе Салла 122-я дивизия не поддавалась панике, как это случилось с 44-й и 163-й дивизиями.

163-я стрелковая дивизия была сформирована в период с августа по начало сентября в Ленинградском военном округе. Бойцы и командиры оказались плохо подготовлены к войне. Дивизия испытывала также проблемы с обмундированием и амуницией, не было дымки для ведения боевых действий в приполярных районах. Командир дивизии комбриг А. И. Зеленцов незадолго до 30 ноября доносил в штаб армии, что во вверенном ему соединении отсутствуют маскировочные халаты, лыжи и даже валенки. Можно себе представить, как чувствовали себя люди при 25–30-градусном морозе в кирзовых и брезентовых сапогах. Финнов очень удивляло, когда им попадались пленные в пальто и брезентовой обуви, которая к тому же «просила каши».

Для усиления боеспособности 163-й дивизии в середине ноября в нее был включен 81-й горнострелковый полк 54-й дивизии, а последняя взамен получила 529-й стрелковый 163-й.

В 54-й горнострелковой дивизии комбрига Н. А. Гусевского дела обстояли значительно лучше. Она в течение долгого времени дислоцировалась в Северной Карелии и Заполярье. В дивизии преобладал кадровый личный состав. Бойцы умели действовать в условиях лесисто — болотистой местности, инициативными и знающими были командиры. Однако некоторое число приписного состава, прибывшего в дивизию в сентябре 1939 года, не умели хорошо ходить на лыжах. При быстром передвижении новобранцы становились обузой. Горнострелковые полки в отличие от стрелковых имели в своем составе только 4 роты, а не 9. Это облегчало управление подразделениями при ведении боев в горной и лесисто — болотистой местности, но уменьшало боевые возможности полка при наступлении на равнине. Командующий 9-й армией комкор В. И. Чуйков на совещании в апреле 1940 года признавал: «Горнострелковая дивизия на участке 9-й армии себя не оправдала, слишком малочисленна: 12 стрелковых рот и свыше 5 тысяч лошадей. Получилось, что бой вести,

ура кричать, в штыки брать — не с кем, так как незначительное количество людей в дивизии».

54-я горнострелковая дивизия считалась лучшей в 9-й армии, но в первую очередь планировалось использовать прибывавшую по плану 44-ю дивизию — на ребольском и кухмониемском направлениях, где ожидался наибольший успех.

9-я армия насчитывала 110 тысяч человек, более 450 орудий, 191 танк и 39 самолетов. По плану, который Военный совет армии представил в штаб ЛВО 25 ноября 1939 года, Новый год предполагалось встретить на берегу Ботнического залива, пройдя за 20 суток 450 км. План на бумаге казался вполне осуществимым, поскольку финны в полосе наступления 9-й армии располагали всего одной дивизией с 48 орудиями, усиленной несколькими отдельными батальонами. Но даже по своей территории к границе части армии двигались гораздо медленнее, чем должны были по плану наступать по финской территории в условиях противодействия неприятельских войск. На это обстоятельство еще до начала войны обратил внимание майор Сергей Гаврилович Чернов из оперативного отдела штаба округа:

«Роль 9-й армии и ее задачи поняты командованием 9-й армии в основном правильно, но решение построено на том, что противник не окажет никакого сопротивления... В среднем темп операции запланирован 22 км в сутки, в то время когда свои войска к границе шли 12–16 км в сутки с большой растяжкой частей и отставанием техники (артиллерии главным образом). Как же можно планировать такие темпы на территории противника?! Это значит построить операцию на песке, без учета реальной обстановки и особенностей фронта. При расчетах, видимо, противник в расчет вообще не принимался и бездорожье также не учитывалось, за это потом можно поплатиться срывом всей операции в самом ее начале, особенно если противник окажет хотя бы небольшое сопротивление путем заграждений и прикрытия их погранчастями, не говоря уже о подброске полевых войск... При движении 9-й и 8-й армий вглубь будет образовываться разрыв между ними. Наличие у финнов дорог (железных и шоссе) дает возможности создавать реальную угрозу флангам и тылу 9-й и 8-й армий и ее отдельным дивизиям... Коммуникации их (дивизий 8-й и 9-й армий. — Б. С.,) все будут перерезаны диверсионными группами противника, и они могут оказаться без питания и боеприпасов, причем тактика финнов к этому в основном и будет сводиться... При дивизиях нужно создать теперь же отряды из хороших лыжников и побеспокоиться обеспечением лыжами всех дивизий. Без лыж

будет очень плохо, не могут сойти с дорог и будут сбивать противника в лоб, а это будет сильно задерживать движение».

Чернов пришел к заключению:

«1. Предложить Военному совету 9-й армии свое решение пересмотреть... 2. Иметь на фланге сильный резерв. 3. План операции не должен превышать 10 км в сутки на первом этапе и до 15 км на всех остальных этапах... По существу, дивизии еще не готовы для выступления на глубину этой операции...»

Свой доклад С. Г. Чернов 27 ноября передал начальнику оперативного отдела ЛВО полковнику П. Г. Тихомирову. 29 ноября тот возвратил доклад, печально заметив: «Темпы сбавлять и уменьшать нам никто не разрешит, а теперь и вообще некогда этим заниматься, нужно действовать по тому плану, что есть». Удрученный Чернов записал на полях отклоненного доклада: «Эта спешка может кончиться плохо, операция не продумана; не знаю, как другие армии, но дело может сорваться, особенно по 9-й и 8-й армиям». Как в воду глядел.

Сталин и Ворошилов, планируя нападение на Финляндию, финскую армию вообще за серьезного противника не считали. Расплачиваться за этот грубый просчет пришлось бойцам и командирам своею кровью.

В период с 30 ноября по середину декабря дивизиям 9-й армии противостояли всего 5 финских батальонов, применявших тактику маневренной обороны. Единственный значительный бой имела 54-я горнострелковая дивизия 12 декабря в дефиле озер Алас-ярви и Сауна — ярви. Ее 118-й и 337-й полки не стали тратить время на бесплодные атаки в лоб и обошли финские подразделения по льду озер. Почувствовав угрозу окружения, финны начали отход и понесли серьезные потери.

Наступавшая в центре 163-я стрелковая дивизия в первые дни декабря имела против себя всего один финский батальон. 6-го числа к нему добавился еще один, а на следующий день из резерва прибыл финский пехотный полк. Все эти части объединились в бригаду под командованием полковника Х. Сииласвуо (22-го числа бригада была развернута в 9-ю пехотную дивизию).

До 17 декабря, когда 163-я дивизия овладела городом Суомусальми, соединения 9-й армии не понесли сколько-нибудь ощутимых потерь. В 122-й дивизии они составили 76 человек убитыми и 266 ранеными, в 163-й — соответственно 89 и 154, а в 54-й — 79 и 286. Однако главные сражения здесь были еще впереди.

Тем временем финское командование завершило переброску на север Финляндии частей будущей 9-й пехотной дивизии, 1-й пехотной бригады и

нескольких отдельных батальонов. К 17 декабря финское командование сформировало Лапландскую группу генерал — майора К. Валлениуса, куда и вошли 9-я пехотная дивизия, 1-я пехотная бригада и несколько отдельных частей.

18 декабря 1-я бригада финнов контратаковала в лоб полки 54-й горнострелковой дивизии, но, получив отпор, отошла на Нурмес. Тогда финны начали пере — группировку с целью обойти дивизию с флангов и выйти на ее коммуникации. В результате 20–22 декабря после тяжелых боев действовавшие на флангах 54-й дивизии отряды Маклецова и Алексеенко были вынуждены отойти к главным силам. 23 декабря 3-му батальону 529-го стрелкового полка пришлось уже прорываться из окружения на восток. Когда он вышел в район поселка Лендеры, в строю осталось всего 132 человека.

В районе Суомусальми передовые отряды финской 9-й пехотной дивизии сковали части 163-й стрелковой дивизии, действовавшие только по дорогам и пытавшиеся сбить противника лобовыми атаками. Командир финской дивизии генерал Х. Сииласвуо писал впоследствии: «Мне было непонятно и странно, почему русские не имели лыж. Из-за этого они не могли оторваться от дорог и несли большие потери».

18—20 декабря 163-я дивизия вела тяжелые бои в районе Суомусальми. Гром грянул 21 декабря, когда финским лыжным группам удалось выйти на коммуникации дивизии в районе Важенваара, уничтожить часть тыловых обозов и создать угрозу окружения ее основных сил. Усилия посланных на подмогу частей 44-й дивизии отбросить финские отряды с дороги успеха не имели. Ее батальоны вводились в бой разрозненно, сразу по прибытии, без подготовки. В течение нескольких дней 3-й батальон 305-го стрелкового полка при поддержке полковой артиллерии и 312-го танкового батальона пытался прорвать оборону противника на 25-м километре дороги на Важенваара, но безуспешно. Не помог и ввод в бой 1-го батальона 25-го стрелкового полка. Потери дивизии за три дня боев составили 448 убитыми, 810 ранеными и 226 обмороженными.

Между тем финские лыжные отряды разгромили несколько тыловых подразделений 163-й дивизии. Противник начал беспокоить и тылы 44-й стрелковой дивизии, устраивая завалы на дороге ближе к границе.

Командование 163-й стрелковой дивизии не сумело в этих сложных условиях организовать отход, и если бы не героизм бойцов и командиров 81-го горнострелкового полка, прикрывавшего отступление главных сил, то потери могли бы быть еще большими. Но они и так оказались велики. С

20 декабря по 1 января погибло 353 человека, ранено — 486, попало в плен — 107, пропало без вести — 346 и обморожено — 65. Всего с начала войны убитых было 890, раненых — 1415, обмороженных — почти 300. Потери вооружения и боевой техники составляли 130 пулеметов, 2 37-мм, 8 45-мм и 7 76-мм пушек, 140 автомашин. Финские источники называют еще более высокие цифры потерь 163-й дивизии: более 5 тысяч убитыми и 500 пленными. Финны захватили 11 танков и 27 орудий.

Виновными за неудачу сочли командующего 9-й армией М. П. Духанова и начальника штаба армии комдива А. Д. Соколовского. В наказание их отстранили от командования. В конце декабря были арестованы и отданы под суд командир наиболее пострадавшего 662-го стрелкового полка Шаров и комиссар Подхомутов. Из них очень быстро выбрали «чистосердечное признание» во вредительстве. Командир и комиссар якобы намеренно сделали полк небоеспособным. Разумеется, их тут же расстреляли.

Бойцы 163-й дивизии при отступлении бросали не только винтовки, но и обмундирование. На совещании в ЦК в апреле 40-ю кто-то из командиров заметил: «Ведь 163-я дивизия пришла босая». И начальник снабжения Красной Армии корпусной комиссар А. В. Хрулев это подтвердил, зачитав постановление Военного совета 9-й армии, где перечислялось имущество, брошенное дивизией: «...Военсовет устанавливает, что 163-я дивизия оставила на поле боя... рубах летних — 3028 штук, белья нательного — И 849 пар... шаровар ватных — 4321 штуки, перчаток — 6147, валенок 2250, кожаной обуви — 6908 пар». Количество оставленной одежды и обуви было, как легко убедиться, в несколько раз больше — еще, чем могло остаться на всех убитых и пленных. Остается загадкой: то ли красноармейцам было удобнее драпать по снегу без сапог и валенок, то ли имущество им так и не успели раздать, то ли интенданты по своему обычаю списали на окруженных часть того, что сами украли.

В начале января финны разгромили и 44-ю дивизию. У нее уже в конце декабря 1939 года, еще до начала финского контрнаступления, очень плохо обстояли дела со снабжением — по единственной годной для колесного транспорта дороге. 27 декабря военком дивизии полковой комиссар Мизин докладывал:

«В частях дивизии сложилось угрожающее положение с обеспечением продовольствием и фуражом. Непосредственно в частях продовольствия и фуража 1 сутодача. На дивизионном обменном пункте ничего нет. Продовольственная рота, высланная на обменный армейский пункт,

простояла два дня в селении Бойница и одни сутки в селении Вокнавала, а продуктов и фуража не получила ввиду отсутствия их на обменном армейском пункте. Кроме того... до сих пор не прибыл полевой автохлебзавод дивизии...»

А 1 января части 9-й пехотной дивизии финнов начали операцию, которая закончилась их крупной победой. В 8 часов утра противник пошел в атаку на 146-й стрелковый полк 44-й дивизии. Атака была отбита с большим трудом, только после ввода в бой всех полковых резервов. В ночь на 2 января финны вновь атаковали полк и на это раз окружили его, перерезав Ва-женваарскую дорогу на 21-м и 23-м километрах.

Бойцам и командирам дивизии приходилось преодолевать не только натиск финнов, но и лютые холода. Дивизия была отправлена из Тернополя в осеннем обмундировании — шинелях и брезентовых сапогах. Зимнее обмундирование — телогрейки (о полушубках бойцы могли только мечтать) и валенки обещали дос — тавить в уже идущие эшелоны. Но советские интенданты унаследовали худшие качества интендантов царской армии. Из-за нерасторопности тыловых служб зимнюю амуницию бойцы начали получать только на конечной станции Кемь и в спешке переброски на фронт не все были обеспечены валенками и телогрейками.

На следующий день, 3 января, командир 44-й стрелковой дивизии комбриг А. И. Виноградов (два года назад он был всего лишь командиром батальона) с оперативной группой штаба выехал в расположение 25-го стрелкового полка. Там он попытался организовать разгром неприятеля, вышедшего на тыловые коммуникации, но атаки, одна за другой, не принесли успеха. Подходу подмоги к фронту мешали скопившиеся на дороге обозы.

Финны знали о планах советского командования, поскольку, по свидетельству генерала Сииласвуо, 27 декабря был захвачен ряд приказов по 44-й дивизии. Во многом поэтому советские атаки в течение следующих суток снова оканчивались неудачей. Противник сделал на дороге еще два завала: на 20-м и 19-м километрах. Шедшие на помощь ударной группе подразделения разведбатальона и 3-го пограничного полка были встречены сильным ружейно — пулеметным и минометным огнем противника. Ударная группа оказалась отрезанной от остальных подразделений дивизии. Тяжесть положения усугубилась тем, что около 6 часов вечера 2-й батальон 146-го стрелкового полка, бойцы и командиры которого уже несколько дней не получали горячей пищи, самовольно оставил фронт. В результате обнажился левый фланг дивизии, чем не замедлили воспользоваться финны, устроившие новые завалы. К этому времени

некоторые части 44-й дивизии не получали продовольствия и боеприпасов уже 2–3 дня.

2 января финские лыжники перерезали единственную дорогу, по которой двигалась дивизионная ко — лонна. Скученные на узком участке люди и техника представляли собой прекрасную мишень для неприятельской артиллерии. Попытки прорыва, предпринятые 2–4 января, не принесли успеха. Дивизия оказалась расчленена на отдельные отряды, не имевшие ни снарядов, ни продовольствия. Командир дивизии комбриг А. И. Виноградов и начальник штаба дивизии полковник О. И. Волков потеряли управление войсками. Они еще 4 января просили у командования 9-й армии разрешения на выход из окружения без тяжелого вооружения и техники: не было ни горючего, ни лошадей. Часть лошадей пала из-за отсутствия фуража, часть была съедена окруженными. Виноградов докладывал в штаб 9-й армии: «В связи с вытеснением второго батальона 146-го стрелкового полка из района обороны левый фланг остался открыт. Заполнить его не удастся. Противник сосредотачивает силы с задачей перерезать оборону дивизии. В связи с отсутствием прод- фуража настрояние плохое, лошадидохнут, бензин и боеприпасы на исходе».

К тому времени группировка противника в районе Важенваара (или, по финской топографии, в секторе Раатте) имела в своем составе 3 пехотных полка и 3 отдельных батальона. В. И. Чуйков не надеялся справиться с этой финской группировкой и был склонен к отводу 44-й дивизии, у которой для продолжения наступления не было ни боеприпасов, ни фуража, ни продовольствия. Однако решить вопрос о прорыве лично командарм не мог и запросил санкцию Москвы. Василий Иванович докладывал наркому обороны: «Считаю положение 44-й дивизии очень серьезным, и если к 4.00 5 января очистить дорогу не удастся, прошу разрешения части 44-й стрелковой дивизии отвести на новый рубеж, к востоку от 19-го км». Однако Ставка его просьбу отклонила.

Финны 5 января атаковали в стык 146-го и 25-го полков в районе 23-го километра. Тогда же части 44-й дивизии предприняли очередную попытку прорыва из окружения, но артподготовка запоздала на 3 часа после начала атаки.

Генерал Сииласвуо вспоминал: «5 января был взорван мост через реку Пурос — йоки... Артиллерийский огонь противника на участке его 25-го стрелкового полка был особенно сильным и метким (эх, если бы он еще и открыт был вовремя! — Б. С.), и в результате наши части понесли большие потери».

5 января Чуйков бросил на помощь дивизии ударную группу, которая

вскоре сама оказалась блокирована неприятелем. 6 января Виноградов, все время окружения находившийся не на КП дивизии, а в 25-м стрелковом полку, просил разрешения бросить материальную часть, поскольку пути отхода были перерезаны финскими отрядами, блокированы завалами и минированы. Уцелевших людей он предлагал выводить лесами.

5 января в 23.00 Военный совет 9-й армии приказал Виноградову пробиваться к 19-му километру, полагая, что этот участок занят советскими войсками. Однако там уже были финны. На следующий день дивизия продолжала вести бой в окружении. Командование ее безуспешно пыталось вывести людей вместе с тяжелым вооружением и техникой.

6 января начальник штаба 44-й дивизии сообщал:

«46-й стрелковый полк на 23-м километре (дороги. — Ъ. С.) ведет бой в окружении, неся большие потери. Открыто передает: дайте помощь, нас добивают, давайте помощь — несколько раз. Между кордоном (районом обороны полка. — Ъ. С.) и границей завал. Противник ведет сильный огонь между 146-м и 305-м стрелковыми полками. Снаряды рвутся в расположении частей (эта фраза была передана открытым текстом. — Б. С./ Дорога на 21–22-м километрах минирована и завал на 22-м километре. Связи с 7–9-й ротами 3-го батальона 146-го стрелкового полка нет. 25-й стрелковый полк сейчас окружен. Матчасть и раненых без помощи вывести не может. Возможно, удастся пробиться пехоте. Спрашивает, что делать с матчастью (Виноградов). Связи с 19–11 километрами и с границей нет. Сшита стрельба на кордоне. КП штадива 44-й стрелковой дивизии занял оборону».

Поздно вечером 6 января наконец пришло разрешение Ставки на вывод частей дивизии из окружения, но с непременно сохранением тяжелого вооружения и техники. Потом связь со штабом армии оказалась прервана. Получив в 10 часов вечера разрешение командования 9-й армии: «Действовать по собственной инициативе», Виноградов отдал приказ выводить людей с северной стороны дороги. 7 января он на свой страх и риск приказал «уничтожать матчасть и отходить разрозненными группами по лесам на восток в район Ванжевара». К тому времени уже и так начался беспорядочный отход, перешедший в бегство. Сии-ласвуо так описал советское отступление: «Паника окруженных все росла, у противника больше не было совместных и организованных действий, каждый пытался действовать самостоятельно, чтобы спасти свою жизнь. Лес был полон бегущими людьми...»

Бойцы бросали не только пушки и пулеметы, но и винтовки» Многие бойцы и командиры погибли на пути к своим, застигнутые бураном. Их

тела хоронили уже весной, когда сошел снег. Сииласвуо свидетельствует:

«В полдень 7-го числа противник начал сдаваться. Голодные и замерзшие люди выходили из землянок. Одно-единственное гнездо продолжало сопротивляться, на время его оставили в покое... Мы захватили немисливо большое количество военных материалов, о которых наши части не могли мечтать даже во сне. Досталось нам все вполне исправное, пушки были новые, еще блестели... Трофеи составили 40 полевых и 29 противотанковых пушек, 27 танков, 6 броневых автомобилей, 20 тракторов, 160 грузовых автомобилей, 32 по — левые кухни, 600 лошадей (выходит, всех лошадей окруженные съесть не успели и у них было на нем вывезти хоть часть вооружения и техники. — Б. С.)...»

К вечеру 7 января первые группы бойцов дивизии во главе с ее командиром и штабом прибыли в Важен-ваара. Выход из окружения продолжался в течение нескольких дней. Вернулись далеко не все. По данным штаба дивизии, за период с 1 по 7 января потери соединения составили 1001 человек убитыми, 1430 ранеными, 2243 пропавшими без вести. Потери вооружения и техники были (в процентном отношении) более значительны: 4340 винтовок, 1235 револьверов и пистолетов, почти 350 пулеметов, 30 45-мм и 40 76-мм пушек, 17 122-мм гаубиц, 14 минометов и 37 танков. Финны утверждают, что захватили 1300 пленных из состава 44-й дивизии. Она лишилась почти всего вооружения и боевой техники. 40 % вышедших из окружения бойцов оказались без винтовок. Неприятелю же досталось в целом 97 орудий, 37 танков, 130 станковых и 150 ручных пулеметов, 6 минометов, 150 автоматов, недавно поступивших в войска, и много другого войскового имущества.

В последующие несколько дней западные газеты кишели статьями о разгроме 44-й дивизии, появились и фотографии, напоминающие кадры будущей германской хроники лета и осени 1941 года. Когда видишь понурые лица пленных, трупы на снегу, разбитую технику, брошенные пушки и пулеметы, становится не по себе. А вот советские газеты сообщали о разгроме 44-й дивизии довольно-таки бодрым тоном. 14 января 1940 в «Правде» и «Красной звезде» было опубликовано «Опровержение штаба Ленинградского ВО»:

«За вторую трехнедельку боевых операций на фронте существенных изменений не произошло... дело ограничилось в большинстве случаев обычными стычками разведки сторон и небольших пехотных частей. Вне — запно наступившие сильные морозы (которые всегда начинались в декабре! — Б. С.) значительно облегчили положение финских войск, но, несмотря на это, последние не смогли серьезно использовать

благоприятную обстановку...

В 44-й дивизии имелось не больше 10 тысяч бойцов, из которых было потеряно не более 900 человек, причем больше из-за морозов; финны же — не менее 2000\ причем щюцкоровцы добивали своих раненых, чтобы не оставить языков».

Руководство Красной Армии свалило всю ответственность за поражение на командование дивизии. Им вменялось в вину то, что они «преступно игнорировали приказы высшего командования Красной Армии и Военного совета 9-й армии о постройке на коммуникациях дивизии оборонительных сооружений, блокгаузов, расчистке и разрядке леса по обеим сторонам шоссе... разбросали части дивизии на отдельные отряды и группы, между собой не связанные... спасая свою шкуру, позорно бежали с небольшой группой людей в тыл». 19 января 1940 года появился приказ Главного военного совета, объявленный всему командному составу до взводных включительно:

«В боях 6–7 января на фронте 9-й армии в районе восточнее Суомусальми 44-я стрелковая дивизия, несмотря на свое техническое и численное превосходство, не оказала должного сопротивления противнику, позорно оставила на поле боя большую часть ручного оружия, ручные и станковые пулеметы, артиллерию, танки и в беспорядке отошла к границе. Основными причинами столь постыдного для 44-й стрелковой дивизии поражения были:

1. Трусость и позорно — предательское поведение командования дивизии в лице командира дивизии комбрига Виноградова, начальника политотдела дивизии полкового комиссара Пахоменко И. Т (военком Мизин, на его счастье, остался вне кольца окружения и потому избежал позорной смерти. — Б. С.^ и начштаба дивизии полковника Волкова, которые вместо проявления командирской воли и энергии в руководстве частями и упорства в обороне, вместо того, чтобы принять меры к выводу частей, оружия и материальной части, подло бросили дивизию в самый ответственный период боя и первыми ушли в тыл, спасая свою шкуру.

2. Растерянность старшего и среднего начсостава частей дивизии, которые, забыв о долге командира перед Родиной и Армией, выпустили из рук управление своими частями и подразделениями и не организовали правильного отхода частей, не пытались спасти оружие, артиллерию, танки.

3. Отсутствие воинской дисциплины, слабая военная выучка и низкое воспитание бойцов, благодаря чему дивизия в своей массе, забыв свой долг

перед Родиной, нарушила военную присягу, бросила на поле боя даже свое личное оружие — винтовки, ручные пулеметы — и отходила в панике, совершенно беззащитная.

Основные виновники этого позора понесли заслуженную кару советского закона. Военный трибунал 11 и 12 января рассмотрел дело Виноградова, Пахоменко и Волкова, признавших себя виновными в подлом шкурничестве, и приговорил их к расстрелу.

В тот же день приговор был приведен в исполнение перед строем дивизии.

Позорный отход 44-й стрелковой дивизии — показательный процесс, что не во всех частях Красной Армии у командного состава развито чувство ответственности перед Родиной, что в тяжелом, но далеко не безнадежном положении командиры иногда забывают свой долг командира и у них иногда берут верх шкурнические интересы.

Позорный отход 44-й стрелковой дивизии показывает далее, что в бойцах также не развито чувство ответственности за вверенное им Родиной оружие и они иногда при первом серьезном нажиме со стороны противника бросают оружие и из бойцов Красной Армии, которые обязаны бороться за Родину с оружием в руках до последнего вздоха, превращаются в безоружную толпу паникеров, позорящих честь Красной Армии.

Главный военный совет РККА требует от военных советов округов и всей массы красноармейцев извлечь урок из печального опыта позорного отхода 44-й стрелковой дивизии.

Главный военный совет РККА требует от командиров, политработников, всего начсостава, чтобы они честно и мужественно выполняли долг перед Родиной и Армией, были требовательными к самим себе и повысили свою требовательность к подчиненным, пресекая расхлябанность в частях, ликвидируя панибратство в отношении к подчиненным и насаждая железную воинскую дисциплину как мерами воспитания, так и мерами карательными».

Этот приказ построен в манере старой песенки «если кто-то кое — где у нас порой...». Незадачливые руководители 44-й дивизии, безусловно, были виновны в катастрофе. Однако по уровню подготовки они ничем не были хуже основной массы командиров Красной Армии. Да и все вообще рядовые красноармейцы воевать толком не умели, особенно в сложных условиях зимы и бездорожья. Не числом, а умением ведь воевали финны. Вряд ли Виноградов и его товарищи заслуживали такой суровой кары, как расстрел. Но Ворошилову и Сталину требовалось найти виноватых и

казнить их для острастки всей армии, чтобы заставить других командиров не только самим сражаться «до последнего вздоха», но и принуждать к этому и подчиненных.

Поражение 44-й дивизии было во многом обусловлено тем, что ее бойцы и командиры не были обучены действовать в суровых условиях карельской зимы.

По словам Мерецкова, 44-я дивизия была переброшена на фронт «из украинских степей без предварительного обучения бойцов в условиях лесисто — болотисто- холмистой местности и глубоких снегов. Эта дивизия сражалась не на том участке, которым я в тот момент руководил, но мне рассказали о ее судьбе. Она оказалась в совершенно непривычной для себя обстановке и понесла тяжелые потери, а комдив погиб». Кирилл Афанасьевич не стал уточнять, что Виноградов был расстрелян.

Во второй половине января главные силы финской Лапландской группы, нанеся поражение 44-й и 163-й дивизиям, перенесли свои усилия на 54-ю дивизию, которой командовал комбриг Гусевский. Здесь события развивались так. Дивизия наступала на Кухмониemi и Корписалми. 6 декабря она достигла важного перекрестка дорог у Расти, чем создала угрозу коммуникациям, связывающим север и юг Финляндии. Финны сформировали отдельную бригаду полковника А. Вуокко в составе 5 пехотных батальонов и 1 артиллерийского дивизиона и перешли в контрнаступление. К 25 декабря 54-я дивизия была оттеснена к границе, а в конце января попала в окружение. Ее коммуникации были окончательно прерваны к 1 февраля. К тому времени противнику удалось рассеять район обороны дивизии на 8 частей. Окружения избежал только один ее полк — 337-й стрелковый. До 10 февраля финны пытались разгромить отдельные оборонительные участки, но, встретив упорное сопротивление, перешли к осаде. Командование дивизии сумело создать в гарнизонах запасы продовольствия, которых вместе с теми, что сбрасывались авиацией, хватило на все время блокады. 13 февраля Гусевский радировал в штаб 9-й армии: «Дивизия сражается в окружении в течение 15 дней, использовав до конца все свои внутренние возможности, раненых — сотни, продовольствия нет. Мы делаем все, что в наших силах, для спасения дивизии. Сбрасывайте в гарнизоны не килограммы, а тонны продовольствия, ждем ответа».

В конце февраля финны перешли к тактике подавления отдельных осажденных участков артиллерийским огнем. В ночь на 3 марта после 4-дневной артиллерийской подготовки противник атаковал район, где находились 2-я рота 118-го горнострелкового полка и 7-я батарея 86-го

артполка. Почти все защитники этого района были уничтожены. Уцелели лишь 25 человек.

В течение двух последующих суток подразделения 337-го полка при поддержке нескольких танков пытались выбить противника из дефиле, разделявшего восточный участок и район обороны КП дивизии. Потеряв до 50 человек убитыми и танк, они возвратились на исходные позиции.

6 марта противник начал ожесточенный артиллерийско — минометный обстрел восточного участка обороны и в ночь на 7 марта занял его. При этом было убито и захвачено в плен около 230 бойцов и командиров. Около 100 человек смогли уйти по льду озера Сауна — ярви и присоединиться к защитникам КП. 11 и 12 марта противник вел интенсивный обстрел позиций этого района, и большинство блиндажей и землянок были разрушены. Утром 13 марта финны перешли в атаку, которая была отбита.

Более активным действиям финнов помешало наступление Ребольской оперативной группы 9-й армии, начатое силами переброшенной на этот участок 163-й стрелковой дивизии, 593-го стрелкового полка 131-й дивизии и нескольких лыжных батальонов. Хотя деблокировать 54-ю дивизию не удалось, финнам пришлось бросить часть сил против наступавших и тем самым ослабить натиск на окруженные гарнизоны.

11 февраля еще одну попытку прорыва блокады предприняла «лыжная бригада» под командованием полковника Долина в составе 9, 13 и 34-го лыжных батальонов. Потеряв ориентировку, она была разгромлена

13—14 февраля в боях с финскими лыжными отрядами. Потери батальонов, участвовавших в этих двух операциях, составили 1274 человека убитыми, 903 ранеными, 583 пропавшими без вести и 323 обмороженными. Потери же 163-й дивизии за период операции 29 февраля — 13 марта составили 993 убитыми, 3295 ранеными и 191 пропавшими без вести. Общие же потери этого соединения, сумевшего овладеть Суомусальми, побывать в окружении и в еще одном, не слишком удачном наступлении, составили 2274 убитыми, 7670 ранеными, 769 пропавшими без вести и 888 обмороженными, то есть примерно 70 % штатного состава. В самой же 54-й дивизии, которая была блокирована в течение 46 дней, потери исчислялись в 2118 человек убитыми, 3732 ранеными и 573 пропавшими без вести, что составляло 60 % штатной численности горнострелковой дивизии. Многих раненых эвакуировать из окружения не удалось, и они погибли.

На совещании 1940 года Сталин поставил Чуйкову в вину то, что части 9-й армии так и не смогли прорвать блокаду и соединиться с 54-й

дивизией. Василий Иванович оправдывался: «Здесь говорили, что противник окружал слабыми силами. Докладываю, что 54-я дивизия была окружена 14 стрелковыми батальонами (на самом деле — пятью. — />.С.).

Сталин спросил:

— У вас сколько было частей против противника?

Чуйков, не подозревая подвоха, охотно перечислил:

— В момент окружения было 8 рот, 2 батальона и полк НКВД. Потом вся 54-я горнострелковая дивизия и 163-я стрелковая дивизия плюс полк НКВД, всего 4 полка.

— А лыжные батальоны? — деланно — простодушно осведомился Сталин.

— Их прибыло 5 батальонов, — признался командарм.

— Вот сосчитайте, у вас в три раза больше получается, — усмехнулся Иосиф Виссарионович.

— Правильно, товарищ Сталин, — согласился Чуйков, — но противник к этому времени создал такие укрепления, которые 6-дюймовой артиллерией еле брали.

— Не верю, — сказал Сталин словами Станиславского. И оказался прав.

Василий Иванович неуверенно добавил:

— Это подтверждали работники политуправления армии, работники штаба армии, которые своими глазами видели и проверяли эти укрепления...

Положим, на глазок не определишь, выдержит ли укрепление прямое попадание 152-мм снаряда. И как это, интересно, политработники проверяли финские доты и дзоты? На соответствие принципам учения Маркса — Ленина — Сталина, что ли?

Иосиф Виссарионович начал понемногу выходить из себя:

— В районе 7-й армии бетоноартиллерийские сооружения 6-дюймовая разбила. У вас дотов перед собой не было? У вас много было камня, земли, могли быть в этих местах граниты, было около трех дивизий, окружена была лишь одна дивизия, а сюда телеграммы шлете партии Ленина — Сталина, герои сидят, окружены, требуют хлеба. Кормить людей нужно. Снаружи еще дивизия, затем около тысячи пограничников — старых солдат, полк, затем четыре или больше батальонов. Батальон — это 800 человек?

— 750 человек, — машинально поправил Чуйков.

— Лыжные батальоны, артиллерия, — продолжал Сталин, — а у противника меньше артиллерии, у нас больше артиллерии, а они

пренебрегают артиллерией.

— Артиллерия была использована, — возразил Чуйков.

— Была использована, и все-таки ничего не добились, — парировал командарма генсек, — посылались телеграммы партии Ленина — Сталина, сидели, кормили дармоедов. Как у вас, еще героев нет?

— Никак нет, — доложил Чуйков. — Пробраться к Гусевскому не было никакой возможности, чтобы его проверить, а он врал. Но, когда мы посмотрели, что он из себя представляет в действительности, то оказывается, что у товарища Гусевского полк потерял только 71 человека ранеными и 39 убитыми (на самом деле — раз в 20–30 больше: 1089 убитыми, 309 пропавшими без вести и 1260 ранеными. — Б. С). Гусевский своими паническими телеграммами вводил нас в заблуждение.

— На одном месте всегда пристрелят, — подал реплику кто-то из присутствовавших в зале.

— Каждый попавший в окружение считается героем, — с иронией прокомментировал Сталин.

— Пробраться не удалось, — продолжал оправдываться Чуйков.

— Пробиваться не хотели, — жестко отрезал Сталин. — Круг суживался, финны расстреливают каждый пулемет, окружают их, а вокруг окруженных круг суживается, и каждая точка пристреливается, и каждый финн, татарин, китаец пристреляется, если долго сидеть. Они остаются без стрелкового оружия, орудия, минометы — все расстреливается. — И еще раз спросил: — Значит, Гусевский в героях у вас не ходит?

— Нет, — повторил Чуйков.

— Слава Богу, — как будто успокоился Сталин.

— 9-я финская дивизия, которая окружала 54-ю, понесла большие потери, — использовал Чуйков старый как мир аргумент для оправдания чрезмерных потерь собственных войск. — В ней, кроме стариков от 40 лет и выше и женщин, никого не оставалось.

— Но все же вы были окружены, а не старики, — с издевкой заметил Сталин.

— Окружены были восемь рот Гусевского. Мы ему пробивали дорогу, — сделал вид, что не понял иронии, командарм.

— Но не проббили, — заключил Сталин.

— Пробивали, но не проббили, — согласился Чуйков».

В эти же дни, в конце января, 273-й горнострелковый полк, действовавший в составе 122-й стрелковой дивизии, и 426-й стрелковый полк 88-й дивизии — в районе 9-й армии попытались выбить противника с выгодных позиций в районе Сайя. Атака не удалась. Отразить ее финнам

помогла не только суровая снежная зима (красноармейцы вязли в глубоком снегу), но и обстрелы — по ошибке — наступающих советской артиллерией и авиацией.

Из соединений 9-й армии только 122-я стрелковая дивизия, принимавшая участие в войне с первого дня, сумела избежать тяжелого поражения. В район Кандалакши накануне войны она прибыла из Белоруссии и перешла границу 30 ноября. В 3 часа дня 596-й стрелковый и приданный дивизии 273-й горнострелковый полки заняли почти без сопротивления поселок Ала-куртти — финны сожгли его при отходе. Следующие сутки прошли без боев: противник отходил, минировав дороги.

2 декабря шедший в головной заставе 1-й батальон 596-го полка и кавалерийский эскадрон 153-го разведывательного батальона при подходе к высотам в 26 км западнее Алакуртти были встречены пулеметным и минометным огнем с хорошо замаскированных позиций 22-го пограничного батальона финнов. Несмотря на небольшие потери (всего 6 раненых), кавалеристы спешили и оставили лошадей под огнем. Подразделения развернулись и залегли. Через некоторое время подошли два батальона 596-го полка и 273-го полк, а также полковая артиллерия (дивизионная подоспела к месту боя уже после его окончания). Вторая атака в 4 часа дня 3 декабря вынудила противника оставить высоты. В финских окопах было обнаружено 10 трупов, еще 3 финна были захвачены в плен. Потери частей дивизии составили 24 человека убитыми и 89 ранеными.

11 декабря противник попытался оказать сопротивление у деревни Мяркуярви. Оборонительные позиции финны практически не подготовили (имелись только окопы для стрельбы лежа) и даже не смогли сменить понесший значительные потери Сальский батальон на прибывший из резерва батальон «А». И, против своего обыкновения, ими не был взорван мост. Это дорого обошлось оборонявшимся. Два танка 100-го отдельного танкового батальона успели проскочить по мосту, прорвались в тыл противника и разгромили его обозы. Финны поспешно покинули свои позиции, не успев сжечь Мяркуярви. В качестве трофеев советским войскам достались 8 пулеметов.

14 декабря передовой батальон 420-го стрелкового полка с ротой танкового батальона овладел поселком Курсу. В тот же день, в 8 часов вечера, лыжные подразделения противника, обойдя фланги передового батальона, атаковали полковую артиллерию и батарею 285-го артполка. В ходе упорного боя, в котором артиллеристы вынуждены были вести огонь на картечь и даже из личного оружия, орудия почти не пострадали, но

потери в конском составе были велики. Финны отошли после того, как на помощь к артиллеристам прибыл 2-й батальон 420-го полка. В тот же день неудача постигла 596-й стрелковый полк, который при поддержке 9-го отдельного танкового батальона пытался овладеть высотами на дороге в 69 км западнее Куолаярви. Финские противотанковые орудия сожгли у него 3 танка.

16 декабря, уже в сумерках, 420-й стрелковый полк вышел на восточную окраину поселка Йоутсиярви. 17-го он атаковал позиции противника, но неудачно. В тот же день к фронту подошли 715-й стрелковый полк и саперный батальон 122-й дивизии. Тем временем 273-й горнострелковый полк совместно с 153-м разведывательным батальоном и ротой 596-го стрелкового полка овладели переправой через реку Кеми-йоки в районе деревни Пелкосниemi, потеряв 20 человек убитыми, 46 — ранеными и 3 танка Т-38.

18 декабря 420-й стрелковый полк вместе с батальоном 715-го стрелкового полка вновь безуспешно наступал на позиции противника. Батальон 715-го потерял связь с главными силами, подвергся контратаке противника и понес большие потери. Командир и комиссар батальона были ранены. 420-й полк в результате неудачи соседа по фронту пришлось отвести на 2 км в тыл.

Любопытно, что бойцы 715-го полка, как и других частей 122-й дивизии, были одеты в черные пиджаки, а это — совсем не подходящее обмундирование для приполярной зимы. Еще хуже: черная форма одежды демаскировала бойцов на белом снегу, и они несли особенно большие потери. На совещании в апреле 40-го командир 122-й стрелковой дивизии полковник П. С. Шевченко говорил об этом:

«...Вся дивизия у меня была в черных пиджаках. Когда идешь в наступление, то на снегу темные пятна, которые служили мишенью для противника. В дивизии был только один батальон 715-го полка одет в шинели (в них тоже в морозы не очень повоюешь. — Б. С.у). Поэтому, как только начиналось наступление в шинелях, то финны говорили, что это кадровые части, и отходили, когда же шли наступать в черных пиджаках, финны всегда оказывали сопротивление. Эти черные пиджаки непрочные, затем чрезвычайно демаскируют».

Закончил же свое выступление Петр Семенович необычным предложением: «...Я просил бы, чтобы полушубками снабжать только артиллеристов и шоферов, а больше никому их не давали, а то получалось так, что командный состав одет в полушубки, а бойцы — в

черные пиджаки, поэтому во время боя в первую очередь выводился из

строю ком начсостав». Шевченко имел в виду не всех артиллеристов, а только командный состав артиллерии. Хорошая мысль одеть в полушубки всех красноармейцев, а не только командиров, никому на совещании и в голову не приходила. Страна с 200-миллионным населением не в состоянии была обеспечить миллион своих защитников, замерзавших в карельских снегах, обыкновенными полушубками и ушанками.

19 декабря финны контратаковали части 122-й стрелковой дивизии, переправившиеся через Кемийоки. Советские войска потеряли 27 человек убитыми и 73 ранеными и отошли на 14 км к северу.

В тот же день 2 батальона 596-го стрелкового полка и 715-й стрелковый полк вновь атаковали позиции противника у Йоутсиярви, обороняемые 4 батальонами. 715-й полк атаковал противника в лоб, и безуспешно. А тем временем один из батальонов 596-го полка вышел на северную окраину поселка, а другой фланговым маневром — на вторую полосу неприятельской обороны, но, вместо того чтобы ударить в тыл противнику, его командир стал выжидать выгодный момент для удара по отходящей колонне. Дождался, однако, того, что финны, отбив наступление с фронта, контратаковали и окружили батальон. При прорыве бойцы понесли значительные потери и оставили противнику все свои станковые пулеметы.

После этого командование 9-й армии отдало приказ сконцентрировать части дивизии в районе северо-западнее и юго — западнее Куоляярви. Непонятно, что помешало ему позднее вовремя отдать приказ об отходе 163-й дивизии.

3 января 1940 года противник попытался овладеть артиллерийскими позициями, но был отбит. 4 января он повторил свою попытку, но вновь безуспешно. Наконец, 13 января дивизия получила приказ об отходе в район Мярьярви. После этого активные действия на участке 122-й дивизии прекратились. Стороны время от времени перестреливались и «обменивались» налетами лыжников. Дивизионная артиллерия была изъята в армейский резерв, и огневую поддержку стрелкам оказывали лишь полковые батареи.

Даже 19 февраля, за три недели до конца войны, в 122-й дивизии не хватало 7000 пар лыж. Предназначенная для уплотнения боевых порядков, 88-я стрелковая дивизия до окончания военных действий так и не вышла на фронт в полном составе: ее артиллерийский полк оказался без тягачей, 758-й стрелковый полк — без лыж, а в танковом батальоне не хватало 30 боевых машин.

Общие результаты кампании в Приладожской Карелии были

неутешительны для советской стороны. Здесь поражение Красной Армии было наиболее очевидно. Три дивизии и одна танковая бригада были разгромлены, еще три понесли очень тяжелые потери. Финны, многократно уступавшие противнику в численности и вооружении, смогли захватить инициативу на этом театре боевых действий и удерживали ее почти до конца войны.

Думаю: если бы советское командование решило нанести главный удар не на Карельском перешейке, а севернее Ладожского озера, результат был бы еще катастрофичнее: ведь дорог в этом районе меньше, а множество войск создало бы еще большую неразбериху. Финны смогли бы перебросить дополнительные силы с линии Маннергейма и окружить и уничтожить еще несколько советских дивизий. И в конечном счете Красной Армии все равно пришлось бы вернуться к лобовому штурму вражеских укреплений на Карельском перешейке. Так что альтернативы штурму линии Маннергейма в действительности не было. И он последовал.

Решающий штурм

Еще в конце декабря 1939 года Главный военный совет принял решение подготовить и осуществить новый оперативный план прорыва линии Маннергейма. 24 декабря было начато формирование 40 отдельных лыжных батальонов и 200 отдельных лыжных эскадронов общей численностью в 45 тысяч человек. Основная их часть была использована в боях только в феврале — марте 1940 года, однако из-за плохой лыжной подготовки наши лыжники действовали неэффективно и несли большие потери.

Активные боевые действия на Карельском перешейке временно прекратились. 7 января 1940 года был создан Северо — Западный фронт во главе с командующим Киевским военным округом командармом 1-го ранга Семеном Константиновичем Тимошенко. Он и командующий Белорусским особым военным округом М. П. Ковалев находились в войсках ЛВО в качестве советников.

А. М. Василевский вспоминал, что подготовку к новой операции по штурму линии Маннергейма обсуждали в начале января на специальном заседании Политбюро. Туда пригласили руководство Наркомата обороны и Генштаба, а также командование Ленинградского, Киевского и Западного особых военных округов. Константину Симонову Александр Михайлович рассказал о ходе этого заседания:

«...Обсуждался вопрос о дальнейшем ведении войны. Шапошников доложил, по существу, тот же самый план, который он докладывал месяц назад. Этот план был принят. Встал вопрос о том, кто будет командовать на Карельском перешейке. Сталин сказал, что Мерецкову мы это не поручим, он с этим не справится. Спросил: «Так кто готов взять на себя командование войсками на Карельском перешейке?»»

Наступило молчание, довольно долгое. Наконец поднялся Тимошенко и сказал: «Если вы мне дадите все то, о чем здесь было сказано, то я готов взять командование войсками на себя и надеюсь, что не подведу вас».

Так был назначен Тимошенко. Северо — Западный фронт объединил 7-ю армию К. А. Мерецкова и 13-ю армию В. Д. Грендаля, действовавшие на Карельском перешейке. В оперативном подчинении Северо — Западного фронта находился Балтийский флот. 8, 9 и 14-я армии, действовавшие к северу от Ладоги, оставались в непосредственном ведении Генштаба.

Руководство войсками северо — восточнее Ладожского озера было поручено командующему Белорусским военным округом командарму 2-го ранга М. П. Ковалеву.

Напомним, что войну Советский Союз начал, введя в боевые действия 17 стрелковых дивизий, 5 танковых и 2 мотострелковых бригады. Уже в период развития действий в декабре в состав действующих соединений вошли: 123, 138, 100, 113 и 150-я стрелковые дивизии, 39-я и 35-я танковые бригады в 7-ю армию (150-ю стрелковую дивизию и 39-ю танковую бригаду вскоре передали в 13-ю армию), 4-я и 136-я стрелковые дивизии — в 13-ю армию, 8-я армия получила помимо 75-й дивизии еще и 164-ю, облегченного (два стрелковых и один артиллерийский полки против обычных трех стрелковых и двух артиллерийских) состава, в 9-ю армию кроме 44-й стрелковой дивизии вошла 88-я стрелковая дивизия.

Во время оперативной паузы переброска войск продолжалась прежними темпами. В 7-ю армию прибыли 7,51, 84, 86, 91, 95 и 173-я стрелковые дивизии. За этот же период 13-я армия пополнилась 8, 17, 50, 62, 80 и 97-й стрелковыми дивизиями, в состав 8-й армии вошли 11, 60 и 72-я стрелковые дивизии (последние две — облегченного типа) и 25-я мотокавалерийская дивизия.

Отметим, что 17, 84, 86, 91, 95 и 173-я дивизии официально именовались мотострелковыми, но больших отличий по численности личного состава или вооружению от обычных стрелковых дивизий не имели. Некоторые из мотострелковых дивизий имели вместо отдельного танкового батальона танковый полк двух- батальонного состава да еще все имущество, вплоть до станковых пулеметов, грузилось на автомобили. В условиях Карельского театра обилие машин только вредило действиям, создавало гибельные закупорки на дорогах (в частности, это способствовало разгрому 18-й мотострелковой дивизии к северу от Ладоги).

Всего за январь Северо — Западный фронт был усилен 12 стрелковыми дивизиями и 6 артиллерийскими полками из Московского, Киевского, Одесского, Уральского, Сибирского и Приволжского военных округов. Сюда же были дополнительно переброшены штабы 2 стрелковых корпусов. Всего фронт имел 7 корпусных штабов (4 — в 7-й и 3 — в 13-й армии). Кроме того, еще один штаб имелся в составе Финской Народной армии. Во фронте было 23 дивизии, включая 2 народноармейские финские. В тылу, на западе Ленинградской области, был еще резерв Главного Командования в составе кавалерийского корпуса, 3 стрелковых дивизий и танковой бригады. Его предполагалось использовать для наступления на

Выборг после прорыва главной полосы обороны. Выборг был ключом к Хельсинки и ко всей южной Финляндии, где была сосредоточена большая часть населения страны.

К началу операции по прорыву обороны финской армии на Карельском перешейке, в первые дни февраля, в 7-й армии из отдельных рот и батальонов Карельского укрепленного района была сформирована 42-я легкая стрелковая дивизия, в 8-ю армию прибыли 37-я и 128-я мотострелковые и 24-я мотокавалерийская дивизии и три (201, 211 и 214-я) авиадесантные бригады. В состав 7-й армии вошел также прибывший из Белоруссии 3-й кавалерийский корпус (7-я и 36-я кавалерийские дивизии) — он предназначался для выхода в тыл укреплений линии Маннергейма по замерзшему Финскому заливу во взаимодействии с танковой бригадой и одной — двумя стрелковыми дивизиями. Старый кавалерист Тимошенко почему-то решил, что конники покажут себя и на льду...

Во время затишья на главном фронте, проходившем по Карельскому перешейку, финское руководство, откликнувшись на инициативу русских эмигрантов, попыталось сформировать из пленных Русскую армию, которая должна была сражаться на стороне Финляндии, способствуя антисоветской агитации среди красноармейцев. А в случае если на стороне финнов выступят войска Англии и Франции, Русская армия в слу — чае поражения Советов станет основой для создания в России демократического правительства. Во главе этого формирования решено было поставить бывшего секретаря Политбюро и помощника Сталина Бориса Георгиевича Бажанова, ставшего убежденным противником коммунизма и бежавшим на Запад в начале 1928 года. Много лет спустя он так описывал свою трудную миссию:

«Когда Советы напали на Финляндию... я был единственным человеком, решившим по поводу этой войны действовать, и все главные эмигрантские организации меня дружно поддержали и пошли за моей акцией. Было написано письмо маршалу Маннергейму, в котором организации просили маршала оказать мне полнейшее доверие и обещались меня всячески поддержать. Письмо подписали и Общевоинский Союз, и газета «Возрождение», и даже председатель Высшего Монархического Совета (хотя я к монархизму не имел ни малейшего отношения). Маннергейм предложил мне приехать в Финляндию.

Я исходил из того, что подсоветское население мечтает об избавлении от коммунизма. Я хотел образовать Русскую Народную Армию из пленных красноармейцев, только добровольцев; не столько, чтобы

драться, сколько чтобы предлагать подсоветским солдатам переходить на нашу сторону и идти освободить Россию от коммунизма. Если мое мнение о настроениях населения было правильно (а так как это было после кошмара коллективизации и ежовщины, то я полагаю, что оно правильно), то я хотел катить снежный ком на Москву, начать с тысячей человек, брать все силы с той стороны и дойти до Москвы с пятьюдесятью дивизиями.

Французское общественное мнение в это время было полностью на стороне маленькой героической Финляндии. Французские власти приветствовали мою инициативу и помогли быстрому преодолению формальное — тей: заведующий политическим отделом Министерства иностранных дел возил меня в военное министерство, чтобы сразу быстро были сделаны все бумаги, и какой-то генерал в министерстве желал мне всяческого успеха.

В начале февраля (так в тексте мемуаров, но, очевидно, здесь опечатка; из дальнейшего рассказа следует, что надо читать: «в начале января». — Б. С.) я выехал в Финляндию. На аэроплане через Бельгию, Голландию и Данию в Стокгольм я прилетел без приключений. Из Стокгольма нужно было перелететь в Финляндию через Ботнический залив на старом, измученном гражданском аэроплане. Перед отлетом мы сидели в аэроплане и долго ждали... Над заливом летали советские патрули. Надо было ждать, чтобы патруль прошел и достаточно удалился. Тогда аэроплан срывался и мчался во всю силу своих моторов и с надеждой, что советскому патрулю не придет в голову повернуть обратно, потому что в этом случае от нас остались бы рожки да ножки...

Маршал Маннергейм принял меня 15 января в своей Главной квартире в Сен — Микеле. Из разных политических людей, которых я видел в жизни, маршал Маннергейм произвел на меня едва ли не наилучшее впечатление. Это был настоящий человек, гигант, державший на плечах всю Финляндию. Вся страна безоговорочно и полностью шла за ним. Он был в прошлом кавалерийский генерал. Я ожидал встретить военного, не столь уж сильного в политике. Я встретил крупнейшего человека, честнейшего, чистейшего и способного взять на себя решение любых политических проблем.

Я изложил ему свой план и его резоны. Маннергейм сказал, что есть смысл попробовать: он предоставит мне возможность разговаривать с пленными одного лагеря (500 человек): «Бели они пойдут за вами — организуйте вашу армию. Но я старый военный и сильно сомневаюсь,

чтобы эти люди, вырвавшись из ада и спасшись почти чудом, захотели бы снова по собственной воле в этот ад вернуться»».

И Бажанов приступил к формированию РНА — предтечи власовской Русской Освободительной Армии:

«В лагере для советских военнопленных произошло то, чего я ожидал. Все они были врагами коммунизма. Я говорил с ними языком, им понятным. Результат — из 500 человек 450 пошли добровольцами драться против большевизма. Из остальных 50 человек 40 говорили: «Я всей душой с тобой, но я боюсь, просто боюсь». Я отвечал: «Если боишься, ты нам не нужен, оставайся в лагере для пленных».

Но все это были солдаты, а мне нужны были еще офицеры. На советских пленных офицеров я не хотел тратить времени: при первом же контакте с ними я увидел, что бывшие среди них два — три получекиста-полусталинца уже успели организовать ячейку и держали офицеров в терроре — о малейших их жестах все будет известно кому следует в России, и их семьи будут отвечать головой за каждый их шаг. Я решил взять офицеров из белых эмигрантов. Общевоинский Союз приказом поставил в мое распоряжение свой Финляндский отдел. Я взял из него кадровых офицеров, но нужно было потратить немало времени, чтобы подготовить их и свести политически с солдатами. Они говорили на разных языках, и мне нужно было немало поработать над офицерами, чтобы они нашли нужный тон и нужные отношения со своими солдатами. Но в конце концов все это прошло удачно. Было еще много разных проблем... Наша армия должна была строиться не на советских уставах, а на новых, которые нужно было создавать заново... Как обращаться друг к другу? «Товарищ» — это советчина; «господин» — политически невозможно и нежелательно. Значит, «гражданин», к чему солдаты достаточно при — выкли; а к офицерам «гражданин командир» — это вышло. Я назывался «гражданин командующий»».

Бажанову приходилось преодолевать то предубеждение против эмигрантов, которое сложилось у красноармейцев под влиянием советской пропаганды. Корреспондент брюссельского журнала «Часовой» А. Маевский, беседовавший с пленными в Финляндии, сви детельствовал:

«Многие пленные... вообразали, что в Финляндии еще хуже (чем в СССР. — Б. С.) и что там властвуют только генералы и дворяне и чуть ли на улицах вешают публично людей. Поэтому естественно их изумление, когда их, «освободителей», принимали с места в карьер в штыки и пули. К русской эмиграции отношение в высшей степени враждебное. Русская эмиграция представляется им как сборище безжавших князей, генералов,

помещиков, дворян, которые вывезли из обедневшей поэтому России свои капиталы, понастроили за границей себе дворцы, входят в стачки с «иностранными диверсантами и капиталистами», всюду мешают развитию отношений с Европой и проч. и проч. Слушают с разинутыми ртами о том, как живет эмиграция, как трудится, работает и как дорожит русским именем. Слушают, молчат, но, видно, этому не верят. Слишком это для них невероятно».

Бажанову все же удалось преодолеть рознь между бывшими красноармейцами и офицерами — эмигрантами. Сам же он доверие офицеров завоевал только тогда, когда не дрогнул во время бомбежки Хельсинки, не ушел в убежище, а продолжал спокойно объяснять задание в помещении штаба, размещенного на пятом этаже высокого здания. После этого ветераны Белого движения начали называть бывшего сталинского секретаря не «господин Бажанов», а «гражданин командующий». На все это и на обучение и снаряжение РНА ушло почти 2 месяца. Кроме того, переброска бойцов и командиров в лагерь вблизи фронта затруднялась налетами советской авиации на железнодорожные узлы, из-за чего поезда могли двигаться только по ночам. Поэтому РИА так и не успела до заключения мира принять участие в боях.

Красная Армия завершала тем временем приготовления к мощной атаке на линию Маннергейма. Подготовка к наступлению включала обучение войск штурму укрепленной полосы. Улучшилось и снабжение. Буденовка, столь неподходящая для суровой северной зимы, была заменена шапкой — ушанкой. Войска получили в достаточных количествах зимнее обмундирование, маскировочные халаты и лыжи. Ускоренно возводили утепленные землянки и сборные домики, снабженные обогревателями. Но для обогрева и воодушевления использовалось и народное средство: с января бойцам стали ежедневно выдавать «наркомовские» 100 грамм (по обстоятельствам водочная порция бывала существенно больше). Увеличили также нормы выдачи сахара и жиров.

Уже 1 февраля 1940 года советские войска имели на финском фронте 40 дивизий, насчитывавших 976 тысяч человек. К ним непрерывно продолжали прибывать подкрепления. Красной Армии противостояли 12 финских пехотных дивизий, 4 пехотные и 1 кавалерийская бригады и несколько отдельных батальонов. Из них 9 пехотных дивизий и 1 кавалерийская бригада вели оборону на Карельском перешейке. В финской армии насчитывалось немногим более 300 тысяч человек. Несмотря на то что к началу февраля общие финские потери составили около 21 тысячи человек, численность армии по сравнению с началом войны за счет

призыва запасных возросла примерно на 40 тысяч. Советские войска к 11 февраля имели 1558 боеготовых танков, которым финны могли противопоставить лишь 10 исправных машин...

Однако отдадим должное советской Ставке Главного командования в умении сосредоточить огромные силы и средства на нужном направлении. К 10 февраля на фронте и в ближайшем резерве находились 47 стрелковых и мотострелковых, 2 кавалерийские и 2 мотокавалерийские дивизии, 7 танковых, 3 авиадесантные бригады и 2 мотострелковые бригады, не говоря уже о большом количестве лыжных батальонов (около 30). Основная масса войск была сосредоточена на Карельском перешейке.

Уже после окончания советско — финляндской войны командовавший 2-м армейским корпусом генерал-лейтенант Х. Эквист признавал: «Для нас было сюрпризом, что русские сконцентрировали неслыханную по своей мощи военную силу. Мы не ожидали, что эта огромная армия сможет свободно передвигаться на ограниченном пространстве Карельского перешейка».

Действительно, если в начале войны соединения Красной Армии, действовавшие против Финляндии, насчитывали не более 400 тысяч человек, то уже к 10 января 1940 года такое вот количество войск сосредоточилось на одном только Карельском перешейке, а к 10 февраля там было уже 700 тысяч бойцов и командиров. На всем же советско — финском фронте численность личного состава Красной Армии превысила 1 миллион человек.

Пока к линии фронта шли все новые эшелоны, советские артиллеристы, пользуясь своим колоссальным превосходством, выкатывали 122-мм и 152-мм пушки и 152-мм гаубицы — пушки на дистанцию не более километра и прямой наводкой, вопреки всем уставам, вели стрельбу на разрушение укреплений противника. Остальные орудия полков и дивизионов били по финским батареям, не позволяя им противодействовать разрушению дотов и дзотов.

Никуда не годная лыжная подготовка частей и соединений Красной Армии, казалось бы, должна была склонить Главное командование перебрасывать на фронт дивизии из снежных районов Сибирского, Забайкальского и Уральского военных округов и Дальне — восточного фронта. Но такая переброска на тысячи километров представлялась Кремлю слишком дорогостоящим делом. К тому же Сталин боялся ослаблять войска этих округов, из-за напряженности в отношениях с Японией после Халхин — Гола. За все время финской войны из Сибирского военного округа были переброшены всего две дивизии: 37-я и 91-я, а из

Уральского — одна, 128-я.

Отметим, что и 37-ю стрелковую дивизию Сибирской можно было назвать только с известной долей условности. В июне — июле 1939 года ее направили из Белорусского особого военного округа под Омск с тем, чтобы перебросить дальше, на Халхин — Гол. Пока дивизия готовилась к боям, конфликт в Монголии закончился. Ее частям пришлось зимовать, можно сказать, в чистом поле, поэтому начавшуюся в декабре 1939 года передислокацию на финский фронт командование дивизии да и многие бойцы приняли за благо.

Лыжные батальоны частично формировались из личного состава Уральского и Сибирского округов, однако даже у сибиряков и уральцев лыжная подготовка не всегда была на должном уровне.

Пока артиллеристы громили укрепления противника, вскрытые разведчиками, в большинстве частей шла напряженная боевая подготовка. Командир 123-й стрелковой дивизии генерал — майор (в период войны — комбриг) Ф. Ф. Алябушев рассказывал: «В тылу мы устроили учебное поле. На нем день и ночь проводились занятия. То, что обнаружилось в системе укреплений противника, мы старались воспроизвести на учебном поле и тренировались в условиях, максимально приближенных к боевым. На учебном поле преодолевали проволочные заграждения, вели огонь по укрепленным точкам, блокировали доты и т. д. Главное внимание обращали на движение пехоты за огневым валом, на использование броневых щитков и взаимодействие на поле боя с танками, с полковой и батальонной ар — тиллерией». Загадкой остается, почему такую учебу не догадались провести еще в мирное время.

Столь же трудно понять, почему до войны танкисты не умели взбираться на противотанковые рвы и разбивать бетонные надолбы, а многие пехотинцы, даже в полках и дивизиях, считавшихся кадровыми, не умели метко стрелять и маскироваться. С лыжами дело вообще было швах. Еще весной и летом 1939 года командование ЛВО отдало пять приказов о сбережении и улучшении содержания лыжного имущества, но лыж не хватало, и большинство бойцов ходить на них не умели. Многие командиры заставляли бойцов учиться лыжному бегу в шинелях, что потом вызвало искреннее изумление у финнов: как можно ходить на лыжах в такой неподходящей одежде? Командир 70-й стрелковой дивизии М. П. Кирпонос на свой страх и риск прекратил эти «упражнения», способные привить красноармейцам только ненависть к лыжному спорту, и приказал вести занятия в ватных куртках и теплых штанах. Михаил Петрович попросил шефствовавших над дивизией работников ленинградских

текстильных фабрик перешить длинные маскировочные халаты в комбинезоны.

К сожалению, в большинстве других советских дивизий командирам до таких «мелочей» не было дела. А финская «Хельсингин саномат» с нескрываемым удивлением писала после начала войны: «Русские ходят на лыжах в каких-то длинных пальто». Финны не понимали, что эта странная «мода» от обыкновенной глупости советского начальства.

К началу февраля был разработан новый план прорыва линии Маннергейма. К. А. Мерецков вспоминал:

«Усилили разведку авиацией, дали задание сфотографировать линию Маннергейма. На это ушел весь январь. К началу февраля мы наконец-то располагали картами со схемой вражеской обороны. Теперь можно было составить реальный план ее прорыва. Этот план я докладывал И. В. Сталину, вызвавшему нас со Ждановым. Присутствовали Молотов, Ворошилов, Тимошенко, Воронов и Грендаль. Предложенный план был утвержден.

Вечером ужинали у Сталина. Он и Молотов расспрашивали об итогах разведки, уточняли детали плана, освещали политический аспект операции... По окончании ужина Сталин предупредил, что будут некоторые перемены... Нужно создать централизованное руководство операциями в зоне боевых действий, подбросить новые силы и уточнить ход наступления, причем главную роль сыграет план, предложенный для 7-й армии. Во что бы то ни стало овладеть линией Маннергейма до весеннего разлива вод — такова основная задача!»

Здесь Кирилл Афанасьевич пытается создать у читателей впечатление, будто он со своим штабом и разработал план февральского наступления на Карельском перешейке. В действительности Мерецкову пришлось разрабатывать план только для своей 7-й армии. Общий же план наступления готовил штаб командующего Северо — Западным фронтом С. К. Тимошенко.

О плане штурма линии Маннергейма сообщает и Воронов:

«План прорыва линии Маннергейма принимал все более конкретные очертания. Участки прорыва, их ширина и глубина выбирались с учетом наиболее эффективного использования артиллерии и танков. Удары намечались там, где легче разрушить систему вражеского огня, противотанковые препятствия и развить успех.

Чтобы противник не смог разгадать нашего замысла, мы всячески дезориентировали его. Действия разведки приобретали все большую

скрытность. Перегруппировка войск шла незаметно для врага. Пристрелка орудий и разрушение вражеских укреплений намеренно велись на широком фронте, а не сосредоточивались лишь на участках прорыва. Полевые радиостанции группировались так, чтобы у противника создалось ложное представление о направлении нашего главного удара. Движение автотранспорта специально усиливали на второстепенных участках и максимально маскировали на главных».

Полностью выявить финскую систему обороны было чрезвычайно трудно. Воронов свидетельствует:

«Финские войска широко применяли маскировочные сети белого цвета, которые хорошо скрывали огневые средства, наблюдательные пункты, различные инженерные сооружения от нашей наземной и воздушной разведки. Батареи белофиннов очень часто занимали свои огневые позиции на опушках леса, под деревьями. Обычно при стрельбе снег с деревьев осыпается, и оголенные от снега ветви могут выдать месторасположение батареи. Чтобы избежать этого, оголенные ветви деревьев финны покрывали ватой.

При стрельбе впереди орудий образуется так называемый задульный конус — потемневший сектор растаявшего и разбросанного снега. Это обычно выдает орудия при фотографировании с самолета. Но на такой мучай у финнов имелись белые маскировочные сети мелкого плетения, которыми они и закрывали демаскирующие секторы перед стволами орудий при появлении нашей авиации.

Особенно тщательно маскировались долговременные сооружения. Финны очень умело применяли и ложные сооружения — чаще всего это были естественные камни различных размеров с нарисованной амбразурой.

Наши бойцы научились разгадывать все эти хитрости. За каждым подозрительным местом устанавливалось наблюдение. Терпеливо, по крупицам, собирались необходимые сведения. Мы тщательно изучали признаки, характеризующие расположение дотов: движение солдат, дым от отопительных печек, стрельба со специфическим глухим звуком выстрелов, обилие искусственных и естественных препятствий вокруг и т. д. Наши наблюдатели учитывали при этом, что и у ложного сооружения можно организовать движение людей, стрельбу из кочующего пулемета, разжечь костер. Противник одинаково искусно маскировал и настоящие доты и ложные огневые точки, чтобы ввести нас в заблуждение».

Первоначальный план операции на Карельском перешейке предусматривал нанесение одного главного удара на выборгском

направлении и двух вспомогательных — на кексгольмском и в обход укреплений противника по льду Финского залива. Для форсирования Финского залива была создана группа комкора Д. Г. Павлова в составе 3 стрелковых дивизий (86, 91 и 173-я), 3-го кавалерийского корпуса (7-я и 36-я кавалерийские дивизии) и 29-й танковой бригады.

Согласно плану соединения 7-й и 13-й армий должны были выйти на линию Выборг, станция Антреа, Кексгольм на 8—10-й день операции и решить тем самым исход войны.

Ставка Главного военного совета одобрила общую идею наступления, поручив Штабу фронта более детальную разработку операции. 3 февраля 1940 года Военный совет Северо — Западного фронта утвердил окончательный план прорыва линии Маннергейма и разгрома финской армии на Карельском перешейке. 13-я армия получила задачу наступать на всем своем фронте, от устья реки Тайпален — йоки до озера Муола — ярви, нанося главный удар силами 5 стрелковых дивизий и танковой бригады на левом фланге на 25-километровом участке, от озера Вукси — ярви до озера Муола — ярви, и два вспомогательных: первый — 2 дивизиями на правом фланге с плацдарма на западном берегу Тайпален — йоки, а второй — 142-й стрелковой дивизией по льду озера Суванто — ярви. По плану соединения 13-й армии должны были выйти на рубеж Лохийоки, Пурпуа, Ритасаари, Ильвес на 4–5-й день операции, чтобы далее развивать наступление на Кексгольм и станцию Антреа.

7-й армии поручался прорыв укрепленной полосы противника на участке от озера Муола — ярви до Финского залива. Главный удар наносился по плану 9 стрелковыми дивизиями, 5 танковыми и стрелково — пулеметной бригадой на участке от Муола — ярви до Кархула на правом фланге и в центре. На левом фланге, у побережья Финского залива, планировалось нанесение вспомогательного удара силами 2 стрелковых дивизий. На 4–5-й день операции войскам армии предписывалось выйти на рубеж Ильвес, станция Кямьяря, Хумола, наступая затем на Выборг и Антреа.

К этому времени был определен состав двух армий, действующих на Карельском перешейке. В 7-ю армию были включены 4 стрелковых корпуса: 10, 19, 34 и 50-й (7, 24, 42, 43, 51, 70, 80, 90, 100, 113, 123 и 138-я стрелковые дивизии), 1, 13, 20, 35 и 40-я танковые и 15-я мотострелково — пулеметная бригады. В состав 13-й армии входили 3, 15 и 23-й стрелковые корпуса (4, 8, 17, 49, 50, 62, 136, 142 и 150-я стрелковые дивизии) и 39-я танковая бригада.

Обе армии имели мощные артиллерийские ударные группировки, в 7-

й помимо дивизионной и корпусной артиллерии было 7 полков и 2 дивизиона артиллерии большой мощности из РКК, а в 13-й — 6 полков и 2 дивизиона. В полосу действий Северо — Западного фронта прибыли также железнодорожные батареи Балтийского флота. Каждая армия имела и собственную авиацию: 7-я армия — 10 полков, а 13-я — 5.

В составе Северо — Западного фронта, включавшего в себя кроме двух армий Резервную группу Павлова и ряд других частей разных родов войск, к 10 февраля насчитывалось 705 360 бойцов и командиров, 109 739 лошадей, 35 546 автомашин, 4519 тракторов, 727 мотоциклов, 14 879 ручных, 5293 станковых и 984 зе — нитных пулемета, 5796 орудий и минометов (1540 45-мм, 1520 76-мм, 23 107-мм, 199 122-мм и 36 152-мм пушек, 707 122-мм, 731 152-мм, 96 203-мм и 3 234-мм гаубиц, 28 280-мм мортир и 904 миномета, а также 4 180-мм, 3 305-мм и 2 356-мм орудия Балтийского флота), 2303 танка (1149 Т-26, 570 БТ-5 и БТ-7, 99 Т-28, 492 Т-37 и Т-38, а также два экспериментальных КВ и один Т-100) и около 2200 самолетов (включая самолеты Балтийского флота).

Вся эта мощь была сосредоточена на ограниченном пространстве Карельского перешейка против «армии Эстермана», насчитывавшей немногим более 150 тысяч человек (советская разведка ошибочно считала, что там всего 100 тысяч), около 460 орудий и минометов и 15 танков. В первой линии обороны располагались 6 пехотных дивизий, а 3 дивизии и кавбригада находились в резерве.

Советские войска превосходили противника на линии Маннергейма в живой силе примерно в 4,5 раза, в артиллерии в 12,5 раза, в авиации в 11 раз и имели абсолютное превосходство в танках.

113-я стрелковая дивизия 3-4 февраля дважды пыталась овладеть высотой 38,2 в районе Кархула, однако обе атаки были отражены противником с большими потерями для атакующих, после чего части дивизии 2 дня готовились к новому наступлению. Виновником неудачи был объявлен командир дивизии полковник А. Н. Нечаев, отстраненный от занимаемой должности 6 февраля. Вместо него соединение возглавил полковник Х. Н. Алавердов. Однако смена командира не привела к более успешному ведению операций в полосе дивизии. Многократные попытки захватить в течение 7-9 февраля высоту, являющуюся одной из ключевых финских позиций, не дали результата. Единственным успехом за три дня было взятие 9 февраля 3-м батальоном 513-го стрелкового полка высоты «Груша», фланкировавшей с левого фланга подступы к злополучной 38,2. 10 февраля бесплодные атаки были прекращены. Дивизия готовилась к решающему штурму.

Более успешно развивались события на участке 100-й стрелковой дивизии. Там после длительной и кропотливой разведки и тщательно маскируемых инженерных работ, сблизивших наш и финский передний край, 3 февраля 2-й батальон 355-го стрелкового полка внезапным броском блокировал один из дотов Хотиненского укрепрайона, известный под номером 45. Финны пытались очистить укрепление артиллерийским огнем, а затем уничтожить оставшихся в живых бойцов и командиров, однако своей цели не достигли. Как вспоминал впоследствии командир батальона капитан Сипович (вскоре Герой Советского Союза), «в роте осталось 28 человек. Оставшиеся люди действуют не хуже, чем рота в полном составе». Ночью под прикрытием тьмы и артиллерии советские саперы подвезли к 45-му доту около полутора тонн взрывчатки. После того как стрелки были отведены в укрытие, над дотом поднялся столб пламени и дыма, осколков арматуры и бетона. Тем не менее часть укрепления уцелела, поэтому для ликвидации гарнизона пришлось выделить еще одну роту под прикрытием 3 танков. На следующий день после упорного боя, с многочисленными контратаками финнов, был блокирован дот № 44. Ночью на танках сюда были доставлены заряды. Взрывами был добит дот № 45 и разрушен дот № 44.

5 февраля финны не раз пытались выбить батальон с занимаемых позиций, но бойцы и командиры цепко удерживали завоеванный участок фронта при поддержке танков и артиллерии. В течение последующих 2 дней части дивизии продвинулись, обходя Хотинен, на 3 км в глубину. Финны, чтобы не допустить прорыва обороны на этом участке, стянули к месту вклинения советских войск свои немногочисленные резервы, решив, что именно здесь будет нанесен главный удар.

Перед началом генерального наступления на линию Маннергейма было предпринято еще несколько атак для укрепления исходного положения. Наиболее крупная из них была проведена 5 февраля с участием более чем 100 танков. Однако, как признает Воронов, успеха она не имела. Израсходовав на артподготовку 20 тысяч снарядов, войска встретили сильное сопротивление противника и вернулись на исходные позиции.

3 февраля войска Северо — Западного фронта получили задачу ударом смежных флангов 7-й и 13-й армий прорвать линию укреплений на рубеже от реки Вуокса до Кархула. В течение четырех — пяти дней требовалось достичь линии Лохийоки, станция Кямаря, Хуумола, чтобы воспрепятствовать отходу финских войск на запад и окружить их на Карельском перешейке. Затем армии Северо — Западного фронта должны были выйти на рубеж Какисалми, станция Антреа, Выборг и открыть

дорогу на Хельсинки. На то, чтобы преодолеть 65 км, войскам отводилось 12–15 суток.

Замысел этого плана Шапошников на апрельском совещании 1940 года приписывал Сталину: «Лично товарищ Сталин предложил совершенно правильный план — удар провести обеими армиями (7–й и 13–й), не ограничиваясь ударом одной 7–й армии, а внутренними флангами, чтобы не одна армия работала, а работали обе армии своими внутренними флангами в расчете, что, если не удастся прорвать фронт противника одной армией, прорвется другая. Таким образом, мы получили бы возможность после прорыва развивать его дальше».

На том же совещании Григорий Михайлович Штерн, угодничая ввиду неудачного командования 8–й армией, приписывал уже Сталину главную заслугу в организации прорыва линии Маннергейма: «Нечего греха таить, товарищи, начинали мы не блестяще. И то, что мы добились относительно быстрой, в труднейших условиях, исторической победы над финнами, этим мы обязаны, прежде всего тому, что товарищ Сталин сам непосредственно взялся за дело руководства войной, поставил все в стране на службу победе. И «штатский человек», как часто называет себя товарищ Сталин, стал нас учить и порядку, прежде всего, и ведению операций, и использованию пехоты, артиллерии, авиации, и работе тыла, и организации войск».

Тут Сталин прервал поток штерновской лести: «Прямо чудесный, счастливый человек! Как это мог бы сделать один я? И авиация, и артиллерия...»

Григорий Михайлович сделал вид, что не почувствовал иронии: «Товарищ Сталин, только вы, при вашем авторитете в «стране, могли так необыкновенно быстро поставить все на службу победе. И поставили, и нас подтянули всех, и послали лучшие силы, чтобы скорее одержать эту победу. Это же факт, что мы использовали артиллерию, как вы нам говорили, за авиацию вы нас били очень крепко, и авиация резко подняла свою работу, начав действовать, как вы указали, и все прочее, ведь все здесь это знают, было именно так, как я сейчас сказал». Холопское унижение, однако, не спасло Штерна от расстрела в октябре 1941–го по ложному обвинению в заговоре в пользу Германии.

Генеральное наступление на линию Маннергейма началось 11 февраля после 3–часовой артиллерийской подготовки. Из-за нелетной погоды не удалось использовать авиацию. Лишь на третий день ожесточенных боев 123–я стрелковая дивизия 7–й армии достигла прорыва глубиной 4 км в районе Ляхде.

Н. Д. Яковлев, будущий маршал артиллерии, а в то время занимавший должность начальника артиллерии Киевского особого военного округа, побывал на Карельском перешейке во время февральского наступления. Он был потрясен малой результативностью огня многочисленной советской артиллерии. В мемуарах Николай Дмитриевич по этому поводу писал: «С удивлением знакомился с ведомостями о расходе боеприпасов... Войска расходовали боеприпасы так, как им этого хотелось, при этом совершенно не учитывая, соответствует ли калибр орудий важности целей на поле боя... Словом, нашим артиллеристам нужно было еще учиться воевать». Вскоре после окончания войны Яковлевым и другими артиллеристами для наркома обороны был составлен специальный доклад, где подчеркивалось нелепое, пустое расходование снарядов:

«Артчасти ведут безудержный огонь без достаточной разведки целей, не достигая нужного результата. Один 116-й артполк расстрелял с 30 ноября 17 700 152-мм выстрелов (72 вагона). Относительный расход самых тяжелых калибров часто превышает расход дивизионной и полковой артиллерии. Например, 316-й артиллерийский дивизион большой мощности израсходовал 18 декабря 1939 года по шестьдесят снарядов на 280-мм мортиру, а за этот же день в 123-й стрелковой дивизии на полковую и дивизионную пушку израсходовано 18 выстрелов, а на 45-мм пушку — 9 выстрелов. В том же дивизионе и в 455-м артполку подавались команды на беглый огонь из 280-мм мортир и 152-мм пушек — гаубиц образца 1937 года. Бывали случаи, когда общевойсковые начальники требовали вести ночью беспокоящий огонь из 280-мм мортир по дорогам. Отношение к экономии и сбережению артвыстрелов в войсках пренебрежительное».

На совещании по итогам финской войны в апреле 1940 года этот призыв к экономии, разумному расходованию боеприпасов не встретил, однако, поддержки у Сталина. У него произошел замечательный диалог с В. И. Чуйковым. Василий Иванович заметил:

— Когда мы говорим об автоматическом огне, забываем о расходе боеприпасов. Я сам испытывал ППД (пистолет — пулемет Дегтярева. — Б. С.) — это прекрасный пулемет. Когда стреляешь одиночным огнем, очень метко получается, как только автоматический огонь — все идет вверх.

— А вы как финны, отсюда стреляйте, — посоветовал Сталин. И добавил: — Если мало боеприпасов расходовали, то много людей расходовали. Тут надо выбирать одно: либо людей надо пожалеть, но тогда не жалеть снарядов, патронов, либо жалеть патроны и снаряды, тогда людей будете расходовать. Что лучше?

Чуйков попробовал примирить обе альтернативы:

— Лучше стрелять метко и попадать в цель.

Сталин взорвался:

— Неверно, это старо. Если бы наша артиллерия стреляла только по целям, до сих пор бы воевали. Артиллерия выиграла, что она в один день 230 тысяч снарядов положила. Ругали их за это, а я ругал, в свою очередь, почему не 400 тысяч, а 230. Если каждый 20-й снаряд попадал в кого-либо, хотя бы в избушку, это большое дело, если из 99 каждый сотый снаряд попадал, это уже замечательно, вы разрушили тыл, не дали развивать оборонительных сооружений, не давали возможности делать подвоз людям, которые защищали войну. И мы оглушили армию. Вы знаете, что довольно значительная часть финнов с ума сошла от артиллерийских снарядов, и специальные отделения в госпиталях Финляндии были открыты для людей, которые потеряли рассудок. Вот что значит артиллерия. Никогда снарядов в современной войне нельзя жалеть и патронов нельзя жалеть. Если будем жалеть — это преступление. Если не будем жалеть снарядов и патронов, тогда мы людей сохраним и выиграем войну в пять раз раньше.

— Но когда я выпустил 10 тысяч снарядов на шведский корпус (состоявший из 2 батальонов. — Б. С.), — возразил Чуйков, — то тут же последовал запрос, почему так много израсходовали снарядов.

— От кого запрос? — осведомился Сталин.

— От начальника Генерального штаба.

— Неправильно, — сказал Сталин. — Начальник Генерального штаба не понял сути современной войны.

— Имеется запрос от начальника Генерального штаба, почему такой большой расход снарядов, — продолжал Чуйков, быстро сориентировавшись, куда ветер дует. — А я считаю, что надо было бы больше выпустить снарядов по шведскому корпусу.

— Надо было 40 тысяч снарядов пустить, — на этот раз поддержал командарма Сталин. — Если бы вы пустили снарядов больше, мы бы выиграли войну в феврале. А это чего стоит выиграть войну на месяц раньше? Миллиард. И сколько человеческих жизней можно было бы сохранить. Что такое снаряд — это чепуха. Вот как надо смотреть, если иметь в виду современную войну, потому что дело решает артиллерия. Вы говорили, что нужно много стрелков. Чего они, бедняги, могут дать? Они без артиллерии пропадут.

Та же тема возникла и во время выступления на совещании К. А. Мерецкова. Кирилл Афанасьевич рассказал байку о якобы построенных финнами санаториях, где лечились солдаты и офицеры, от воздействия

советской артиллерии и авиации заболевшие расстройством психики. И рассуждал:

— Танки исключительно доблестно вели себя в бою, но некоторое замешательство у нас с ними было. Мы неправильно ориентировались на потери. У нас был лозунг, что нужно завоевывать победы с малой кровью. Это очень хорошо. Но нельзя завоевывать вовсе без потерь.

— С малой кровью, но с большим расходом снарядов, — уточнил Сталин.

— Это верно, — согласился Мерецков.

Кто же был прав в этом споре? Казалось бы, против мнения: чем больше выпустишь снарядов, тем меньше потеряешь людей — возражать трудно. Однако все дело в том, как именно расходовать снаряды. Когда из 280-мм мортир стреляют по воробьям, когда стреляют не по целям, а по площадям и ведут всего — навсего беспокоящий огонь, да еще крупным калибром, — толку от этого наступающей пехоте и танкам никакого. Советская артиллерия из-за плохой разведки целей основную массу снарядов расходовала во время артподготовки на стрельбу именно по площадям. Боеприпасов для поражения выявленных уже в наступлении целей не оставалось. А 152-мм и 203-мм гаубицы могли разбивать сеющие смерть доты только при стрельбе прямой наводкой. Вот почему потери в людях были исключительно велики. Линию Маннергейма ведь прорвали не мощью артиллерии и авиации, а большой кровью пехотинцев и танкистов.

Когда 11 февраля после 2-часовой артиллерийской подготовки части 100-й стрелковой дивизии вновь рванулись вперед, красноармейцам удалось продвинуться всего на 200–300 м, после чего они залегли под сильным огнем. Бои с 3 по 9 февраля обошлись дивизии в 196 человек убитыми, 1502 — ранеными, 89 — обмороженными и 4 — пропавшими без вести.

Действия 100-й стрелковой дивизии дезориентировали противника относительно места нанесения главного удара: против нее финны сосредоточили дополнительные силы.

Соседняя с 100-й 113-я стрелковая дивизия (обе входили в 50-й стрелковый корпус) в течение боев 11–13 февраля также не достигла каких-либо крупных успехов. Лишь ее 679-й стрелковый полк сумел занять юго — восточные скаты высоты 38,2.

В этих боях славой покрыла себя 123-я стрелковая дивизия. Уже через полтора часа ее 245-й стрелковый полк овладел рощей «Молоток» и высотой 65,5. Продвигаясь к роще «Фигурная», он захватил 5 дотов. Полком командовал майор И. И. Рослый. В звании генерал — майора во

главе стрелкового корпуса он примет участие во взятии Берлина. 255-й стрелковый полк к вечеру овладел высотой «Язык». Наступление пехоты поддерживали батальоны 1-й и 20-й танковых бригад. В составе последней помимо штатных Т-28 действовали экспериментальные КВ, неуязвимые для неприятельской противотанковой артиллерии. В артиллерийской подготовке участвовали дивизионная и корпусная артиллерия, несколько дивизионов орудий большой мощности и саперы. Благодаря тесному взаимодействию всех родов войск в течение нескольких часов была взломана линия укреплений противника.

Вечером 11-го противник, несмотря на то что значительная часть его резервов была связана боем с подразделениями 100-й стрелковой дивизии, попытался контратаковать части 123-й дивизии, но успеха не достиг. Командование 50-го корпуса ввело в бой из второго эшелона 27-й стрелковый полк 7-й стрелковой дивизии. Он ударил во фланг финнам, и те отступили на север вдоль реки Мая — йоки.

— февраля 272-й стрелковый полк 123-й дивизии, сменивший на передовых позициях 255-й стрелковый полк, продвинулся на 600 м севернее высоты 65,5. Однако соседний 245-й стрелковый полк, встреченный сильным огнем, остался на прежних позициях.

— февраля командование 50-го корпуса дополнительно ввело в бой 257-й стрелковый полк, разведывательный и танковый батальоны 7-й стрелковой дивизии, которые, действуя на левом фланге 123-й стрелковой дивизии, заняли высоты «Арбуз» и «Каска».

В этот же день после часовой артиллерийской подготовки опять наступали части 123-й дивизии, однако решающий успех был достигнут только 14 февраля, когда части 7-й стрелковой дивизии заняли район Катрес, Лампи. Оборона финнов была прорвана на 8—10 км. В прорыв была введена подвижная группа в составе 13-й танковой и 15-й мотострелково — пу-леметной бригад. В 2 часа дня 16 февраля они ворвались на станцию Кямья, важнейший пункт снабжения правого фланга финской армии «Карельский перешеек».

123-я стрелковая дивизия еще 15-го числа овладела районом Лехтола, Маяккюля. Дальнейшее продвижение было остановлено, поскольку при отходе финны взорвали мост и лед на реке Мая — йоки.

7-я стрелковая дивизия 15 февраля заняла район Хумоланаутио, выйдя во фланг Хотиненского УР, а 100-я стрелковая дивизия после тяжелого боя овладела рощей «Сапог», школой поселка Туртга и районом Пелтола.

16 и 17 февраля соединения 50-го стрелкового корпуса продолжали расширять и углублять прорыв. 123-я стрелковая дивизия при этом

овладела районом развилки дорог севернее местечка Куйвола, а 7-я дивизия после 4-часового боя заняла Хумола и северную окраину местечка Кивеля. 100-я дивизия тем временем заняла хутор Харьюмяки и рощу «Топор». Клин, вбитый в оборону противника, достиг к 17 февраля уже 12–15 км в глубину и 10–12 по фронту. В ходе прорыва главной полосы линии Маннергейма соединения 50-го стрелкового корпуса уничтожили Сумма — Хотиненский, Лейпясуоский, Междуболотный и Тайпальский укрепленные районы.

Однако остальные соединения 7-й армии действовали не так удачно, как дивизии 50-го корпуса. Например, пехотинцы 138-й стрелковой дивизии 10-го стрелкового корпуса 11 февраля вынуждены были залечь под сильным огнем финнов у проволочных заграждений. 13 февраля части дивизии вышли на южную опушку рощи, «Угольник», понеся значительные потери. Финны применили новую тактику: они пропускали первые цепи атакующих и открывали огонь по последующим, заставляя их отступить, а затем огнем с тыла уничтожали прорвавшихся в глубину подразделениям.

Лишь в ночь на 16 февраля 554-й стрелковый полк овладел частью рощи «Угольник», а ближе к вечеру высотой «Безымянная», оседлав дорогу Кархула — Туртта.

Не особенно удачно действовала и отличившаяся в декабрьских боях 24-я стрелковая дивизия. Штурмуя Вяйсяненский укрепленный район в период с 11 по 17 февраля, она смогла продвинуться всего на 400–500 м.

Безуспешным было также наступление 15-го и 23-го стрелковых корпусов 13-й армии в течение 11–15 февраля, предпринятое с целью прорыва передовой полосы линии Маннергейма.

В приказе по войскам Северо — Западного фронта относительно итогов боевых действий в период с 11 по 18-е февраля отмечалось полное отсутствие фланговых и обходных маневров, приводившее к неудаче и излишним потерям. Однако следует учесть, что часто у командиров дивизий и полков не было никакой возможности для маневров из-за глубокого снега, болот и обширных минных полей.

С 11 по 17 февраля очередную попытку вырваться на оперативный простор с тайпаленского плацдарма предприняли 49-я и 150-я стрелковые дивизии. К 17 февраля ее 469-й и 674-й стрелковые полки сумели захватить частично разрушенные артиллерией доты № 102,107,108 и 141 и вклиниться в укрепленный район противника, однако решающий успех достигнут не был. Командир дивизии полковник С. Д. Князьков стал очередным виновником неудач и был отстранен от занимаемой должности.

Новый командир соединения, уже известный нам комбриг А. И. Пастревич, считал главными причинами малого успеха наступления большие промежутки между переносом огня артиллерии в глубину и началом атаки, слабую интенсивность пехотного огня и плохое взаимодействие между подразделениями.

Довольно успешно действовала 70-я стрелковая дивизия. В ходе боев 11–14 февраля она сумела овладеть частью укреплений Кархульского района и к 17 февраля вышла на побережье Финского залива в районе Юханнес. Неприятельское командование было вынуждено отвести свои части на запад и северо-запад.

Главным результатом первой недели боев стало то, что дивизии 50-го стрелкового корпуса 7-й армии пробили солидную брешь в железобетонном щите финской обороны. Для прикрытия этой бреши у противника не было ни сил, ни средств, поскольку большая часть резервов армии «Карельский перешеек» уже была втянута в бой, а части и соединения, перебрасываемые с других участков, еще не успели прибыть к месту назначения. Вечером 17 февраля соседи 50-го корпуса получили сведения разведки об отходе противника в своих секторах.

В тот же день перешли в наступление 42-я и 43-я стрелковые дивизии, действовавшие в составе 34-го стрелкового корпуса на приморском направлении. 17 февраля 42-я стрелковая дивизия при поддержке берегового отряда сопровождения Балтийского флота овладела деревней Муурилла на побережье Финского залива, а 19 февраля — Келлолатси. 2-й батальон 459-го полка 23 февраля захватил деревню Патола на северном берегу острова Койвисто (Бьорке).

19 февраля 43-я стрелковая дивизия вела упорные бои севернее поселка и железнодорожной станции Хумалийоки, а на следующий день вышла к побережью Финского залива на участке Томмола, Койвисто, Виртаниеми, местечко Кирвиниеми и овладела городом и крепостью Койвисто.

21 февраля был получен приказ штаба 34-го стрелкового корпуса о совместной атаке смежными флангами 43-й и 70-й стрелковых дивизий на остров Пии-саари. Выполнить эту задачу оказалось непросто. Расстояние от материка до острова составляло 3–4,5 км. С высоких скалистых берегов Пии-саари хорошо просматривались все подходы к острову по берегу залива. Рядом с удобными для прорыва пляжами в лед были встроены фугасы и мины.

Наступление на остров в этот день, предпринятое без достаточной подготовки, успеха не имело. 22 февраля удалось зацепиться только за юго

— восточный берег Пии — саари. Атакующие подразделения понесли большие потери на льду залива, освещенном финскими прожекторами. Когда сгустились сумерки, советская артиллерия подавила прожектора. Под прикрытием огневого вала штурмовые группы ворвались на берег. Вечером 23 февраля финны под натиском 43-й и 70-й стрелковых дивизий оставили остров Пии — саари. Из-за угрозы окружения отошел и гарнизон острова Тиурин — саари. В ночь на 24 февраля финские войска, подорвав береговые укрепления и портовые сооружения, очистили Бьоркский архипелаг. А 26 февраля 70-я дивизия овладела частью полуострова Койвисто.

Наступавший правее 10-й стрелковый корпус вплоть до 18 февраля не встречал серьезного сопротивления. Однако 19 февраля 138-я стрелковая дивизия на рубеже станция Сомме, поселок Иля — Соммес, натолкнулась на укрепленную полосу, прикрывавшую Выборг. Лишь к вечеру подразделения ее 554 стрелкового полка заняли южную окраину Иля — Соммес, остальные же части дивизии продвинуться не смогли. В тот же день 7-я стрелковая дивизия пыталась овладеть школой в районе Иля — Соммес, но под фронтальным и косопримельным огнем противника ее 27-й и 257-й стрелковые полки залегли. 100-я стрелковая дивизия не сумела овладеть школой Кивеля, откуда неприятель обстреливал во фланг полки 7-й стрелковой.

20 февраля 7-я стрелковая дивизия перешла в оперативное подчинение 10-го стрелкового корпуса и получила приказ овладеть поселком Аля — Сяйние. Однако все атаки были отражены противником, занимавшим укрепленные позиции у школы Кивеля.

138-я стрелковая дивизия 20 февраля должна была полностью овладеть станцией Сомме и поселком Иля- Соммес. Но ее 554-й стрелковый полк не сумел преодолеть сопротивление финнов. Из-за значительных потерь его пришлось отвести во второй эшелон. Не сумела взять станцию и только что введенная в бой 113-я стрелковая дивизия.

85-й стрелковый полк 100-й дивизии 22 февраля овладел наконец школой Кивеля, но не сумел развить успех. Отошедший противник продолжал держать под фланговым огнем части 7-й стрелковой дивизии. В течение последующих 3 суток 7-я и 100-я стрелковые дивизии неоднократно пытались прорвать оборону противника, но всякий раз натыкались на плотный огонь и минные поля. В ночь на 23 февраля командир 7-й дивизии комбриг С. В. Верзин сменил 27-й стрелковый полк, непрерывно находившийся на передовой почти 2 недели, 300-м стрелковым полком, однако ввод свежих сил не дал результата. За период с

11 по 24 февраля 7-я стрелковая дивизия потеряла, по данным ее штаба, 340 человек убитыми, 1316 ранеными, 104 пропавшими без вести и 119 обмороженными.

Не увенчались успехом и атаки на Иля — Соммес 138-й стрелковой дивизии, проведенные без надлежащей артиллерийской подготовки. Она не имела положенного по штату гаубичного артполка, а корпусные артиллерийские части и орудия большой мощности были приданы 7-й и 113-й стрелковым дивизиям. У них успехи тоже были весьма скромные. 23 февраля 513-й стрелковый полк 113-й дивизии овладел станцией Сомме, но противник держал подступы к ней под сильным огнем и остановил дальнейшее продвижение. До 28 февраля на этом участке фронта наступило затишье.

21 февраля 123-я стрелковая дивизия получила приказ овладеть высотой 43,0 и полустанком Хонкание-ми. Продвинувшись на 800—1000 м, 272-й стрелковый полк занял деревню Пиенмяки; а 245-й вышел на рубеж отдельного дома в 500 м юго — западнее Пиенмяки, высота 42,0. 22 февраля был получен новый приказ: наступать на станции Перо и Сяйние, но атаки были неудачными, несмотря на поддержку подразделениями 20-й и 35-й танковых бригад. На правом фланге 50-ю стрелкового корпуса действовали 84-я мотострелковая дивизия и 13-я легкотанковая и 15-я мотострелково-пулеметная бригады. 13-я бригада после удачного рейда на станцию Кямря получила задание овладеть одноименным поселком в 7 км северо — западнее станции. Однако из-за плохого взаимодействия танков с пехотой и артиллерией поселок Кямря советские войска смогли занять только 20 февраля.

В тот же день 13-й танковой бригаде было поручено наступать на Пиен — Перо и платформу Пилпула, взаимодействуя с пехотой 51-й и 84-й дивизий. К вечеру 13-й и 15-й отдельные танковые батальоны заняли южную часть поселка. Финны взорвали мост, и танки не смогли с ходу форсировать реку Перон — йоки.

В ночь на 21 февраля противник не раз пытался отрезать передовые батальоны от основных сил бригады и корпуса и уничтожить их. В 10 часов утра финские подразделения овладели господствующей над окружающей местностью высотой 45,0 и перерезали коммуникации, по которым 13-й и 15-й танковые и 205-й разведывательный батальоны получали боеприпасы и продовольствие.

22 и 23 февраля 6-й и 9-й танковые батальоны при поддержке артиллерии и пехоты 84-й стрелковой дивизии пытались деблокировать окруженные подразделения, но продвинулись только на несколько сот

метров. 23 февраля советская артиллерия по ошибке обстреляла боевые порядки танкистов, уже изготовившихся для встречного удара, и тем самым сорвала атаку.

24 февраля началась сильнейшая метель, и боевые действия на большей части фронта прекратились до утра 26-го. Активных боевых действий на правом фланге 50-го стрелкового корпуса не было и 27 февраля. Только окруженные батальоны вели разведку боем, пытаясь найти слабые места в финской обороне.

А 123-я стрелковая дивизия к исходу 24 февраля овладела южной окраиной Суур — Перо, но продвинуться дальше, к Хепонотко, не смогла. Вечером следующего дня ее 245-й стрелковый полк занял полустанок Хонканиemi и пытался развить успех, двигаясь по реке Сяйние — йоки к станции Сяйние, но был остановлен фланговым огнем финнов. Остальные части 123-й стрелковой дивизии продвинуться в этот день не смогли из-за ожесточенного сопротивления финнов, оборонявших укрепленные подступы к Выборгу.

16 февраля 8, 62 и 136-я стрелковые дивизии 23-го стрелкового корпуса прорвали передовые позиции линии Маннергейма и в течение последующих 2 суток вышли к ее главному рубежу. Пытаясь ворваться в укрепленный район на плечах отступавшего противника, командир корпуса комбриг С. Д. Акимов отдал 18 февраля приказ о штурме укреплений на рубеже Ильвес-Муола. Однако финны успели уже закрепиться на занятых позициях. В ходе боев 19–22 февраля советские войска встретили упорное сопротивление и, понеся значительные потери, временно перешли к обороне. Особенно велики были потери в 541-м полку 136-й дивизии и в 151-м полку 8-й дивизии.

Корпусная и дивизионная артиллерия вместе с приданными подразделениями орудий большой мощности из РГК вели с 22 по 27 февраля огонь на разрушение дотов и дзотов противника. К 27 февраля артиллеристам, выкатывавшим на прямую наводку даже 203-мм гаубицы, удалось разрушить 26 дотов и 21 дзот, что значительно облегчило последующий прорыв обороны.

Воспользовавшись успехом соседей, прорвавших передовую полосу линии Маннергейма, перешел в наступление и 15-й стрелковый корпус в составе 17-й и 50-й стрелковых дивизий и 39-й легкотанковой бригады. Стрелковые дивизии 18–20 февраля вышли к главной полосе обороны и безуспешно пытались совместно с подвижной группой, созданной на базе танковой бригады, прорваться с ходу в Мялькельский укрепленный район.

Не изменил положения и ввод в бой 25 февраля 97-й стрелковой

дивизии из второго эшелона. В течение 2 дней она атаковала противника в районе высота 16,6, урочище Топонен, а также в межозерном дефиле Юряпяя — ярви, Мялькеля — ярви, не достигнув больших успехов.

18 февраля перешли в наступление с тайпаленского плацдарма части 49-й и 150-й стрелковых дивизий, и опять неудачно. В этот день советские бомбардировщики по ошибке нанесли удар по боевым порядкам 469-го и 674-го стрелковых полков и по огневым позициям 328-го артиллерийского полка. В результате наступление было сорвано, а части понесли немалые потери.

В ходе последующих боев, продолжавшихся целую неделю, части 150-й стрелковой дивизии захватили еще два дота: № 103 и № 106, а 49-я дивизия так и не сумела занять ни одного неприятельского укрепления. С 25 февраля потрепанные соединения приводили себя в порядок. Вновь не оправдалась ставка командования 13-й армии на тайпаленский плацдарм.

Небольшие финские отряды проникали в тыл наступающим и неожиданными ударами наносили им значительный урон. Все же финнам пришлось отступить на промежуточный оборонительный рубеж. Им теперь помогало то, что с наступлением темноты советские войска приостанавливали продвижение, а артиллерия не поспевала за пехотой из-за заторов на дорогах и потому не могла бить по отступающим.

В связи с прорывом главной полосы линии Маннергейма произошли изменения в финском командовании. 19 февраля командующий армией «Карельский перешеек» генерал — лейтенант Хуго Эстерман был заменен бывшим командующим оборонявшимся на востоке перешейка 3-м армейским корпусом Эриком Хейнриком, которого срочно произвели в генерал — лейтенанты. Строго говоря, Эстерман не совершил каких-либо очевидных ошибок, способствовавших советскому прорыву. Дело было не в просчетах финского командования, а в подавляющем превосходстве Красной Армии в людях и технике. Однако Маннергейм полагал, что с новым командующим солдаты будут связывать надежды на успех, считая, что лишь ошибки предшественника заставили их отступить со своих укрепленных позиций. Эстерман был переведен на почетный пост главного инспектора армии, но устранен от непосредственного руководства войсками. А во главе 3-го корпуса вместо Хейнрикса стал герой сражения у Толваярви Пааво Талвела, произведенный в генерал — майоры.

Маннергейм понял, что на главной полосе обороны больше держаться нельзя, иначе финские войска попадут в окружение. К 17 февраля финны отошли на промежуточный оборонительный рубеж, однако и там они

держались лишь в течение 10 дней.

Более быстрому продвижению советских войск мешало не только ожесточенное сопротивление финнов, но и неразбериха с подвозом снабжения и резервов. Военком 50-го стрелкового корпуса Семенов вспоминал:

«На играх у нас получалось очень просто, доходили до Выборга в два счета, с перерывом на обед. Центр тяжести операций белофиннов был поставлен на ближнем бое, на организации главным образом ружейно-минометного огня, использовались легкие подвижные подразделения. Наши части оказались неподготовленными для боев на лыжах, были малоподвижными, тяготели к дорогам, боевой обоз вытягивался «кишкой» на 10 км. Спасало нас отсутствие у белофиннов авиации. В направлении Кемьяря на одной узкой дороге «сидели» 123-я и 84-я стрелковые дивизии, 1, 13, 15, 35 и 20-я танковые бригады и некоторые части 90-й дивизии. Создалась такая пробка, которую приходилось «расширять» несколько дней многим ответственным работникам. Почему не учитывалась возможность такого положения раньше? Разве не безобразное явление было — присылка уже в феврале месяце полностью моторизованной 84-й стрелковой дивизии, имевшей до 2 тысяч автомашин, когда ясно была видна трудность для передвижения автотранспорта, а эта дивизия вся, включая станковые пулеметы, была на машинах, и, конечно, передвижение такой моторизованной дивизии было затруднительно. Надо резко сократить наши обозы».

Буран, бушевавший 24–26 февраля, задержал выход подвижных групп 7-й армии на промежуточный финский оборонительный рубеж, проходивший от озера Муолаанярви к озеру Няюккярви, станции Сомме и побережью Выборгского залива. Финны восприняли этот буран как союзника с небес.

Даже в период оперативной паузы в полосе дивизии не прекращались бои. 25 февраля в секторе Няюккярви 13-й финский пехотный полк, не выходящий из боя с начала месяца и имевший теперь в ротах лишь по 40–50 бойцов, не выдержал натиска и отступил. Чтобы прикрыть его отход и, если повезет, восстановить положение, 26 февраля 2 финских батальона при поддержке 6 танков «Виккерс-6 тонн», вооруженных 47-мм пушкой, контратаковали советский 245-й стрелковый полк. Точнее, сначала танков было 15, но 9 не дошли до советских позиций, застряв в глубоком снегу. Красноармейцы приняли было финские танки за свои, поскольку внешне «Виккерс» очень похож на советский Т-26. (Фактически это был один и тот же танк: СССР в 1931 году купил лицензию и стал производить

модернизированные «Виккерсы» под маркой Т-26.) Вскоре, однако, наши артиллеристы и пехотинцы разобрались, что к чему, и открыли огонь на поражение. Решающий удар нанесли советские танкисты, уничтожившие 4 финские машины. Уцелевшие танки отошли на исходные позиции.

После неудачи этой контратаки Маннергейм вечером 27 февраля приказал отойти с промежуточной оборонительной позиции на тыловой оборонительный рубеж в районе Выборга.

Тем временем 24, 80 и 90-я стрелковые дивизии 19-го стрелкового корпуса, используя успех левофлангового соседа — 50-го корпуса, вели наступление на север и северо — запад от Лейпясую, но темп их продвижения резко замедлился, когда они вышли к шоссе Муола — Хотокка — Пиен — Перо — Выборг. Не желая терять очень важную для них дорогу, финны усилили свои части на этом направлении. Получили подкрепление и советские войска. 22 февраля на стыке 80-й и 90-й дивизий была введена в бой 95-я стрелковая дивизия. Она прибыла на фронт из-под Одессы еще в январе. Но артиллерия ее застряла в многочисленных пробках, поэтому огневое сопровождение атаки было очень слабым. Пехоте пришлось залечь перед проволочным заграждением. При повторной атаке 23 февраля стрелкам, действовавшим без танков, не позволил продвинуться фланговый огонь. На следующий день 90-й стрелковый полк был передан в подчинение понесшей значительные потери 90-й стрелковой дивизии, а атаки 161-го и 241-го стрелковых полков вновь захлебнулись у проволочных заграждений. В этот день дивизия потеряла 99 человек убитыми и 659 ранеными.

25 февраля подразделения 90-го стрелкового полка ворвались на высоту «Пунктирная», но соседи справа и слева не поддержали его наступательный порыв, и оборонявшиеся на этом участке финны сумели сильным фланговым огнем вынудить советские подразделения отступить. Два других стрелковых полка вновь безрезультатно атаковали, так и не выполнив прежнюю задачу; лишь 3-му батальону 241-го стрелкового полка удалось прорвать проволочные заграждения.

26 февраля 90-й стрелковый полк овладел высотой «Придорожная». 28-го числа на станцию Кямря вышли и два других полка 90-й дивизии. После этого наступило кратковременное затишье.

В февральских боях более успешно действовали и танкисты. 20-я танковая бригада под командованием комбрига С. В. Борзилова успешно поддерживала стрелковые дивизии во время прорыва главной оборонительной позиции линии Маннергейма в районе Ня- юкки, Хепонотко, а 35-я танковая бригада немало способствовала успеху 123-й

дивизии.

Финское командование приняло срочные меры для того, чтобы остановить советское наступление. На Карельский перешеек с каяанского направления были переброшены части 21-й пехотной дивизии, с лоймолловского и из района северо — западнее Ладожского озера — 23-я пехотная дивизия; готовились к передислокации и другие части.

Группировка финских вооруженных сил на перешейке на 1 марта 1940 года, по данным советской разведки, насчитывала около 120 тысяч человек (в действительности — несколько больше), 292 полевых и 64 противотанковых орудия, 108 минометов и не более 30 танков (в действительности танков в строю у финнов уже практически не осталось). У Красной Армии на Карельском перешейке было сосредоточено около 730 тысяч человек, 114 тысяч лошадей, более 40 тысяч автомобилей, почти 5 тысяч тракторов, около 16 тысяч ручных и 6 тысяч станковых и более 1 тысячи зенитных пулеметов, 1911 45-мм, 1717 76-мм, 10 107-мм, 197 122-мм и 36 152-мм пушек, 570 122-мм, 768 152-мм, 96 203-мм и 3 234-мм гаубицы, 22 280-мм мортир и 1045 минометов — всего 6374 орудия и миномета, из них почти 4,5 тысячи — калибром 76 мм и выше. Невиданной доселе была и концентрация танков на столь ограниченном пространстве. К началу марта их у Северо — Западного фронта было 2620, не считая еще почти 500 броневых автомобилей. Колоссальным было и превосходство над финнами в воздухе: против почти 2,5 тысячи боевых машин ВВС РККА и Балтийского флота противник мог выставить, по сведениям нашей разведки, не более 130 машин. В действительности самолетов у финнов было в 1,5–2 раза меньше. В ходе мартовских боев численность личного состава и боевой техники советских войск продолжала возрастать.

Надо сказать, что советская разведка постоянно занижала численность неприятеля, поскольку в донесениях наших войск сильно преувеличивались вражеские потери в живой силе, чтобы приблизить их к величине собственных потерь. Количество же техники, и особенно самолетов, у финнов обычно преувеличивалось, чтобы оправдать медленное продвижение Красной Армии и неудачи «сталинских соколов» в воздушных боях.

В целом Красная Армия превосходила финнов в личном составе в 6,5 раза, в артиллерии — примерно в 14 раз, в авиации — в 20–30 раз. В танках же превосходство советской стороны оставалось абсолютным.

Превосходство в силах на всем фронте от Финского залива до Баренцева моря было несколько меньшим, но тоже весьма впечатляющим: против примерно 260 тысяч солдат и офицеров (по сведениям советской

разведки, в действительности — несколько больше), 700 орудий, 50–55 танков (по большей части трофейных советских) и 160 самолетов первой линии 6 советских армий и Балтийский флот имели более 1 миллиона бойцов и командиров, 9,5 тысячи орудий и минометов, 3500 танков и более 3 тысяч самолетов.

28 февраля началось новое наступление Красной Армии. Северо — Западному фронту была поставлена задача разгромить финские войска в районе Выборга. Советское командование планировало нанести удары на трех направлениях: выборгском, антреасском и кексгольмском. Намечалось также обойти неприятельские позиции по льду Финского залива силами 28–го стрелкового корпуса, созданного на базе Резервной группы Северо — Западного фронта. Никак не могли красные командармы расстаться и с идеей удара на кексгольмском направлении с обильно политого кровью тайпаленского плацдарма.

Однако финны стойко сопротивлялись. Небезынтересно признание финского генерала Х. Эквиста: «Во время боев на линии Маннергейма русскими были введены 28- и 45–тонные танки, их тактика была лучше — на, и наша артиллерия не успевала их уничтожать. Волны танков врезались в наши позиции. Русские бросали в бой несметное количество средних и тяжелых танков, представлявших собой последнее слово техники».

28 февраля 70–я стрелковая дивизия начала наступление на северную часть полуострова Койвисто. Бои сразу же приняли очень упорный характер. В этой ситуации командование 7–й армии приказало 28–му стрелковому корпусу, передислоцировавшемуся на острова Бьоркского архипелага, подготовиться к нанесению флангового удара по группировке противника. В ночь на 29 февраля разведывательные подразделения 86, 91 и 173–й мотострелковых дивизий произвели разведку районов высадки и путей движения.

Первым полком 28–го корпуса, вступившим в бой, был 169–й мотострелковый полк 86–й дивизии. 1 марта его батальоны совместно с подразделениями 252–го стрелкового полка 70–й дивизии выбили финнов с их последнего плацдарма на полуострове Койвисто и начали подготовку к штурму островов. Однако вскоре эта операция была возложена на 10–й стрелковый корпус, с включением в его состав 42–й и 43–й стрелковых дивизий.

2 марта 169–й мотострелковый полк получил новую боевую задачу: участвовать в подготовке операции по форсированию Выборгского залива. Он должен был очистить от противника острова Туппуран — саари и Тейкарин — саари. Полк был значительно усилен. В оперативном отношении

ему подчинили 109-й разведывательный батальон 86-й дивизии, а также 60-й и 113-й лыжные батальоны. 60-й лыжный батальон совместно с пулеметной и одной стрелковой ротами 113-го лыжного батальона затемно начали движение по льду, рассчитывая внезапно атаковать гарнизон островов. Но внезапной атаки не получилось. На Туппуран — саари, где были расположены 152-мм батарея и прожекторная станция, заподозрили что-то неладное и зажгли прожектора. Финны увидели на льду людей в белых комбинезонах. Заработали пулеметы. Подразделения залегли, поднять их удалось с большим трудом. Атака оказалась все-таки успешной, но лишь благодаря тому, что значительная часть сил гарнизона была отвлечена тогда действиями батальона 169-го мотострелкового полка, наступавшего на остров при поддержке танков с юго — запада. Удержать остров финскому гарнизону, насчитывавшему лишь около 300 человек, не удалось и он начал отход на Тейкарин — саари.

Выдвижение для атаки острова Тейкарин — саари 109-го разведывательного батальона и основных сил 113-го лыжного батальона началось 3 марта в 4 часа утра, но произвести его незаметно не удалось и здесь. Тяжесть положения усугубилась тем, что подразделения лыжного батальона потеряли ориентировку и вынуждены были присоединиться к боевым порядкам соседних частей, штурмовавших Туппуран — саари.

Противник заставил наступавших залечь, но командир разведывательного батальона старший лейтенант Васильев сумел под сильным пулеметным огнем поднять своих бойцов в атаку. К полудню была занята примерно треть острова. Однако финны, превосходя неприятеля лучшей тактической выучкой и знанием местности, постепенно взяли лыжников и разведчиков в полукольцо. А с выходом гарнизона Туппуран-саари на Тейкарин — саари финнам удалось полностью окружить наши подразделения. Высланные на помощь батальон 169-го полка и рота 284-го полка запоздали и при подходе к острову были остановлены огнем противника, успевшего организовать уже внешнее кольцо окружения. Группа Васильева прорвалась после упорного, доходившего до рукопашной схватки боя, но на одной из опушек была полностью уничтожена 2-я рота 113-го лыжного батальона. Лыжники сражались до последнего патрона. Многие, оказываясь в безвыходном положении, кончали с собой.

При выходе из окружения группа Васильева оставила в небольшой бане раненых, рассчитывая возвратиться с подкреплением. Не успела. Раненые оказали сопротивление врагу, но финны подожгли строение — все погибли в огне. В тот день атакующие потеряли 1411 убитыми, 552 ранеными и 80 пропавшими без вести.

28 февраля перешел в наступление и 10-й стрелковый корпус. К исходу 1 марта его 113-я стрелковая дивизия овладела полуостровом Лиханиеми, а 138-я — станцией Нуора. На следующий день 113-я дивизия безуспешно пыталась ворваться по льду Выборгского залива на остров Туркин — саари и полуостров Маяпо-хья на западном берегу залива.

2 марта 138-я дивизия после напряженного боя вышла к южным окраинам Выборга, где была остановлена упорно сопротивлявшимися частями 4-й пехотной дивизии финнов. В 3 часа дня от командира 10-го корпуса пришло приказание вывести из боя 554-й и 768-й стрелковые полки и сосредоточить их за правым флангом 113-й стрелковой дивизии, но в 7 часов вечера это распоряжение было внезапно отменено, и полки возвратились в прежний район. Подобные «прогулки» в тыл и обратно утомляли бойцов и вредили развитию успеха.

3 марта 138-я дивизия получила задачу овладеть предместьями Выборга — Кангасранта и Каренмяки. После тяжелого боя 554-й и 768-й полки вышли к железной дороге. На следующий день наступление с целью ворваться в город успеха не имело. 5–6 марта дивизия не вела активных действий. 7 марта ее вывели в резерв 7-й армии, а 11-го перебросили в 34-й стрелковый корпус для удара по Выборгу с севера. Однако подготовка к наступлению затянулась вплоть до заключения перемирия. К ее счастью, дивизия не участвовала в бессмысленном и кровопролитном штурме Выборга в ночь на 13 марта.

В ходе боевых действий с 3 февраля по 6 марта 1940 года 138-я стрелковая дивизия потеряла, по данным ее штаба, 1347 человек убитыми, 4550 ранеными, 296 обмороженными и 58 пропавшими без вести.

27 февраля в распоряжение 34-го стрелкового корпуса перешла 7-я стрелковая дивизия. Ей предстояло нанести удар во фланг противника, оборонявшегося перед 100-й стрелковой дивизией. Уже к 2 часам дня 7-я дивизия вышла на рубеж Пелтола, Кангасниеме. Воспользовавшись этим, 100-я стрелковая вышла в район Микколанмяки, а в 5 часов утра ее передовой полк овладел западной частью станции Сяйние. К исходу дня 3-й батальон этого полка, посаженный на танки 1-й легкой танковой бригады, занял цементный завод севернее Хиэтама. 1 марта 7-я стрелковая дивизия вышла в район Ояла, мыза Конкала. На следующий день она сосредоточилась у юго — восточных окраин Выборга. Двое суток ее части пытались овладеть южными кварталами города, но всякий раз вынуждены были отходить на исходные позиции. Противники несколько раз переходили в контратаки силами до двух батальонов. Тем временем 100-я стрелковая дивизия вышла на рубеж Хиэтама, мыза Хяюрю и развернулась

на юго — восток для последующего удара по Выборгу.

Довольно быстрый прорыв укреплений на подступах к Выборгу не привел, однако, к взятию главного города Карельского перешейка с ходу. Соединения 34-го корпуса вынуждены были приступить к серьезной подготовке штурма, который обещал быть трудным.

28 февраля перешла в наступление и 123-я стрелковая дивизия. Она должна была захватить станцию Перо и стрельбище. К исходу дня ее 272-й стрелковый полк занял западный берег реки Перон — йоки, 245-й — поселок Раухала, а 255-й — поселок Вярякоски. На следующий день 255-й полк потеснил противника на 2,5–3 км и овладел развилкой дорог в 3 км западнее Вярякоски, остальные же части дивизии продвинуться не смогли. 1 марта 272-й полк занял развалины железодельного завода в районе Хиэтама, а 245-й во взаи — модействии с 355-м полком 100-й дивизии овладел станцией Сяйние. 2 марта 123-я дивизия была выведена в резерв 7-й армии.

13-я легкая танковая бригада 28 февраля совместно с 84-й мотострелковой дивизией овладела северной частью населенного пункта Пиен — Перо и рванулась было к станции ПилПула, но вынуждена была вновь остановиться из-за подрыва моста. 29 февраля 13-й танковый батальон ворвался на станцию Перо, и его успех был закреплен стрелками 84-й дивизии. Тем временем 6-й танковый батальон перерезал железную дорогу юго — западнее Пилпула.

1 марта 13-я легкотанковая бригада получила приказ занять поселок Репола, но прорыв в глубину обороны противника не удался. 2 марта бригаду переподчинили 51-й стрелковой дивизии. В течение 3 дней пехота при поддержке танков вела бои, закончившиеся 4 марта взятием населенных пунктов Суур — Перо и Мююккюля.

Части 84-й мотострелковой дивизии не всегда действовали лучшим образом, но именно ее саперный батальон довольно быстро восстановил мост через Перон — йоки, по которому прошли танки 13-й бригады. Имея солидную танковую поддержку (помимо 13-й в полосе дивизии действовали еще 2 батальона 20-й танковой бригады), за 3 дня боев можно было достичь больших результатов, чем продвижение на 10–12 км, хотя на Карельском перешейке и это можно считать неплохим достижением. А командир 344-го стрелкового полка майор Соколов безусловно умело взаимодействовал с танкистами. В бою за станцию Перо он посадил 2 роты своего полка на боевые машины и лично возглавил десант, ворвавшийся в глубину обороны неприятеля. В целом же к 4 марта наступление 84-й дивизии полностью остановилось. Когда 9 марта дивизия была выведена в

резерв, в ее полках оставалось по 120–150 бойцов.

28 февраля перешли в наступление дивизии 15-го и 23-го стрелковых корпусов 13-й армии. На участке 23-го артиллерия значительно облегчила задачу пехоте и танкам, уничтожив несколько десятков огневых точек противника. Особенно успешно действовала в этот день его 136-я стрелковая дивизия, прорвавшая наконец на своем участке главный рубеж линии Маннергейма и полностью овладевшая укрепленным районом Ильвес-Муола.

Перешедшая в подчинение 15-го стрелкового корпуса 97-я стрелковая дивизия также успешно прорвала оборону противника. К вечеру 29 февраля она продвинулась в западном и северо — западном направлениях на 8—10 км. Ее 69-й стрелковый полк вышел к станции Ристсеппяля, а 233-й — к платформе Кауккила, где они были остановлены сильным огнем противника из заблаговременно возведенных им полевых укреплений.

На правом фланге 15-го стрелкового корпуса 4-я стрелковая дивизия заняла поселок Карвонен, но ее 39-й стрелковый полк по ошибке был атакован нашими легкими бомбардировщиками. На следующий день дивизия получила задачу форсировать реку Вуокса. Она встретила упорное сопротивление. Только в ночь на 2 марта батальон 39-го стрелкового полка сумел овладеть станцией Яюряпяя, выйдя к юго — восточному берегу Вуоксы. Однако бои с финскими частями, отстаивавшими плацдармы на правом берегу, продолжались вплоть до 6 марта, когда противник отошел на левый берег в район Вуосалмй. Советским войскам не удалось форсировать Вуоксу на плечах финнов и создать тем самым угрозу группировке, оборонявшейся на кексгольмском направлении. Эта группировка продолжала удерживать рубеж в районе Тайпале, озеро Суванто-ярви.

97-я стрелковая дивизия в течение 1–2 марта безуспешно пыталась прорвать оборону финнов вдоль железной дороги. Только 3 марта ее 233-й стрелковый полк пробился к деревне Апуля, вклинившись в рас — положение противника на 5–6 км. В тот же день в дивизии был создан подвижной отряд в составе танкового батальона, стрелковой роты и батареи противотанкового дивизиона. Он вышел в тыл финской группировке, оборонявшей плацдарм в районе Апуля. В ночь на 4 марта финны вынуждены были отойти здесь на левый берег реки. Днем 4 марта части дивизии пытались форсировать Вуоксу у Хапианиеми, но были отброшены.

2 марта от должности командующего 13-й армией был освобожден командарм 2-го ранга В. Д. Грендаль и этот пост занял комкор Ф. А.

Парусинов. Владимир Давыдович получил повышение, став начальником артиллерии Северо — Западного фронта.

4 марта 70-я и 86-я дивизии начали форсировать по льду Финский залив. К вечеру в этот день 169-й мотострелковый полк захватил плацдарм в районе населенного пункта Харяпян — ниemi. Цепи же 284-го полка были встречены у Мухулахти пулеметным огнем и залегли.

70-я стрелковая дивизия достигла западного берега Выборгского залива только утром 5 марта, попутно очистив от финнов острова Тейкарин — саари и Мелан- саари. К утру 6 марта ее части, выйдя на материк на участке Карьяниemi, Виланиemi, заняли рубеж высота 19,6, южная окраина деревни Хейнлахти, южная окраина Вила — йоки. К исходу дня 68-й стрелковый полк овладел лесом в районе Нисапохья, 329-й, перерезал шоссе Выборг — Хельсинки на участке Какканпя, Хейнлахти, а 252-й — овладел южной окраиной Хейнлахти.

5 марта 330-й мотострелковый полк 86-й дивизии выбил противника с полуострова Питканиemi. Остальные же части дивизии почти не продвинулись. 6 марта дивизия действовала более успешно. В этот день ее 330-й полк перерезал шоссе Выборг — Хельсинки, выйдя к высотам 14,1 и 16,8; а 2 других полка (169-й и 284-й) овладели несколькими высотами в районе Мухулахти.

Таким образом, к третьему дню операции была выполнена одна из главных задач: захват плацдарма на западном берегу Выборгского залива и прекращение движения по Хельсинкскому шоссе. Впрочем, пока была перерезана только так называемая старая дорога, проходившая вдоль побережья. Однако все более истончавшаяся нить финской обороны грозила лопнуть то в одном, то в другом месте.

В районе Выборгского залива финны оказались в критическом положении. У них не хватало пехоты для противодействия с запада советским соединениям, перебрасываемым по льду залива. Для отражения советского десанта, части которого 8 марта вышли к шоссе Выборг — Хельсинки и огнем парализовали движение по этой жизненно важной для Финляндии магистрали, финское командование бросило к побережью все резервы. Была сформирована новая группа войск «Хамина», подчиненная непосредственно Маннергей- му. Советский плацдарм удалось блокировать, сделав новую основную дорогу Выборг — Хельсинки доступной для движения транспорта. Однако в целом после прорыва линии Маннергейма новый финский фронт у Выборга удлинился со 128 до 170 км.

В эти дни впервые серьезное беспокойство советским войскам

доставила финская авиация, бомбившая и обстреливавшая двигавшиеся по льду колонны. Для этого использовались не только бомбардировщики, но и истребители, в частности, оснащенные пушками французские «Мораны». Однако действия немногочисленных неприятельских самолетов, встречавших к тому же серьезное противодействие советской истребительной авиации, не могли помешать переправе через залив людей и боевой техники. Уже к исходу 5 марта на западный берег была переброшена основная часть дивизионной артиллерии. Поэтому, когда финны потом, сосредоточив до 8 батальонов, перешли в ночь на 7 марта в контратаку, их действия были весьма скованы огнем пушек и гаубиц.

Еще днем 6 марта для развития успеха на плацдарме была сосредоточена 173-я мотострелковая дивизия, получившая на 7 марта задачу овладеть рядом высот. Однако в тот день ее полки, не имевшие боевого опыта, часто теряли ориентировку и продвигались медленно: вместо 5 километров по плану только 1,5.

8 марта 378-й мотострелковый полк вышел к высоте 45,7, выполнив лишь половину боевой задачи на этот день, а 490-й полк был остановлен на подступах к деревне Лахтиала. На следующий день 378-й и только что введенный в бой 567-й мотострелковые полки вышли к новому шоссе Выборг — Хельсинки, пролегавшему в глубине суши и имевшему более удобную для движения трассу. Там они были встречены сильным огнем противника и залегли. 490-й полк во взаимодействии с 330-м полком 86-й дивизии завязал бой за населенный пункт Вилайоки.

Правофланговая 70-я стрелковая дивизия развивала наступление в северо — западном направлении. 7 марта 329-й стрелковый полк овладел деревней Нисалаhti, где отразил контратаки противника, нанеся ему значительный урон, а 252-й полк — поселком Хейнлахти. 68-й полк не сумел достичь сколько-нибудь значительных успехов. На следующий день 329-й стрелковый полк вышел к мызе Каккала, а 252-й — к населенному пункту Тойвори.

9 марта полки 70-й стрелковой дивизии заняли несколько высот, продвинувшись вперед на 2,5–3 км. 86-я мотострелковая дивизия 7–9 марта вела упорные бои. Ее 330-й мотострелковый полк занял окраину деревни Скиппари, 284-й зацепился за окраину Муху-лахти, а 169-й овладел несколькими высотами. Финскую оборону приходилось прогрызать метр за метром.

Действия 28-го стрелкового корпуса стали развиваться более успешно после переправы по льду на западный берег залива 22-го и 62-го танковых полков. 10 марта 330-й мотострелковый полк полностью очистил от

противника деревню Скиппари. В тот же день он занял хутора Кяхяря и Харью. 169-й мотострелковый полк овладел мызой Нокка, а 284-й стрелковый наконец-то взял Мухулахти. 11 марта 330-й полк вместе с 490-м полком 173-й мотострелковой дивизии продолжал бой за Вилайоки, каждый дом которого превратился в маленькую крепость. В это время 169-й полк сражался за роцку в районе Нокка, которую занял лишь утром 12 марта. Это было последним успехом дивизии. Больше до конца войны она вперед не продвинулась.

За время своего участия в боях, с 29 февраля по 13 марта, 86-я мотострелковая дивизия потеряла 1276 человек убитыми, 3337 ранеными и 616 пропавшими без вести.

10 марта один из батальонов 22-го танкового полка был поротно придан полкам 173-й мотострелковой дивизии. Она получила приказ занять хутор Рони. Появление танков воодушевило красноармейцев. Они решительнее пошли вперед и впервые за 4 дня полностью выполнили боевую задачу.

11 марта 173-я дивизия должна была овладеть рубежом Лахгиала, Ала — Оутила. В тот день 378-й мотострелковый полк вышел к озеру Хейкя — лампи, немного не достигнув заданного рубежа. 567-й мотострелковый полк также успешно продвигался вперед и был остановлен противником только у оврага в 800 м восточнее поселка Ниемеля. Переправиться через овраг вечером и ночью не удалось: финны были бдительны и постоянно пускали осветительные ракеты. 490-й полк дом за домом занимал Вилайоки.

На следующий день 567-й мотострелковый полк сумел преодолеть овраг, но был встречен сильным огнем с окраины Ниемеля. 490-му полку удалось овладеть западной частью Вилайоки.

70-я стрелковая дивизия в последние дни войны встретила особенно сильное сопротивление противника. Так, 10 марта ее 68-й стрелковый полк не смог

продвинуться, 329-й оттеснил финнов всего на 500–700 м, а 252-й вынужден даже был отойти на северную окраину Нисалахти. В последующие двое суток части 70-й стрелковой дивизии также не достигли успеха.

11 — 12 марта продвижение советских войск на одних участках значительно замедлилось, на других — вовсе прекратилось. Сказывалась самоотверженная стойкость финнов и чрезмерная усталость красноармейцев.

3 марта вошедшая в состав 10-го стрелкового корпуса 43-я стрелковая

дивизия получила задачу овладеть островом Ууран — саари и крепостью Тронгсунд. В тот день дивизии удалось занять лишь южную часть острова. Ее 65-й полк захватил деревню Суйкола, а 147-й зацепился за окраину деревни Тополя.

Выдвинутая из резерва 42-я стрелковая дивизия 4 марта заняла несколько небольших островов на подступах к островам Ууран — саари и Сунион — саари. 43-я дивизия продолжала при мощной артиллерийской и авиационной поддержке бой на Ууран — саари. К вечеру 4 марта 65-й стрелковый полк овладел городом и крепостью Тронгсунд, а остальные части дивизии захватили весь остров Ууран — саари.

Утром 5 марта 43-я стрелковая дивизия начала наступление на Ревон — саари, окруженный гарнизон которого сражался с отчаянием обреченных. К исходу дня советским войскам удалось лишь зацепиться за кромку северного берега острова. Полностью очистить Ревон- саари от противника удалось только к вечеру 8 марта.

9 марта совместная операция 42-й и 43-й дивизий привела к занятию острова Сунион — саари и нескольких мелких островов вблизи западного побережья Выборгского залива. Попытка 455-го и 459-го стрелковых полков ворваться на берег была отражена сильным ружейно — пулеметным огнем финнов. Подразделения залегли неподалеку от прибрежных валунов, дававших какое-то прикрытие атакующим. С наступлением темноты полки отошли на острова.

В течение последующих дней, вплоть до прекращения боевых действий, обе дивизии упорно сражались за плацдармы на западном берегу. 43-я дивизия к исходу 11 марта овладела поселком Репола. Но на следующий день ей не удалось развить успех.

42-я стрелковая дивизия 11 марта не сумела захватить даже небольшого плацдарма на побережье залива. Только 12 марта ее 455-му полку удалось ворваться в поселок Вахваниеми, а затем несколько продвинуться на северо — запад. Некоторый успех сопутствовал 455-му и 459-му полкам и в бессмысленной утренней атаке 13 марта, уже после подписания мирного договора, но шоссе Выборг — Хельсинки на этом участке перерезано так и не было.

Одновременно и 113-я стрелковая дивизия в период с 5 по 8 марта неоднократно пыталась по льду ворваться на острова Веяйсяйен — саари и Туркин — саари. К исходу 6 марта ее 725-й полк сумел овладеть двумя крошечными островками Пиени — Неума — саари и Сури — Неума — саари, прикрывавшими подход к Туркин- саари.

9 марта после нескольких неудачных атак 579-й полк,

воспользовавшись отходом противника, наконец занял Туркин — саари, а 513-й после упорного боя зацепился за южную оконечность полуострова Маяпохья на западном берегу залива и создал плацдарм площадью около одного квадратного километра.

10-го числа 513-й стрелковый полк расширил плацдарм, продвигаясь на север, 725-й стрелковый полк овладел частью острова Поркан — саари, а 679-й — северной окраиной поселка Вахваниеми.

11 марта 725-й стрелковый полк занял поселок Поркансаари и полностью очистил одноименный остров от противника. На следующий день 113-я стрелковая дивизия вышла на рубеж мыза Ахокас, мыза Кии, поселок Тайпале, где и встретила известие о мире.

50-й стрелковый корпус, поддерживаемый 13-й и 20-й танковыми бригадами, продолжал наступление на станции Тали и Репола. Выполнение этой задачи было крайне тяжелым: финны открыли шлюзы Сайменской системы, создав зону затопления в районе севернее Таммисуо, станция Тали, Юлевеси, Юустила, Лавола.

Вышедшая вечером 6 марта к линии фронта 123-я стрелковая дивизия получила задачу на следующий день наступать на станцию Тали и далее на поселок Юлевеси. 7 марта наступление возобновилось, но совместные действия 51-й стрелковой дивизии и 13-й танковой бригады не принесли успеха, а 123-я стрелковая дивизия при поддержке 20-й танковой бригады продвинулись всего на 1,5 км.

На следующий день 245-й стрелковый полк овладел станцией Тали, а 272-й выдвинулся к юго — западу от нее. Части 51-й дивизии вместе с батальонами 13-й танковой бригады вышли на подступы к Реполе, где вынуждены были остановиться у взорванного моста. 9 марта 272-й стрелковый полк занял мызу Лейтюлю, но был контратакован финнами и вынужден был отойти на исходный рубеж. Однако ночью 255-й полк стремительной атакой вновь овладел Лейтюлю. 245-й стрелковый полк в это время вышел на рубеж северо — западнее населенного пункта Лихопатка.

10 марта 255-й стрелковый полк занял поселок Род, а 272-й обошел поселок Репола с севера. Финны продолжали держаться в Реполе, несмотря на угрозу окружения.

11 марта в состав 50-го стрелкового корпуса была введена 24-я стрелковая дивизия. К исходу дня ей надо было выйти на рубеж Турнико — лампи, оз. Кивиярви. Сколько-нибудь заметный успех имел только ее 274-й стрелковый полк, занявший вместе с 9-м танковым батальоном 13-й бригады поселок Перроахо.

123-я стрелковая дивизия 11 марта сумела продвинуться лишь на 500–700 метров, поскольку уровень воды продолжал прибывать и бойцы и командиры не могли передвигаться в ледяной воде привычными тем — пами. На следующий день комбриг Ф. Ф. Алябушев не стал бросать своих подчиненных в ставшие бессмысленными атаки.

Однако остальные части 50-го корпуса продолжали наступление. 274-й стрелковый полк 51-й дивизии утром 12 марта занял хутора в районе мыза Анискаала, а к вечеру вышел к южной окраине поселка Нурмилам-пи, где завязал бой при поддержке 13-й танковой бригады. 168-й стрелковый полк находился во втором эшелоне в районе Перроахо, а 7-й к исходу дня овладел восточной окраиной Реполы, которая была взята совместными усилиями частей 24-й и 51-й стрелковых дивизий и 13-й танковой бригады в ночь на 13 марта. А Нурми — лампи полностью очистить от противника не удалось. Советские войска заняли только южную часть этого населенного пункта.

Активные боевые действия продолжались и на фронте 13-й армии, командование которой приняло решение о разгроме кексгольмской группировки противника путем флангового удара с плацдармов на реке Вуокса. Однако для этого необходимо было сначала захватить эти плацдармы, а затем их удержать.

Переправиться через Вуоксу пытались 4-я и 97-я стрелковые дивизии, входившие в состав 15-го стрелкового корпуса. Первая из них вела бои неподалеку от озера Вуокси — ярви, а вторая — несколько выше по течению реки.

5 марта 4-я стрелковая дивизия получила приказ форсировать Вуоксу и овладеть деревней Миккола, но в тот день части дивизии продолжали бои по очищению южного правого берега Вуоксы. Финны оставили удерживаемые ими там плацдармы и переправились на левый берег.

Командование 4-й дивизии разработало план операции по форсированию реки. 220-й стрелковый полк после смены его частями 17-й мотострелковой дивизии должен был, разворачиваясь из-за левого фланга 39-го полка, захватить сначала остров Васика — саари и

занять более выгодные исходные позиции. Однако к этому моменту дивизия имела значительный некомплект личного состава: в боях с 1 по 5 марта она потеряла 466 человек убитыми, 1912 ранеными и 22 пропавшими без вести. Больше других пострадал 39-й полк, все бойцы которого составляли всего один батальон. Поэтому сил для успешного наступления оказалось недостаточно.

7 марта во время атаки на Васика — саари сводного батальона 39-го

стрелкового полка и 229-го полка последний под огнем противника стал беспорядочно отходить, увлекая за собой и цепи 39-го полка. Финны пытались контратаковать, но подоспевший 220-й стрелковый полк огнем из всех видов оружия заставил противника вернуться на исходные позиции. На следующий день части 4-й дивизии не вели активных действий, а с подходом свежего 101-го стрелкового полка 39-й и 220-й полки были выведены в резерв для отдыха и пополнения.

На 9 марта 101-й полк получил приказ захватить плацдарм на левом берегу Вуоксы в районе Вуосалми, Мюллюлампи, но все его атаки были отбиты. На следующий день 101-му полку удалось наконец форсировать реку по льду. После жестокого боя он занял лес в районе Ниемеля. И марта 101-й и 2 артиллерийских полка были переданы в оперативное подчинение 8-й стрелковой дивизии. Они продолжали вести упорные бои за расширение плацдарма, но без особого успеха. За 2,5 суток советским пехотинцам удалось здесь продвинуться лишь на 1–1,5 км. 12 марта финны предприняли несколько сильных контратак и потеснили части 8-й стрелковой дивизии. Однако плацдарм советские войска удержали.

97-я стрелковая дивизия 5 марта начала операцию по форсированию Вуоксы в районе Хапианиеми. К вечеру 2-му батальону 233-го стрелкового полка удалось зацепиться на левом берегу. Ночыр на захваченный плацдарм были переправлены два других баталь — она. 6 марта им удалось расширить плацдарм до 2 км по фронту и 1 км в глубину, но следующие атаки успеха не имели. Наступавшим крайне мешал фланговый огонь с островов Витса — саари и Муста — саари. Особую роль гарнизоны этих островков сыграли 7 марта, когда части 4-й пехотной бригады, переброшенные из При- ладожской Карелии, контратаковали 233-й стрелковый полк. Командир посланного на подкрепление 136-го стрелкового полка совершил грубейшую тактическую ошибку: вместо того чтобы переправиться на плацдарм, он повел полк в атаку правее него, но вынужден был прекратить ее под огнем с левого берега и островов, а затем отвести подразделения на правый берег. Ошибка эта обошлась очень дорого: в ночь на 8 марта, понеся значительные потери, 233-й стрелковый полк оставил плацдарм.

Днем полки готовились к новым операциям, но на этот раз план предусматривал в первую очередь овладение островами и лишь потом — плацдармом на левом берегу Вуоксы.

9 марта разведроты 97-й дивизии и 69-й стрелковый полк овладели Витса — саари, а 11-го — Муста — саари. 2-й батальон 233-го полка 11-го числа вновь занял плацдарм на левом берегу. После этого его сменили 1-

й и 3-й батальоны. Им весь день пришлось отбивать финские контратаки. На этот раз противнику не удалось ликвидировать плацдарм, но о развитии наступления без усиления частей дивизии или смены ее более свежими частями не могло быть и речи.

Даже в случае более успешного форсирования Вуоксы Красной Армии не был гарантирован выход на оперативный простор. Советским войскам пришлось бы столкнуться с многочисленными естественными, природными препятствиями, которых на 50-километровом пути до Кексгольма было много.

5 марта после короткой передышки возобновились бои за Выборг. Понесшая большие потери в предыдущих боях, 7-я стрелковая дивизия на этот раз скосы — вала противостоящие финские части, а главный удар наносила 95-я дивизия. Ее подразделения преодолели надолбы, но вынуждены были залечь перед проволочными заграждениями. Только 1-му батальону 241-го полка удалось захватить одну из высот.

7 марта 95-я дивизия пыталась прорваться к заливу Суомен Веденпохья, но продвинулась всего на 500–700 м. На следующий день 241-й полк овладел высотой, а 90-й — еще одной, однако наступление на выборгский пригород Карьяла захлебнулось. Во время движения на побережье Выборгского залива советские войска несли очень тяжелые потери. В некоторых батальонах осталось по 30 солдат. Всего 95-я стрелковая дивизия до перемирия за 3 недели боев успела потерять треть личного состава.

Еще меньшими были успехи 7-й стрелковой дивизии. Ее полки либо топтались на месте, либо продвинулись всего на несколько сот метров, жестоко оплатив это продвижение солдатской кровью. Сражения, в которых дивизия непрерывно участвовала с 12 февраля, истощили ее силы. Боевые подразделения приходилось пополнять, «прочесывая» тыловые службы. 9 марта в 27-м стрелковом полку дивизии осталось около 400 бойцов, в 257-м — менее 300 и лишь в получившем маршевое пополнение 300-м — около 900.

5 марта части 100-й стрелковой дивизии начали наступление на станцию Таммисуо на железной дороге Выборг — Антреа, в 4 км от Выборга, но, встреченные сильным огнем противника, продвинулись лишь на несколько сот метров. Не имели они ощутимого успеха и 6 марта. 7 марта они получили приказ занять цементный завод в районе Таммисуо, Костела, Лайтала. 331-й стрелковый полк 100-й дивизии оседлал в этот день дорогу левее 168-го полка, а 335-й полк занял дома восточнее станции Таммисуо. Неподалеку от нее вел бой и 85-й полк.

В тот день в состав 34 стрелкового корпуса вошла 24-я стрелковая дивизия. Ей была поставлена задача овладеть мызой Кайретиля и деревней Койвикохви-маяние. 168-й стрелковый полк дивизии к исходу дня вышел на железную дорогу в районе высоты 7,5 и закрепился там. Двигаться дальше он не мог, поскольку отстали тылы и артиллерия.

24-я и 100-я стрелковые дивизии вечером того же дня получили приказ захватить ночной атакой поселок Мусталахти и станцию Таммисуо. Однако внезапного удара не получилось. 168-й полк был остановлен сильным огнем у проволочного заграждения в полукилометре от Мусталахти, 331-й смог занять лишь кладбище юго — западнее поселка, а 355-й продвинулся только до восточной окраины Таммисуо. Ситуация не изменилась и на следующий день.

9 марта соединения 34-го корпуса получили передышку и закрепились на достигнутых рубежах. В этот день 24-я стрелковая дивизия была выведена из состава корпуса, а вместо нее в бой ввели 91-ю мотострелковую дивизию.

11 марта 100-я стрелковая дивизия должна была атаковать противника в районе цементного завода и овладеть к исходу дня районом Кангас, Инетиля. 91-й мотострелковой дивизии предстояло занять рубеж Ла-вола, Сулку, Раукио. Но противник продолжал упорно обороняться, и советские войска почти не продвинулись вперед. Переброшенная из Сибири 91-я мотострелковая дивизия в карельских лесах действовала не лучшим образом. Пехотинцы, саперы, танкисты и артиллеристы плохо взаимодействовали друг с другом и потому несли чрезмерно большие потери. Скверно работала телефонная связь, а взводные и ротные командиры не умели командовать подразделениями.

К этому следует добавить несогласованность действий 100-й и 91-й дивизий при смене частей на передовой, вследствие чего финны сумели вновь занять уже, казалось бы, безвозвратно потерянную под натиском превосходящего противника восточную окраину Таммисуо.

9—10 марта в Выборгском секторе было довольно тихо. Советские войска готовились к новому штурму. 7-я стрелковая дивизия принимала пополнение, направленное большей частью в самый обескровленный 257-й полк.

И марта была получена директива об овладении Выборгом. 7-ю дивизию усилили 165-м танковым батальоном из недавно прибывшей на фронт 29-й танковой бригады и 8-м отдельным дивизионом бронепоездов. Однако танкисты бригады не оправдали возлагавшихся на них надежд. Они действовали вяло, нерешительно, нередко останавливаясь перед такими

препятствиями, которые вполне преодолевали более опытные подразделения танкового батальона дивизии. Но все-таки пехота смогла ворваться в предместья Выборга. 27-й стрелковый полк достиг ипподрома, где, однако, был остановлен; 257-й вышел к южной окраине Кангасранта, захватил несколько домов, но не сумел развить свой успех, а 300-й овладел участком с кладбищем в 300 м юго — восточнее одного из районов старого Выборга — Ристимяки.

Командование дивизии сумело организовать мощный удар во время часовой артиллерийской подготовки, в ходе которой на участке фронта в 1,5 км было сосредоточено более 150 орудий.

Продолжались бои и на участке 91-й мотострелковой дивизии. 613-й мотострелковый полк был неоднократно контратакован неприятелем, его левый фланг стал отходить, но решительные действия 1-го батальона 503-го полка заставили финнов отступить. К вечеру 11 марта 613-й полк овладел высотой восточнее Таммисуо, а 561-й полк, охватывая этот поселок с юго-запада, занял лесопильный завод. В ночь на 12 марта 1-й батальон этого полка наконец овладел станцией.

12 марта согласно плану командования 100-я стрелковая дивизия наносила удар на Лавола, а 91-я мотострелковая дивизия — на Авунен, Кангассаари. В предпоследний день войны 613-й мотострелковый полк

вновь не стяжал лавров. Под сильным огнем его подразделения залегли на восточной окраине Таммисуо. Соседи действовали более удачно: 2-й батальон 561-го мотострелкового полка занял школу и клуб поселка, а 9-я рота 503-го мотострелкового полка в 12.00 ворвалась на юго — западную окраину поселка. К вечеру там закрепились 2 батальона этого полка.

12 марта 7-я стрелковая дивизия получила задачу овладеть железнодорожным депо Ристимяки — Киесия, после чего полностью очистить от противника южную часть Выборга. Однако в упорных боях части дивизии сумели занять лишь несколько домов, продвинувшись всего на 300 м.

В 10.30 вечера 12 марта, когда делегации обеих сторон уже подписали мирный договор, пришло распоряжение о штурме Выборга, который согласно договору и без того становился частью СССР. Уже зная об этом, командование 7-й армии, однако, отдало приказ взять город. Какая же была в этом цель? Вероятно, Сталин (а без его санкции Тимошенко и Мерецков никогда не начали бы наступление за считанные часы до уже согласованного перемирия) считал нужным продемонстрировать Финляндии и заодно миру, что Красная Армия силою своего оружия

заполучила ключ от финской столицы. Кремлю надо было убедить и советский народ, что Красная Армия все-таки победила финнов. Сталин хотел показать всем: мы продиктовали поверженному неприятелю условия мира — никакого здесь «гнилого компромисса».

Мерецков в мемуарах так описывал события, связанные с попыткой его войск овладеть Выборгом:

«Буквально продираясь сквозь вражескую оборону, 7-я армия шла к Выборгу. Через несколько дней мне позвонил Сталин и поставил задачу взять этот город в течение двух — трех дней: линия Маннергейма осталась позади; Ленинград далеко, ему теперь не угрожают; многого мы от финнов не хотим, но для заключе — ния мирного договора необходимо, чтобы противник убедился, что дорога на Хельсинки открыта, поэтому падение Выборга явится для финнов последним тревожным сигналом, а затяжка войны позволит французам и шведам прислать подкрепления, и вместо войны с одним государством мы ввяжемся в борьбу с коалицией.

Как раз во время телефонного разговора начался штурм Выборга, закончившийся его взятием. Дорога на Хельсинки была открыта. Убедившись в безнадежности сопротивления, правительство Финляндии начало переговоры. 12 марта состоялось утверждение условий мирного договора, а в 12 часов дня 13 марта военные действия прекратились. Новая граница прошла западнее Выборга...»

Здесь Кирилл Афанасьевич лукаво смешает подлинную хронологию событий, чтобы не быть в глазах читателей соучастником преступления. Ведь командующий 7-й армией, хоть и по приказу вождя, но и своею властью послал тысячи и тысячи наших солдат на бессмысленный штурм, хотя знал, что Выборг уже советский. Сталин звонил Мерецкову уже после того, как в Москве был подписан мирный договор с Финляндией, по которому финны отдали Выборг Советскому Союзу. Иосиф Виссарионович захотел, чтобы город был взят за то время, что пройдет между подписанием мирного договора и вступлением в силу объявления о прекращении огня. И на штурм Мерецков посылал бойцов только затем, чтобы потом можно было встать в позу: вот советские войска взяли Выборг, и потому белофинны вынуждены пойти на уступки. Но дело еще и в том, что вопреки утверждению Кирилла Афанасьевича, его войска так и не взяли Выборга...

Согласно приказу командующего 7-й армией 12 марта 7-я и 95-я стрелковые дивизии (последняя лишь к вечеру этого дня овладела юго — восточной окраиной пригорода Выборга Карьялы) в 23.30 начали ночной штурм города. Финны, похоже, не ждали от советского командования таких

действий, столь далеко выходящих за пределы здравого смысла. Их сопротивление нарастало по мере приближения утра. К этому времени 300-й стрелковый полк занял пригород Топикала, 27-й стрелковый — фабрику в районе Ристимяки, а 257-й — южную часть пригорода Кангасранта. 95-я стрелковая дивизия наконец полностью овладела Карьяла и вышла к железной дороге, которая проходила в полукилометре к юго — западу.

Соединениям 34-го стрелкового корпуса удалось занять значительную часть Выборга, но финны продолжали удерживать северную и северо — западную часть города и разрушенный вокзал. Тем не менее 14 марта в советских газетах рядом с текстом мирного договора появилась лживая «Оперсводка штаба Ленинградского военного округа: «К 7 часам утра 13 марта наши войска в ходе двухчасового штурма заняли город Выборг».

Известного сапера — диверсанта полковника И. Г. Ста- ринаова известие о заключении мира застало в ленинградском госпитале, куда его «уложил» финский снайпер. Илья Григорьевич вспоминал: «В середине марта 1940 года в наш госпиталь привезли большое количество раненых в боях за Выборг. В 12 часов по местному времени финны должны были оставить его нам. Однако рано утром после артиллерийской и авиационной подготовки наши войска были брошены на штурм разрушенного и горящего города и понесли огромные потери. И это было сделано по приказу Сталина. И в госпитале я впервые услышал, что ему не жалко русской крови». Нет, в этом отношении Иосиф Виссарионович был настоящим интернационалистом: не жалел крови ни русских, ни грузин, ни финнов, ни поляков.

100-я стрелковая дивизия 12 марта вынуждена была заниматься разминированием и разборкой завалов, поэтому активных действий не вела. Каково же было ее бойцам ночью и утром 13 марта идти в никому уже не нужное наступление. В ходе его 100-я стрелковая дивизия заняла Мусталахти, а 503-й и 561-й полки 91-й мотострелковой дивизии — Таммисуо и находящийся неподалеку кирпичный завод, захватив при этом более 60 пленных.

В полдень 13 марта финские солдаты начали выходить из своих окопов, показывая красноармейцам на часы, знаками объясняя, что война закончилась. Вскоре на нейтральную полосу вышли солдаты и офицеры, еще несколько минут назад смотревшие друг на друга через прицелы винтовок и пулеметов. Теперь они обменивались куревом, оживленно жестикулировали, радуясь тому, что уцелели и скоро вернуться домой. Такие стихийные братания, далеко не единичные, доказывают, что у советских и

финских солдат не было ни ненависти, ни презрения друг к другу.

Прорыву линии Маннергейма и последующему наступлению на Выборг содействовали авиация и корабли Балтийского флота. В период с 29 января по 20 февраля самолеты 10-й авиабригады шесть раз выставляли мины на входных фарватерах Турку и в районе Раумы и Пори. Всего было выставлено 45 мин. 26 и 29 февраля соответственно 19 и 14 бомбардировщиков 10-й авиабригады наносили удары по броненосцам береговой обороны противника в Турку. Но из-за умелого противодействия зенитной артиллерии и истребителей финнов попаданий в корабли не было. 2 марта в совместном ударе 10-й и 8-й авиабригад приняло участие 28 бомбардировщиков под прикрытием 19 истребителей. В ходе воздушного боя было потеряно 3 самолета. По докладам вернувшихся на базы советских летчиков, они сбили 6 финских истребителей. Однако в солидном исследовании финских историков К. Кески-нёна и К. Стенмана «ВВС Финляндии в «зимней войне»», вышедшем в 1989 году, имеются сведения о всех сбитых финских самолетах с указаниями фамилий летчиков и других членов экипажей. Так вот здесь зафиксировано — 2 марта на всех участках фронта финнами были потеряны лишь 3 самолета: 2 истребителя и 1 бомбардировщик.

3 марта 1940 года Военный совет Балтийского флота отдал коменданту зимней обороны Г. Т. Григорьеву приказ: «С рассветом 4 марта части зимней обороны в составе 1, 2, 3, 4-го батальонов особой специальной стрелковой бригады, 50-го отдельного стрелкового, 111-го и 112-го лыжных батальонов, батальона особого назначения и Берегового отряда сопровождения должны оттянуть на себя силы противника от мыса Ристниеми до Котки». Это — на фронте около 80 км. Целью операции было отвлечь силы противника от действий 86-й мотострелковой дивизии, переправлявшейся по льду Выборгского залива. После ночного перехода с утра 4 марта 7 батальонов и Береговой отряд сопровождения начали демонстративные действия на трех направлениях: у мыса Ристниеми, у островов Киускери и Куовари и у острова Хапасаари. На обоих флангах морякам удалось вызвать на себя артиллерийский огонь, а в районе островов Киускери и Куовари батальон особого назначения под командованием будущего героя обороны Ханко капитана Б. М. Гранина и 111-й лыжный батальон, несмотря на заградительный огонь неприятельских батарей, смогли занять острова. Противник начал подтягивать в район действий моряков пехоту. Воспользовавшись этим, части 86-й мотострелковой дивизии вышли на западный берег Выборгского залива. В ночь на 5 марта части зимней обороны и берегового

отряда сопровождения отошли в исходное положение.

5—6 марта при участии Балтфлота по льду Выборгского залива был переброшен мотомеханизированный корпус и 3-й кавалерийский корпус — всего около 40 тысяч бойцов и командиров и 10 тысяч боевых и транспортных машин.

За период боевых действий авиация Балтийского флота совершила 16 663 боевых вылета, из них около 1 тысячи — ночных. На противника было сброшено около 2600 т бомб, было потоплено и повреждено 38 транспортов и ледокол. Боевые потери составили 12 самолетов.

В ходе февральско — мартовского наступления советским войскам удалось выполнить главную задачу — прорыв линии Маннергейма. В то же время после прорыва промежуточной полосы обороны темпы наступления вопреки ожиданиям оказались довольно невысокими. За последние 14 дней войны дивизии 7-й и 13-й армий с боями прошли от 15 до 35 км и так и не смогли полностью овладеть Выборгом. К концу, войны силы сторон, несмотря на значительные потери, возросли. К 13 марта вооруженные силы Финляндии насчитывали около 340 тысяч человек и 944 полевых и 341 противотанковое и зенитное орудие. Армия «Карельский перешеек» насчитывала около 180 тысяч человек (по сведениям советской разведки, 124 тысячи), 283 полевых и 72 противотанковых орудия, 96 минометов (по другим данным, 316 полевых, 100 противотанковых орудий и 108 минометов). Красная Армия имела на всем финском фронте более 1 миллиона человек. 58 советских дивизий успели побывать в бою. Еще 4 дивизии остались в резерве, а 10 готовились к переброске на фронт. Советская группировка на Карельском перешейке насчитывала почти 760 тысяч бойцов и командиров, более 7100 орудий и минометов, почти 3 тысячи танков, более 600 бронемашин и 2 тысяч самолетов.

Довольно распространено мнение, всячески утверждавшееся Тимошенко, Мерецковым и другими военачальниками, пришедшими к руководству Красной Армией после финской войны, будто в последний период противоборства, в феврале — марте 1940 года, советские войска уже научились воевать и превзошли своих учителей — финнов в умении сражаться. Воспоминания уцелевших ветеранов не подтверждают столь оптимистичного и лестного для советской страны вывода. Уже знакомый нам лыжник комсомолец

Павел Шилов свидетельствует, что воевать стало действительно легче: пришел опыт. Но все равно в февральских и мартовских боях финны действовали более грамотно и несли значительно меньшие потери, чем красноармейцы:

«Бойцы поднимались в атаку, финны подпускали их на определенное расстояние и расстреливали очень точным, прицельным огнем. Добежит боец до пристрелянной линии или доползет по снегу, а дальше ни на шаг — падает убитым или тяжело раненным.

Когда мы возвращались из разведок, то, проходя по местам атак, с болью в сердце смотрели на трупы наших бойцов. Кто в какой позе был, когда его встречала пуля, так и замерзал... Картина жуткая. Лежит боец, каска пробита, мозги вытекли кроваво- белым сгустком, а рядом, где мина разорвалась, трупы без рук, без ног, а то и без головы. Каких только разорванных, замерзших тел не насмотрелись! Мороз по коже. Но особенно непереносимо было то, что на поле боя одни наши и очень редко увидишь убитого финна (точно такое же впечатление создавалось и у ветеранов Великой Отечественной, с кем мне довелось беседовать: на 20–30 наших 2–3 немца. — Б. С./ Это вот тяжело влияло на психику, приводило к мысли, что нам не победить, что всех нас истребят поголовно.

Мы, те, кто пережил первые кровопролитные бои, к моменту получения пополнения уже набрались опыта, хорошо стали ориентироваться в обстановке и старались помогать еще не обстрелянным командирам и бойцам... Им было легче, нежели в первых боях нам. Наши погибшие командиры плохо знали свою задачу, ни теоретического, ни практического опыта у них не было. Была бестолковщина. Узнав смутно, где противник, лезли ему в лоб, а он, умный и опытный, хорошо знавший местность, косил наших наступающих. Нам, рядовым бойцам, было трудно с такими командирами, мы находились в полной растерянности.

Но опыт все же пришел, и довольно быстро. Уже смешно было слышать команды новых командиров... Потери наши стали невелики. Почти в каждой разведке теряли нескольких человек, но часто случалось возвращаться и вовсе без потерь. Вместо брошенных винтовок СВТ все вооружились пятизарядными винтовками Мосина. Они били одиночно, но безотказно».

Даже командир одной из наиболее удачно действовавшей дивизии, 70–й, комдив М. П. Кирпонос на апрельском совещании 1940 года признавал, что финны и в последних боях дрались стойко и искусно:

«Дело было так: финны во время артподготовки забрались в убежища, а с переносом нами огня в глубину финны выходили из убежищ и начинали поражать нашу пехоту огнем... У финнов было мало артиллерии, но зато у них было достаточное количество минометных

батарей и автоматического оружия (пистолет «Суоми»); этим видом оружия финны и наносили значительные потери нашей пехоте.

Таким образом, когда наша пехота близко прижималась к нашему артиллерийскому огню, противник не успевал выходить из убежища и мы имели успех — пехота наша шла вперед. Однако надо отметить, что белофинны быстро учили это и оставались на месте даже тогда, когда наша пехота находилась в 100 м, и, пользуясь медленным темпом ее продвижения по глубокому снегу, прижимали ее своим автоматическим огнем. Пройти 100–200 м по глубокому снегу — нелегкое дело.

Я специально проводил у себя занятия в дивизии еще до наступления — хотел узнать, сколько нужно времени, чтобы пройти 200 м. Очень много времени нужно (40 минут). Кроме того, наш боец тяжело одет: нательное белье, ватное белье, ватные брюки, теплая шинель, подшлемник, шлем, затем каска, затем шарф, плюс ко всему — ранец. Вы представляете, как это выглядело. Нужно пересмотреть обмундирование нашего бойца — облегчить его... Очень неудобны наши маскировочные халаты, они не маскируют, а мешают действовать. Из них мы решили сделать комбинезоны, и это сразу облегчило продвижение пехоты.

Все это и плюс отсутствие у нас автоматов (легких пулеметов) и минометов в ротах позволяло противнику безнаказанно почти расстреливать нашу пехоту, которая в это время уже не могла поддерживаться артогнем. Вот причина, почему наша пехота не шла. Она не имела автоматов, а наши ручные пулеметы прекрасны лишь для лета, зимой же с ними работать плохо, так как их сошки тонут в снегу. Бойцы его неправильно ручным называют; он, скорее, легкий пулемет, и из него нельзя вручную стрелять, нам нужно иметь легкий пулемет».

Таким образом, финны смогли приспособиться к новой советской тактике, о которой рассказывает в мемуарах Воронов:

«Мы решили по — новому организовать артиллерийскую подготовку. Во время наших частных операций противник привык улавливать конец артподготовки и начало переноса огня в глубину его обороны. В эту паузу финская пехота выбегала из укрытий и занимала места для отражения нашей атаки. Теперь мы решили устраивать ложные переносы огня. Искусственно создав паузу, мы снова накрывали артиллерийским огнем передний край противника и ударяли по скопившейся пехоте. Если создать два — три таких ложных переноса огня, противник окончательно растеряется, понесет немалые потери и не угадает начало нашей атаки».

Финская пехота, однако, не растерялась. Используя специфические зимние условия, финны нашли рискованный, но верный способ

противодействия.

Обороняющиеся теперь возвращались в окопы не после наступления паузы в стрельбе советской артиллерии, а только тогда, когда наблюдатели фиксировали приближение неприятеля к финским позициям на дистанцию 100 м. Для того чтобы преодолеть по глубокому снегу эти последние в буквальном смысле огненные метры, требовалось, как свидетельствует Кирпонос, не менее 20 минут. За это время финские солдаты успевали занять свои позиции и обрушить на противника шквал огня легкой артиллерии, минометов, пулеметов и автоматов. Советская же артиллерия не могла больше переносить огонь на финский передний край, поскольку при этом неизбежно пострадали бы наступающие красноармейцы. Финны делали ставку на средства ближнего боя — минометы, пулеметы, автоматы, и это себя оправдало в условиях, когда лесисто — озерная местность была покрыта глубоким снегом и лишена удобных дорог. Советские же командиры будто впервые узнали, что рядом лежит страна такая — Финляндия, где много лесов, озер и болот, а зимой выпадает много снега и случаются морозы до 40 градусов. На апрельском совещании Сталин иронизировал по поводу утверждения командующего 15-й армией В. Н. Курдюмова, заявившего: «...До войны с Финляндией мы опыта боевых действий в лесу не имели, и безусловно этот опыт нужно внести в соответствующие разделы устава». «Этот опыт был 4 раза, — резонно заметил Иосиф Виссарионович. — Финляндию брали 4 раза: во время Петра брали — леса там были, после Екатерины — Елизавета брала, леса тоже были, потом Александр I — леса были и теперь — 4-й раз. Пора бы знать нашей армии, что в Финляндии есть леса. (Смех в зале.) Есть болота, и есть озера».

Словно уточняя эти слова советского вождя, американский историк Чарльз Лундин писал: «Механизированные армии Сталина, наступавшие на Финляндию в XX веке, достигли меньшего успеха, чем войска Александра I в XIX столетии, Петра Великого в XVIII или царя Алексея в XVII».

Командиры Красной Армии ухитрились просмотреть не только леса и озера, но и укрепления линии Маннергейма, строительство которой для всего мира, да и для советской разведки, не было тайной. Финская же разведка знала почти все об участвовавших в войне советских войсках. Кирпонос вспоминал: «Такой курьез: когда заключили мы мир, то финны говорили: здесь у вас 1-й батальон, здесь 2-й, здесь 3-й, здесь такой-то командир полка. Отчего это происходит? Происходит это потому, что плохо отработаны вопросы скрытого управления. Сколько у нас в мирное время говорят об этом и занимаются, а пошли воевать, даже карта не

закодирована. Все управление шло открытым текстом по телефону. Мне комдив Курочкин звонит: скажите, где у вас командный пункт? Пришлось просить разрешения сообщить об этом письменно, а не по телефону.

— Почему с рацией не вышло дело? — поинтересовался Сталин.

— Если часть ушла из пределов радиуса действия рации, то связь обрывается, — объяснил Кирпонос.

— Не верю я в рацию, — подал реплику кто-то из присутствовавших.

— Я должен доложить в отношении связи, — продолжал Михаил Петрович. — Товарищ народный комиссар, кабельная связь у меня в дивизии работала хорошо, хуже — радиосвязь. Здесь говорят, что, во-первых, ее не любят, во — вторых, недостаточно занимаемся мы этим делом. Это правильно, ее не любят потому, что рацией плохо овладели, и этому делу надо учиться».

На практике получалось так, что не доверявшие рации — неопытные радисты еще не научились толком ею пользоваться — предпочитали почти все переговоры вести по телефону, причем открытым текстом. Финские связисты без труда подключались к кабелям

в прифронтовой полосе, и командиры получали полное представление как о дислокации, так и о планах советских войск. И радиоперехваты переговоров высших штабов финны легко расшифровывали. А в Красной Армии шифровальная служба была посредственной. Начальник инженерных войск Северо — Западного фронта комбриг А. Ф. Хренов, за прорыв линии Маннергейма 21 марта 1940 года удостоенный звания Героя Советского Союза, на апрельском совещании подчеркивал: «В борьбе за укрепленный район особую роль играет служба дешифрования. Мы долгое время не могли понять, как здесь работать, пока не организовали хорошую авиа- и фоторазведку и не наладили службу дешифрования. Мы не имели кадров по дешифровке, и у нас получились затруднения. Видимо, систему дешифровки надо оставить в ведении инженерного начальника, с тем чтобы можно было организовать это дело, дешифровать документ, правильно и своевременно доложить и этим самым помочь командованию».

В Красной Армии не смогли ни обеспечить скрытности управления частями и соединениями, ни разгадывать неприятельские переговоры — финны-то их всегда шифровали. В результате вплоть до последних дней войны советским войскам приходилось сражаться во многом вслепую, тогда как финское командование было хорошо осведомлено о группировке и замыслах противника.

Парадоксально, но факт: как раз в последние недели войны, когда

войсками Северо — Западного фронта были достигнуты несомненные успехи, боевой дух красноармейцев, и до этого не слишком высокий, стал еще более падать. Вновь обратимся к воспоминаниям Павла Шилова: «Ближе к концу войны наше настроение пришло, можно сказать, в полный упадок. Вместе со мной в батальоне, в минометном отделении, служил Николай Большаков. Так вот при встрече он вместо приветствия всякий раз задавал вопрос: «Ты жив?!»

Вроде бы мелочь, а как отрицательно это сказывалось на психике. Этими словами он как бы усиливал нашу уверенность в том, что не сегодня завтра мы будем убиты».

В финской же армии патриотический подъем сохранялся вплоть до последнего дня боев. «В конце войны ни среди населения, ни среди войск не было заметно никаких признаков упадничества, — отмечает финский историк Ильмари Хакала. — Даже в самые последние дни финские соединения, которые понесли большие потери, сражались самоотверженно и результативно». А известный финский дипломат и историк Макс Якобсон в своей книге о «зимней войне» одну из глав, посвященную Московскому мирному договору, так и назвал: «Победа в поражении». Большинство финнов даже тяжелый мир, связанный с утратой значительной части территории, считали своей победой. Ведь удалось сохранить независимость Суоми. Небольшой и бедной вооружением армии удалось устоять против одной из самых многомиллионных армий мира, в избытке снабженной современной техникой, и нанести врагу огромный урон, многократно превышающий собственные потери. Это ли не победа?..

В докладе по итогам финской войны Ворошилов вынужден был воздать должное недавнему противнику:

«Не в пример чехословакам и Польше финны оказались не только способными к войне, но и неплохо к ней подготовленными.

Финская армия, неплохо организованная и обученная применительно к местным условиям и задачам, оказалась весьма маневренной, устойчивой в обороне и хорошо дисциплинированной...

Тактическая подготовка финских войск в целом хорошая. Тактика мелких подразделений отработана со всей тщательностью, а отдельный боец обучен отлично...

Финская армия проявляла инициативу и упорство в боях, особенно там, где наши части не умели удержать инициативу за собой».

По свидетельству Маннергейма, сменивший Ворошилова Тимошенко говорил военному атташе Финляндии в Москве: «Русские многому научились в этой тяжелой войне, в которой финны сражались

героически». Прекрасное признание!

Довольно высоко оценил финскую армию и Сталин, хотя в отличие от Тимошенко не склонен был признавать финнов за учителей Красной Армии. На совещании по итогам войны Иосиф Виссарионович, мудрствуя, говорил:

«Что из себя представляет финская армия? Вот многие из вас видели ее подвижность, дисциплину, видели, как она применяет всякие фокусы, и некоторая зависть сквозила к финской армии. Вопрос: можно ли ее назвать вполне современной армией? По — моему, нельзя. С точки зрения обороны укрепленных рубежей... финская армия более или менее удовлетворительная, но она все-таки не современная, потому что она очень пассивна в обороне и она смотрит на линию обороны укрепленного района как магометане на Аллаха. Дурачки, сидят в дотах и не выходят, считают, что с дотами не справятся, сидят и чай попивают. Это не то отношение к линии обороны, какое нужно современной армии...

Финская армия... слишком религиозно относится к непревзойденности своих укрепленных районов. Как наступление финнов, то оно гроша ломаного не стоит. Вот три месяца боев — помните вы хоть один случай серьезного массового наступления со стороны финской армии? Этого не бывало. Они не решались даже на контратаку, хотя они сидели в районах, где имеются у них доты, где все пространство вымерено, как на полигоне, они могут закрыть глаза и стрелять... и все-таки они очень редко шли на контратаку, и я не знаю ни одного случая, чтобы в контратаках они не

провалились. Что касается какого-либо серьезного наступления для прорыва нашего фронта, для занятия какого-либо рубежа — ни одного такого факта вы не увидите. Финская армия не способна к большим наступательным действиям... Контратаку она организует крайне неуклюже и всегда... уходила с потерями после контратаки...

На что она способна и чему завидовали отдельные товарищи? На небольшие выступления, на окружение с заходом в тыл, на завалы, свои условия знают, и только. Все эти завалы можно свести к фокусам. Фокус — хорошее дело: хитрость, смекалка и прочее. Но на с/юкусе прожить невозможно. Раз обманул — зашел в тыл, второй раз обманул, а третий раз не обманешь. Не может армия отыграться на одних фокусах, она должна быть армией настоящей... Вот вам оценка финской армии. Я беру тактические стороны, не касаясь того, что она слаба, что артиллерии у нее мало. Не потому, что она бедна, ничего подобного. Но она только теперь стала понимать, что без артиллерии война должна быть проиграна. Не говорю о другом недостатке — у них мало авиации. Не

потому что у них не было денег для авиации. У них довольно много капитала, у них развиты целлюлозные фабрики, которые дают порох, а порох стоит дорого. У них больше целлюлозных фабрик, чем у нас, вдвое больше: мы даем 500 тысяч тонн в год целлюлозы, от них получили теперь заводы, которые дадут 400 тысяч тонн в год, а вдвое больше осталось у них. Это богатая страна. Если у них нет авиации — это потому, что они не поняли силу и значение авиации».

Сталин сознательно отстранился от вопроса о соотношении сил. Ему надо было вылечить своих командиров от «финнобоязни», успокоить их: и в финской армии недостатков не меньше, чем в Красной. Никто из присутствующих, конечно, не указал вождю на явные несуразности, содержащиеся в его речи. Фин — ляндия по сравнению с Советским Союзом действительно была богатой страной. Финны жили несоизмеримо благополучнее, зажиточнее и комфортнее, чем советские люди. Да вот только финнов было в 50 раз меньше, чем граждан СССР, и Маннергейм и другие финские генералы прекрасно понимали значение артиллерии и авиации, но никак не могли соперничать с Красной Армией в численности орудий и самолетов. И кому и как, интересно, могла Финляндия продавать порох? И зачем было финской армии предпринимать масштабное контрнаступление, коли противник имел подавляющее превосходство не только в живой силе, но и в авиации, танках и артиллерии? Неудача 23 декабря убедила их в бессмысленности массовых контратак. «Фокусы», которые так удавались финнам, для красноармейцев вплоть до конца войны оставались почти китайской грамотой. Вместе с тем, именно инициативы, смекалки и хитрости не хватало бойцам и командирам Красной Армии. Финны умели воевать стратегически верно, а не только делать партизанские вылазки, как говорил Сталин. Они превосходно оборонялись и успешно контратаковали в районе к северу от Ладоги, где условия местности не позволяли советской стороне использовать свой численный и технический перевес. Однако шансов на победу у финской армии не было. Она не могла неограниченно перебрасывать войска на Карельский перешеек с других участков фронта. Красная Армия везде перешла в наступление — стало тяжелым положение финских войск, оборонявшихся севернее Ладожского озера.

2 марта получила приказ о наступлении во фланг лоймоловской группировке противника 75-я стрелковая дивизия, входившая в состав 1-го стрелкового корпуса. Накануне, в ночь на 29 февраля, подразделения ее 34-го стрелкового полка овладели несколькими высотами южнее излучины реки Вигарус — ярви. 3 марта подразделения 34-го и 115-го стрелковых

полков заняли еще несколько высот на западном берегу Вегарус-ярви и были остановлены.

4—6 марта части дивизии приводили себя в порядок и готовились к новому наступлению. 7—10 марта в наступлении принимали участие 28-й и 115-й полки, а также дивизионный лыжный батальон. Они продвинулись на 4–5 км и заняли несколько высот. 11 марта наступление продолжалось до 3 часов дня — подразделения 28-го стрелкового полка продвинулись на 1,5 км, но в этот момент группа финских лыжников неуловимо просочилась в тыл полка, уничтожила транспорт с боеприпасами и нарушила связь штаба с батальонами. Командование полка вынуждено было повернуть часть наступавших для очищения тылов. Финны не стали дожидаться боя с превосходящими силами противника и вернулись к своим.

В ночь на 12 марта 28-й полк был сменен на позициях 3 полками 24-й мотокавдивизии. Дивизия готовилась к новому наступлению, но подготовка оказалась ненужной: война закончилась.

18-й мотокавполк в ночь на 1 марта произвел вылазку на северный берег Киви — ярви силами 2 приданных лыжных эскадронов, но постепенно в бой пришлось ввести весь полк, поскольку финны попросту окружили наступавших. После ввода в бой всех подразделений полка и подоспевшего эскадрона 25-го танкового полка лыжники благополучно вышли из кольца к вечеру того же дня.

12 марта части 24-й мотокавдивизии перешли в наступление в южном и юго — западном направлениях. К вечеру они достигли рубежа в 2–2,5 км от берега озера Лоймолан — ярви, а к моменту окончания войны достигли северного и северо — восточного берегов озера, выйдя на ближайшие подступы к важному узлу дорог — станции Лоймола.

Еще 2 марта перешла в наступление на лоймоланском направлении и 56-я стрелковая дивизия. Встретив упорное, героическое сопротивление финской 12-й пехотной дивизии, она продвинулась вперед к вечеру 4 марта всего на 700–900 м. На следующий день советскому командованию пришлось прекратить бесполезные атаки.

7 марта — новое наступление на Лоймолу, но части 56-й дивизии теснили врага опять очень медленно. К исходу дня 11 марта ее полки приблизились к станции Лоймола всего на 1,5 км и находились от нее в 7–8 км. Кончилось тем, что в ночь на 12 марта 56-я стрелковая дивизия была выведена в резерв 8-й армии, а ее позиции заняла 87-я стрелковая.

В 10 часов уфа 16-й и 283-й стрелковые полки пошли в атаку, но тоже не сумели прорвать оборону финнов, а лишь вклинились в ее глубину всего на 600–800 м, потеряв при этом за день ИЗ человек убитыми и 441

раненым.

Не сумела разгромить противостоящих финнов и 164-я стрелковая дивизия, действовавшая на левом фланге 1-го корпуса, южнее железной и шоссейной дорог Суоярви — Лоймола. В ходе мартовских боев она продвинулась всего на 3–4 км.

В целом начатое 2 марта 8-й армией наступление с целью окружить неприятельскую группировку в районе станции Лоймола не принесло решающего успеха до самого заключения мира. Тем не менее в случае продолжения войны эта операция неизбежно сковала бы все финские силы к северу от Ладоги и не позволила бы им перебросить отсюда новые подкрепления в район Выборга. Подготовку и ход этой операции на апрельском совещании 1940 года описал командир 1-го корпуса комдив Д. Т. Козлов. Этот корпус наносил главный удар, занимая всего 14 км из 140-километрового фронта армии. 5 его дивизий были поддержаны почти всей армейской артиллерией и 5 авиаполками. Козлов рассказывал:

«Подготовка операции проводилась самым серьезным образом. Мы подготовили начальствующий состав, подготовили войска, подготовили тыл, подготовили исходное положение вплоть до того, что прорыли траншеи для танков на 100–150 м от переднего края для того, чтобы бить по дотам и даже по живой силе противника прямой наводкой из танков 45-мм пушками. Направление главного удара было избрано вдоль шоссе и железной дороги, так как другого направления выбрать было невозможно, техника не могла действовать ни вправо, ни влево.

На километр фронта главного удара было сосредоточено и действовало 4 стрелковых батальона, 123 орудия калибра дивизионной и корпусной артиллерии и выше и 70 орудий полковой артиллерии. Таким образом, на каждый километр фронта главного удара приходилось 193 орудия. Причем эта артиллерия, как полкового, так и больших калибров, была жестко централизована. Задача корпуса — уничтожение живой силы противника в районе Лоймола — упорно и настойчиво выполнялась. Основная идея — уничтожение живой силы противника — была выдержана до конца. Результаты: густой, вековой лес снесен и превращен в мелкие щепки. Все инженерные сооружения противника уничтожены.

На фронте корпуса 11 марта были втянуты в бой, разбиты и перемешаны между собой 35, 69, 64, 34, 37-й пехотные полки противника, 9-й отдельный и 1-й самокатный батальон. По показаниям пленных... у противника действовало больше 2 дивизий; в ротах противника, которые дрались на главном направлении, осталось от 2 до 5 человек.

11 марта для развития наметившегося прорыва в центре корпуса

была введена свежая 87-я дивизия, которая закончила сосредоточение 9 марта, а для охвата левого фланга противника и выхода в тыл лоймолловской группировке была направлена 24-я мотокавалерийская дивизия в составе 30 эскадронов. К моменту вступления в силу мирного договора 87-я стрелковая дивизия продолжала развивать прорыв вдоль шоссе на станцию Лоймола, а 24-я мотокавалерийская дивизия вышла в тыл лоймолловской группировки, перехватила основную дорогу. Таким образом, лоймолловская группировка через пару дней была бы разгромлена».

«— Была бы! — с досадой передразнил Сталин, прерывая бодрый доклад комдива.

— Да, была бы разгромлена, — подтвердил Дмитрий Тимофеевич. И стал оправдываться: Не вина 1-го корпуса, не вина 8-й армии; что мы запоздали. Я полагаю, что если бы мы начали операцию 20 февраля, как было намечено, то Лоймола была бы захвачена и лоймолловская группировка была бы разгромлена, но начали операцию только 2 марта.

— Кто виноват? — задал Сталин, можно сказать, извечный российский вопрос.

— Запоздали со сосредоточением войск на железной дороге, — как-то сразу сник Козлов, чувствуя, чем может грозить поиск виновников того, что победа уплыла из-под носа.

— Значит, железная дорога? — ласково осведомился Иосиф Виссарионович.

Комдив радостно подтвердил:

— Да, последняя 87-я стрелковая дивизия прибыла 10 марта, а с 12 марта уже участвовала в бою».

Штерн тоже остановился на незавершенной Лоймолловской операции. Командарм не преминул приписать авторство ее плана Сталину, а заодно в раскаянии посыпал свою голову пеплом:

«8-я армия в непрерывных боях нанесла финской армии огромные потери, но поставленной ей главным командованием задачи выполнить полностью не сумела. Правда, мартовское наступление, которое мы основательно готовили по детально указанному лично товарищем Сталиным замечательному плану, наступление, по которому из восьми дивизий армии шесть дивизий, около 90 % артиллерии и вся авиация наносили мощный удар на узком фронте, начало успешно развиваться.

План, данный 8-й армии товарищем Сталиным, является примером смелого сосредоточения максимума сил на главном направлении. Особенно интересны и оригинальны указания товарища Сталина по оперативному и тактическому использованию артиллерии при прорыве. Хотя это

наступление не было нами в связи с заключением мира доведено до конца, высшему командному составу РККА необходимо изучить указания товарища Сталина по этому плану и самый план и ход Лоймолловской операции.

Войска армии в результате жестоких боев прорвали сильно укрепленный рубеж обороны финнов, последовательно перемолотив при этом, больше всего артиллерией и авиацией, значительные силы финнов. Финны потеряли в этих мартовских боях около 3 тысяч одними убитыми. Войска армии при этом уничтожит и взяли сотни каменно- и деревоземляных укрепленных точек, тысячи винтовок, много пулеметов, автоматов и другого оружия. Финские войска были настолько истощены и разбиты, что надергивали для своих укреплений остатки войск, откуда только могли; так, на одной из укрепленных высот, взятых за пару дней до окончания военных действий, были найдены сотни трупов пяти финских полков.

Наши части смешанной конницы, стрелки и лыжники вышли уже в тыл финнам. Наци диверсионно- партизанские группы активно действовали на прилегающих к фронту дорогах финского тыла. Мы имели еще значительные резервы для питания и развития успеха. Близкий и полный успех этого наступления

8-й армии был для всех несомненным, но действия 8-й армии запоздали. Это было нам указано Ставкой Главного командования».

Успех советского наступления в феврале — марте 1940 года заставил финское правительство искать способы скорейшего прекращения войны, хотя армия Суоми так и не была разгромлена.

Путь к миру

Какой же путь прошли СССР и Финляндия к миру, наступившему в заснеженных карельских лесах 13 марта 1940 года? Переговоры о мирном соглашении начались еще накануне генерального советского наступления на линию Маннергейма. 5 февраля в Стокгольме В. Таннер встретился с советским полпредом в Швеции А. М. Коллонтай. До этого через министра иностранных дел Швеции Карла Гюнтера советская сторона дала понять, что договор теперь может быть заключен только на более жестких условиях, чем те, что обсуждались осенью 1939-го. Самым болезненным для финнов требованием была уступка полуострова Ханко. Финское правительство предложило начать переговоры с того, о чем удалось договориться перед войной. Финляндия также была готова к дополнительным территориальным уступкам на Карельском перешейке на основе обмена территорий с СССР. Финны готовы были согласиться и на специальный международный договор о нейтрализации Финского залива. Молотов разрешил Коллонтай встретиться с Таннером. Александра Михайловна показалась финскому министру иностранных дел, помнившему ее по встречам в 1910-х годах, «сердечной пожилой дамой», не проявившей, однако, былой гибкости мысли. Таннер от своего имени предложил вместо Ханко уступить один из островов у входа в Финский залив. Из Москвы запросили, какой именно остров имеется в виду. Но к тому времени произошли события, сделавшие финнов менее уступчивыми. 5 февраля Высший военный совет Англии и Франции принял решение направить экспедиционный корпус в Скандинавию для помощи Финляндии. Шведское правительство всерьез рассматривало возможность посылки на помощь финнам батальонов добровольцев (два из них в конце февраля прибыли на северный участок фронта и сменили там финскую бригаду, перебрасываемую на Карельский перешеек). Таннер и Маннергейм скептически отнеслись к возможности англо — французского десанта. Но премьер — министр Р. Рюти полагал, что это обещание можно будет использовать для давления на Советский Союз.

Западных союзников в конечном счете волновала не судьба Финляндии, а открывавшаяся заманчивая возможность установить свой контроль над шведскими месторождениями железной руды. Отсюда Германия получила три четверти железорудного сырья для своей

металлургической промышленности. Уинстон Черчилль, занимавший в то время пост первого лор — да Адмиралтейства (военно — морского министра), еще 19 сентября 1939 года обратил внимание кабинета на важность прекращения экспорта в Германию шведской руды из норвежского порта Нарвик. Он предложил британскому министерству торговли закупить у шведов всю руду. Эта идея поддержки не нашла. И вот теперь помощь пострадавшей от советской агрессии Финляндии была удобным предлогом для того, чтобы отстранить Германию от шведской руды. Дадим, однако, слово самому Черчиллю:

«Для доставки военного снаряжения и добровольцев в Финляндию существовал только один путь. Порт Нарвик с его горной железной дорогой к шведским железным рудникам приобрел новое моральное, если не стратегическое значение. Использование Нарвика для снабжения финских войск затрагивало нейтралитет Норвегии и Швеции. Оба эти государства, в равной мере страшившиеся Германии и России, хотели только одного — не быть втянутыми в войны, которые уже начали разгораться вокруг и готовы были поглотить и их... Английское правительство не хотело, конечно, совершить даже формальное нарушение норвежских территориальных вод, минировав норвежский коридор для обеспечения себе преимущества перед Германией. Но, подчинившись более благородному побуждению, лишь косвенно связанному с нашими военными интересами, оно предъявило Норвегии и Швеции гораздо более серьезное требование свободного пропуска людей и поставок для Финляндии.

Я горячо сочувствовал финнам и поддерживал все предложения, направленные им на пользу. Я был рад этим новым благоприятным настроениям, считая, что они помогут нам добиться крупного стратегического преимущества перед Германией, которая, таким образом, оказалась бы отрезанной от важных для нее источников железной руды. Если бы Нарвик стал своего рода союзной базой снабжения финнов, несомненно, было бы нетрудно помешать немецким кораблям грузиться там рудой и беспрепятственно плыть по коридору в Германию».

11 декабря первый лорд Адмиралтейства заявил на заседании кабинета министров: «Было бы выгодно, если бы развитие событий в Скандинавии привело к участию Норвегии и Швеции в войне с Россией. Мы тогда могли бы под предлогом оказания им помощи получить плацдарм в Скандинавии, причем без объявления войны России нам самим. Такое положение открыло бы нам обнадеживающие перспективы в войне на море».

В Париже и Лондоне не хотели оказаться в состоянии войны с СССР — потенциальным их союзником против Германии. Там рассчитывали, что англо — французские войска на севере Финляндии и в Норвегии будут выполнять лишь охранные действия и не вступят в бой с Красной Армией.

16 декабря Черчилль представил британскому кабинету министров новый меморандум, где говорилось: «Действенное прекращение перевозки железной руды из Норвегии в Германию было бы равносильно крупной наступательной операции». Он предлагал минировать подступы к Нарвику и шведским портам в Ботническом заливе. Так рискованно далеко правительство не готово было заходить. Ограничились нотой протеста Норвегии по поводу чрезмерного использования Германией ее территориальными водами. Штабам армии и флота поручили подготовить план десанта в Нарвике для помощи Финляндии, а также проанализировать последствия возможной оккупации Германией Южной Норвегии.

Решение было принято на заседании Верховного военного совета союзников 5 февраля 1940 года: отправить в Норвегию 3–4 дивизии. Англичане и французы вот так рассчитывали убедить Швецию разрешить транзит войск и военных поставок для Финлян — дии, а исподволь поставить под свой контроль норвежские железные рудники в Елливаре. Две английские дивизии, предназначавшиеся для отправки во Францию, были оставлены в метрополии и начали подготовку к высадке в Норвегии. Считалось, что для действительной помощи Финляндии необходимы силы не менее чем в 30–40 тысяч человек. Однако, что делать, если Швеция и Норвегия откажут в транзите, — союзники не знали. Верных решений, как выйти из- этого щекотливого положения, в Лондоне и Париже просто не существовало.

Неудачи финской армии на Карельском перешейке заставили Хельсинки колебаться между заключением тяжкого мира и возможностью продолжать сопротивление при содействии западных союзников. Таннеру в Стокгольме было заявлено, что Швеция не собирается направлять в Финляндию регулярные войска, но готова содействовать ей в достижении мира. А 17 февраля шведское правительство объявило, что не допустит на свою территорию войска Англии и Франции.

22 февраля Москва известила Швецию о своих условиях: аренда полуострова Ханко сроком на 30 лет, передача Советскому Союзу всего Карельского перешейка вместе с Выборгом и района к северо — востоку от Ладожского озера. К условиям, продиктованным еще 12 февраля через Коллонтай, добавилось новое требование: уступки Сортавалы и Выборга. Новая граница, по требованию Советов, соответствовала примерно той, что

была установлена Ништадтским миром 1721 года после Великой Северной войны при Петре Великом. Финляндия должна была к тому же заключить с Советским Союзом договор о совместной обороне Финского залива.

В тот же день, 22 февраля, в ставку Маннергейма в Миккели прибыл английский генерал К. Линг, чтобы сообщить детали предстоящей англо — французской экспедиции в Скандинавию. 3–3,5 дивизии должны прибыть в конце марта в Финляндию и защищать север — ный участок фронта у Петсамо. Но для этого необходимо официальное приглашение от финского правительства и согласие Норвегии и Швеции на транзит. На вопрос, что будут делать Англия и Франция, если шведы ответят отказом, Линг не смог дать ответа. Маннергейм заподозрил, что союзники ведут игру и блефуют. 23-го числа о плане англо — французской экспедиции было извещено финское правительство. Таннер счел обещанную помощь недостаточной и выразил опасение, что она придет слишком поздно, когда вся Финляндия будет оккупирована Красной Армией. Однако жесткость советских условий склонила его не спешить с соглашением с Москвой. Министр обороны Ю. Ниукканен, напротив, настаивал на незамедлительном обращении к Англии и Франции с официальным приглашением.

Все финские политики отвергали предложение СССР о совместной обороне, ибо это могло втянуть Финляндию в войну с Германией. На этот счет Рюти прозорливо заметил, что дружба Советского Союза и рейха не будет долгой.

Маннергейма беспокоило то, что ослабление финских войск, исчерпавших почти все резервы, приведет к тому, что фронт вот — вот рухнет. Ниукканен же, напротив, верил, что армия, особенно при содействии великих держав, сможет продержаться еще долго. Рюти же рассчитывал на привлечение в войну на стороне Финляндии Швеции, что могло остановить советское наступление на Карельском перешейке. Помощь экспедиционного корпуса Англии и Франции он согласен был принять лишь в самом крайнем случае. Ведь тогда Финляндии пришлось бы фактически вступить во Вторую мировую войну на стороне одного из блоков.

27 февраля Таннер в очередной раз посетил Стокгольм и привез оттуда неутешительные вести. Премьер- министр Швеции П. Ханссон заявил об отказе своей страны вступать в войну с Советским Союзом и разре — шить проход через шведскую территорию англо — французских войск. Ханссон даже пригрозил, что если западные союзники предпримут движение через Швецию без ее согласия, то Стокгольм вступит в войну против Хельсинки на стороне Москвы. Но все это была пока лишь риторика.

Конфиденциально же шведский премьер советовал Таннеру пойти на мир с Россией на выдвигаемых Молотовым условиях — в противном случае Финляндия подвергнется советской оккупации. Таннер в ответ попросил, чтобы по окончании войны Швеция заключила с Финляндией оборонительный пакт и тем гарантировала ее от новых советских притязаний. Шведы, однако, не дали немедленного ответа, пообещав прежде всего экономическую помощь.

На следующий день, 28-го числа, финское правительство было информировано о том, что передовой отряд экспедиционного корпуса, насчитывающий всего лишь 12–15 тысяч человек, прибудет только во второй половине апреля. Английский посланник в Хельсинки Д. Верекер не смог также сказать, гарантируют ли союзники целостность существующих финских границ на послевоенной мирной конференции. С этого момента Таннер стал настаивать на скорейшем заключении мира.

К тому времени Маннергеймом было принято решение об отходе к Выборгу, так как для обороны промежуточной оборонительной позиции у финнов уже не было сил.

Скорее заключить мир Финляндию побуждала не только Швеция, но и Германия. До немцев дошли слухи о готовящейся англо — французской высадке в Скандинавии. Гитлер резонно увидел здесь угрозу оказаться отрезанным от шведской железной руды. Побывавшему в конце февраля в Берлине бывшему премьер — министру Финляндии Т. Кивимяки в германском МИД советовали заключить мир на любых условиях и ждать окончания мировой войны, чтобы получить компенсацию от победителей (немцы не сомневались, что победителями будут они).

Теперь на сторону сторонников заключения мира перешел и Рюти. Он понял, что даже совместной помощи Швеции и западных держав будет недостаточно, чтобы спасти Финляндию от поражения. 28 февраля на заседании правительства Рюти заявил: «Лучше сохранить армию и спасти страну от уничтожения, чтобы при удачном развитии событий мы могли представлять собой весомую силу. Лучше начать освобождение страны от Выборга, чем от Торнио». Таннер согласился с ним, предостерегая его только от публичного оглашения этого мнения. Пааскиви же надеялся, что в случае победы Англии и Франции Финляндия на мирной конференции получит назад все потерянные территории.

Правительство обратилось к Маннергейму. Он охарактеризовал положение *на* фронте как весьма серьезное, но прямо не сказал, надо ли соглашаться на жесткие мирные условия, выдвинутые Москвой. В частной же беседе с премьер — министром маршал посоветовал все-таки кончать

войну, ибо бороться далее в одиночку финскому народу просто не под силу.

29 февраля был готов ответ Финляндии Москве. Финляндия в принципе принимала советские условия, но оговаривала, что в ходе переговоров они должны быть уточнены. Однако этот документ так и не был отправлен в Москву. Финский посланник в Швеции Э. Эркко получил указание не передавать его до особого распоряжения. Дело в том, что у финского руководства вновь появилась надежда на иностранную помощь. В ночь на 1 марта финский посланник во Франции Х. Холма сообщил, что 50 тысяч союзных войск придут в Финляндию уже в конце марта. Париж и Лондон окажут давление на Скандинавские страны, чтобы те разрешили переброску через свою территорию этих союзных сил. Союзники также предупредили финнов, что начало мирных переговоров с Москвой будут рассматривать как переход их на сторону Германии, а потому прекратят Финляндии всякую помощь.

Финское правительство собралось 1 марта в 11 часов утра, за час до установленного Москвой предельного срока для принятия советских мирных условий. Таннер вновь воспрянул духом и начал строить планы создания большой антисоветской и антигерманской коалиции: «Если бы западные государства смогли осуществить свои планы, то весь Север включился бы в борьбу и составил единый фронт. Это, могло бы привести к поражению Германии». Министр иностранных дел Финляндии исключал, что против Германии выступит еще и Турция, а тогда, думал он, война вообще закончится очень быстро. С Турцией связывали и совершенно фантастические англо — французские планы бомбардировки Баку. Считалось, что так можно будет лишить Германию поставок советской нефти. Однако оптимизма Таннера никто из членов кабинета не разделял. Решено было запросить СССР о точном начертании новой границы и возможных компенсациях за уступаемые Финляндией территории. Одновременно финны информировали Стокгольм, что решают вопрос об обращении за помощью к Англии и Франции. В Париж и Лондон полетели запросы официально подтвердить готовность немедленно отправить в Финляндию 50-тысячный контингент и 100 бомбардировщиков с экипажами. Таннер в своих мемуарах охарактеризовал это как попытку «приставить к горлу западных держав финский нож». Правительство Финляндии нервировало Англию и Францию возможностью соглашений с Советским Союзом, чтобы скорее добиться присылки более крупных экспедиционных сил. От Москвы же финны добивались более мягких условий мира, угрожая в противном случае высадкой англо — французских войск. Каков может быть исход этой рискованной игры — в

Хельсинки не знали.

Гюнтер отказался передать новый финский ответ советской стороне, считая, что в Москве его истолкуют как отказ от советских условий. Шведский министр иностранных дел просил Коллонтай поставить перед своим правительством вопрос о смягчении требований и, в частности, оставить за финнами Выборг. Александра Михайловна обещала это сделать, предупредив, что шансов на успех, в общем-то, нет.

Между тем Англия и Франция 2 марта предупредили Швецию и Норвегию, что собираются послать войска на помощь Финляндии и вскоре обратятся к ним с официальным запросом о разрешении на транзит. Скандинавским странам была обещана помощь в случае, если Германия предпримет против них военные действия. В Стокгольме понимали, что страна в любой момент может оказаться втянутой в мировую войну, и стали еще настойчивее убеждать финнов помириться с Москвой. «Швеция, посредничая, больше заботится о собственной безопасности», — заявил на заседании правительства Таннер. Маннергейм высказался более резко: шведы заботятся только о спасении собственной шкуры. Маршал предложил попросить США заменить Швецию в качестве посредника, но это предложение не было принято: американское посредничество явно не устроит Москву.

В Лондоне и Париже финский запрос о возможности посылки 100 тысяч солдат и 100 бомбардировщиков вызвал недоумение. Британские военные утверждали, что отправка такого большого количества самолетов в Финляндию значительно ослабит собственные ВВС, да и потребует на выполнение не менее месяца. А тоннаж их судов позволял перебросить к концу марта в норвежские порты лишь 12–13 тысяч человек. Но под аргументы политиков военных заставили изменить свою позицию. Начальник имперского генерального штаба генерал Э. Айронсайд сообщил в Париже Холма, что планируется послать две английские и одну французскую дивизии — они будут готовы к отплы — тию уже 12 марта. Французский премьер Э. Даладье, в свою очередь, обещал, по крайней мере, 50 бомбардировщиков с экипажами. Но 3 марта Веркер разочаровал Таннера: передовой отряд в 6 тысяч человек прибудет в Финляндию только в апреле. Кроме того, оставалось неясно, каким путем войска прибудут в Финляндию, коли Швеция и Норвегия до сих пор не соглашаются их пропустить. Финское правительство попросило шведов передать в Москву: Финляндия готова принять советские требования, если из них будут исключены Выборг и Сортавала.

В тот же день члены кабинета финского правительства Паасикиви, М.

Пеккала и Ниукканен предложили попросить о посредничестве Германию как единственную великую державу, имеющую влияние на Советский Союз. Таннер настоял на отклонении этого предложения. Он резонно напомнил, что немцы уже дважды отвергали финские обращения по тому же вопросу. Кроме того, просить помощи сразу у двух враждующих блоков — непростительное двуличие, которое быстро станет известным всем. А такое разоблачение грозит Финляндии полной изоляцией.

Однако шансов на посредничество Германии не было никаких. 4 марта шведский дипломат С. Хедин, имевший связи в правящих кругах рейха, был с частным визитом у Гитлера, чтобы выяснить возможность германского посредничества в советско — финском конфликте. Фюрер раздраженно сказал: «Сталин не хотел этой войны. Его требования были умеренными и вполне естественными. Ведь речь идет о территориях, которые прежде принадлежали русским, да и то не обо всех. Судьба Финляндии теперь решена, и в этом она должна винить только себя». Об этой беседе финнам стало известно только 3 дня спустя.

5 марта финское правительство заявило западным союзникам, что Финляндия стремится к миру и ожидает ответа из Москвы, но, если ответ будет неудовлетворительным, Хельсинки направит в Лондон и Париж официальное обращение о присылке экспедиционного корпуса. Финны просили продолжить подготовку десанта. Англия и Франция согласились, чтобы Финляндия отложила обращение с просьбой о помощи до 12 марта. Советский Союз же отверг предложение Рюти о заключении перемирия на время переговоров.

Поскольку в то время советские войска уже высадились на побережье Выборгского залива, Москва не спешила с ответом. Сталин ждал решающего успеха. Молотов уверял шведов, что СССР не боится англо — французской высадки в Скандинавии. В ночь на 6 марта он заявил шведскому посланнику Ассарсону: раз Финляндия в принципе приняла советские мирные предложения, можно начинать прямые переговоры.

6-го днем финская делегация во главе с Рюти прибыла в Москву. Она собралась иметь дело лично со Сталиным. Почему-то финны еще с осени 1939-го прониклись убеждением, будто особенно враждебны к Финляндии Молотов и Жданов, а добродушный Иосиф Виссарионович — более реалист в политике и способен к компромиссам. Финские дипломаты невольно мерили советских руководителей мерками демократических стран, где разногласия среди членов по вопросам внешней и внутренней политике — в порядке вещей. В тоталитарном государстве, где существовала абсолютная диктатура генсека, все существенные

разногласия в руководстве были устранены еще к началу 1930-х годов. На самом деле и раньше, и теперь никаких разногласий между Сталиным и его соратниками по Политбюро по отношению к Финляндии не было. Просто Вячеслав Михайлович и Андрей Александрович играли в пьесе роли злых следователей. Автор же и режиссер пьесы для убедительности исполнял и главную роль — доброго следователя. Ему, Сталину, финские политики должны быть еще благодарны за то, что дело кончено только Сортавалой и Выборгом, а не то быть бы Финляндии советской, а Рюти, Таннеру, Пааскиви и прочим сменить свои кресла на нары в ГУЛАГе.

В Москве вопреки ожиданиям финнам пришлось вести переговоры с Молотовым и Ждановым. В качестве военного советника от советской стороны выступал А. М. Василевский, будущий маршал, а тогда еще комбриг. 8 марта состоялось первое заседание. Рюти предостерег советских представителей от заключения «принудительного мира», который ведет к дурным последствиям. «Советскому Союзу, — заявил финский премьер, — было бы выгодно иметь соседа, стремящегося иметь с ним хорошие отношения».

Эти разумные слова Молотов и Жданов пропустили мимо ушей. Молотов стоял на том, что СССР не хотел войны, которая возникла исключительно из-за враждебной позиции Финляндии. Затем он изложил советские требования. К прежним условиям добавились притязания на принадлежащую Финляндии часть полуострова Рыбачий и районы Куусамо и Салла на Севере. Кроме того, финны должны были построить железную дорогу от Салла до Кемиярви и предоставить Советскому Союзу право пользоваться ею до шведской границы. Советский премьер заявил, что условия эти не подлежат обсуждению и должны быть приняты без изменений, иначе война продолжится.

Финны были неприятно поражены ужесточением условий мирного договора. В Хельсинки продолжали колебаться между миром и продолжением войны при содействии западных союзников. А тут еще побывавший в Париже полковник А. Паасонен привез обещание Айронсайда прислать 57 тысяч солдат и офицеров, и 15,5 тысячи из них могут прибыть в течение 3 недель. Маннергейм предложил, не прерывая переговоров в Москве, направить официальную просьбу о помощи западным союзникам. В случае заключения мира, рассуждал маршал, от помощи англо — французского корпуса всегда можно будет отказаться. Однако замещавший Рюти Таннер предпочитал не рисковать, вступая в двойную игру. Он опасался, что на фронте вот — вот может произойти катастрофа. Поздним вечером 9 марта во время заседания правительства»

Маннергейм представил доклад командующего армией «Карельский перешеек» генерала Хейнрикса, где, в частности, говорилось: «Теперешнее состояние войск таково, что продолжение военных действий приведет только к их дальнейшему ослаблению и потере новых территорий. В батальонах на передовой осталось в среднем по 250 человек. Вооружение и боеприпасы расходовались быстрее, чем восполнялись новыми поставками. Боеспособность армии падает, и фронт может продержаться в лучшем случае еще неделю». После этого Таннер убедил министров уполномочить делегацию принять советские условия. К тому времени 76–мм снарядов у финнов оставалось только на 3 недели.

Утром 10 марта указание правительства было направлено финской делегации в Москву. Пока оно достигло Москвы (на переправку через Стокгольм и расшифровку телеграммы уходило почти 12 часов), там началась новая советско — финская встреча. Финны пытались добиться уступок. Они все еще тешили себя иллюзией, что переданные им условия отражают позицию Молотова и военных, а не Сталина, который может в последний момент смягчить советские требования. Однако Молотов заявил, что если финская сторона немедленно не согласится принять мирные предложения, то переговоры будут прерваны. Вячеслав Михайлович напомнил, что существует еще и правительство Куусинена. Пааскиви стал вести речь о том, чтобы финны получили денежную компенсацию за уступаемые Советскому Союзу территории. Он напомнил, что по Ништадтскому миру Петр Великий заплатил Швеции солидную сумму за Ингерманландию, Лифляндию и Эстляндию. Молотов издевательски посоветовал: «Пишите письмо Петру Великому. Если он прикажет, то мы заплатим компенсацию». Финнам удалось добиться лишь незначительного повышения арендной платы за полуостров Ханко и увеличения срока эвакуации населения с оставляемых территорий.

Рюти телеграфировал в Хельсинки, что условия советской стороны следует принять в существующем виде — иначе заключение мира отдалится на неопределенное время. 11 марта кабинет уведомил делегацию о своем решении принять эти условия, но только в крайнем случае. Пока надо постараться добиться перемирия.

Маннергейм вспоминал: «11 марта английское и французское правительства выступили с декларациями, где выражали намерение помочь Финляндии в случае, если та об этом попросит. Но перед лицом неясных факторов, с действием которых было связано возможное продолжение войны, финская делегация подписала мирный договор поздно вечером 12 марта». В этот же день правительства Англии и Франции решили отправить

экспедиционный корпус в Скандинавию, независимо от официального финского запроса. Высадка была намечена на 20 марта. К тому времени союзники надеялись уговорить финнов обратиться с просьбой о помощи. На заседании британского кабинета 12 марта глава «Форин офис» лорд Галифакс заявил: «Россия опасается Германии и не желает видеть Германию слишком сильной... В то же время она не хочет войны с нами... Если начнется война с Россией, она, возможно, будет ограничена отдельными театрами военных действий и не перерастет в официальное объявление войны». Союзники все еще надеялись, что в случае высадки экспедиционного корпуса дело в худшем случае ограничится локальными стычками с советскими войсками и не перерастет в большую войну. 12-го числа первые, самые тихоходные корабли уже вышли в море, но были возвращены после получения известия о заключении Финляндией мира.

Утром 12-го финское правительство получило телеграмму от своей делегации в Москве о том, что нет никакой надежды на уступки. Рюти просил полномочий подписать мирный договор. Из всего кабинета только Ю. Ниукканен и министр просвещения У. Хан- нула выступили за продолжение войны с обращением за помощью к западным союзникам. Не получив поддержки всего кабинета, они подали в отставку. В душе их мнение разделял и президент К. Каллио: «Я содрогаюсь при мысли о поставленных нам условиях. Я готов был бы продолжать войну, если бы получил поддержку парламента и кабинета, но постепенно мы должны смириться с неизбежностью мира». Подписывая полномочия делегации на заключение мирного договора, президент драматически заявил: «Пусть бы отсохла моя рука, которой пришлось подписать эту бумагу». Через несколько месяцев ею правая рука оказалась парализована после инсульта.

Перед самым подписанием договора Молотов, пресекая попытки финнов изменить текст, угрожающе предупредил, что в советских военных кругах выступают против возвращения Финляндии Петсамо. И, хотя мы никогда не делаем ничего, что противоречит мнению всей нации, заявил без тени смущения Вячеслав Михайлович, наше правительство готово к возвращению этого района финнам. Протоколы не зафиксировали, вызвал ли этот пассаж улыбки у членов финской делегации. Скорее, им было не до смеха. Ведь с потерей Петсамо каждый десятый житель Финляндии навсегда лишался бы «малой родины».

В последние дни войны завершилась и история Русской Народной Армии. Бажанов свидетельствовал в мемуарах: «Только в первые дни марта мы кончаем организацию и готовимся к выступлению на фронт. Первый отряд, капитана Киселева, выходит; через два дня за ним следует второй.

Затем третий. Я ликвидирую лагерь, чтобы выйти с оставшимися отрядами. Я успеваю получить известие, что первый отряд уже в бою и что на нашу сторону перешло человек триста красноармейцев (это сообщение оказалось уткой: в действительности ни один отряд РНА в бой так и не вступил. — Б. С.). Я не успеваю проверить эти сведения, как утром 14 марта мне звонят из Гельсингфорса от генерала Вальдена, уполномоченного маршала Маннергейма при правительстве: война кончена, я должен остановить всю акцию и немедленно выехать в Гельсингфорс (вероятно, здесь ошибка памяти, и на самом деле звонок от Вальдена был утром 13 марта, перед самым прекращением огня. — Б. С.).

Я прибываю к Вальдену на другой день утром. Вальден говорит мне, что война проиграна, подписано перемирие. «Я вас вызвал срочно, чтобы вы сейчас же срочно оставили пределы Финляндии. Советы, конечно, знают о вашей акции и, вероятно, поставят условие о вашей выдаче. Выдать вас мы не можем; дать вам возможность оставить Финляндию потом — Советы об этом узнают, обвинят нас во лжи; не забудьте, что мы у них в руках и должны избегать всего, что может ухудшить условия мира, которые и так будут тяжелыми; если вы уедете сейчас, на требование о вашей выдаче мы ответим, что вас в Финляндии уже нет, и им легко будет проверить дату вашего отъезда». — «Но мои офицеры и солдаты? Как я их могу оставить?» — «О ваших офицерах не беспокойтесь: они все финские подданные, им ничего не грозит. А солдатам, которые вопреки нашему совету захотят вернуться в СССР, мы, конечно, помешать в этом не можем, это их право; но те, которые захотят остаться в Финляндии, будут рассматриваться как добровольцы в финской армии, и им будут даны все права финских граждан. Ваше пребывание здесь им ничего не даст — мы ими займемся».

Все это совершенно резонно и правильно. Я сажусь в автомобиль, еду в Турку и в тот же день прибываю в Швецию».

А что случилось бы с РНА, если бы война все-таки продолжилась? Смогла бы она дойти до Москвы, как мечталось Бажанову? Думаю, что нет. Советско — финский конфликт мог затянуться только в том случае, если бы Финляндия решительно обратилась за помощью к западным союзникам и англо — французский экспедиционный корпус прибыл вовремя на фронт, пропущенный через свою территорию Швецией и Норвегией. Но и в этом случае война не продлилась бы долго: слишком велико было советское превосходство в людях и технике. А свою освободительную миссию Русская Народная Армия могла выполнить только в том случае, если бы Красная Армия под натиском превосходящих сил отступала и отступала,

оставляя в руках неприятеля тысячи и тысячи пленных. Только тогда горстка людей Бажанова могла бы действительно обратиться в стремительный снежный ком. Но даже времени для такого развития событий уже не оставалось. Майское наступление немцев на Западе и крах Франции заставили бы англо — французские войска быстро эвакуироваться из Финляндии, как это и произошло в июне 1940-го с экспедиционным корпусом в Норвегии, и финская армия, потерявшая почти все укрепления линии Маннергейма, смогла бы сопротивляться не более нескольких недель. А потом — оккупация финской территории советскими войсками и пленение РНА, если бы, конечно, ей не посчастливилось эвакуироваться вместе с англо — французскими экспедиционными силами. Совершенно очевидно, что весной — летом 1940 года Русская Народная Армия не имела никаких шансов на успех.

Вместе с тем было бы ошибкой ставить РНА на одну доску с РОА. Бажанов и поверившие ему пленные красноармейцы, в отличие от генерала Власова и его армии, собирались выступить на стороне коалиции демократических государств, а не тоталитарной диктатуры. Правительство Финляндии рассматривало Русскую Народную Армию как вполне реальную военно — политическую силу на случай продолжения войны в союзе с Англией и Францией. Ни одно из трех этих демократических государств, в отличие от нацистской Германии, не имело планов оккупации советских территорий, а тем более ликвидации Российского государства. В Финляндии, правда, существовали экстремистские организации, отстаивавшие идею «великой Финляндии» с включением в нее территории советской Карелии. Однако финское правительство эту идею тогда не поддерживало (после поражения в «зимней войне» его позиция изменилась), а в Лондоне и Париже к ней тем более не могло быть никакого сочувствия. Но если бы чудо свершилось: Красная Армия разбита, и армия Бажанова доходит до Москвы — в нашей стране наверняка сложилось бы демократическое правительство, вроде тех, что после Второй мировой войны с помощью союзников были образованы в оккупированных ими Западной Германии, Италии и Японии. РНА в отличие от РОА стояла за коалицию и демократическую альтернативу советскому строю, а генерал Власов, даже в случае победы Германии, не имел никаких шансов возглавить новое Российское государство, ибо существование такого государства Гитлер отвергал. РОА боролась в союзе с преступным режимом и боролась попросту за какую-то государственную химеру.

Добавлю, что в отличие от западных союзников, выдавших в 1945-м Сталину Власова, власовцев, казацьи формирования и служивших там

эмигрантов во главе с Красновым и Шкуро, финны в 1940 году, несмотря на поражение, не допустили насильственных выдач. Те бойцы РНА, кто пожелал этого, остались в Финляндии или смогли выехать в другие страны. Но значительная часть соратников Бажанова решили вернуться в СССР. Возможно, они рассчитывали, что удастся скрыть свою причастность к Русской Народной Армии, или надеялись на снисхождение советской власти... Как мы вскоре убедимся, судьба всех вернувшихся в СССР из Финляндии военнопленных, за редким исключением, сложилась трагично. Но особенно ужасна участь тех, кто вместе с Бажановым собирался идти походом на Москву.

Последний день войны хорошо запомнился П. Шилову:

«Недалеко от нашей обороны в тылу был сложен огромный штабель из убитых бойцов... Командир взвода повел меня туда и поставил часовым у этого трагического штабеля. Стоял я один и охранял, точнее — исполнял роль «почетного караула» у нескольких сотен погибших. Так в последнюю ночь кровопролитной войны я с винтовкой в руках, в сильный мороз, в темноте прощался с безымянными товарищами.

В ту последнюю ночь и утром до 12 часов дня гремела канонада. Поступил приказ: выпустить в сторону врага без особого прицеливания как можно больше боеприпасов — снарядов, мин и патронов. Трескотня пулеметная, автоматная и винтовочная, грохот пушек и разрывы снарядов вдали были такие, что лопались ушные перепонки.

Но ровно в 12 часов 13 марта 1940 года установилась непривычная тишина, которой не было с тех пор, как батальон прибыл на передовую. Радостное настроение: жить хотелось, хоть и пошли умирать добровольно.

А вернулись — новое событие. Командир взвода находит меня, дает пистолет и приказывает спрятать его под куртку, благо она широкая и с поясом, так как берет меня в качестве сопровождающего на встречу с финскими офицерами. Суть переговоров заключалась в следующем: чтобы финны позволили собрать трупы наших на территории, занимаемой ими, а мы позволяем им забрать трупы на территории, занимаемой нашими. Наша делегация захватила несколько бутылок водки, буханок хлеба и немного мясных консервов. Все это угощение с удовольствием было принято финскими офицерами. С каким восторгом они схватили бутылки с водкой! Нам вручили несколько коробок конфет — леденцов... На переговорах... финский офицер показал, как наши бойцы ходят на лыжах: невероятно наклонился и, опираясь на палки, враскорячку прошел метров 20–30. А потом показал, как финны ходят на лыжах: оперся на палки,

подпрыгнул и побежал, словно олень. Так закончились переговоры».

Подписанный в Москве мир был для Финляндии достаточно тяжелым. Советскому Союзу отошла территория Карельского перешейка с Выборгом, острова в Финском заливе, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольмом, Сортавала, Суоярви, территория далее к северу от Ладоги с городом Куолаярви и часть полуостровов Рыбачий и Средний на Крайнем Севере. Полуостров Ханко поступал на 30 лет в аренду Советскому Союзу для создания там военно — морской базы. 31 марта 1940 года уступленные Финляндией территории, за исключением Карельского перешейка, были объединены с Советской Карелией в Карело — Финскую ССР, партийную организацию которой возглавил все тот же Куусинен. О «Финляндской демократической республике» больше не вспоминали, но Карело — Финская ССР и 71-я особая дивизия оставались как бы «бронепоездом на запасном пути». В случае благоприятной военно — политической обстановки к ней всегда можно было присоединить и остальную Финляндию. Сталин хотел, чтобы правительство в Хельсинки об этом помнило.

В приказе по армии по случаю окончания войны, изданном 14 марта 1940 года, Маннергейм благодарил своих солдат и офицеров за мужество, умение и стойкость:

«Солдаты героической финской армии!.. Я сражался на многих полях битв, но еще ни разу не видел воинов, подобных вам. Я горжусь вами, как если бы вы были моими детьми... Я равно горд жертвой, принесенной как фабричным рабочим и парнем из бедного крестьянского дома, так и богатым человеком. Я благодарю вас всех — офицеров, унтер — офицеров и рядо — вых, но особо хочу подчеркнуть мужество офицеров резерва, их самоотверженность и профессионализм в том деле, которое не являлось для них основным занятием. Жертвы среди них были наибольшими в процентном отношении, но они принесли их с радостью, ни разу не изменив своему долгу.

Я благодарю офицеров штаба за их мастерство и неустанный труд, благодарю своих ближайших помощников, начальника Генерального штаба и главного квартирмейстера, командующих армиями, корпусами и дивизиями, часто делавших невозможное возможным.

Я благодарю армию Финляндии (все ее рода войск с самого первого дня войны совершали замечательные подвиги), за храбрость, с которой они выступали против многократно превосходящих сил неприятеля, за то упорство, с которой она цеплялась за каждую пядь родной земли. Более

1500 танков и более 700 самолетов, уничтоженных вами, говорят о подвигах, которые нередко совершались в одиночку. С радостью и гордостью я думаю о женщинах «Лотта — Свэрд» и их вкладе в борьбу — их самоотверженном и неустанным труде, высвободившем тысячи мужчин для фронта. Их благородный дух воодушевлял и поддерживал армию, чью благодарность и признательность они заслужили в полной мере. Почетное место принадлежит и тем тысячам рабочих, которые добровольно во время бомбежек оставались у станков, изготавливая для армии все необходимое, и тех, кто без усталости под огнем трудился на фортификационных работах».

Всех похвалил старый маршал, для всех нашел теплые, проникновенные слова. Сталин же, выступая 17 апреля 1940 года на совещании по итогам финской войны, о своих войсках отозвался с насмешкой: «...У нас обнаружилось неувязки на всех участках. Обнаружилось потому, что наши войска и командный состав не сумели приспособиться к условиям войны в Финляндии... У всех в голове царили традиции граждане — кой войны: мы обходились без мин, без автоматов, чту ваша артиллерия, наши люди замечательные, герои и все прочее, мы напред и понесем. Эти речи напоминают мне краснокожеров (краснокожих индейцев. — Б. С.) в Америке, которые против винтовок выступали с дубинами и хотели победить американцев дубинами — винтовку победить дубиной, — и всех их перебили». Маннергейм сравнивал своих бойцов с героями древности, совершивших легендарные подвиги, Сталин своих — с индейцами, перебитыми вооруженными ковбоями. Маршал объяснял финнам, почему они не победили: «Несмотря на вашу отвагу и самопожертвование, правительство вынуждено было заключить мир на тяжелых условиях, что, однако, имеет свое объяснение... Наша армия была небольшой... Мы не были готовы к войне с великой державой... Ваши подвиги вызвали восхищение во всем мире, но и после трех с половиной месяцев войны мы остаемся столь же одинокими... К сожалению, данное нам западными державами обещание самой серьезной помощи не могло быть исполнено, так как наши соседи, заботясь о самих себе, отказали в разрешении на транзит войск». А генсек растолковывал своим подданным, почему они не проиграли и насколько слаб был противник: «С точки зрения обороны укрепленных рубежей она, финская армия, более или менее удовлетворительная, но она все-таки не современная... Дурачки, сидят в дотах и не выходят, считают, что с дотами не справятся, сидят и чай попивают... Армия, которая воспитана не для наступления, а для пассивной обороны; армия, которая не имеет серьезной

артиллерии; армия, которая не имеет серьезной авиации... не могу я такую армию назвать армией».

Так кто же больше ощущал себя победителем в той войне? Финская армия, проигравшая сражение, но осознавшая свою силу? Или победившая Красная Армия, бойцов которой и после войны приходилось убеждать, что не так страшны эти финны, как их малюют?

Московский мирный договор, 15 марта одобренный парламентом Финляндии подавляющим большинством голосов, отнюдь не был воспринят финским обществом как окончательный. В глазах финнов это был не мир, а, скорее, перемирие. Премьер — министр Рюти и министр финансов Таннер полагали, что дружба между СССР и Германией будет очень недолгой, и вскоре Финляндия сможет иметь поддержку Берлина против Москвы. К нацизму все финские политики питали глубокое отвращение, но теперь ради возвращения потерянных земель они готовы были вступить в союз и с самим чертом для борьбы против советского чудовища. Последовавшие вскоре оккупация вермахтом Норвегии, разгром Франции и эвакуация британских войск с континента убедили финское правительство в том, что теперь только при содействии Германии можно взять реванш и поднять финский флаг над башней Выборгского замка.

Окончание «зимней войны» с разочарованием было встречено в Париже и Лондоне. 19 марта Галифакс констатировал: «Не может быть никаких сомнений в том, что союзники в результате крушения Финляндии потерпели поражение, как психологическое и моральное, так и практическое, ибо лишились возможности установить контроль над железорудным бассейном в Еливаре». А во Франции 20 марта пало правительство Э. Даладье, в том числе и из-за неудачи с так и не состоявшейся экспедицией в Финляндию.

Московский мирный договор урезал финскую территорию, но сохранил государственную независимость Финляндии. А как развивались бы события, если бы в Хельсинки не согласились на советские условия и продолжили войну? Это покажется невероятным, но один из возможных вариантов дальнейшего развития событий — завершение войны со значительно меньшими территориальными потерями для финнов. Они могли рассчитывать на мир если и не на условиях довоенного статус — кво, то хотя бы на условиях предложенного

Советским Союзом до начала боевых действий обмена территориями. Почему я так думаю? Да есть же ряд явных признаков того, что Сталин в феврале — марте 1940 года торопился как можно скорее закончить войну с Финляндией. Еще 26 февраля нарком Военно-Морского флота Н. Г.

Кузнецов направил флотам секретную директиву, согласно которой вероятными противниками предписывалось считать Германию, Италию, Финляндию и Венгрию. Об этом впервые поведал в 1972 году в своих мемуарах бывший командующий Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц, а в 1995 году на основе архивных документов это подтвердили составители «Хронологии основных событий жизни, государственной и общественной деятельности Адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», включенной в посмертно изданную книгу Николая Герасимовича «Крутые повороты». Ясно, что такая директива не могла быть отдана без санкции Сталина. Наверняка эта директива была дана и Красной Армии. А ведь в конце февраля советское руководство знало о планах высадки в Финляндии англо — французских экспедиционных сил, а между тем ни Англия, ни Франция не были включены в число потенциальных противников. Значит, Иосиф Виссарионович либо не верил в серьезность намерений Лондона и Парижа, либо полагал, что даже в случае высадки союзников на Севере до столкновений с Красной Армией дело у них не дойдет. И, как мне кажется, вовсе не угроза англо — французского десанта заставила Сталина поторопиться с завершением финской кампании. Причина была в другом: в ожидании весной 1940-го наступления Германии на Западе.

Подавляющее большинство освободившихся после войны в Финляндии советских войск спешно перебрасывались к западным границам. Из находившихся на фронте к концу войны 55 стрелковых и 4 кавалерийских и мотокавалерийских дивизий, 8 танковых и 3 авиадесантных бригад на запад с апреля по август 1940 года было переброшено 37 дивизий и 1 бригада, а также большая часть из 4 тысяч боевых самолетов. На совещании высшего состава РККА в декабре 1940 года тогдашний командующий авиацией Ленинградского военного округа А. А. Новиков отмечал: «В 1940 году боевая подготовка частей ВВС Л ВО проходила в несколько своеобразных условиях: до августа месяца все части ВВС округа были заняты выполнением особых заданий и только к августу месяцу возвратились с Украины...» Неужели перебрасывать туда всю многотысячную армаду самолетов потребовалось только затем, чтобы нейтрализовать слабенькую румынскую авиацию во время очередного «освободительного похода» — в Бессарабию и Северную Буковину? Или они предназначались для возможной борьбы с куда более грозным противником — люфтваффе?

Отмечу также, что 30 из 37 дивизий прибыли к месту назначения уже к началу лета. Немцы же, собираясь обрушиться на Францию, оставили у

советских границ всего 12 пехотных дивизий, 9 из которых были второочередными, ландверными и имели очень невысокую боеспособность. Красная Армия в июне 1940-го имела против них в западных приграничных округах 84 стрелковые и 13 кавалерийских и мотокавалерийских дивизий, усиленных 17 танковыми бригадами. Кстати, по числу танков — 200 и более — каждая такая бригада превосходила германскую танковую дивизию. Срок демобилизации 686 тысяч сверхштатных военнослужащих, призванных на финскую войну, в начале мая был отодвинут до 1 июля 1940 года, — вероятно, именно тогда Сталин и планировал начать большой «освободительный поход» в Западную Европу, и прежде всего в Германию.

С подготовкой к этому походу связана и трагическая судьба пленных польских офицеров, захваченных Красной Армией в западных районах Украины и Белоруссии. Вплоть до конца февраля 1940 года их планировали отправить в лагеря на Камчатку по приговорам Особого совещания и держать там, по крайней мере, до окончания мировой войны. Однако 5 марта, вскоре после того, когда в директивах армии и флоту Германия была названа главным вероятным противником Советского Союза, на заседании Политбюро было принято решение об уничтожении 14,7 тысячи польских офицеров и 11 тысяч гражданских лиц польской национальности. Около 22 тысяч несчастных были спешно расстреляны без суда и следствия в апреле и первой половине мая 1940 года.

Почему же так спешно расстреляли поляков? Да потому что в случае начала советско — германской войны эмигрантское польское правительство в Лондоне тотчас становилось союзником Москвы, польских военнопленных пришлось бы освободить и направить на формирование новой польской армии, и эта армия, разумеется, уже не питала бы ни малейших симпатий ни к Советскому Союзу, ни к коммунизму вообще. Такая армия Сталину была бы вредна. Выходит, польских офицеров надо было уничтожить до войны с Германией. Это и было сделано.

Однако крах французской армии произошел гораздо раньше, чем этого ожидал Сталин. Хрущев вспоминал: «Наблюдал я за Сталиным, и на меня он производил плохое впечатление. Он находился в таком состоянии, которое не вносило бодрости и уверенности в то, что наша армия достойно встретит врага. Он как-то опустил руки после разгрома Гитлером французских войск и оккупации Франции. Я был как раз у него во время капитуляции Франции. Тогда он выругался сочно, по — русски, узнав об этом, говорил: видите, столкнули нас лбами. Гитлер развязал себе руки на Западе. Пусть он не говорил это столь прямо, но мы все это понимали».

Иосиф Виссарионович не ожидал столь быстрого падения Франции. Теперь против Красной Армии~могли быть брошены основные силы вермахта, но, с другой стороны, в случае удачи советские войска могли бы мыть сапоги в Атлантическом океане... И Сталин отложил «освободительный поход» на 1941 год. На плане стратегического развертывания Красной Армии на Западе, составленном в марте 1941–го, заместитель начальника Генерального штаба генерал — лейтенант Н. Ф. Ватутин написал: «Наступление начать 12.6». Но потом срок начала вторжения в Западную Европу был перенесен на июль. И вот, сам того не ведая, Гитлер упредил этот план своим неожиданным нападением. Хочу, однако, подчеркнуть, что оба диктатора планировали отнюдь не превентивные удары, ибо о планах друг друга не знали. Нет, они собирались осуществить свои грандиозные захватнические планы в Европе, а для этого необходимо было сокрушить могущественного соседа.

Но не исключен и другой вариант. Сталин решил бы все-таки добить Финляндию, даже при вмешательстве в боевые действия англо — французских войск. Тогда события развивались бы следующим образом. Весенняя распутица и высадка союзного экспедиционного корпуса позволили бы финской армии сопротивляться еще в течение нескольких недель. Но после германского прорыва в Арденнах и капитуляции французской армии союзный экспедиционный корпус уже в июне 1940 года был бы эвакуирован, и Финляндия вряд ли смогла бы долго противостоять Советскому Союзу, и пришлось бы стране Суоми все- таки стать шестнадцатой советской республикой. А вот тогда Красной Армии в Великой Отечественной войне пришлось бы полегче. Не было бы у Гитлера еще одного сильного союзника, не было бы, наверное, и блокады Ленинграда. Ну а в 1991–м году Финляндия, конечно же, одной из первых отделилась бы от нас вместе с республиками Прибалтики, а заодно, не исключено, прихватила бы и Карелию. Напомню, что по договору с «Финляндской демократической республикой» Куусинена к ней была присоединена Карельская АССР. Кто-то при таком раскладе может даже подумать: нам еще повезло, что весной 1940–го Сталин не продолжил поход на Хельсинки. Да, но лучше бы он его не начинал...

Потери Красной Армии в «зимней войне» чрезвычайно велики. Плохо готовились к войне и кое-как обучали бойцов и командиров. Затем, на фронт было послано большое число вообще необученных бойцов, а также красноармейцев старших призывных возрастов. В апреле 1940 года на совещании высшего начсостава военком 50–го стрелкового корпуса бригадный комиссар Семенов заявил:

«...Абсолютно ненормальным был факт, когда присылали на фронт необученных бойцов, состав их был высок, доходил до 20–30 %. Присылались такие бойцы, которые не имели боевой подготовки, не умели обращаться с винтовкой. В период подготовки к прорыву укрепленного района мы таких неподготовленных людей получили по двум дивизиям 874 человека, а позже в 100–й и 123–й дивизиях получили необученных красноармейцев 4314 человек. Незнание военкоматами своего контингента бойцов заставляет удивляться. Очень много было людей на фронте старше 35 лет. Известно, что боец, возраст которого 23–30 лет, самый хороший. А мы имели по 100–й и 123–й дивизиям красноармейцев старше 35 лет 5920 человек. Перевести их в тыловые подразделения не представлялось никакой возможности... Необученные красноармейцы и красноармейцы старших возрастов, присланные на фронт, повысили наши потери и понизили качество наших частей».

О том же говорил и Василевский Симонову: «...При огромных потерях, которые мы там несли, пополнялись они самым безобразным образом. Надо только удивляться тому, как можно было за такой короткий период буквально ограбить всю армию. Щаденко (заместитель наркома обороны по кадрам. — Б. С.), по распоряжению Сталина, в тот период брал из разных округов, в том числе из особых пограничных округов, по одной роте из каждого полка в качестве пополнения для воевавших на Карельском перешейке частей». Такой способ пополнения не позволял передавать новопривышим боевой опыт тех, кто уже повоевал с финнами.

Получалось, что Красная Армия могла воевать только количеством, а не качеством. Большие потери первых недель войны вынуждали брать еще больше необученных призывников для пополнения частей, что вело к еще большим потерям, и особенно при заключительном штурме линии Маннергейма, в котором участвовали новобранцы, не умевшие толком стрелять, и 40–летние мужчины.

Сколько же наших солдат полегло в карельских снегах? 26 марта 1940 года на сессии Верховного Совета СССР правительство, со ссылкой на командование Ленинградского военного округа, обнародовало данные о потерях Красной Армии в советско — финской войне: 48 475 убитых и 158 863 раненых, больных и обмороженных. Финские же потери штаб Л ВО определил в более чем 70 тысяч человек убитыми, более чем 250 тысяч ранеными и 15 тысяч умершими от ран. Вот так советская сторона хотела опровергнуть заявление Маннергейма, опиравшееся на первые, неокончательные подсчеты о том, что армия Финляндии потеряла убитыми лишь 15 тысяч человек. Москва хотела убедить страну и весь мир, что

потери неприятеля были больше потерь Красной Армии, что противник был разбит, что советская победа представляла собой не только захват части финской территории, но и разгром финской армии. Штаб Л ВО обманывал не только мировую общественность, но и руководство Наркомата обороны. Ведь в апреле 1940 года на совещании высшего начсостава РККА советские безвозвратные потери определялись в 50 тысяч человек. Финские же потери действительно после уточнения повысились, но не так круто, как по данным Москвы. Согласно окончательным подсчетам, сделанным уже после Второй мировой войны, вооруженные силы Финляндии потеряли убитыми и умершими от ран и болезней около 23,5 тысячи человек. Из 43,5 тысячи раненых финских военнослужащих примерно 10 тысяч стали инвалидами. Несуразность советской оценки финских потерь — 85 тысяч убитых и умерших от ран и болезней — очевидна. Ведь даже в 1941–1944 годах финские безвозвратные потери оказались меньше этой совершенно фантастической цифры и составили 84 тысячи погибших на поле боя и умерших от ран и в плену.

Сложнее обстоит дело с советскими безвозвратными потерями. Их более или менее точная величина вообще неизвестна до сих пор. Цифрам, приведенным штабом Ленинградского военного округа, никто не поверил. Финская разведка подсчитала советские потери в 200 тысяч погибших. В приказе по армии по случаю завершения «зимней войны» 13 марта 1940 года маршал Маннергейм писал, обращаясь к «солдатам героической финской армии»:

«Более 15 тысяч из вас, вышедших на поле боя, некогда не увидят снова своих очагов, а сколько из вас навсегда потеряли способность трудиться! Но вы также нанесли врагам тяжелые удары, и, если 200 тысяч из них лежат в снежных сугробах и смотрят невидящими глазами в наше хмурое небо, в том нет вашей вины. У вас не было к ним ненависти, вы не желали им зла, вы лишь соблюдали жестокие законы войны: убить врага или погибнуть самому».

200 тысяч погибших солдат — это число долгое время казалось большинству исследователей сильно завышенным. В годы перестройки советские историки ввели в оборот новые данные о потерях Красной Армии в финской войне. В 1990 году А. М. Носков обнародовал цифры из доклада Административно — мобили-зационного управления Генерального штаба, составленного в июле 1940 года: более 72 408 убитых и умерших от ран, 17 520 пропавших без вести и около 200 тысяч раненых, контуженных и обмороженных. В 1993 году в книге «Гриф секретности снят» появились еще более высокие цифры советских потерь — по

итоговым войсковым донесением, по состоянию на 15 марта 1940 года. Согласно этим донесениям общие потери составили 338 084 человека, в том числе 65 384 убитых, 19 610 пропавших без вести, 186 584 раненых и контуженных, 9614 обмороженных и 51 892 больных. Но и эти данные представляются существенно занижены — ми. Ведь согласно данным Е. И. Смирнова общее число больных и обмороженных в санитарных потерях Красной Армии составляло 12 %. Если исходить из того, что раненых и обмороженных действительно было 61 606, то общее число раненых, контуженных, обмороженных и больных должно составить около 513 400 человек. Вероятно, общие санитарные потери Красной Армии в финской войне были близки к этой цифре. Из числа раненых и заболевших к 1 марта 1940 года умерло 15 921 человек. Таким образом, безвозвратные потери, включая пленных, увеличились до 100 915 человек. На родину вернулось из финского плена около 5 600 человек, а от 100 до 200 красноармейцев и командиров предпочло остаться в Финляндии или переехать в другие страны. С учетом этого общее число погибших советских военнослужащих можно было оценить в 95 200 человек. Однако и эта цифра оказалась не окончательной.

К сведениям о потерях, исходящих от Генерального штаба Красной Армии, следует относиться весьма критически. Учет потерь был значительно затруднен тем, что очень многие штабы полков и дивизий были укомплектованы командирами запаса, которые не имели опыта штабной работы и обыкновенно запутывали документацию. Часто было и так, что бойцы и командиры не имели так называемых «смертных медальонов» и те, кто вывозил трупы с полей сражений, естественно, не могли установить, из какой именно части убитый или замерзший.

Сам Сталин на совещании по итогам войны с Финляндией в апреле 1940 года приводил примеры, насколько плохо учитывались потери в этой войне:

«Мы 44-ю дивизию просили узнать, сколько убито из этой дивизии, сколько попало в плен — не могут сказать, гадают, говорят — тысячу. Оказывается, книжка какая-то была. Приехали в каком составе — тоже неизвестно, по книге нельзя судить, так как часть, бывает, хворает, получает пайки в госпитале, часть — в отпуске. Списочный состав дивизии нереальный, проверяли людей по книге. Действительный состав не отвечает тем записям, которые были сделаны в книге. Приехали сюда, сколько осталось в армейских или дивизионных госпиталях — тоже неизвестно, сколько было на линии огня — неизвестно... Что делают — проверяют, перекличку делают — неизвестно. Не знали, сколько убыло,

это остается неизвестным. Разве так можно организовать работу?»

— Ликвидируйте обезличку в белье, постельной принадлежности, и расходы государства сократятся минимум на 50 %, — бросил в аудиторию высшего комсостава словно лозунг Мехлис.

Сталин лозунг не поддержал. Заметил раздраженно:

— Дело не в том, что сократятся расходы, речь идет о живом составе, чтобы командир дивизии знал, сколько у него живых, реальных людей, чтобы он знал наверняка, а не догадывался, не гадал, сколько потеряно.

— У нас боец не получает белье, постель в собственность, все это обезличено, он может порвать, распродать, а назавтра потребовать новое (хорошего же мнения о красноармейцах был Лев Захарович! — Б. С.).

— Я говорю о составе дивизий, а не о снабжении, — прервал Сталин начальника ГлавПУРа.

— Это не только в 44-й дивизии, это во всей армии, — с готовностью подтвердил начальник снабжения РККА А. В. Хрулев. — Вообще, учет в армии личного состава и имущества поставлен настолько безобразно, что нужно принимать самые решительные меры, чтобы навести порядок.

— Не железные, а человеческие, — продемонстрировал свое человеколюбие Иосиф Виссарионович.

— Тут, может быть, и ребра нужно кое — кому поломать, — разъяснил собственное понимание «человеческих мер» Хрулев.

— Без этого не обойдешься, — улыбнулся в усы Сталин.

— В результате отсутствия данных о численности, — продолжал Андрей Васильевич, — было тяжело снабжать Ленинградский военный округ и северные армии. С товарищем Тимошенко у нас были расхождения буквально на 200 тысяч едоков. Мы держались своей, меньшей цифры. Но у меня, товарищи, не было никакой уверенности, что прав я, не окажется ли, что он будет прав, у него на 200 тысяч больше, а потом начнут голодать.

Действительно, страшно: кто-то из красноармейцев умрет с голоду только потому, что писарь выставил в ведомости не ту цифру численности личного состава или командир неправильно вычел число заболевших. А ведь в Великую Отечественную бойцам Красной Армии и в самом деле приходилось умирать с голоду, причем не то, что в блокадном Ленинграде или во вражеском окружении. Например, за первые три месяца 1943 года на Калининском фронте в период затишья и немецкого отступления от дистрофии умерло 76 бойцов: исключительно из-за плохой организации снабжения. То ли не смогли вовремя доставить продовольствие на позиции, то ли просчитались с определением числа едоков.

— Надо заставить людей считать, — требовал Сталин на апрельском

совещании.

— И Генеральный штаб численности действующей армии не знал в течение всей войны, — продолжал свою речь Хрулев, — и не знает на сегодняшний день.

— К сожалению, — вставил Сталин.

— Главное управление Красной Армии (ведавшее кадрами. — Б. С.) не знало численности финского фронта во время войны и не знает на сегодняшний день, — обрушился начальник снабжения на еще один руководящий орган Наркомата обороны. — Мне, например, на второй квартал по Ленинградскому округу по пайкам дают данные на 46 тысяч человек. Это только вузы и тыл, а где же армии? Этого они не знают, выясняют. Органы снабжения работали плохо, и их нужно бить.

— За одного битого двух небитых дают: дороже, — поддержал Сталин Хрулева.

Думаю, этими же словами Иосиф Виссарионович оценивал и состояние Красной Армии после «зимней войны». Ничего, что финны наших побили, зато наши набрались опыта, впредь умнее будут и станут лучше драться с немцами.

Да вот только и в годы Великой Отечественной войны так и не удалось наладить нормальный учет численности личного состава и потерь Красной Армии. Считали еще хуже, чем в финскую войну.

Убитых не только плохо учитывали — их долго еще не могли похоронить. А. И. Запорожец рассказывал на том же совещании:

— У нас в 13-й армии долго продолжалось такое положение, когда убитых бойцов и командиров хоронили не очень хорошо — просто в штабеля складывали, и они лежали по два — три дня (благо — мороз! — Б. С.). Пришлось написать два приказа, чтобы это дело упорядочить.

— Это позор! — возмутился Сталин.

— Я слышал указания товарища Сталина, — моментально отреагировал Александр Иванович, — что командиров надо хоронить отдельно.

— Памятники им надо поставить, — патетически воскликнул Иосиф Виссарионович.

— А там (то есть в штабелях. — Б. С.) среди убитых были начальники штабов дивизий, командиры полков, — закончил Запорожец.

Так каково же все-таки истинное число советских потерь в Великой Отечественной войне? Московский историк П. А. Аптекарь еще в 1991 году обнаружил в

Российском государственном военном архиве «Книги учета

безвозвратных потерь Рабоче — Крестьянской Красной Армии в войне с белофиннами». Они представляют собой алфавитные списки погибших, умерших от ран и не вернувшихся из плена. Всего в этих списках, согласно подсчетам Аптекаря, 131 476 фамилий. (М. В. Филимошин в книге «Гриф секретности снят» по тем же самым спискам выводит другое число погибших — 126 875.) Однако и эти данные неполные. Сюда не вошли, например, расстрелянные перед строем командиры 18-й дивизии и 662-го полка. По свидетельству Аптекаря, в бытность его сотрудником РГВА, примерно 20–25 % запросов родственников людей, не вернувшихся с финской войны, оставалось без ответа, поскольку фамилии этих людей не удавалось найти в алфавитных списках потерь. Такой недоучет представляется вполне правдоподобным. Ведь и десять лет спустя было невозможно поименно установить каждого погибшего в войне с Финляндией. Данные о потерях многих частей и соединений в архивах вообще отсутствуют. Например, в РГВА нет данных по личному составу 13, 45 и 69-го отдельных лыжных батальонов. Если предположить, что примерно 22,5 % погибших не попали в составлявшиеся в 1949–1951 годах «Книги учета безвозвратных потерь», то действительное число убитых, умерших от ран и болезней, от несчастных случаев, покончивших с собой и расстрелянных по приговорам трибуналов в период советско — финской войны, можно оценить примерно в 170 тысяч человек. Это число уже довольно близко к финским данным — 200 тысяч погибших советских военнослужащих.

Соотношение безвозвратных потерь вооруженных сил Советского Союза и Финляндии представляет собой примерно 7,2:1. Вот таким примерно было и соотношение уровней военного искусства и боевой подготовки двух армий.

По месяцам финские потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести распределяются следующим образом: декабрь — 13 200, январь — 7700, февраль — 17 200 и март — 28 900. Величина потерь тут вполне соответствует интенсивности боевых действий. С учетом того, что в марте бои продолжались всего 12,5 дня, средний ежедневный уровень потерь в этом месяце был почти в 4 раза выше, чем в феврале, почти в 10 раз выше, чем в январе, и в 6 раз выше, чем в декабре.

Вот и Красная Армия наибольшие потери понесла в феврале и марте 1940 года. По данным Е. И. Смирнова, 26 % всех санитарных потерь 7-й армии пришлось на декабрь 1939-го, 9,4 % — на период с 1 января по 10 февраля и 64,6 % — на время с 11 февраля по 13 марта 1940 года. Согласно итоговым донесениям войск общие потери убитыми, ранеными, больными

и пропавшими без вести за 105 дней войны составили 333 084 человека (как мы покажем ниже, они значительно занижены, главным образом за счет безвозвратных потерь). Из этого числа с 30 ноября по конец декабря 1939 года советские войска потеряли 69 986 бойцов и командиров, или в среднем в день — 2187.

Потери 15-й армии, образованной 12 февраля 1940 года, до конца войны составили 49 787 человек.

Северо — Западный фронт, образованный 7 января 1940 года в составе 7-й и 13-й армий, потерял 190 116 военнослужащих.

14-я армия, сражавшаяся на Крайнем Севере, потеряла, главным образом в декабре 1939-го, всего лишь 299 человек.

Потери 8-й и 9-й армий, действовавших севернее Ладожского озера, в январе — марте 1940 года составили примерно 32 796 человек.

Таким образом, общие потери советских войск в 1940 году составили около 222 912 красноармейцев и командиров. В среднем ежедневно с января по февраль — 3054 человека, что превышало среднедекабрьс — кие потери в 1,4 раза. Однако в январе на главном фронте, на Карельском перешейке, было затишье. Как раз в этом месяце финны понесли наименьшие потери за всю войну. Можно предположить, что и у Красной Армии они тогда были наименьшими. В общих финских потерях за январь — март 1940 года на январские потери приходится 14,3 %. Если предположить, что такое же соотношение верно и для советских потерь, то получится, что в январе Красная Армия потеряла 31 876 человек, а в феврале и марте — 181 036, понеся в последние полтора месяца наибольшие жертвы за всю войну.

Соотношение же общих советских и финских потерь по месяцам будет следующим (во всех случаях в пользу финнов): декабрь — 5,3:1; январь — 4,1:1; февраль и март — 3,9:1. Как видим, колебания цифр здесь довольно невелики и находятся в пределах статистической погрешности. Если же иметь в виду, что процент недоучета возрастает с ростом абсолютной величины потерь, то следует признать, что действительное соотношение советских и финских потерь в феврале и марте было скорее всего таким же, как в декабре, а возможно, даже еще с большим превышением для Красной Армии.

Велики были советские потери не только в людях, но и в боевой технике, особенно в танках. Многие из них по своей конструкции не очень-то подходили для боевых действий в лесах, да еще снежной зимой. БТ-7 безнадежно увязали в глубоком снегу, садясь на брюхо, и становились мишенью для неприятельской артиллерии. Точно так же не могли двигаться

по снегу и танки непосредственной поддержки пехоты Т-26: их двигатель был слишком слаб. Танкетки — амфибии Т-37 и Т-38, с тонкой броней, вооруженные одним пулеметом, были не более чем мишенями для неприятеля. Вскоре их стали использовать почти исключительно для охраны коммуникаций и доставки донесений. Только Т-28 и новейшие КВ заставляли противника с собой считаться.

Подавляющее большинство танков действовало на направлении главного удара — на Карельском перешейке. За первый период войны, с 30 ноября 1939 года по 1 февраля 1940 года, финнами было подбито и уничтожено около 1100 танков, или 80 % от общего числа использованных в боях. При прорыве же линии Маннергейма только 7-я армия потеряла 1244 танка. По данным Управления автобронетанковых войск, 7 танковых бригад и многочисленные танковые батальоны Северо — Западного фронта за всю войну безвозвратно потеряли 358 танков, сожженных артиллерийским огнем, подорвавшихся на минах и попавших в «волчьи ямы». Еще 1545 были подбиты, а 1275 вышли из строя по техническим причинам, то есть по изношенности материальной части и из-за плохой подготовки механиков-водителей.

Несколько меньшими были потери в танковых частях 8, 9 и 14-й армий, действовавших к северу от Ладожского озера. Здесь и танков было гораздо меньше, чем на Карельском перешейке. Наиболее серьезно пострадали танковые батальоны 139, 75, 122 и 163-й стрелковых дивизий, а 312-й танковый батальон 44-й дивизии был почти полностью уничтожен в боях в начале января 1940 года. Всего здесь было потеряно около 350 танков, из которых более 100 — безвозвратно.

Всего же автобронетанковые войска Красной Армии безвозвратно потеряли в боях с противником 650 танков, около 1800 было подбито, а более 1500 вышли из строя по техническим причинам. Следовательно, большинство танков, действовавших на фронте, не раз ремонтировались в полевых или заводских условиях.

Интересно, что финны считали, что уничтожили или подбили примерно 2 тысячи советских танков. В действительности же боевые потери Красной Армии оказались еще выше — около 2450 машин.

За весь период войны в качестве трофеев финны захватили 40 500 винтовок, 3900 ручных пулеметов, 200 автоматов, 900 станковых пулеметов, 138 полевых и 125 противотанковых орудий, 131 танк, 9 бронемашин, 329 грузовиков и 25 самолетов.

А сколько было пленных у обеих сторон? В советском плену оказалось, по подсчетам российского историка В. П. Галицкого, 876

финских военнослужащих, в том числе 10 офицеров. 13 финнов не дожили до освобождения, а 20 человек предпочло остаться в СССР: многие из них были жителями отошедших к Советскому Союзу территорий. Основная масса пленных была захвачена Красной Армией в феврале и марте 1940 года во время прорыва линии Маннергейма. До этого пленных было немного. Так, в период с 1 декабря 1939-го по 1 января 1940 года от 8-й и 9-й армий, действовавших к северу от Ладоги, передали в лагеря для военнопленных всего 100 человек. Еще меньше неприятельских солдат было пленено армиями, действовавшими на Карельском перешейке.

Всех финских пленных содержали в Грязовецком лагере Управления по делам военнопленных (УПВ) НКВД СССР. Этот лагерь располагался в 7 км от города Грязовец в Вологодской области. Условия в этом лагере были более сносные, чем в лагерях ГУЛАГа для советских граждан, но привыкшими совсем к другой жизни финнами даже они воспринимались как весьма тяжелые. Хотя пленных было мало, держали их скученно. На одного человека в ветхих бараках приходилось в среднем лишь 0,6 кв. м площади. Одежда и простыни отсутствовали.

В начале февраля 1940 года лагерь посетил старший инспектор 4-го отдела УПВ. В отчете он писал: «Помещения для военнопленных оборудованы нарами сплошной системы в один, два и три яруса, в зависимости от состояния здания (ветхости и кубатуры воздуха)... Беспорядочное нагромождение: нар, без соблюдения требуемых между ними проходов, имеет след — ствием скученность контингента и делает невозможной уборку помещений».

Пленных агитировали в пользу социализма и стремились «пробудить» у них «классовую солидарность». На вопрос, кто начал войну, советские политработники, ничтоже сумняшеся, отвечали: «Войну против Советского Союза начала кровавая финская буржуазия, подстрекаемая английскими империалистами». Евангелие у пленных изъяли, предложив вместо него список «рекомендованных авторов»: Маркс, Энгельс, Тургенев, Сервантес, Берия, Ленин, Гете, Чехов, Сталин, Толстой, Пушкин, Жюль Верн, Молотов, Гайдар... Правда, книг из этого списка они прочитать не успели: война слишком быстро кончилась.

Тадеус Сарримо вспоминал: «Многих военнопленных уговаривали остаться в Советском Союзе. Обещали все, что только мы пожелаем, и уверяли, что мы никогда не будем раскаиваться в том, что не вернулись в Финляндию, а остались в СССР... Комиссары говорили, что в Финляндии всех расстреляют. Однако этого не случилось. Военнопленные вернулись 20 апреля 1940 года». Только 20 финских военнослужащих отказались

вернуться на родину. Все они были жителями территорий, отошедших к Советскому Союзу по мирному договору. Из вернувшихся в Финляндию бывших пленных никто не был репрессирован, а тем более расстрелян.

Советских военнопленных в Финляндии было гораздо больше — около 6 тысяч. 111 из них умерли в плену от ран и болезней. Около 100 (а по другим оценкам — 200) человек остались в Финляндии или* выехали в другие страны. В СССР вернулись примерно 5770 человек. В плену красноармейцев содержали далеко не в нормальных условиях. Вернувшиеся из Финляндии красноармейцы рассказывали: «...Долгое время помещались в сарае, где раньше находилась скотина. Постельной принадлежности никакой не было. Военнопленных били резиновыми палками, березо — выми прутьями. Бани не было, у каждого вши. Кормили отвратительно плохо. Хлеба не давали, только сухих коржиков давали, и то мало. Варили баланду вместо супа. Давали конины, что порченная. Больным помощи никакой не оказывали. У кого рана была большая, тот умирал... При обмене изношенной обуви давали нарочно не по размеру. Часто на одну ногу давали сапог, а на другую дамскую туфель». Кое-что в этих свидетельствах вызывает сомнения. Неужели за три — четыре месяца плена красноармейцы успели износить обувь? Другое дело, как мы помним, сапоги и ботинки у многих еще в Красной Армии «каши просили». Надо также учесть, что бывшие пленные давали свои показания в тех же бараках, откуда только что отправили на родину финских военнопленных. Красноармейцы опасались за свою судьбу и могли намеренно преувеличивать ужасы плена в расчете на сострадание и снисхождение. Если бы кто-то похвалил жизнь в Финляндии, его могли заподозрить в «предательстве», но предателей было мало, несмотря на пропагандистскую обработку, которой красноармейцы подвергались в плену.

Финские свидетельства о положении военнопленных, разумеется, рисуют совсем иную картину. Красноармейцы, если послушать финнов, чуть ли не за счастье принимали то, что оказались в плену, где их будто бы кормили и одевали гораздо лучше, чем на родине. Финский офицер Салонэн, выступая перед журналистами в Париже в январе 1940-го, например, утверждал:

«Нам удалось захватить советский походный лазарет, переполненный ранеными. Только за офицерами там был кой — какой уход. Что же касается солдат, то их даже не перевязывали. В лазарете почти не было хирургических принадлежностей. Те редкие инструменты, которые имелись, так заржавели, что для раненых было бы лучше, если бы ими

вовсе не полью — вались. Вата и марля были сложены кучей в коробки для консервов. Грязь всюду была невероятная. Раненые лежали на полу среди оголенных трупов и всевозможных отбросов. Несчастные русские крестьяне крестились и благодарили Бога за то, что они попали в плен к финнам.

У пленных большевиков жалкий, измученный вид. «Вы добрые люди», — говорят они финнам, благодаря их за хорошее обращение. Ноги у всех в ужасающем виде, израненные, окровавленные, обувь самого низкого качества, продырявленная. Все пленные жалуются на пищу в Красной Армии. С начала похода им не выдавали горячей пищи, кормили только сухарями. Все зябнут, так как их шинели без меховой подкладки (вот уж поистине — два мира, две культуры; финнам, у которых все солдаты были в шинелях с меховой подкладкой, и в голову не могло прийти, что в Красной Армии даже не все командиры имеют полушубки, а уж шинель на меху в советских условиях была невиданной роскошью. — Б. С./ Больше всего беспокоит их — не вернут ли их обратно в СССР».

Отмечу, что в советских лазаретах, по финским меркам, уход за ранеными действительно мог считаться плохим. Но врачи и медсестры были не виноваты: был крайний дефицит лекарств, инструментов и перевязочных средств. Первая жена писателя Михаила Булгакова Т. Н. Лаппа вспоминала, что когда она в 1940 году работала медсестрой в больнице сибирского города Черемхово, то инструментарий там был гораздо скуднее, чем в 1916 году в земском здравпункте настоящего «медвежьего угла», села Никольского Смоленской губернии, где она жили и работала вместе с автором «Записок юного врача». А в Финляндии и в 1916 году медицина была поставлена вообще лучше, чем в России.

Раны у бойцов и командиров Красной Армии очень часто гноились. Это подтверждает и такой авторитетный свидетель, как начальник Главного военно — санитарного управления РККА Е. И. Смирнов: «В ходе боевых действий все больше накапливалось данных об отрицательном влиянии первичного шва на течение ран и сроки их заживления. Чем дольше продолжались боевые действия войск, тем чаще наблюдались нагноительные процессы в ранах и расхождения глухих швов, наложенных в дивизионных медицинских пунктах... Военно — санитарное управление было вынуждено директивным письмом от 13 января 1940 года запретить наложение первичных глухих швов на раны после их хирургической обработки в медицинских учреждениях войскового тыла». Беда в том, что в полевых условиях раны не всегда удавалось должным образом продезинфицировать, и они могли нагноиться уже после наложения шва.

Салонэн также процитировал ответы пленных на вопрос, ради чего они сражаются: «Если мы не будем драться, нас убьют. Когда нам велют идти в атаку, мы[^] знаем, что если мы остановимся, то нас сзади станут расстреливать из пулеметов. За нами всегда комиссары НКВД». Рассказал он и историю одного из пленных: «Этот солдат был ранен. Он пролежал несколько часов в снегу, истекая кровью, так как в советской армии почти нет санитаров и помощь вообще не организована. Когда подошли финны, он подумал, что они его сейчас прикончат. Изумлению и радости его не было предела, когда его положили на носилки, а затем врач перевязал его раны. Пленник сказал: «Комиссары заявляли нам на все лады, что финны не берут пленных, что тех, кто попадает к ним, они подвергают ужасающим пыткам. Они говорили нам, что финны режут пленников на части, сдирают с них кожу»».

За этим пленным ухаживала жена Салонэна, работавшая медсестрой в госпитале. На той же пресс — конференции в Париже она утверждала:

«Эти люди, попадая ранеными в наши руки, испытывают огромное облегчение. Они сами заявляют, идм лучше среди нас, в СССР. Я видела, как многие из них радовались, когда им давали горячие напитки. Я видела, как красноармейцы плакали, когда финские солдаты отдавали почести праху одного из пленных. Красноармеец, за которым я ухаживала (тот самый, который пролежал несколько часов на снегу и был приятно удивлен, что финны не стали расчленять его на части, а на носилках эвакуировали в тыл. — Б. С.Л тяжело раненный, призывал Христа на помощь. Раненый, лежавший с ним рядом, спросил его по — русски: «Почему ты зовешь Христа? Ведь в России вы его отвергли!» (очевидно, спрашивающий был финном, и, значит, советских военнопленных лечили в одном госпитале с финскими солдатами. — Б. С.,) Тот замотал головой и прошептал: «Нет, Христос всегда с нами...» Из разговоров с пленными я вывела заключение, чту большевизм сделал в русском народе. Политические комиссары, которые наводнили армию, рассматривают ее как массу, которую всегда можно обновить, а потому можно без сожаления посылать на убой».

Конечно, в откровениях финского офицера и его супруги перед журналистами правда о положении советских военнопленных могла переплетаться с пропагандистской ложью. Самое удивительное, однако, в том, что тот раненый, за которым ухаживала жена Салонэна, похоже, не только выжил, но и оставил мемуары «Я воевал одну только ночь», не предназначавшиеся к публикации. Уже знакомый нам Иван Терентьевич Сидоров попал в плен в первом же бою в декабре 1939-го. Он окончил полковую воздушно-де- сантную школу в Киеве. В конце ноября и начале

декабря в подмосковном Пушкино Сидорова и его товарищей две недели обучали ходить на лыжах, а потом в составе лыжного батальона отправили на фронт. Иван Терентьевич вспоминал:

«...Нас оставалось десятка два. Когда начался рассвет маскировочных халатах стало трудней вести бой. Еще не совсем было светло, когда меня ранило во вторую ногу, но теперь уже навывлет и задело кость. Ходить я уже не мог, только ползать. И опять ползком вперед!..

Все кругом затихло. Где-то далеко были слышны крики «ура» и совсем мало выстрелов. На таком морозище тяжелораненые затихали, а кто — легко, что-то еще предпринимали. Вдруг такое ощущение, как будто кто-то подошел сзади и так меня ударил палкой по левому боку, что я выронил из рук винтовку и тут же сунулся головой в снег, изо рта хлынула кровь. Я успел вспомнить, как мать заставляла меня (сама боялась) отрубать голову гусю или молодому петушку, такое бывало осенью, и у меня это получалось неплохо... То ли я последовал примеру своих товарищей, последним словом которых было «мама», то ли уж так положено: я позвал маму...

Меня грубо, как мешок, перевернули навзничь. Я услышал незнакомый мне язык, по его тону можно было догадаться, что меня ругают. Один из финнов тряс перед моим носом пустой кобурой, которую они срезали у меня с ремня. Пальцы рук моих застыли, и все же правую руку потянул на грудь. Этого достаточно было для финнов, чтобы догадаться, где содержимое моей кобуры...

Так же небрежно меня бросили в лодку и потянули по снежным тропам. Иногда становилось так больно, что я начинал кричать по — русски, чтобы меня пристрелили, потом я отключался, и мне становилось хорошо...»

В госпитале Сидорову запомнилась молодая медсестра, хорошо относившаяся к нему: «К нам в палату заходила всегда одна и та же медсестра. Она была похожа на типичную нашу грузинку: черные пышные волосы и темные глаза. По национальности она была шведка... И уж очень ей хотелось научиться говорить по — русски. Принесла она две ученические тетради и простые карандаши, уселась около моей кровати, и начался у нас с ней урок. Объяснялись мы в основном на пальцах. Я брался пальцами за свои волосы или нос и называл их русским словом. Лизи записывала в свою тетрадь, сказав мне, как это называется по — фински. Я тоже записывал...»

Но вот война кончилась, и пленных отправляли домой. И тут Лизи

оказала Сидорову неоценимую услугу:

«На первом этаже меня встретил человек в военном, показавший мне руками, чтобы я одевался. Передо мной валялся мой полушубок, весь засохший от крови, оба валенка, разрезанные сверху вниз. И вдруг появилась Лизи. Она решила меня «приодеть». Не новое, но чистое нижнее белье, гимнастерка, наша, русская телогрейка и ватные брюки защитного цвета... На ноги она нашла коричневые, еще довольно крепкие пек-сы (это финские сапоги с крючком на носках для лыж). На голову дала черную круглую меховую шапку, она была мне великовата, спадала иногда на глаза. Наполовину я выглядел финном, и только телогрейка и брюки говорили, что я русский... Человек в военном подал команду на выход. Лизи протянула мне костыль, а я пристально посмотрел ей в глаза и от души сказал «китощ» (спасибо). Стало как-то грустно. Лизи не проронила ни слова, лишь закрыла свои черные глаза».

С пленными в Финляндии вели разъяснительную работу русские эмигранты. Причем, как и финнам наши политработники в советском плену, грозили им самыми страшными карами на родине. А для опровержения «достоинств социализма» живописали прелести жизни вольного фермера. Правда, для приобщения к ним надо было сперва поработать на финских хозяев. Вот свидетельства вернувшихся: «...Поп (тут русский православный священник. — Б. С.) сказал, что после 5 лет батрачества вы получите гражданство. Вам дадут 4 коровы, дом, землю, 3 лошади с выплатой их стоимости в рассрочку. Нежелающие остаться в Финляндии могут поехать в любую другую страну... Финны предлагали каждому остаться в Финляндии или поехать в любую другую страну, при этом запугивали, что «в СССР вас все равно расстреляют»».

В Финляндии осталось совсем немного пленных. Советских людей пугала чужая страна, чужая жизнь (от капитализма уже отвыкли), разлука навеки с родными и близкими, которых к тому же наверняка репрессируют как «членов семьи изменника Родины». Да и не верили красноармейцы, что на родине многих из них ждет пуля. Думали — пугают. Но финские пропагандисты в отличие от советских политруков, как оказалось, не ввали. Судьба вернувшихся была незавидна. 28 июня 1940 года Берия докладывал Сталину:

«В Южском лагере (этот лагерь в Ивановской области готовили для финских пленных, но таковых хватило лишь на один Грязовецкий лагерь. — Б. С.,) содержится 5175 красноармейцев и 293 человека начсостава, переданных финнами по обмену военнопленными (еще около 300 человек вернулось из плена позднее в 1940 году. — Б. С.). Оперативно — чекистской

группой выявлено и арестовано 414 человек, изобличенных в активной предательской работе в плену и завербованных финской разведкой для вражеской работы в СССР. Из этого числа закончено и передано прокурором МВО в Военную коллегия Верховного суда СССР следственных дел на 344 человека. Приговорены к расстрелу 232 человека. Приговор приведен в исполнение в отношении 158 человек.

Бывших военнопленных в числе 4354 человек, на которых нет достаточного материала для предания суду, подозрительных по обстоятельствам пленения и поведения в плену, — решением Особого Совещания НКВД СССР осудить к заключению в исправительно — трудовые лагеря сроком от 5 до 8 лет.

Бывших военнопленных в количестве 450 человек, попавших в плен, будучи ранеными, больными или обмороженными, в отношении которых не имеется компрометирующих материалов, — освободить и передать в распоряжение Наркомата обороны».

В переводе с чекистского языка на общечеловеческий «нет достаточного материала для предания суду, но подозрительны по обстоятельствам пленения» означало, что несчастных не в чем было обвинить, кроме того, что они оказались в плену, не будучи ранеными. Вот и посадили всех пленных, кроме раненых и больных, в лагеря. Для Сталина и Берии все вернувшиеся из Финляндии были преступниками уже потому, что сдались в плен. Вождя и его подручного не волновало, что большинство красноармейцев было пленено, когда они исчерпали возможности сопротивления и оказались в совершенно безнадежном положении. А среди 414, на кого имелся хоть какой-то материал для советского судилища, вряд ли все были бойцами бажановской освободительной армии России: эти люди прекрасно знали, что в Советский Союз им путь заказан, и постарались остаться в Финляндии или уехать в другие страны. Среди осужденных 106 подозревались в шпионаже, 166 считались участниками антисоветского добровольческого отряда и 54 — провокаторами. В этих трех категориях пленных, по всей вероятности, оказались и действительные члены РНА. Кроме того, 13 красноармейцев обвинялись в издевательствах над другими военнопленными, а 72 — в добровольной сдаче в плен.

Вряд ли многие из тех, кто попал в лагеря на срок от 5 до 8 лет, дожили до освобождения. В годы Великой Отечественной войны от недоедания и тяжелой работы в ГУЛАГе была более высокая смертность, чем в предвоенное время. Ко всему, годных для фронта мужчин из лагерей отправляли на фронт, в штрафные батальоны, а там было мало шансов

уцелеть. Поэтому лишь единицы из советских пленных «зимней войны» смогли выжить и иногда оставить устные или рукописные свидетельства очевидцев.

Безусловно, война 1939–1940 годов была справедливой со стороны Финляндии и несправедливой со стороны Советского Союза. Советская агрессия вызвала резкое осуждение в демократических западных странах. Президент США Франклин Рузвельт, выступая в феврале 1940 года перед конгрессом американской молодежи, говорил:

«Более двадцати лет назад... я решительно симпатизировал русскому народу... надеялся, что Россия ре — шит свои собственные проблемы, что ее правительство в конечном счете сделается правительством миролюбивым, избираемым свободным голосованием и что оно не будет покушаться на целостность своих соседей. Сегодня эти надежды или исчезли, или отложены до лучшего дня. Советский Союз, как сознает всякий, у кого хватает мужества посмотреть в лицо фактам, управляется диктатурой столь абсолютной, что подобную трудно сыскать на свете. Она вступила в союз с другой диктатурой и вторглась на территорию соседа, столь бесконечно малого, что он не мог представлять никакой угрозы, не мог нанести никакого ущерба Советскому Союзу, соседа, который желал одного — жить в мире как демократическая страна, свободная и смотрящая вперед демократическая страна».

Однако понимание несправедливости агрессии, совершенной по отношению к Финляндии, не помешало правительствам Рузвельта и Черчилля вступить в союз с «абсолютной диктатурой» Сталина, посчитав ее меньшим злом, чем нацистская диктатура Гитлера. Ведь Германия обладала гораздо большей военной и экономической мощью, чем Советский Союз, и потому представляла более серьезную угрозу западным демократиям.

Давний политический противник Сталина Л. Д. Троцкий не случайно расценивал «зимнюю войну» как поражение СССР. В статье «Сталин после финляндского опыта», написанной в день объявления о советско-финском мирном договоре, он так подвел итоги войны:

«В течение двух с половиной месяцев Красная Армия не знала ничего, кроме неудач, страданий и унижений: ничто не было предвидено, даже климат. Второе наступление развивалось медленно и стоило больших жертв. Отсутствие обещанной «молниеносной» победы над слабым противником было уже само по себе поражением. Оправдать хоть до некоторой степени ошибки, неудачи и потери, примирить хоть задним

числом народы СССР с безрассудным вторжением в Финляндию можно было только одним путем, именно — завоевав сочувствие хотя бы части финляндских крестьян и рабочих путем социалистического переворота. Сталин понимал это и открыто провозгласил низвержение финляндской буржуазии своей целью: для этого и был извлечен из канцелярии Коминтерна злополучный Куусинен. Но Сталин испугался вмешательства Англии и Франции, недовольства Гитлера, затяжной войны и — отступил. Трагическая авантюра заключилась бастардным миром: «диктатом» по форме, гнилым компромиссом по существу».

Лев Давыдович полагал, что Сталин побаивается Гитлера и что одной из причин «гнилого компромисса» стал страх перед Германией. Между тем год спустя, в феврале 1941-го, получив сведения о концентрации немецких войск у советских границ, Сталин успокоил наркома обороны С. К. Тимошенко и только что занявшего пост начальника Генштаба Г. К. Жукова: «Они боятся нас». Иосиф Виссарионович продолжал наивно верить, что мощь Красной Армии пугает Гитлера и он никогда не рискнет первым напасть на СССР, по крайней мере, до того, как расправится с Англией.

Саму войну с Финляндией Троцкий, как упрямый теоретик революции, рассматривал исключительно с точки зрения «революционной целесообразности»:

«При помощи советско — финляндской войны Гитлер скомпрометировал Сталина и теснее привязал его к своей колеснице. При помощи мирного договора он обеспечил за собой дальнейшее получение скандинавского сырья. СССР получил, правда, на северо — западе стратегические выгоды, но какой ценой?.. Престиж Красной Армии подорван. Доверие трудящихся масс и угнетенных народов всего мира утеряно. В результате международное положение СССР не укрепилось, а стало слабее. Сталин лично вышел из всей этой операции полностью разбитым. Общее чувство в стране, несомненно, таково: не нужно было начинать недостойной войны, а раз она была начата, нужно было довести ее до конца, т. е. до советизации Финляндии. Сталин обещал это, но не исполнил. Значит, он ничего не предвидел: ни сопротивления финнов, ни морозов, ности со стороны союзников. Наряду с дипломатом и стратегом поражение потерпел «вождь мирового социализма» и «освободитель финского народа». Авторитету диктатора нанесен непоправимый удар. Гипноз тоталитарной пропаганды (вот когда, похоже, появился знаменитый термин «тоталитаризм»! — Ъ. С.) будет все больше терять силу».

Но Сталин вовсе не отказался от планов «советизации Финляндии». Уже 25 ноября 1940 года, вскоре после визита Молотова в Берлин, войскам Ленинградского военного округа была дана директива к 15 февраля 1941 года подготовить план войны против Финляндии. Этой директивой предусматривалось, что на 35-й день после начала операции Красная Армия овладеет финской столицей. В Берлине Молотов требовал, в обмен на присоединение СССР к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии, среди прочего, санкционировать полную оккупацию Финляндии советскими войсками. Тогда согласия Гитлера не последовало, но Сталин рассчитывал либо уломать фюрера в последующие месяцы, либо «разобраться» с Финляндией уже после поражения Германии, которое, как он надеялся, неминуемо последует после внезапного советского нападения на нее. В марте 1941-го срок вторжения Красной Армии в Польшу и Германию был назначен на 12 июня, в мае перенесен на июль, а затем последовало совершенно не предвиденное Сталиным и его генералами и маршалами германское вторжение в СССР.

Известный британский военный теоретик генерал Джон Фуллер в 1948 году, учтя ход и исход Второй мировой войны, так оценил итоги советско — финского конфликта:

«...Всегда опасно презирать противника, как бы ни был он слаб. Полагая, что демонстрация силы окажется достаточной, чтобы запугать финнов и добиться немедленной капитуляции, русские хорошо подготовились использовать в пропагандистских целях радио, духовые оркестры и кино, однако совершенно упустили из виду стратегические и тактические аспекты войны и вопросы снабжения... Война показала, наше оружие сконструировано без учета особенностей местности и климата, то, несмотря на свою мощь, оно окажется почти бесполезным... Высокая подвижность финнов, так же как высокая подвижность немцев в Польше, еще раз показала, что она важнее численного превосходства. Это последнее обстоятельство привело Гитлера к выводу, что русская армия 1939–1940 годов оставалась такой же, какой была в 1916–1917 годах. Если маленькая Финляндия могла сделать так много, то что мог бы сделать мощный рейх?»

Однако Гитлер не учел целого ряда важных обстоятельств. За 105 дней «зимней войны» Советский Союз использовал лишь небольшую часть своих материальных и людских ресурсов. Кроме того, с Финляндией СССР воевал без союзников. Финны же, напротив, получили довольно значительную, по масштабам «зимней войны», помощь вооружением и материалами со стороны Англии, Франции и Швеции, без чего не смогли

бы сопротивляться так долго. А в случае войны с Германией неизбежно были бы использованы все советские ресурсы, и Сталин мог уже рассчитывать на твердую поддержку заинтересованной Англии и стоявшей за ней Америки.

Война СССР против Финляндии была хуже чем ошибкой — она была преступлением, оплаченным кровью сотен тысяч красноармейцев и десятков тысяч финских солдат. В результате этой войны Советский Союз как будто получил некоторые стратегические преимущества: отодвинул границу от Ленинграда, получил важные базы в Финском заливе. Однако все эти преимущества побивались одним крупным стратегическим проигрышем: переходом Финляндии в германский лагерь. После нападения Германии на Советский Союз в июне 1941-го финское правительство решило, что пришел час отмщения, и тоже объявило войну восточному соседу. Финны собирались не только вернуть потерянные территории, но и прихватить солидную часть Советской Карелии вместе с ее столицей Петрозаводском. Кроме того, Гитлер обещал передать Финляндии Ленинград. Американский историк Чарльз Лундин отмечал: «Благодаря московской политике, толкнувшей Финляндию к сотрудничеству с Германией, русские оказались скучены на опасно малой территории, ограниченной оборонительным периметром Ленинграда, в условиях, гораздо менее благоприятных, чем в 1939 году. В то время как германские армии наступали на город с юго — запада, финны, вооруженные лучше, чем когда-либо прежде, нависали над ним с севера буквально на расстоянии пушечного выстрела».

Очень быстро финские войска вновь оказались в 30 км от Ленинграда. Уже 31 августа 1941 года под их контроль перешел и злополучный поселок Майнила, а 2 декабря финский флаг взвился над полуостровом Ханко. Но, как признает адмирал Н. Г. Кузнецов, «гарнизон Ханко не мог влиять на ход боевых действий на северо — западном участке советско — германского фронта». Выходит, что не так важны оказались те «стратегические» пункты, якобы из-за которых Советский Союз пошел на войну с Финляндией в ноябре 1939-го.

Если бы не «зимняя война», Финляндия наверняка сохранила бы нейтралитет в советско — германском конфликте. Что это было бы именно так — убеждает тактика финнов в 1941–1944 годах. Отвоевав земли, потерянные после Московского мира, и захватив большую часть Карелии, финская армия с конца 1941-го года прекратила активные боевые действия. Финны, в частности, не стали атаковать Ленинград с Карельского перешейка, хотя именно это, в условиях блокады со стороны германской

группы армий «Север», могло привести к падению города. В Хельсинки слишком хорошо понимали, что исход войны между Германией и СССР решается отнюдь не на финском фронте. Раз германский блицкриг в 1941–м не удался, то определяющими факторами исхода войны стали неисчерпаемость людских ресурсов Красной Армии, огромная протяженность советской территории и во-енно — экономическая мощь союзников Москвы, с которыми Финляндия воевать конечно же не собиралась. Более того, финнам и в 1941–1944 годах удалось сохранить дипломатические отношения с США. Западные союзники не хотели установления полного советского контроля над Финляндией. Поэтому, даже после того как летом 1944–го Красная Армия вторично прорвала линию Маннергейма и взяла Выборг, Финляндии удалось заключить мир на сравнительно умеренных условиях (к СССР отошел район Петсамо) и избежать оккупации своей территории советскими войсками.

А вот если бы Финляндия осталась нейтральной в 1941–м, то это сохранило бы жизнь сотням тысячам ленинградцев, умершим в блокаду: от финнов Ленинград получал бы продовольствие — и не было бы 900 страшных блокадных дней.

Интересно, а как вообще развивались бы советско-финские отношения, не будь «зимней войны» и осталась бы Финляндия нейтральной в 1941–м? Уверен, что после победы над Германией Советский Союз все равно получил бы экономическое и политическое доми — нирование в этой стране, но вынужден был бы под нажимом западных союзников сохранить ее независимость. А вот своим нападением на СССР в союзе с Германией летом 1941–го Финляндия фактически перечеркнула то сочувствие, которое испытывало к ней, как к жертве советской агрессии, мировое общественное мнение. Не исключено, что, не будь реваншистской «войны — продолжения» 1941–1944 годов, финны бы в конце концов получили назад если не Карельский перешеек, то хотя бы первоначально обещанную компенсацию в Советской Карелии. В период после- сталинской оттепели Хрущев мог бы агрессию против Финляндии отнести на счет преступлений «кремлевского горца» и вознаградить Хельсинки за «примерное поведение» в период Великой Отечественной войны. Ведь предлагал же Никита Сергеевич вернуть часть Южных Курил японцам. Однако соучастие Финляндии в германской агрессии против СССР перечеркнуло всякие надежды на пересмотр итогов «зимней войны». У финской стороны исчезли как юридические, так и моральные основания ставить вопрос о возвращении утерянных территорий. И ныне власти Финляндии не выдвигают никаких территориальных претензий к России, как не

выдвигали их после 1944 года и к СССР, и вряд ли рискнут сделать это в будущем. Это сегодня столь же фантастично, как отделение от России Карелии или Ленинградской области.

Многие подробности о состоянии Красной Армии во время «зимней войны», сообщавшиеся финскими источниками, позднее были подтверждены советскими архивными документами. Так, Салонэн еще в январе 1940 года писал:

«Советская армия обладает огромным запасом вооружений. Но советский солдат сражается без всякого подъема, и он лишен мало — мальски умелого руководства. Советских солдат гонят, как стадо, в бой. Я видел русских, шедших на нас, как жертва, закрывая глаза руками. В большинстве полков люди плохо одеты. Только войска, сражающиеся на Крайнем Севере, одеты соответствующим образом. Большевики в начале финской кампании наивно возлагали все свои надежды на технику. Благодаря моторизации Красная Армия непобедима — так заявляли комиссары. Между тем, быть может, лошади да обыкновенные телеги оказали бы ей лучшую услугу, нежели танки всех типов, которыми она снабжена в столь огромном количестве. Большевики двинули против нас более 1000 танков. Примерно половина из них, в исправном или поврежденном состоянии, оказалась в наших руках. Наши специалисты заявляют, что все советские танки скверно построены, точнее, построены кое-как... Выясняется, что большевики испытали величайшие затруднения при наборе шоферов для моторизованных частей армии. Объясняется это тем, что автомобиль — нечто еще не вошедшее в советский быт. Большинство захваченных в плен шоферов — крестьяне, едва умеющие управлять машинами. Механики — водители совершенно не умеют даже смазать машину. Малейшая авария надолго делает автомобиль неподвижным».

Аналогичные наблюдения сделал и корреспондент журнала «Часовой» русский эмигрант А. Маевский, сам бывший офицер, с разрешения финнов работавший как пропагандист с советскими военнопленными:

«В подавляющем большинстве своем это тупые и забитые люди, совершенно не понимающие, зачем их пригнали воевать. К ним в полном смысле подходит слово: стадо. Поразительно много неграмотных. Одеты убийственно: белья почти ни у кого нет, грязные, оборванные, большинство с кожными, вследствие грязи, болезнями. Кишат вшами. Несмотря на обязательную с первого же дня плена баню и дезинфекцию, в бараках стоит жуткая вонь от больных, усталых и истощенных тел... При мне взяли в плен женщину — пи — лота (в офицерском ранге). Она не

имела никакого белья: на голое тело была одета гимнастерка и шаровары... В один голос все пленные говорят, что снабжение у них поставлено из рук вон плохо. По неделям они не видели горячей пищи».

О женщине — пилоте, не имевшей белья, — это, скорее всего, утка. Равно как и байки о советских пилотах, будто бы летавших в лаптях за неимением сапог. А вот насчет того, что среди пленных было много неграмотных, это не пропагандистская утка финнов, а печальная правда. Когда пленных вернули в СССР, администрация лагеря выявила всех неграмотных. Их оказалось 186 человек, в том числе трое комсомольцев. Неграмотных тотчас стали обучать грамоте, заказав для этого буквари. «Ликбез» был прерван, однако, отправкой несчастных в исправительно — трудовые лагеря по приговорам Особого совещания.

Финны не ошибались, говоря и о том, что главным пороком Красной Армии была слабость ее командования. Эта мысль, по сути антисоветская, стала почвой и общим местом на созванном ЦК ВКП(б) в апреле 1940 года совещании высшего начсостава РККА. Так, военком 50-го стрелкового корпуса бригадный комиссар Семенов признавал:

«...В состав армии в период войны влился новый командный состав, который окончил краткосрочные курсы. Нам надо много работать с этим командным составом, чтобы выработать из этого состава культурных командиров... Мы должны повысить авторитет командира. Это показал опыт боевых действий. Мы имели случаи внесения элементов демократизма, были факты, когда командиров «не замечали», когда не знали о том, что, видите ли, его приказание обязательно нужно выполнять... Иногда доверяли полки и дивизии людям, не имеющим опыта, слабо подготовленным, которые терялись при малейшем осложнении боя».

На том же совещании военком Автобронетанкового управления Северо — Западного фронта полковой комиссар Синицын говорил, что и в танковых войсках у нас не было порядка: «Известно, какую роль играют танки в любом бою, а с подбором кадров этих войск у нас явно неблагополучно... Надо перестать зря болтать, а работать и готовить войска по — настоящему».

А Мерецков в апреле 1940 года подтвердил, что главная вина в неудачах в финской войне лежит на командном составе:

«...Товарищи неправы, когда говорят, что пехота у нас плохая... Пехота — это значит бойцы, а разве у нас плохие бойцы?.. Бойцы у нас прекрасные, но обучены они недостаточно хорошо... О пехоте я делаю вывод\ что вообще мы имеем материал превосходный. Но он был у нас

недоучен и вооружен не по — современному... Дисциплина у нас была очень слабая, и я думаю, что здесь виноваты командиры. Я считаю, что командующие могут многое сделать в наведении порядка и дисциплины. Бойцы правильно говорят о себе: «Что вы на пехоту говорите, что плохая дисциплина, а посмотрите — кто умирает на доте — пехота, кто лежит у дота — пехота, кого больше бьют в ближнем бою — пехоту, чего же вы насчет дисциплины толкуете?» Человек обиделся. Он дерется, а им не довольны. Но вот что сказал тот же пехотинец: «У нас нет младших командиров!»... Командир есть старший начальник и должен отвечать за своего подчиненного, но ему нужно дать такую власть, чтобы он, когда пойдет на войну, мог заставить своих подчиненных выполнять приказы. Все должны быть пронизаны одной мыслью — выполнить приказание командования, потому что приказ командования есть приказ правительства, есть приказ нашей партии. Необходимо потребовать большей ответственности от всех командиров за воспитание своих подчиненных, обеспечив их от излишней опеки... У нас многие не хотели драться за дисциплину — лину, не хотели ссориться, но, видно, без ссоры нам не обойтись. Некоторые в своих выступлениях увлекались старой фельдфебелычиной. Я откровенно скажу — не был «унтером» и фельдфебеля не любил. Увлекаться муштрой нам не следует, у нас сознательные бойцы, они без нас в бою выставляют лозунги «За Родину», «За Сталина» (будто не знал Кирилл Афанасьевич, что эти лозунги спущены в войска ГлавПУРОм! — Б. С.). Мы это видели на поле боя, причем это относится ко всем национальностям нашей великой страны».

— Но мастерами они должны быть, — резонно заметил Кулик, в царской армии служивший артиллерийским унтер — офицером — фейерверкером.

Мерецков не смутился:

— Поэтому-то и нужно правильно политически воспитывать и хорошо обучать. Муштрой не следует увлекаться, это будет вредно. Нам нужно иметь хорошего командира — преданного, грамотного, культурного, и тогда дисциплина быстро будет налажена.

Выводы, которые делали участники совещания, поразительно совпали с теми, к которым пришла редакция антисоветского эмигрантского журнала «Часовой», ориентированная на данные, полученные от финнов:

«Части Красной Армии... не разбавленные запасными старших возрастов... безусловно, оказались послушными в руках командования, дрались в самой тяжелой обстановке, неся серьезные потери и нередко, особенно в специальных частях, проявляя героизм, как отдельных бойцов,

так и целых частей... Несомненно, это упорство в бою и сравнительно малый процент пленных, взятых финнами, отчасти объясняется внушенной им (красноармейцам. — Б. С.) уверенностью в зверском обращении финнов с пленными (расстрел, пытки) и боязнью пули от политсостава и командиров. Были показания и о пулеметах, расположенных сзади своих частей на случай стрельбы по своим. Уверенность в зверском обращении с пленными была у всех и особенно у политического состава армии. Эта уверенность была поколеблена соответствующей агитацией со стороны финнов, и проведенный опыт с «русским народным отрядом» дает основание думать, что с нею можно легко бороться.

Однако указанными выше причинами объяснять упорство и стойкость в бою Красной Армии было бы неосторожно. Надо признать, что красноармеец остался тем же русским солдатом со всеми его отличительными свойствами. Но самое важное — это то, что части состояли из людей срочной службы, достаточно натасканных пропагандой большевиков без какого-либо противодействия... Однако и при кадровом составе, не разбавленном запасными, советское командование вынуждено было вести военные действия таким образом, чтобы иметь полное и неослабное наблюдение за бойцами. Командиры из пленных заявляли, что нельзя было, например, послать красноармейца одного без надзора проверить телефонный провод — он «исчезал». Нельзя было рассыпать цепь в лесу — она «таяла». Отсюда необходимость вождения войска массаами, сплошными линиями и... напрасные огромные потери.

Спайки между командным, а тем более политическим составом и рядовыми бойцами не только не существует, но имеется налицо определенная ненависть к комиссарам и, отчасти, к командному составу, а со стороны последних — недоверие к солдатской массе. Мало того, существует неприязнь комиссаров к командному составу... и со стороны последних к первым. Это одно из самых слабых мест Красной Армии, которое в свое время и должно быть нами особенно использовано».

Эти выводы во многом соответствовали действительности. Так, командир 142-й стрелковой дивизии комбриг П. С. Пшенников в апреле 1940-го с сожалением констатировал: «...У наших бойцов развито чувство локтя. Батальон, начав наступление в правильных боевых порядках, в процессе наступления свертывался в кулак, который противнику легко расстреливать. Действия же противника требовали применения разреженных боевых порядков и смелых, решительных действий мелких

подразделений». Отметил, что «у красноармейцев слабая дисциплина на поле боя. Чтобы поднять залегших бойцов... командному составу приходилось применять массу труда и энергии. Они залегли, зарылись с головой и лежат. Вследствие этого мы имели большие потери командного состава, младшего и среднего звена».

Но в Красной Армии было немало настоящих героев, чаще в специальных частях, среди летчиков и танкистов. Может быть, тут влиял более высокий образовательный уровень тех, кто служил в авиации и технических родах войск. Вот, например, наградной лист на командира танка 76-го отдельного танкового батальона 34-й легкотанковой бригады старшину Владимира Алексеевича Грязнова, 1915 года рождения, русского, из рабочих, представленного к званию Героя Советского Союза:

«Все время борьбы с белофиннами сражался храбро и мужественно. Когда нужно было провозжать колонны через обстреливаемый белофиннами участок дороги, Владимир брал в руки винтовку и ехал с колонной. Когда в северном Леметти батальон попал в окружение, Владимир Грязное в течение 10 суток огнем пушки и пулемета героически отражал атаки обнаглевшего врага, нанося ему огромные потери. В последние дни танк Грязнова являлся единственным танком, из которого еще можно было вести огонь. И Грязное мужественно и бесстрашно один держал оборону участка, занимаемого батальоном, своим огнем не давая возможности врагу ворваться на территорию, на которой держалась горсточка храбрецов. Когда был получен приказ отойти в южное Леметти, Владимир Грязное прикрывал огнем танка отход товарищей. Когда ему предложили покинуть танк и пойти вместе со всеми, он ответил: «Если сейчас танк прекратит огонь, белофинны ворвутся к нам с тыла, и мы все погибнем. Идите, товарищи, а я останусь. Лучше погибнуть одному, чем всем». Группа ушла. До последнего снаряда, до последнего патрона дрался герой с крупными силами белофиннов. Вся поляна перед лесом была усеяна их трупами. А последний патрон пламенный патриот, верный сын Родины пустил себе в лоб. А группа, отход которой остался прикрывать Владимир Грязное, пробилась в южное Леметти».

Конечно, в такого рода документах неизбежны преувеличения. Кто, в конце концов, мог видеть ту поляну, усеянную трупами финнов, если уцелевшие красноармейцы ушли в южное Леметти еще до конца боя отважного танкиста с превосходящими силами противника? Но не вызывает сомнения, что Грязнов совершил подвиг: жизнь положил «за други своя». Владимиру Алексеевичу, однако, не повезло: Военный совет

ЛВО счел, что он достоин не звания Героя, а ордена Красного Знамени. Зато Грязнову повезло несравненно больше: в том бою он чудом остался жив...

Именно героизм рядовых красноармейцев и младших командиров дал возможность в конце концов взять линию Маннергейма, прорваться к Выборгу, вынудил финнов пойти на тяжелый для себя мир. Красноармейцы проявляли неприхотливость и мужество, традиционные для русских солдат, готовность по приказу идти на смерть. Они, утопая в глубоком снегу, устилая своими мертвыми телами карельскую землю, шли на штурм финских дотов и дзотов, в буквальном смысле кровью исправляя ошибки командования, его неумение воевать и научить как следует сражаться своих подчиненных.

Насчет сравнительно небольшого числа советских пленных следует помнить, что тут дело не в какой-то особой доблести или сознательности красноармейцев, а в характере боевых действий, обусловленном во многом местностью и временем года. На основном фронте, на Карельском перешейке, у бойцов попросту не было возможности сдаться в плен. Борис Бажанов совершенно справедливо написал по этому поводу в своих мемуарах: «Дело в том, что было два фронта: главный, узенький Карельский, в сорок километров шириной, на котором коммунисты гнали одну дивизию за другой; дивизии шли по горам трупов и уничтожались до конца — здесь пленных не было. И другой фронт, от Ладожского озера до Белого моря, где все было занесено снегом в метр — полтора глубины. Здесь красные наступали по дорогам, и всегда происходило одно и то же: советская дивизия прорывалась вглубь, финны отрезали ее и уничтожали в жестоких боях; пленных оставалось очень мало, и это они были в лагерях для пленных. Действительно, это были спасшиеся, почти чудом».

От себя добавлю: на Карельском перешейке, если верить Кирпоносу, снег был не менее глубокий. И бойцы здесь не имели никакой практической возможности сдаться в плен. Пока добежишь до финских позиций, или свои успеют выстрелить в спину, или сметет плотный неприятельский огонь. Севернее же Ладоги финны, окружавшие советские дивизии, не только значительно уступали им в численности, но и по большей части держались от окруженных на изрядном расстоянии. В условиях, когда не было сплошного фронта, финские отряды не оставались на месте. Они быстро перемещались, наносили неожиданные удары и столь же стремительно уходили в леса. Красноармейцам, если бы они захотели сдаться в плен, очень непросто было найти противника и уж тем более добраться до его позиций. Тем более что малая численность неприятеля

порождала у бойцов и командиров надежду, что их смогут выручить свои.

Дезертирство и самострелы были бичом Красной Армии. Пришлось создавать заградительные отряды НКВД, но и они не смогли покончить с этим позорным для армии явлением. Член Военного совета 13-й армии армейский комиссар 2-го ранга А. И. Запорожец на совещании в апреле 1940 года свидетельствовал:

«Было две категории дезертиров. Одна — бежала в деревню, потом оттуда письма писала. Я считаю, что здесь местные органы плохо боролась. Вторая — бежали не дальше обоза, землянок, до кухни. Таких несколько человек расстреляли. Сидят в землянке 3–5 человек, к обеду выходят на дорогу, видят идет кухня, возьмут обед и опять в землянку. Когда появился заградительный отряд НКВД, он нам очень помог навести порядок в тылу, до этого с тылом было тяжелое положение. Вот был такой случай в 143-м полку. В течение дня полк вел бой, а к вечеру в этом Полку оказалось 105 самострелов... Стреляют или в левую руку, или в палец, или в мякоть ноги, и ни один себя не изувечит». «Дураков нет», — отозвался Сталин, вызвав смех зала».

А. Маевский, после бесед с советскими пленными, дал такую картину психологического состояния Красной Армии в период финской войны:

«Трудно объяснить всю трагедию русского солдата. С одной стороны, он — военный, он должен драться и иногда дерется очень хорошо. Нужно побыть на фронте и впитать в себя это опьянение боем. За что он дерется, солдат в этот момент не рассуждает. Так же, вероятно, не рассуждали сенегальские стрелки или индусы какого-нибудь пенджабского раджи, которые шли в атаку на немцев. Вряд ли эти черные или желтые люди шли в бой сознательно, во имя освобождения Эльзаса, но они шли... Примерно так рассуждают или, вернее, не рассуждают хохлы из-под Конотопа, соеди — ненные в жестоко дисциплинированные части и стреляющие против неизвестных им финнов. Конечно, огромную роль играет советская пропаганда. Это страшный яд, который пропитывает человеческие мозги. В СССР нет места критике даже шепотом. Имеются проработанные лозунги, все преподносится готовое, и в конце концов таким долблением внушают парню из-под Конотопа, что какие-то финские социал — предатели угрожают обратить Россию в пепелище и сделать русский народ рабами иностранного капитала. Хотя этот народ уже раб советской власти, он идет в штыки, потому что иначе поступить не может. Нет никакой другой организованной силы, не за кем пойти против ненавистного Сталина. Но если бы было!..

Большинство краскомов — на один шаблон. Возьмите вы нашего

сверхсрочного унтер — офицера и вы получите военное и политическое развитие теперешнего советского комбата, комполка и даже комбрига, но разница между ними и нашими подпрапорщиками огромная. У тех была сознательная любовь к царю, России, армии, своему полку, такая же сознательная забота о своей роте, людях своего взвода, была смелость, желание проявить инициативу, «не сплеховать бы!». Здесь ничего этого нет. Какие-то автоматы, а не люди, с вечной боязнью всякой ответственности, с ограниченным казенным мышлением, с каким-то дико-схоластическим пониманием своей службы... Красные командиры боятся друг друга, вместо товарищества в прежней офицерской среде появились соревнования во всем, «выдвиженчество», доносы, политруки, комячейки, комсомолячейки...»

После кровавой чистки 1937–1938 годов общий уровень командного состава значительно понизился. Недавние командиры рот становились комполками, Недавние командиры батальонов возглавляли дивизий, как злосчастный комбриг Виноградов. И как было ко — мандирам не бояться доноса сослуживцев или, по сути, надзиравших за ними комиссаров, если в одночасье можно было отправиться «в штаб Тухачевского». Вот и опасались проявлять инициативу, действовали по шаблону, старались не отступать от приказов вышестоящих начальников, не задумываясь об их соответствии реальной обстановке.

Нарком обороны Ворошилов в итоговом докладе о финской войне признавал:

«Должен сказать, что ни я, ни Генштаб, ни командование Ленинградского военного округа вначале совершенно не представляли себе всех особенностей и трудностей, связанных с этой войной. Объясняется это прежде всего тем, что Военвед не имел хорошо организованной разведки, а следовательно, и необходимых данных о противнике; те скудные сведения, которыми мы располагали о Финляндии, ее вооруженных и укрепленных районах, не были достаточно изучены и обработаны и не могли быть использованы для дела».

На совещании в ЦК в апреле 1940 года тогдашний начальник Главного разведывательного управления Генштаба И. И. Проскуров опроверг, однако, мнение, будто о финской армии накануне войны ничего достоверно не было известно. Он доложил: «Мы знали к 1 октября 1939 года, что Финляндия создала на Карельском перешейке три оборонительных рубежа и две отсечные позиции... Было установлено наличие в укрепленных районах до 210 железобетонных и артиллерийских точек... Эти точки нанесены на схемы, был альбом, который, как говорил сам товарищ

Мерецков, все время лежал у него на столе».

Тут надо сделать небольшое отступление. Когда ранее на совещании выступил Мерецков, он упомянул, что он и его подчиненные ориентировались по альбому укрепленных районов противника. На ехидный вопрос из зала, где же лежал тот альбом, Кирилл Афона — съевич ответил: «У меня на рабочем столе, с левой стороны». Тут Сталин и заметил с издевкой: «В архиве». Мерецков знал, что Сталин слов на ветер не бросает, и во время выступления Проскурова попытался себя реабилитировать. Он заявил: «Но ни одна схема не соответствовала». «Ничего подобного, — решительно возразил Проскуров. — Донесения командиров частей и разведки показывали, что большинство этих точек находится там, где указаны на схеме».

— Это ложь, — горячился Мерецков. — В районе Суммы 12 точек, Корна — 12.

— Ничего подобного, — повторил Иван Иосифович.

— Когда этот материал был передан Генштабу? — вкрадчиво осведомился Мехлис.

— До 1 октября 1939 года, — стоял на своем Проскуров. — К этому же времени было известно, что финны развертывают большие строительные работы... именно летом 1939 года. Агентура доносила, что идет интенсивное строительство... Точных данных во вторую половину 1939 года мы не имели. Все имеющиеся сведения об укреплениях и заграждениях были разработаны, нанесены на карту в Ленинграде и разосланы в войсковые соединения.

Начальник военной разведки отверг и обвинения в том, что недооценивал численность и возможности финской армии:

«По различным справочникам, которые были изданы, нам было известно, что Финляндия располагает 600 тысячами человек военнообязанных. Военнообученных насчитывалось до 400 тысяч человек (цифра абсолютно верная: к концу войны в финских вооруженных силах было 340 тысяч человек, а потери составили около 70 тысяч, следовательно, всего в войсках служило около 410 тысяч человек. — Ъ. С.). Кроме того, имелась так называемая шюцкоровская организация женщин и мужчин, которая в своих рядах насчитывала до 200 тысяч человек. Итого, по данным разведки видно было, что Финляндия может выставить до 0,5 миллиона человек... Товарищ Шапошников докладывал, что было 16 дивизий, у нас нет таких данных. Было 12 пехотных дивизий, 6 отдельных пехотных полков, до 30 батальонов, около 5 пехотных бригад».

— В общем 18 дивизий, — подытожил Сталин. Проскуров согласился:

— Если свести в дивизии — до 18 дивизий.

— Сколько давала разведка отдельных дивизий? — настаивал Сталин.

Проскуров доложил:

— До 10 дивизий и до 30 отдельных батальонов. Что на самом деле и получилось. Но общий контингент военнообученных, товарищ Шапошников, должен кое- что показывать, это нельзя отбрасывать.

Рассказал Иван Иосифович и об автомате «Суоми», доставившем Красной Армии столько хлопот: «Данные о пистолете Суоми были впервые в сборнике Разведупра, изданном в 1936 году. Подробные данные были даны в справочниках 1939 года, с фотографиями... А у нас, это не в качестве оправдания, автоматическое оружие игнорировали».

Тут же выяснилось, что в СССР автомат «Суоми» испытывали еще в 36-м. Сталин вскипел:

— Это ничего не значит. Он может быть известен. 100-зарядный американский пулемет был известен, у чекистов был, но считали, что это полицейское оружие, что в армии это оружие никакого значения не имеет. Оказалось наоборот, что для армии пулемет — в высшей степени необходимое явление, а разведка представляла его исключительно с политической стороны, что для войны он не годится. Так было дело?

— О тактике противника были некоторые материалы, — робко возразил Проскуров.

Далее речь зашла о брошюре, посвященной тактике финской армии и вышедшей через 2 недели после вой — ны, а до этого несколько лет пролежавшей в архиве. Дело в том, что Проскуров и большинство его подчиненных пришли в Разведупр только в 1937 году на смену репрессированным кадрам и к осени 1939-го не успели еще даже толком разобрать обширный архив разведки. Иван Иосифович сетовал: «В архиве есть много неразработанных ценных материалов. Сейчас разрабатываем, но там целый подвал, колоссальное количество литературы, над которой должна работать целая бригада в количестве 15 человек в течение пары лет».

Сталин эти аргументы не принял:

— Не насмешка ли это над всеми и над Красной Армией, что брошюра о том, как будут воевать финны, лежит год с лишним, 5 лет... и ее печатает только спустя две недели после войны, чтобы ею могли пользоваться в Красной Армии с запозданием?

— Здесь умысла нет, — как можно убедительнее заявил Проскуров, почувствовав намек на вредительство.

— Мы не разведка, — равнодушно обронил Сталин.

Выяснилось, что материалы разведки, в том числе и взятые из открытых иностранных справочников, не доходили до командиров и штабов потому, что были... засекречены. Проскуров объяснял, почему секретными считаются иностранные военные журналы:

— Потому что в этих журналах есть всякая клевета о Красной Армии.

— У вас душа не разведчика, а душа очень наивного человека в хорошем смысле слова, — заметил Сталин. — Разведчик должен быть весь пропитан ядом, желчью, никому не должен верить. Если бы вы были разведчиком, вы бы увидели, что эти господа на Западе друг друга критикуют: у тебя тут плохо с оружием, у тебя тут плохо, вы бы видели, как они друг друга разоблачают, тайны друг у друга раскрывают, — вам бы схватиться за эту сторону, выборки сделать и довести до сведения командования, но душа у вас слишком честная.

Сам Иосиф Виссарионович вот уж действительно никогда никому не верил и для душевного покоя расстрелял начальника разведки со «слишком честной душой» в октябре 1941-го, уже после начала Великой Отечественной войны, по «делу о заговоре авиаторов», по которому безвинно пострадали также Штерн, Рычагов и другие генералы.

Пока же Проскуров сетовал, что в войсках «не читают разведывательных материалов». Когда же Сталин предложил делать секретные сводки несекретными, вводя ссылки на несуществующие иностранные газеты, Иван Иосифович заявил: «Всем Не секрет, что если на бумаге написано «секретно», то прочитают, а если простое издание, то говорят, это чепуха. *(Смех в зале.)* Я убежден, что большие начальники так относятся к этому». Но до этого признавал, что и секретную литературу толком не читают: «...Если бы здесь сидящие товарищи прочли хотя бы 20 % той литературы, которую рассылает Разведывательное управление, то ни у кого не было бы смелости сказать о том, что у нас в этом отношении ничего нет... Кто запрещает читать секретную литературу?»

Беда Красной Армии, как оказалось, была не в недостатке разведанных, а в неумении их правильно анализировать и использовать. В конце концов, силы финнов Разведывательное управление накануне войны даже преувеличивало (тогда, напомним, армия Финляндии состояла не из 10, а из 9 дивизий), а расположение трех полос линии Маннергейма и примерное количество дотов на ней определило в целом правильно. А насчет тактики: ведь не финны же мины изобрели, да и про леса в Карелии все знали и без иностранных справочников — можно было сообразить, что финская армия будет обороняться, а не наступать, устраивать завалы,

минировать дороги и цепко держаться за свои укрепления. Какая же здесь тайна? Это слишком очевидно. Но и Ворошилов в докладе об итогах финской войны утверждал: «Разведки как органа, обслуживающего и снабжающего Генеральный штаб всеми нужными данными о наших соседях и вероятных противниках, их армиях, вооружениях, планах, а во время войны исполняющего роль глаз и ушей нашей армии, у нас нет или почти нет». И тут же нарком обороны неожиданно оптимистически заявлял: «...Стрелковые войска Карельского перешейка, невзирая на все... огромные недочеты, в общем, на протяжении всего времени войны действовали вполне удовлетворительно...»

Сталину и его полководцам выгоднее было свалить все на просчеты разведки. Иначе пришлось хотя бы самим себе признаться, что есть некие органические пороки строя, мешающие Красной Армии успешно воевать.

Первый из них — низкий уровень подготовки командного состава, как в армии, так и на флоте. В частности, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов на сборах командиров флотов и флотилий 2 декабря особо отметил: «Война с белофиннами... показала, что... самым слабым звеном мы считаем сейчас подготовку начальствующего состава, который не может еще в полной мере использовать... личный состав, подчиненный ему».

Не лучше обстояло дело и в сухопутных войсках. Так, командиры 32 из 52 участвовавших в войне дивизий, по которым есть соответствующие сведения, за два года до советско — финляндского военного столкновения командовали батальонами, и лишь пятеро из них командовали соединениями более года. Причиной тому были как репрессии, так и значительный рост численности Красной Армии во второй половине 1930-х годов. И в заключительном выступлении на апрельском совещании Сталин вынужден был признать, что одной из главных задач является «создание культурного, квалифицированного и образованного командного состава. Такого командного состава нет у нас или есть единицы... Сейчас командир, если он хочет быть авторитетным для всех родов войск, он должен знать авиацию, танки, артиллерию с разными калибрами, минометы, тогда он может давать задания». И тут вождь подчеркнул: «Требуются хорошо сколоченные и искусно работающие штабы. До последнего времени говорили, что такой-то командир провалился, шляпа, надо в штаб его. Или, например, случайно попался в штаб человек с «жилкой», может командовать, говорят, ему не место в штабе, его на командный пост надо. Если таким путем будете смотреть на штабы, тогда у нас штаба не будет... Мы должны наладить культурные, искусно действующие штабы».

Однако Иосиф Виссарионович, заблуждаясь, считал, что в конце войны Красная Армия уже научилась воевать:

«...Наша армия, как бы вы ее ни хвалили, и я люблю ее не меньше, чем вы, но все-таки она — молодая армия, необстрелянная. У нее техники много, у нее веры в свои силы много, даже больше, чем нужно. Она пытается хвастаться, считая себя непобедимой, но она все-таки молодая армия...

Наша современная Красная Армия обстреливалась на полях Финляндии — вот первое ее крещение. Что тут выявилось? То, что наши люди — это новые люди. Несмотря на все их недостатки, очень быстро, в течение каких-либо полутора месяцев, преобразовались, стали другими, и наша армия вышла из этой войны почти вполне современной армией, но кое — чего еще не хватает. «Хвосты» остались от старого. Наша армия стала крепко обеими ногами на рельсы новой, настоящей советской современной армии. В этом главный плюс того опыта, который мы усвоили на полях Финляндии... Хорошо, что наша армия имела возможность получить этот опыт не у германской авиации, а в Финляндии с божьей помощью. Но что наша армия уже не та, которая была в ноябре прошлого года, и командный состав другой, и бойцы другие — в этом не может быть никакого сомнения. Уже одно появление ваших блокировочных групп (групп, созданных уже в ходе войны для блокирования дотов. — Б. С. — это верный признак того, что наша армия становится вполне современной армией...

*К чему свелась наша победа, кого мы победит, собственно говоря? Вот мы 3 месяца и 12 дней воевали, потом финны встали на колени, мы уступили, война кончилась. Спрашивается, кого л*ь/ победили? Говорят\ финнов. Ну конечно, финнов победили. Но не это самое главное в этой войне. Финнов победить — ни бог ведь какая задача. Конечно, мы должны были финнов победить. Мы победили не только финнов, мы победили еще их европейских учителей — немецкую технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили. Не только финнов победили, но и технику передовых государств Европы победили. Не только технику передовых государств Европы — мы победили их тактику, их стратегию... Мы разбили не только финнов — это задача не такая большая. Главное в нашей победе состоит в том, что мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых являлись учителями финнов».*

Сталинское мышление было сугубо большевистским. Советский вождь верил, что чуть ли не в одночасье армия, еще вчера беспомощно

утопавшая в финских снегах, сегодня уже будет способна противостоять армиям «передовых государств Европы». На самом деле таких чудес не бывает. Но Сталин и руководство Красной Армии горячо убеждали себя в том, что трудности более связаны с особенностями финского театра, чем с общей слабостью советской армии и беспомощностью взрастившего ее государственного строя.

Кажется невероятным, но одной из причин бессилия Красной Армии в ходе финской кампании оказалась очень большая для той войны насыщенность ее войск техникой. Выступавший на апрельском совещании начальник Автобронетанкового управления РККА Д. Г. Павлов вспоминал: «Здесь есть один храбрый командир 86-й дивизии... Он не плакал слезно, не нюни распустил, а заявил жалобу: дайте мне 20 лошадей на полк, ибо механизация вся и моторизация, пущенная без дороги по направлению, является обузой — и это верно. Чтобы поправить ошибки прошлого, я сел за изучение военно — географического описания южного театра, если мы пойдем, а может быть, и придется пойти в Румынию (как в воду глядел. — Б. С.), то там климатические и почвенные условия таковы, что в течение двух месяцев (апреля и мая. — Б. С.) на волах с трудом проедем. Это надо учесть».

Командование только к концу войны поняло, что лошадь и сани в условиях зимнего бездорожья куда надежнее автомобиля. Ну а что дорог к северу от Ладоги мало — всем всегда было хорошо известно еще до вторжения в Финляндию. Непонятно, что мешало Дмитрию Григорьевичу еще до 30 ноября 1939 года засесть за географическое описание будущего финского театра военных действий и выяснить, что на машины там зимой не стоит особо полагаться?

Беда в том, что даже жестокий урок войны с Финляндией не пошел советскому строю впрок. В годы Великой Отечественной войны Красная Армия очень часто базировала большое количество войск, автотранспорта и боевой техники в прифронтовой полосе только на одну — две дороги, что создавало грандиозные пробки и делало колонны страшно уязвимыми для прицельного огня немецкой артиллерии и налетов авиации. Так произошло, в частности, во время загубленного наступления войск Западного и Калининского фронтов на ржевский плацдарм в ноябре — декабре 1942 года.

На совещании в апреле 1940-го много говорилось, что войска страдали не от недостатка техники, в том числе танков, а от их избытка. А еще оттого, что пехота и танкисты не умели взаимодействовать. Д. Г. Павлов возмущался: «Вы извините меня за резкость, но я должен прямо

сказать: все то, о чем заявляли, что танки надо для того, чтобы учить взаимодействию, сегодня это оказалось блефом, никакому взаимодействию не учили. Больше 7 тысяч разбросано танков по дивизиям, и никакой роли они не сыграли. Они были беспомощны. Батальоны стрелковой дивизии, спаренные танки Т-37 с Т-26 — организация куцая, маломощные танки Т-37 не способны ходить по мало — мальской грязи. Эти батальоны, входящие в стрелковые дивизии, никакого эффекта не дали. И пусть скажут, пусть меня поправят, если я неправильно скажу, что они чаще всего были обращены на охрану штабов полков и дивизий». Присутствующие охотно подтвердили, что так оно и было.

Однако вывод на практике был сделан удивительно бессмысленный. Вместо того чтобы наладить взаимодействие танков с пехотой и заставить командиров не отвлекать танковые батальоны на охрану штабов, решили сосредоточить все танки в крупных танковых соединениях. Вскоре, в июне, начали формировать сразу 9 механизированных корпусов, а в феврале 1941-го — еще 20. В каждом корпусе по штату должен был быть 1031 танк, вдвое больше, чем в прежнем танковом, а средств связи — меньше. Между тем еще во время похода в Польшу — был опыт — два существовавших в ту пору танковых корпуса из-за плохой дисциплины марша, многочисленных поломок и плохого управления их движением отстали от кавалерии, после чего и были расформированы. И еще: после «зимней войны» обострился дефицит бензина в СССР из-за американского эмбарго. Теперь на каждый танк приходилось меньше не только бензина, но и опытных танкистов, и возможность готовить новые кадры механиков — водители уменьшилась. В результате к 22 июня 1941 года Советский Союз располагал 23 100 танками, в том числе 1864 новейшими Т-34 и КВ. Танков у Красной Армии было больше, чем во всех остальных армиях мира, вместе взятых. И что же? В первые же недели Великой Отечественной войны эти раздутые механизированные корпуса из-за плохой подготовки экипажей и скверного руководства потеряли почти все танки, не нанеся большого ущерба врагу. К концу 1941-го было безвозвратно утрачено 20,5 тысячи единиц бронетехники!

После финской войны, в мае 1940 года, наркомом обороны вместо Ворошилова стал «герой штурма линии Маннергейма» Тимошенко. В приказе № 120 на летний период обучения 1940 года новый нарком возвал к военачальникам: «Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне». На практике это означало: на учениях применять боевые снаряды и патроны, а если кто-то, например, не успеет окопаться и погибнет, то сам виноват: плохо учился военному делу. О

необходимости использовать на маневрах настоящие, а не учебные боеприпасы, говорилось уже на апрельском 1940 года совещании высшего состава по итогам войны с Финляндией. Присутствующие возмущались: «Мы боялись, если чуть — чуть морозец, выпустить бойца (при 15-градусном морозе было запрещено проводить полевые учения. — Б. С.), также не стреляли через пехоту боевыми снарядами... Ведь по приказам в мирное время запрещено стрелять боевыми снарядами». В связи с этим бывший начальник Управления боевой подготовки В. Н. Курдюмов признал: «Но все же в Ленинградском военном округе мы в свое время обучали войска взаимодействию и стреляли на полигонах из артиллерии через голову своих войск. Сопровождали атаку пехоты огнем артиллерии».

— И я стрелял, но это запрещено, — возразил Владимиру Николаевичу кто-то из командиров.

— Что же вы хотите, чтобы в приказе было написано, что стреляйте, а если кого убьете, никто не будет отвечать?.. — разъяснил ему, что к чему, Курдюмов. — Мы обучаем пехоту взаимодействию с другими рода — ми войск на всех лагерных сборах. Но ведь нельзя же... сказать: практикуйтесь, и если у вас будут жертвы, то никто за это не будет отвечать. Нельзя об этом писать.

Приказ № 120 впервые разрешил то, что раньше делали полулегально. И инициатором его был даже не Тимошенко, а сам Сталин. По свидетельству маршала С. М. Буденного, вскоре после финской войны Сталин заявил: «Я не признаю таких маневров, где солдаты все делают условно — и стреляют, и наступают, и даже условно роют окопы. Люди должны учиться так, словно они ведут настоящий бой. И для этой цели не нужно жалеть боеприпасов. Только в сложной обстановке боец научится действовать уверенно».

— Так ведь ЧП могут быть, — заметил один из командиров.

— Да, могут, — согласился Сталин. — Но на войне мы понесем большие потери, если сейчас не научим бойцов владеть оружием, уметь наступать, уметь обороняться.

Применение боевых снарядов на учениях неизбежно приводило к гибели бойцов и командиров. Даже если артиллеристы стреляли поверх голов пехоты, атакующей условного противника, плохое взаимодействие и не слишком высокая точность стрельбы приводили к многочисленным недолетам. Толку от этого нововведения было мало. Гораздо важнее было научить артиллеристов метко стрелять, а командиров артиллерии, авиации и пехоты — тесно взаимодействовать друг с другом. Это требовало

большого числа полигонных стрельб и умения умело пользоваться средствами связи, а отнюдь не стрельбы на маневрах боевыми снарядами. Традиционное оправдание, что потери на учениях уменьшат потери на войне, которым пользовались Сталин и Тимошенко, оказалось несостоятельным, пустым. В Великой Отечественной войне уровень потерь Красной Армии был еще выше, чем в войне с Финляндией.

В декабре 1940-го, когда было собрано новое совещание высшего командного состава РККА, неудачи финской войны относили уже почти исключительно к ее первому периоду и превозносили заслуги нового наркома в прорыве линии Маннергейма. Считалось, что недостатки уже «в основном» устранены. В докладе занявшего пост начальника Генштаба и произведенного в генералы армии Мерецкова утверждалось: «Несмотря на исключительно тяжелые метеорологические условия, которые, по признанию самих финнов, являются естественной преградой более сильной, чем линия Мажино, Красная Армия успешно справилась с возложенной на нее правительством и партией задачей». Насчет же совершенствования боевой подготовки войск Кирилл Афанасьевич заявил: «Красная Армия в течение летнего периода 1940 года благодаря усилиям всего личного состава армии провела большую работу по перестройке быта, жизни, боевой подготовки и общей готовности войск к войне. Но эта перестройка только началась и требования, поставленные Народным комиссаром обороны Маршалом Советского Союза товарищем Тимошенко, еще не выполнены».

Также и генерал армии Г. К. Жуков, который вскоре сменил Мерецкова на посту начальника Генерального штаба, не забыл похвалить нового наркома за действия в Финляндии: «Чем знаменательна война в Финляндии? Она знаменательна тем, что командование фронта на Карельском перешейке впервые в современной военной истории показало искусство прорыва мощной укрепленной полосы, применив для прорыва такой первоклассной укрепленной полосы могущественную современную технику...»

Финскую армию уже перестали считать серьезным противником. Новый командующий ВВС генерал — лейтенант П. В. Рычагов посчитал уже бесценным опыт 9-й армии, где он командовал авиацией, а финских самолетов на фронте было совсем мало. Павел Васильевич горделиво говорил: «Настоящего воздушного противника — ника в Финляндии мы не видели...» — что, конечно, к счастью для него.

Опыт финской войны вообще вспоминали мало. Считалось, что большая война в Европе, в которую вот — вот должна была вступить

Красная Армия, будет проходить для СССР на чужой территории. Советские механизированные корпуса вырвутся на оперативный простор, и прогрызть вражескую оборону, как в Финляндии, а тем более самим обороняться больше не придется. «Какая бы сильная оборона ни была, она всегда будет проломлена, это показывает опыт... на Карельском фронте», — рассуждал командующий Сибирским военным округом генерал — лейтенант С. А. Калинин.

В большом своем заключительном выступлении Тимошенко широковещательно заявил, что «на Карельском перешейке Красная Армия, впервые в истории войн, успешно прорвала современную железобетонную полосу, сильно развитую в глубину, показав тем самым на сегодняшний день пример прорыва современной обороны, на котором нужно учиться сложному искусству прорыва укрепленных районов». Чувством скромности Семен Константинович явно не страдал, выставляя действия фронта, которым сам командовал, как образец не только для Красной Армии, но и для всего мира, для истории. «Прорыв линии Маннергейма, — говорил он с пафосом, — должен рассматриваться... как акт величайшего героизма и самоотверженности Красной Армии и как итог достижений военной техники и военного искусства в нашей стране. Здесь нашли свое применение и наиболее мощные системы артиллерийского вооружения, обладающие огромной ударной силой и способные разрушать бетонированные огневые точки, созданные из специального бетона, и бронированные купола из специальных сталей. Здесь же нашли применение и все наиболее современные типы танков с утолщенной броней, которые действовали в тесном взаимодействии с пехотой. В процессе прорыва линии Маннергейма все рода войск поддерживались мощной тяжелой артиллерией и бомбардировочной авиацией. Вся линия Маннергейма была с тыла изолирована действиями воздушных сил. Наступление велось методически, но непрерывно и с неослабевающей мощностью. В атаку были подготовлены специально подготовленные войска. Огнемётные танки атаковали прямо на казематы и направляли струю горячей жидкости в амбразуры. Саперы, включенные в состав штурмовых отрядов, следовали непосредственно за огнемётными танками и производили механические разрушения».

Кое с чем здесь нельзя не согласиться, особенно насчет героизма и самоотверженности бойцов и командиров, но вот в остальном Тимошенко выдавал желаемое за действительное. Мы уже убедились, что блокировать с воздуха финские войска не удалось, и те без больших потерь смогли отступить с линии Маннергейма к Выборгу. К тому же из-за отсутствия в

советских ВВС пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков авиации невозможно было не только осуществить такую блокаду, но и оказать серьезное воздействие на вражеские укрепления. Ну а взаимодействие артиллерии, авиации и пехоты вообще оставляло желать лучшего вплоть до последнего дня боев. Что же касается «специально подготовленных войск»... те дивизии, которые имели время на подготовку, как 70-я стрелковая М. П. Кирпоноса, во время февральского штурма действовали успешнее других. Однако многие дивизии, перебрасываемые из внутренних округов, шли в бой сразу по прибытии, не успев даже изучить обстановку на местности, и вот они и несли особенно большие потери.

Тимошенко признавал, что «война с белофиннами выявила всю пагубность нашей системы боевой подготовки — проводить занятия на условностях, кабинетным методом», что «боевая подготовка и сегодня хромает на обе ноги», что «работа по перестройке си — стемы учебы... требует длительного времени и упорного труда» и «сегодня оперативная подготовка высшего командного состава не достигает требуемой высоты». Но не все плохо, и нарком утверждал, будто «летний период этого (1940-го. — Б. С.) года явился переломным моментом в вопросах воспитания и обучения армии в условиях, приближенных к боевым», хотя «осенние смотровые учения выявили, что войска еще полностью не перестроились»...

А уже через три месяца, весной 1941-го, Тимошенко был настроен вполне оптимистично. В приказе по итогам весеннего инспектирования войск он отмечал, что в целом уровень боевой подготовки личного состава значительно возрос; пехота серьезно улучшила дисциплину марша, научилась лучше маневрировать на поле боя и взаимодействовать с другими родами войск; танкисты освоили движение по пересеченной местности, а артиллеристы — сопровождать наступление огнем валом...

Как раз тогда, в марте, как мы помним, был установлен срок нападения на Германию: 12 июня. То ли успехи в боевой учебе побудили Сталина перевести подготовку большого наступления на Запад в заключительную стадию, то ли, наоборот, зная о политическом решении вождя, Тимошенко хотел заверить, что Красная Армия уже преодолела вопиющие недостатки, выявленные финской войной, и готова к боям... Не исключено, впрочем, что Семен Константинович стал жертвой недобросовестных докладов своих подчиненных. Раз приказом № 30 от 21 января 1941 года о боевой подготовке на 1941 год он повторно потребовал устранить те же недостатки, что были перечислены в приказе № 120, а потом — на декабрьском совещании 1940 года. Тимошенко распекал подчиненных:

«Остатки старой расхлябанности не изгнаны и живут вблизи многих наших начальников и их штабов». Теперь виновникам грозило уже снятие с должности, если не что-нибудь похуже. Вот и отрапортовали они о значительном прогрессе в обучении войск. Не предполагали, что уже 22 июня придется держать страшный экзамен. Времени до новой войны оставалось не так уж мало: 1 год и 3 месяца. При горячем желании и, главное, при выработанном умении его бы хватило, чтобы обучить весь личный состав и взаимодействию, и маскировке, и стрельбе, и рукопашному бою. Но вышло так, что к войне с могущественным германским агрессором Красная Армия, по сути, оказалась подготовленной еще хуже, чем к своей нелепо — неудачной агрессии против крошечной Финляндии.

Тимошенко взялся за выполнение задачи, которая была заведомо невыполнима в тех условиях. Ведь Сталин настаивал на том, чтобы Красная Армия приготавливалась к войне, как армия с исключительно наступательной стратегией, и продолжала наращивать как численность личного состава, так и количество танков, самолетов и другой боевой техники. В итоге возможности освоить всю эту технику уменьшались, а дефицит опытных командиров и красноармейцев — сверхсрочников увеличивался. Да и сам Семен Константинович придерживался той же наступательной стратегии и отнюдь не считал, что Красной Армии придется обороняться в скорой войне с Германией. Если бы Сталин и руководство Красной Армии после финской войны поняли и честно признались, что Красная Армия годится лишь для преимущественно оборонительных действий, что шанс на победу она имеет отнюдь не в танковом блицкриге, а в длительной войне на истощение противника — тогда ужасная цена победы в Великой Отечественной войне была бы гораздо меньше, чем она оказалась в конце концов. Страшная ведь цена. В 1941–1945 годах Красная Армия потеряла людей раз в 150 больше, чем в финской кампании: более 26 миллионов убитыми и умершими в плену. Соотношение же с безвозвратными потерями вермахта на Восточном фронте еще трагичнее для советской стороны, чем в «зимней войне»: 10:1. Вот в таком именно соотношении находят останки советских и немецких солдат российские поисковики, занимающиеся поисками и погребением жертв 1941–1945 годов. А ведь в карельских лесах и болотах остались еще тысячи непогребенных красноармейцев, павших в «зимней войне». Да и финские захоронения и памятники и могилы в СССР давно уже сровняли с землей. И до сих пор в России нет ни одного памятника жертвам «той войны незначительной». Может быть, сейчас, в ее 50-ю годовщину, поставят

хотя бы один?

После финской войны в Советском Союзе наблюдалось резкое падение авторитета армии. И именно тогда родилась идея ввести новую форму одежды и знаки отличия. На апрельском 1940 года совещании по итогам войны командир 50-го корпуса комкор Ф. Д. Гореленко отмечал: «Когда, бывало, с белофинского фронта командир приезжает, ему говорят — всюду вам почет и уважение. А когда кончилась война, заходишь в трамвай, а тебе говорят: «А еще военный!» Для повышения престижа вооруженных сил предлагалось ввести новую форму и традиционные генеральские звания. На том же совещании Сталин спросил комбрига С. И. Оборина, командовавшего артиллерией одного из корпусов: «Надо ли восстановить звание генерала?» Степан Ильич ответил утвердительно: «Для поддержания авторитета нашей Красной Армии и великой страны считаю, что нужно ввести генеральское звание. Чем мы хуже других?» А командир 306-го стрелкового полка полковник В. В. Крюков предложил:

«Лучше гимнастерки для похода найти нельзя, но в мирное время боец должен быть одет в костюм, который стянул бы как следует его талию, мундир должен обтягивать бойца. Этим самым он будет чувствовать себя более благородно, относиться к себе по — иному, быть вежливым. Чем культурнее человек одет, тем культурнее он сам к себе относится. Когда у нас командиры ходили в полушубках ободранных и командир, выходя из машины, указывал бойцам на непорядки, то они ему заявляли, а ты кто такой? Стоит только в шинели выйти и сказать, что он командир, сейчас же услышите: «Виноват, все будет сделано».

Я предлагаю иметь не одну форму. Нам нужно иметь форму трех видов, товарищ народный комиссар. Мы говорим: пехота является царицей полей, но ведь у нее форма не царская. (Смех в зале.) Самая плохая форма имеется в пехотных частях. Лучшую форму имеет авиация, морские части, а все плохое — «на тебе, боже, что мне негоже» — идет в пехоту.

Мне казалось, что в пехоте легче всего служить. Но я сейчас должен сказать, что самое трудное — это служить в пехоте, а ведь мы в пехоту сейчас даем все что похуже. Давайте посмотрим на штаны кавалериста и пехотинца. У кого лучше? У кавалериста. У кого сапоги лучше сшиты? У кавалериста. Почему? Я сам отслужил 20 лет в коннице и теперь возмущаюсь, почему так обходят пехоту. Надо пехоте дать мундир, а в повседневной жизни — длинные брюки навывпуск. Пехотинец будет культурнее выглядеть. Во всяком случае, нужно иметь рабочую форму, повседневную и парадную».

Именно тогда, после финской войны, и был фактически предрешен

вопрос о введении в армии погон и новой формы одежды, в частности, мундиров вместо гимнастеров для офицеров. Однако нехватка средств и начавшаяся вскоре Великая Отечественная война отодвинули эту реформу до 1943 года. На апрельском совещании 1940 года начальник снабжения РККА А. В. Хрулев заявил:

«Я против мундира. Командарм Конев говорит, что самая лучшая агитация — это вывешенные в Доме Красной Армии 2-й Особой Дальневосточной Красно- знаменной армии японские мундиры и наше обмундирование. Наше обмундирование хорошее, а там негодное.

Если вы хотите переходить на мундир, то его надо делать из шерсти, а шерсти для армии не хватит, да и к тому же теперь, в разгар большой войны, все армии переходят на текстиль... Другое дело, пошито неважно. Пошить можно лучше... Мундир, о котором мечтают некоторые товарищи... это неплохо, но не годится для войны. Они кричат о раззолоченных воротниках и т. д. А на фронт придут — прячутся, одеваются под красноармейца, кричат, что надо маскироваться... Товарищ Крюков говорил, что надо менять обмундирование, то есть вместо гимнастерки сделать мундир. Для того, чтобы мундир хорошо выглядел, нужно сделать его из сукна. А мы делаем гимнастерку из хлопчатобумажной ткани. В мундире надо делать подкладку, но это... втрое дороже и нецелесообразно. Конечно, если бы армию имели поменьше, то можно было бы подумать и о мундире».

— Не выходит иметь армию поменьше, — подал реплику Сталин.

— Никак не выходит, — согласился Андрей Васильевич. — И это надо иметь в виду.

В итоге мундир ввели только тогда, когда одержали первые победы над немцами и захватили значительное количество трофейного обмундирования. Это обмундирование, перекрасив, использовали для снабжения Красной Армии. Таким образом, при введении новой формы совпало действие двух факторов: морального и материального. Погоны и мундиры Сталин мог дать не той армии, что оконфузилась в Финляндии и под натиском вермахта отступила до Волги и предгорий Кавказа, а той армии, что одержала победы под Москвой и Сталинградом и начала гнать врага с родной земли. И только с победой в Великой Отечественной войне был окончательно изжит тот комплекс неполноценности, который получила Красная Армия после «пирровой победы» в «зимней войне».

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Аптекарь П. А. Оправданны ли жертвы? (О потерях в советско — финляндской войне) // Военно — исторический журнал. 1992, № 3.

Аптекарь П. А. Советско — финская война 1939–1940 гг. (рукопись).

Аптон Э. «Зимняя война» // От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: Инфодизайн, 1990.

Буденный С. М. Пройденный путь. Главы из 4-й книги // Дон. Ростов — на — Дону, 1975, № 1, 2, 3, 12.

Василевский А. М. Дело всей жизни. 6-е изд. М.: Политиздат, 1988. Кн. 1.

Воронов Н. Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963.

Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М.: Грааль, 1997.

Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. М.: Воениздат, 1969.

Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под ред. Г. Ф. Кри- вошеева. М.: Воениздат, 1993.

Донагаров А. Г. Война, которой могло не быть // Вопросы истории, 1990, № 5.

Дудорова О. А. Неизвестные страницы «Зимней войны» // Военно — исторический журнал, 1991, № 9.

Жуматий В. И. Боевые действия Краснознаменного Балтийского флота в советско — финляндской войне (1939–1940 гг.). М.: Военный университет, 1995.

Зимняя война 1939–1940. Кн. 1: Политическая история / Под ред. О. А. Ржешевского, О. Вехвиляйнена; Кн. 2: И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)) / Под ред. Е. Н. Кулькова, О. А. Ржешевского. М.: Наука, 1998.

Котловский А. ВВС Финляндии в Зимней войне // Мир авиации, М., 1992, № 1.

Мерецков К. А. На службе народу. 2-е изд. М.: Политиздат, 1971.

Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). М.: Терра, 1993.

«Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной». Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова об итогах советско — финляндской войны 1939–1940 гг. Публикация Л. Г. Ивашова // Военно-

исторический журнал, 1993, № 4, 5, 7.

Невежин В. А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939–1941 гг. М.: АИРО — XX, 1997.

Нелипович С. Г. Наступление русского Юго — Западно- го фронта летом — осенью 1916 года: война на самоистощение? // Отечественная история, 1998, № 3.

Носков А. М. Северный узел // Военно — исторический журнал, 1990, № 3.

Оз А. По лесам и лагерям Суоми (в финском плену) // Новый журнал, Нью — Йорк, 1952, № 30.

«Зимняя война» 1939–1940 (неизвестные страницы) // Родина, 1995, № 12.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М.: Новости, 1989.

Сиполс В. Я. Тайные документы «странной войны» // Новая и новейшая история, 1993, № 2.

Смирнов Е. И. Война и военная медицина. 1939–1945 годы. 2–е изд. М.: Медицина, 1979.

Советские Вооруженные Силы: Вопросы и ответы. М.: Политиздат, 1987.

Соколов Б. В. Пиррова победа (Новое о войне с Финляндией) // Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне: Сборник статей. СПб.: Алетейя, 1998.

Соколов Б. В. Собирался ли Сталин напасть на Гит — лера? // Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне: Сборник статей. СПб.: Алетейя, 1998.

Стариков И. Г. Записки диверсанта. М.: Вымпел, 1997.

Трагедия окруженных // Военно — исторический архив. Вып. 2. М., 1998.

Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М.: Московский рабочий, 1991.

1941 год: Документы. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы // Русский архив. Т. 25 (14). М.: Терра, 1998.

Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М.: Соцэкгиз, 1960.

Фуллер Дж. Ф.С. Вторая мировая война 1939–1945 гг.: Стратегический и тактический обзор / Пер. с англ. под ред. А. Д. Багреева. М.: Издатинлит, 1956.

Часовой. Брюссель, 1939–1940.

Черчилль У Вторая мировая война. Т. 1: Надвигающаяся буря / Пер. с англ. под ред. А. Орлова. М.: Терра, 1997.

Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М.: Воениздат, 1981.

notes

1

ЭПРОН (Экспедиция подводных работ особого назначения) — организация для подъема затонувших судов и выполнения аварийно — спасательных работ. Основана в СССР в 1923 году.